



II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ
РУССКИЙ МИР И ДОНБАСС

ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ, ИННОВАЦИЙ И КУЛЬТУРЫ



ФОНД РУССКИЙ МИР

МАТЕРИАЛЫ

IV Международной научной конференции

**Донецкие чтения 2019: образование, наука,
инновации, культура
и вызовы современности**

Донецк
31 октября 2019 г.



Том 5

Философские и психологические науки



Дорогие коллеги!

Сборник материалов Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» является 9-томным изданием, включающим 13 книг. Труды конференции охватывают разнообразные направления фундаментальных и прикладных исследований в области естественных, технических и социально-гуманитарных наук. Они представляют широкий спектр новых научных результатов, полученных учеными Донецкого национального университета, многих других вузов и научных учреждений Донецкой и Луганской Народных Республик, а также специалистами целого ряда стран Европы и Азии – Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Сербия, Республики Узбекистан, Республики Южная Осетия, Туркменистана, Федеративной Республики Германия, Эстонской Республики. Значительная часть представляемых результатов получена в итоге совместных исследований ученых ДНР и других стран-участниц.

Девиз, под которым проходит конференция – «Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры». Он отражает новый уровень и перспективы расширения сотрудничества, обмена мнениями и творческого взаимодействия ученых, педагогов, деятелей культуры и искусства Донецкой Народной Республики в качестве полноправных представителей научно-образовательного пространства Русского мира с коллегами из многих уголков земного шара. Выражаю уверенность, что наша совместная работа во время конференции внесет свой вклад в сокровищницу научных знаний, будет способствовать дальнейшему укреплению и развитию творческих контактов и дружеских связей!

Ректор,
доктор физико-математических
наук, профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Фонд «Русский мир»

IV Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 5

**ФИЛОСОФСКИЕ И
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
31 октября 2019 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2019

ББК Ю.я431 + Ю9я431
УДК 1(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, Т.А. Андреева, А.В. Гордеева

Д672 Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Том 5: *Философские и психологические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – 403 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В пятый том материалов IV Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам философских и психологических наук. Рассматриваются вопросы философского осмысления социальной реальности, философии на линии фронта, психологической теории и практики.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим исследования в области философских и психологических наук.

ББК Ю.я431 + Ю9я431
УДК 1(043.2)

© Коллектив авторов, 2019

© Донецкий национальный университет, 2019

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В. д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н. д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю. д-р юрид. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог)

Беспалова Т.В. д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва)

Болнокин В.Е. д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва)

Воронова О.Е. д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань)

Илюхин А.А. д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры математики Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФБГОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Таганрог)

Качалов Р.Н. и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева» (г. Донецк)

Кшикань Р.В. председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк)

- Ковалев А.М.* д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)
- Кожухов И.Б.* д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва)
- Нечаев В.Д.* д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)
- Рябичев В.Д.* д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск)
- Приходько С.А.* канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк)
- Решидова И.Ю.* канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)
- Савоськин М.В.* канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)
- Скафа Е.И.* д-р пед. наук, профессор, проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Сорокина Г.А.* д-р пед. наук, профессор, первый проректор Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск)
- Сторожев В.И.* д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Тедеев В.Б.* канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова, (г. Цхинвал)
- Шемякина Н.В.* канд. экон. наук, доцент, и.о. директора ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

УДК 101

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Александровская В.Н., д-р филос. наук, д-р психол. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М.Горького»,
г. Донецк, ДНР
alexandrovskaya_prof@ukr.net, alexandrovskaya_prof@mail.ru

Актуальность идеального образа как общенаучной проблемы определяется и опосредуется системой человеческой эволюции – от новых моделей общественного развития до их индивидуального освоения и отражения. В современной науке образ – это результат неорганического (идеального) развития человека и человеческой цивилизации. Образ является стратегическим вектором междисциплинарного исследования.

В историко-цивилизационном смысле для идеального образа настал «час imago» – образ достиг своего исторического признания: он включился (вследствие социокультурной трансформации человечества) в новые условия своего существования – в «визуально ориентированную цивилизацию», он выступает не только как стереотип эволюционных процессов, но и как знак и общетеоретический закон культурно-исторического развития человечества. На уровне индивидуального отображения этих процессов идеальный образ предстает как модель поведения субъектов истории, их культурный навык, носитель их социокультурной гносеологии и онтологии.

Осознание сущности мировых культурно-исторических процессов актуализирует эту проблематику для оформления образа любого государства, а также для воспитания образов культурно-исторического прогресса человечества, их восприятия и адекватного психического отражения всеми субъектами истории – от индивидов до государств и их объединений.

В связи с этим мы можем говорить об образе (имидже) государства как своеобразном феномене. Тем более, что образ государства связан с его поведением на международной арене [2, с.14].

В своем имидже (идеальном образе) государство всему миру репрезентирует свой народ и свою страну: культуру, мораль, историю. Образ государства – это его культурно-историческая форма на основе

общечеловеческой культуры, формировавшейся до него. Образ государства формирует у субъектов мировой истории отношение к своему государству, его восприятие.

В истории философии есть многовековая традиция видеть связь между понятиями «образ» и «идея». Идея есть образ (мысль) в действии, продуктивное представление, формирующее свой объект.

Образ - это наиболее фундаментальное и массовидное проявление сущности государства. Можно сказать, что образ государства – это целая система образов – имагинальная система. Поэтому в своей деятельности государство обязано поддерживать свою имагинальную систему – свой образ.

Образ государства выполняет ряд функций. Среди них – сигнальная, защитная, мировоззренческая и др. [3,с.128].

В целом образ государства – это его идеальная сигнальная система. В нем – вся его сущность. У образа государства – защитная функция: как правило, он формируется с целью «знать себя», чтобы не выходить за «свои пределы», в «чужую сферу», где за это надо платить дорогую цену в международных отношениях и в культурно-исторической эволюции человечества. Образ государства формирует мировоззренческую систему – ценности, идеалы, возможности своего существования, отношение к себе и миру, к своему поведению в окружающем мире.

Образ государства – это «базовый критерий», «простейший ключ» к пониманию культурно-исторического прогресса человечества, это язык межгосударственных коммуникаций. Образ государства на глобальном уровне – это подтверждение точности его идеологического и социально-экономического поведения и намерений. Иными словами образ государства это язык его существования и поведения в мировом сообществе, это «бессознательная семантика» мирового масштаба. Кроме того, образ государства воспитывает сознание своих граждан, образ – это всегда «форма общественной деятельности» глобального масштаба.

Методологическая сложность исследования идеальных образов государства не столько в их многофакторности, сколько в их синтезе, то есть, в своеобразной «точке сборки», через которую он и проявляется» В «точке сборки» сфокусированы «культурно-исторические образы», «социально-экономические образы», «идеологические» и «политические образы», мировоззренческие» и «духовные образы» и др. Образ государства многократно детерминирован: политически и идеологически, социокультурно и социоэкономически. Топография образов государства весьма широкая [4, с.10].

Сила идеального образа в том и состоит, что он представляет собой механизм доминанты в общественном восприятии. Идеальный образ государства – это активный механизм, формирующий связи и внутри страны, и в международном сообществе.

История учит, что чем моральнее образ государства, тем сильнее в нем потребность способствовать культурно – историческому прогрессу человечества, иначе история сыграет с ним самую злую шутку.

Идеальный образ имеет свои внутренние законы – культуру, культурные правила, культурные идеалы, культурное поведение: «родовой образ государства» формирует целостность когнитивной, нравственной, эмоциональной и поведенческой культуры своих граждан, отрыв от которых является причиной их разрушения. Интуитивное схватывание образа государства предшествует действию по отношению к нему, «спускает курок» инстинктивного поведения.

К тому же материя познается через идеальное ее отражение в идеальных образах. Развитие культуры и культурно-исторического прогресса человечества – это формирование символов и их систем. Культура предстает как носитель бессмертия (в символах), а противодействие ей всегда заканчивается гибелью истории (цивилизации).

Образ государства имеет не только положительные, но и отрицательные социально-политические формы и культурно-исторические корни своей феноменологии.

Многие государства вынуждены строить свой экзистенциальный процесс в рамках неадекватного образа, исполнять «не свою культурно-историческую роль», проживать «не свою судьбу», занимать в мировом сообществе не характерное для своей имманентной культуры место. Например, образ государства может быть неадекватным и более того, патогенным: «образ – жертва», «образ – самоуничтожение», «образы закомплексованности», «образ злокачественного нарциссизма» и т.п.

Образ государства детерминирует когнитивно – поведенческий кризис как внутри, так и за пределами своего государства. Это означает результат неверно выбранного образа в формировании своего общества, его граждан и собственного поведения в окружающем мире.

Можно сказать, что если гражданин спокойно воспринимает образ своего государства, то это означает его адаптацию к той среде, которая его окружает.

Образ ведет по жизни, но он и ломает ее. Образ – носитель смысла государства, общества, страны.

Многим государствам история даровала «превосходство», высокие уровни среди остальных на мировой арене, однако их мощный потенциал при неумелом использовании превращается в чудовище, угрожая самой жизни на планете.

Список литературы

1. Александровская В.Н. Идеальный образ: концептуально-психологические векторы исследования: монография / В.Н.Александровская. – Сумы; Университетская книга, 2015. – 338 с.

2. Александровская В.Н. Идеальный образ: научно-психологические проблемы исследования: монография/В.Н.Александровская. – Сумы; Университетская книга, 2015. – 278 с.
3. Александровская В.Н. Идеальный образ: теоретико-практические аспекты исследования / монография. – Сумы: Университетская книга, 2016. – 424 с.
4. Александровская В.Н. Идеальный образ как довербальный способ кодирования информации // Вища освіта в Україні. – 2012. – №27 (Додаток I, том VI (39)). Вища освіта України у контексті до європейського освітнього простору). – С. 6-15.

УДК 130.2

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Андреева Т.А., д-р филос. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tanandr44@gmail.com

После распада Советского Союза на политической карте мира возникли новые государства. Это происходило в контексте децентрализации и дезинтеграции, характеризовалось установкой общественного сознания на определение не только географических границ, но и национальной идентичности.

Автором были [1] проанализированы два аспекта проблемы вербальных коммуникаций: а) мифологемы и реалии общечеловеческих вербальных коммуникаций; б) универсальный язык общения: миф или реальность?

Цель данных тезисов – проанализировать то, как изменились выделенные автором в конце XX в. детерминанты вербальных коммуникаций в контексте современного полиэтнического региона, каким выступает Донбасс.

Философская рефлексия взаимосвязи всеобщего языка общения и универсалий культуры предполагала и предполагает обращение к проблеме общечеловеческих ценностей, т.е. к тем нормам, которые способствуют формированию толерантного отношения к инаковости, которая не противоречит гуманизму. Общечеловеческий гуманизм – понятие, которое базируется не на абстракции “человечество”, а на конкретной личности, осознающей, что ее существование вне большой социальной общности сейчас становится невозможным и потому строящей свое поведение с учетом потребностей и желаний противостоящих ей других личностей. Решение коммуникативных проблем детерминировано официально принятыми политическими установками, совпадение которых с общемировыми цивилизационными векторами означает приверженность гуманистическим идеалам человечества. Разрыв в общественном сознании

между такими установками и ценностями означает не просто расхождение между сущим и должным, а свидетельствует о невозможности реального опредмечивания провозглашаемых инвариантных ценностей. Возникает миф о том, что национальные приоритеты, в том числе языковые, следует отстаивать и развивать вне контекста общечеловеческих ценностей и даже оппозиционно им. Однако, функционирование универсальных норм возможно при максимальном учете не выходящих за рамки гуманности индивидуальных особенностей личности.

Язык, с одной стороны, служит мощным средством культурно-национальной идентификации, выполняет объединительную функцию, что особенно важно в странах, которые отстаивают свою национальную независимость. Отстаивание же прерогатив национального языка – обязательная составляющая первого этапа дезинтеграционного политического процесса: культурно-исторические, в том числе языковые основы, безусловно, служат фундаментом государственного строительства. С другой стороны, что исследовали еще софисты, язык может стать фактором дезинтеграции людей (феномен “Вавилонской башни”) Проявляющиеся непосредственно языковые различия, служат доминантой дихотомичного противопоставления “мы – они”, которое на уровне обыденного сознания зачастую воспроизводится как архаичное “мы – свои, они – чужие”.

Смысловая вариабельность языковых выражений зависит от многих факторов. Часто один и тот же смысл передается различными вербальными средствами. В конечном счете имеется в виду не принадлежность говорящего к языковой среде своей Родины, среды обитания. Так, например, словесные формы приветствия зависят не только от наречий, видов языков, но и от того, к какой культурной среде принадлежит говорящий. Доминантное значение имеет содержание передаваемой информации. Совершенно очевидно, что общение на одном языке автоматически не приводит к пониманию между людьми. Дихотомия “Мы – они” фиксируется не только в разнообразии средств коммуникации, но и в смысловых значениях последней.

Объединительная и дезинтегративная функции языка рассматривались историками, лингвистами, политологами. Философское обращение к этому объекту предполагает выявление закономерностей развития вербального мирового пространства. При этом данные частных наук не должны выноситься “за скобку”. Их обобщение – необходимый элемент философского осмысления языка как универсального коммуникативного средства. В ситуациях обострения политической обстановки в условиях экономической дестабилизации различные вербальные средства коммуникации становятся поводом для этнических конфликтов, служат первым признаком распознавания инаковости и на уровне обыденного сознания, формируют аксиологическую установку на противопоставление людей, а и даже на военное противостояние.

Вербальный национальный ренессанс – фактор гуманизации современного социального пространства. Экономико-политические интересы не могут служить надежным фундаментом, так как кризисное состояние экономики стран бывшего СССР сделало практически невозможным бесконфликтное существование. На начальном этапе образования новых государств господствует приоритет национальных интересов. Перефразируя слова А. Турена, можно сформулировать вопрос: “С помощью чего нам выжить вместе?” [2]. Здесь важны универсальные инварианты – эмоциональная реакция на отрицательные явления в жизни, базирующаяся на едином психологическом механизме морального переживания. Их вербальное проявление сопровождается невербальным подтверждением. Отсюда следует, что вербальные проблемы выходят за рамки локально объединительного (дезинтегративного в больших социальных масштабах) контекста. В истории культуры четко прослеживается мечта (Гален, Ф. Лейбниц, Ж. Кондорсэ, Л. Заменгоф и др.) о гуманных последствиях введения универсального языка общения. Утопичность проектов единого всеобщего языка не исключает гуманистических доминант современного социума, которые становятся реальностью только тогда, когда субъективные мотивации действий каждого гражданина, всех государств базируются на единых механизмах человеческой бытийности, когда возникает своеобразное “семиотическое единство мира” Такой консенсус всех субъектов культуры – актуальный императив в полиэтническом социальном пространстве, что эффективно на путях гармоничного сочетания рациональных и внерациональных механизмов мотивации человеческих действий. Коммуникативная универсальность зависит от желания и умения представителей всех народов решать общие проблемы. В наших сегодняшних реалиях необходимо преодолеть дихотомию “мы-они”, основанную на лингвистическом критерии. Формирование национальной общности должно основываться на диалектическом соотношении индивидуальных “я”, мирно сосуществующих в едином полилингвистическом пространстве, в котором синкретичное моноязычное “мы” – невозможно. В полиэтническом регионе особую значимость приобретают те положения Декларации ООН, в которых отдельно выделяются национальные, этнические, языковые и религиозные признаки идентификации личности.

Заключение .Идентификация человеческого сообщества, осознание человеком своей принадлежности к человечеству, а отсюда и гуманное отношение к любому индивиду, возможны на основе лингвистического релятивизма. Общечеловеческий контекст диалогичности и даже полилогичности – по-прежнему выступает аксиологической детерминантой функционирования в полиэтническом регионе гуманистических доминант – национальных интенций к оформлению собственного языкового пространства.

Список литературы

1. Андреева Т.А. Общечеловеческие ценности и универсальный язык коммуникации // Наука. Релігія. Суспільство. – 2002. – № 1. – С. 81-87.
2. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии: Пер. с фр. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

УДК 101.1:316

ПРАВОВАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ТИПЫ И АТТРИБУТЫ

Бартагариева И.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Irina-elf@bigmir.net

Введение. Философское осмысление социальной реальности предполагает как анализ абстрактных сущностей, так и обращение к конкретным, фиксируемым сферам жизни общества. На пересечении этих двух уровней познания находится правовая рациональность.

«Рациональность» – категория, отличающаяся содержательной многозначностью и интерпретационной вариативностью. Она маркирует фундаментальную проблему смысла разумности. Эта проблема является сквозной в исторически существовавших философских учениях, ее следствия обнаруживаются в современных дискуссиях вокруг локальных рациональностей – научной, социальной, правовой и т. д.

В антропологическом пределе – рациональность – качественная характеристика человека и своего рода матрица, в которой разум как таковой функционирует. Рациональность имеет следующие конвенционально признанные атрибуты: адекватность, целеполагание, систематичность, когерентность, точность, полнота, каузальная обусловленность, непротиворечивость, объяснительная сила, эффективность. Все эти атрибуты имеют гносеологическую природу.

Основная часть. Рациональность иногда отождествляют с логичностью. Но тогда, следуя И. Канту, такая рациональность – рассудочная. Кроме законов логики, включает нормативную базу математики, причинные схемы объяснения, номологию естествознания. Данная рациональность способна трансформироваться в каноничность и догматизм. Она отвечает критериям закрытой рациональности, с ее априорной направленностью на совершенствование и реализацию уже имеющихся идей, часто принимающих форму аксиом. Каузальность предстает четко очерченной, цели – однозначно заданными. Продуктивность, точность, простота, экономия мышления гарантируют

высокий КПД. Ассимиляция нового проходит в формате уже заданных клише и апробированного концептуального каркаса.

Разумная же рациональность, по Канту, – это способность оценки, критики и самокритики, сепарирование критериев, конструктивное творчество, рефлексия, способность к коммуникации. Такая рациональность является открытой. Она ориентирована на совершенствование и переработку исходных положений и концептуальных схем, вплоть до отказа от них в пользу инноваций. В ее рамках можно пожертвовать непротиворечивостью в пользу эффективности, поставить под сомнение полноту, простоту и точность ради расширения гносеологического горизонта в будущем. Здесь цели заданы не жестко, детерминизм соседствует с вероятностью, «бритвой Оккама» можно пренебречь. Если закрытая рациональность ориентирована на алгоритмическое решение наличных проблем, то открытая – на постановку проблем новых.

Закрытую рациональность условно назовем «консервативной», открытую – «либеральной». Ни одна из них не имеет аксиологического превосходства, скорее они компенсируют друг друга. В отношении пересечения находятся формальная, теоретическая и практическая рациональности. Неоднозначной видится демаркация субстанциональной рациональности, характерной для метафизического мировоззрения и рациональности процедурной, апеллирующей исключительно к фактуальности и объективной достоверности.

Правовая рациональность тяготеет к практической «либеральной» рациональности, будучи базисом рациональности социальной. Правовая рациональность имеет следующие существенные признаки: адекватность, релевантность, систематичность, гармоничность, ясность, согласованность, эффективность, относительность. Она – ценностно-императивное основание разумного отражения социальной реальности, гарант результативной коммуникации и общественного порядка. Выполняет регламентирующую, регулирующую, контролирующую, профилактическую и терапевтическую функции. Две последних состоят в предотвращении и «лечении» социальных аномалий, снятии политических противоречий.

Н. Луман, в своей системной теории, отказывает субъекту в статусе носителя практической рациональности. Последнюю он понимает как способность системы, реагировать на внешние вызовы и воздействия. Только система, функционирующая гармонично, может быть рациональной. Критерий роста рациональности правовой системы состоит в ее умении превращать информацию в юридически уместную, качественно эту информацию обрабатывать и транслировать [1].

Устойчивость правовой системы и ее защита от разрушения обеспечиваются тавтологичностью, т. е. следованием правовому вменению в силу законодательно закрепленного статуса норм. Тавтологичность – свойство «консервативной» правовой рациональности. От косности и застоя пра-

вовую систему спасают конфликтные ситуации, когда в правовом пространстве формируется несколько правдоподобных пропозиций, в сумме дающих противоречия. Правовая парадоксальность – тоже элемент рациональности, но уже «либеральной».

Как решать возникающие парадоксы? В ходе дискуссии, обмена мнениями, в контексте, например, «коммуникативной рациональности» Ю. Хабермаса. И для права, и для социальной философии важны контексты, в которых наличие конфликтов выступает не только как препятствие, но и как стимул для выработки новых правовых решений.

Правда, мы оказываемся перед угрозой релятивизации правового поля. Однако история не знает универсальных и вечных правовых клише и законов. Правовая консервация – утопия. Но и не всякий контекст может претендовать на переформатирование правового базиса. Значимость контекстов устанавливается в результате правового дискурса. Его рациональность определяется релятивностью, предметностью, прагматизмом, толерантностью, наличием концептуальной матрицы. Правовой релятивизм нельзя отменить в приказном порядке. Кроме того, он имеет высокий эвристический потенциал.

Любая система, с точки зрения Н. Лумана, является открытой для когнитивной информации, но закрытой для нормативного контроля. Нельзя не согласиться с Л. А. Тахватулиной: когнитивная открытость – важнейшая характеристика правовой рациональности [1, с. 188–189]. Такая открытость особенно актуальна в условиях расширения современного информационно-коммуникативного пространства. Но способна ли правовая рациональность «переварить» неконтролируемый поток информации, ведь в эпистемологическом плане социум далек от идеала. У современного общества «ослабевает иммунитет перед ложью и бессмыслицей, снижается скорость «рациональных реакций» на идеологемы и симулякры, когнитивный диссонанс утверждается как норма». Это ведет к «потере интеллектуальной свободы, которая, с молчаливого согласия большинства, оказывается под контролем группы агентов, насаждающих некую «рационалистскую» идеологию» [2, с. 68].

Заключение. Правовая рациональность рождается в ходе коммуникации, а не предшествует ей в виде «вечных истин», аксиом, дефиниций, методологических принципов и т. д. Наиболее приемлемой идеализацией является дополнительность «консервативной» и «либеральной» типов правовой рациональности. Такая дополнительность имплицитно подразумевает одновременно открытость и стабильность правовой системы.

Правовой дискурс гарантирует реализацию таких атрибутов правовой рациональности как эффективность, когерентность, способность реагировать на внешне вызовы, творческое снятие парадоксов. Правовой дискурс, как и любой другой, релятивный. Нужно признать неизбежность релятивности права, но нельзя абсолютизировать релятивизм как методологию

ческий подход и руководство к действию. Насыщенность и нестабильность современного информационного ландшафта подкрепляет данный тезис.

Список литературы

1. Тухватулина Л. А. Рациональность в праве: подход Н. Лумана // Эпистемология и философия науки. – 2017. – № 4. – С. 175–190.
2. Волошин В. В. Знание в современном социуме: атрибуты и следствия // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 62–69.

УДК 291.1

ПОНЯТИЕ «МИСТИЦИЗМ» В ТРАКТОВКЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ

Белицкий А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Belitskiy.a.a@gmail.com

Термины «мистицизм», «мистика», «мистический опыт», «мистические состояния сознания», «мистические переживания» не имеют однозначного толкования и общеупотребительного значения.

Так, для представителей западных религиозных конфессий понятие «мистика» выражает состояние, при котором душа человека непосредственно соединяется с Богом. Например, при описании жизни католической святой Терезы Авильской это понятие используется для обозначения ее переживаний брачного союза с Христом, т.е. состояния, называемого ею «Богосупружеством» [1, с. 54]. Сходным образом, для другого представителя испанского католического мистицизма Хуана де ла Круса мистический опыт связан с восприятием Церкви как Невесты Христовой. Подобные описания католиков созвучны самоопределению исламских мистиков как «возлюбленных Бога». Однако, следует подчеркнуть, что сам термин «мистика» в значении непосредственного «единения с Христом» изначально был распространен именно в католической церкви.

В православной традиции аналогичное «единение», как известно, обозначалось термином «обожение» (теозис). Наиболее употребляемое определение данного понятия дано православным архимандритом Киприаном (в миру Константин Эдуардович Керн): «стяжание Духа Святого, стремление к харизматическому настроению» [2, с. 21]. Такое понимание вытекает из событий пятидесятницы, описанных в Библии, когда на апостолов сошел обещанный Христом Дух-Утешитель. Игумен

Петр (Пиголь) считает, что православная мистика «есть особое благодатное состояние, которое достигается на пути строгого подвижничества. Она неотделима от аскетики и требует аскетической подготовки. Мистика вытекает из аскетики и тесно с ней связана» [2, с. 21].

Представители мистических учений, переживая иррациональные по своему содержанию ощущения, затем вынуждены излагать их рационально, что создает определенные трудности трактовки ими данного феномена. Поэтому, несмотря на данные определения, большинство мистиков говорят об ограниченности таковых. Например, основоположник даосизма Лао Цзы в своей книге «Дао де цзын», называя Абсолют именем «Дао», говорит следующим образом: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя» [3]. Другим примером могут служить различные буддистские тексты, в которых, как правило, не содержится позитивного описания понятия нирваны. Согласно учению буддизма, состояние нирваны выходит за пределы эмпирического знания и не может быть определено словесно. Поэтому наилучшим выражением феномена и сущности понятия нирваны является молчание или перечисление того, чем нирвана не является.

Такой подход также мы встречаем в работах Псевдо-Дионисия Ареопагита, учение которого представляет синтез христианской теологии и неоплатонизма. Он является автором метода апофатической (негативной) теологии, следуя которому нельзя все бесчисленные свойства приписывать божественному существу. Абсолютность существования Бога можно скорее выразить негативным путем в понятиях, которые не могут быть выражены при помощи человеческих определений. Бог не похож ни на один из атрибутов материального мира, он является чистой трансценденцией. Однако необходимо отметить, что Псевдо-Дионисий не оставил попыток рационально определить сущность «единого Абсолюта». Так наряду с апофатической теологией, он разработал второй метод – катафатическую (позитивную) теологию, основанную на аналогии между миром реальных предметов, в частности человеческими существами, и Богом как их единственным и высочайшим творцом.

Не оставляли попыток рационально раскрыть сущность феномена мистицизма и представители других конфессий. Так, в иудейской традиции Раввин Н.-З. Рапопорт предлагает следующее определение мистики: «Мистика: постижение трансцендентного при полном отключении от физического мира, в результате чего человеку открываются реалии духовных сфер, с которыми он вступает в контакт. Мистическое познание абсолютно индивидуально, на него накладывает отпечаток личность человека, его опыт» [4, с. 9]. Он убежден, что мистическое знание, в отличие от рационального, имеет большую значимость для человека. Первое, в отличие от второго, воздействуя на все сферы нашей души,

порождает сильнейшие переживания, обогащает ее новыми знаниями. «Этот «мистический опыт» выходит далеко за рамки повседневного опыта человека и касается тех областей, где автономный, по сути, интеллект встречается со своим Источником – Высшим Разумом – и сливается с ним» [4, с. 9]. Мыслитель также выделяет два способа восприятия «мистического опыта». Первый – «постижение сущности», то есть характерное для библейских пророков непосредственное усмотрение сущности высших духовных сфер. Второй способ – «знание о существовании» означает не непосредственное постижение сущности, но лишь знание о том, что она есть. По мнению Н-З. Рапопорта, второй способ восприятия присущ, таким учителям каббалы, как раби Шимон бар Йохая, Ицхак Лурия [4, с. 9–10].

Протестантский теолог П. Бергер сформулировал свое понимание данного явления: «Мистицизм можно определить как путь к сверхъестественному посредством погружения в предполагаемые «глубины» сознания самого индивида. Иначе говоря, мистик встречается со сверхъестественным в себе самом, как с реальностью, совпадающей с глубочайшими тайнами его собственного «Я» [5, с. 348]. В этом определении П. Бергера Бог (сверхъестественное) совпадает с неким глубинным «Я» личности. При такой формулировке сверхъестественное превращается в имманентное, находящееся всегда внутри человека.

Показателен тот факт, что многие западные исследователи уже с начала XX в. стали обозначать термином «мистика» те же самые феномены, о которых свидетельствовали представители религиозных конфессий. В основу определения «мистического опыта» были включены описания переживаний самих мистиков (У.Джеймс, А.Швейцер, Э.Андерхилл и др.). Например, М. Томпсон в монографии «Философия религии» под «мистическим опытом» понимает «...переживание при котором появляется ощущение единства, лежащего в основе всего, чувство разрушения всех обычных барьеров между собственной личностью и внешним миром, выхода за пределы нашего нормального осознания пространственных и временных ограничений» [6, с. 33].

Из указанных выше характеристик мистицизма явствует, что определение этого феномена происходит при полном усвоении позиций самих верующих. В результате, мистицизм предстает вне его связи с другими факторами, т.е. исключительно как субъективно – психологическое явление. Фактически, во всех этих определениях допускается объективное существование некой первопричины, Абсолюта.

Список литературы

1. Сикари А. Портреты святых / А. Сикари. – Милан, 1991. – Т.2. – 191 с.
2. Пиголь П. Преподобный Григорий Синаит и его духовные преемники / П. Пиголь. – М.: Знание, 1999. – 202 с.

3. Лао Цзы. Дао де цзын // Киевская городская библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_laotz01.htm
4. Кей Э. У истоков лурианской каббалы / Э. Кей. – Иерусалим: Шамир, 2001. – 215 с.
5. Бергер П. Религиозный опыт и традиция / П. Бергер // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 339–364.
6. Томпсон М. Философия религии / М. Томпсон; [пер. с англ. Ю. Бондарев]. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 384 с. Вандерхил Э. Мистики XX века: Энциклопедия / Э. Вандерхил; [пер. с англ. Д. Гайдук]. – М.: Астрель: МИФ: АСТ, 2001. – 576 с.

УДК 101.8:159.9.072.42

ЗНАЧЕНИЕ ТРАКТОВКИ «ИНДИВУАЛЬНОСТЬ» В ПОЛИЭТНИЧЕКОМ ДОНБАССЕ

Белюрко Н.М.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nadezhda_3377@mail.ua

В современном полиэтническом Донбассе теоретически значима и практически актуальна проблема философского осмысления индивидуальности в новом социокультурном контексте.

Объяснение природы индивидуальности может осуществляться с разных теоретико-методологических позиций, зависящих от познавательной парадигмы, доминирующей в конкретном обществе, поэтому целесообразно обратиться к концепциям индивидуальности ученых К.А. Абульхановой, В.Д. Шадрикова, В.А. Татенко, Е.Б. Старовойтенко, В.А. Петровского, Н.Ф. Калины, И.Н. Семенова.

В субъектно-центрированной концепции К.А. Абульхановой индивидуальность носит двусторонний характер и представляет собой, с одной стороны, интеграл многоуровневых свойств любой личности, с другой- высший уровень развития личности.

В основе концептуальной модели В.Д. Шадрикова – внутренний мир, внутренняя наполненность личности или душа, которая раскрывается наиболее полно через духовные идеалы человеческого бытия, ценности, определяющие устойчивые формы поведения личности [3, с. 10].

В.А. Татенко акцентирует внимание на онто-психологическом аспекте проблемы индивидуальности. Автор полагает, что самодетерминация свойственна индивидуальности, как высшая причинность, а истинная индивидуальность не будет противодействовать другим людям или обществу в целом, а для общего блага будет учитывать их ценности как значимые и для себя тоже [3, с. 10].

Модель индивидуальности, предложенная Е.Б. Старовойтенко, выстроена в контексте культурной психологии личности, а индивидуальность в ней определена как вектор развития, высший уровень самовыражения личности субъекта культуры [3, с. 10].

В концепции В.А. Петровского индивидуальность понимается как особый полюс личности индивида, делается акцент на его уникальности и самобытности, которые не могут быть полностью имитированы, или скопированы [3, с. 11].

Н.Ф. Калина предложена модель сравнительного анализа индивидуальности, которую она понимает как категорию теорий глубинной психологии, а термин «индивидуальность» рассматривает как специфическую конфигурацию присущих индивиду уникальных бессознательных импульсов, осознание которых обеспечивает высший уровень зрелого аутентичного существования человека в мире.

И. Н. Семенов исследует проблему индивидуальности с позиции авторского рефлексивно-экзистенциального подхода. Основопологающая категория концепции этого автора – рефлексия как способность к внутреннему диалогу, регулирующая динамику индивидуальной экзистенции [3, с. 11].

Тема экзистенции, как одна из важнейших в психологии индивидуальности представлена в работах А.Б. Орлова, В.Б. Шумского – «Трансличностное начало индивидуальности», А. Лэнгле – «Экзистенция индивидуальности». Эти авторы развивают теорию В. Франкла, считая основой существования человека априорное духовное начало, имеющее индивидуальный характер у каждой конкретной личности.

Развитие индивидуальности с позиций гуманистически-экзистенциального подхода заключается в обращении личности к себе и выходе за собственные пределы, в самопонимании, в ответственных и исполненных личностного и трансличностного смысла действиях.

А. Лэнгле, разработавший на основе логотерапии и логоанализа-экзистенциальный анализ – новое направление в психотерапии, понимает индивидуальность как создаваемый ею внутренний мир самодистанцирования, как возникающий в диалоге личности с другой личностью внешний мир самотрансценденции.

Русский философ и религиозный мыслитель С.Л. Франк говорил о вневременности душевной жизни человека, которая в каждый момент жизни может переживать события прошлого, настоящего или будущего. Однако возвращаясь, например, какому-либо событию прошлого, человек вспоминает его с позиций настоящего внутреннего мира, а не того времени, когда произошло событие [4, с.42].

Важной характеристикой внутреннего мира, как считает Б.Г.Ананьев, является его активный, деятельный характер — внутренний мир человека работает, и мера напряженности его работы (переработки

опыта, выработки собственных позиций и убеждений, пути самоопределения и т.д.) является показателем духовного богатства индивидуальности [1, с. 172].

По мнению Б.Г.Ананьева, —именно в явлениях экстерииоризации внутреннего мира человека, его объективации в процессах практической деятельности может быть обнаружен потенциал объективного исследования человеческой индивидуальности. Если считать личность вершиной всех человеческих свойств, то индивидуальность – это глубина личности и субъекта деятельности. Измерение этой внутренней глубины возможно лишь объективными методами современной науки, в системе человековедения, которой посвящено наше исследование [1, с. 172].

Анализ концепций современных моделей индивидуальности ученых К.А. Абульхановой, В.Д. Шадрикова, В.А. Татенко, Е.Б. Старовойтенко, В.А. Петровского, Н.Ф. Калины, И.Н. Семенова показал, что в современных реалиях Донбасса необходимо учитывать то, что внутренний мир человека является самоорганизующейся системой и стремится к устойчивому состоянию, что характеризуется преодолением чувства неопределенности, нарушаемого внешним воздействием. Отраженный в мыслях и чувствах внутренний мир одного человека воздействует на внутренний мир другого человека, и посредством этого на общество в целом.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2-х т., Т.1. – М.: Педагогика, 1980. – 232 с
2. Белов В.А. В защиту индивидуальности: Проблемы формирования открытого общества в России. М.: Магистр, 1997. – 40 с.
3. Старовойтенко Е. Б., Шадриков В. Д. (ред.) Психология индивидуальности. Новые модели и концепции. – М.: МПСИ, 2009. –384с.
4. Франк С.Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. – № 6. – С. 40-46.

УДК 111.12

ДУХОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ «ЗАБОТЫ О СЕБЕ» В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ ОБРЕТЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ

Бойчук С. С., канд. филос. наук

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР
overbaring@mail.ru

Введение. Маленьким людям кроме маленьких добродетелей нужна и соответствующая незаметная философия без ответственности и рисков.

По причине этого низкие ворота мудрости, увиденные еще Заратустрой, не просто все делают себе подобным, заставляя склоняться возвышенное, но и ведут в особое тихое прибежище, где есть место для всех, вне зависимости от методологий и талантов. Главное условие – не пытаться пересилить себя, преодолеть варварство души, а просто оставить надежды по ту сторону порога превращенных форм и наслаждаться звоном бубенчиков своего философского колпака. Среди немногих требований, ограничивающих свободу вступившего в лимб, внимания заслуживает только императив общего расслабленного умонастроения, верящего в легкость и безответственность мысли. На основании этой невыносимой легкости говорения, писания и чтения вырастает особая познавательная стратегия и определяемая ею поэтика дискурса, искренне не понимающего чрезмерную и неприличную серьезность выкалывающего глаза Демокрита, рыцарскую решительность Пико делла Мирандолы или бунт Сартра, который, переживая невозможность себя в джунглях Сьерра-Маэстра, зажигает красный май Парижа.

Цель данной работы заключается в реконструкции фундаментальных философско-антропологических смыслов духовных практик античной мыслительной традиции как средства обретения человеком собственной истинной сущности.

Основная часть. Современная манера философствования, впрочем, как и остальные удобства, предлагаемые цивилизацией торжествующего распада, создает вокруг слабого и глупого последнего человека особый стеклянный купол комфортного существования, что призван защитить от суеты тревог его отмирающие разум и волю. В сложившихся обстоятельствах бесхребетных времен философская речь в полифоническом пришепётывании культурной иллюзии слышится отдаленными убаюкивающими звуками детской колыбельной. Ее сладостно тягучие напевы даже если и пытаются напугать моргающее сознание нового бесформенного антропологического типа, то впоследствии самостоятельно снимают общую тревожность.

В круговороте мистерий и страхов, охвативших духовный мир Римской империи, среди кратковременных перерывов в головокружительном карнавале из желания хлеба и зрелищ доблестным стоянием в интеллектуальной культуре и трезвостью духа поражает философская традиция стоицизма. Именно ее представители поддерживали души колеблющихся, ободряли умирающих призывом к простой человеческой доблести перед лицом неотвратимого, смиряли гнев правителя мудрым советом, обучали отроков науке освобождения разума от презренных желаний, страстей и недостойного гнева. Выполняя функции духовника, воспитателя, лекаря-психоаналитика, помощника-консультанта в сложных перипетиях пещеры неистинных псевдоморфоз, а иногда просто ученого собеседника, философы создавали особое

пространство бытия человека в качестве человека, несущей конструкцией которого выступал «рациональный кодекс цивилизованного поведения» [1, с. 325]. Этот космостроительный подвиг скромных демиургов, поддерживавших существование трещащего по швам мироздания рефлексивной умеренности и верности логосу, оказывается не столь уникальным в одиссее мысли.

Если внимательно присмотреться к истории, главное, что поражает при обращении к мыслительным практикам Античности и Древнего Востока, это тот особый страх хаоса, развернутого в душе «низкого» человека, угрозы неумолимого распада любой сложноорганизованной культурной системы. Закономерным результатом данного ужаса перед первобытным неконтролируемым состоянием было стремление преодолеть возможность погружения в естественность животных влечений посредством формирования особого инструментария, направленного на подчинение диархии животной и растительной души, а также обучение разумному управлению психической деятельностью.

Такую панацею, призванную оградить теменос культуры от разрушительных порывов природы, подчинить все императиву «владей собой» традиционные общности видели в психологическом тренинге, своеобразной «моральной терапии» (Яков Голосовкер), призванной усмирить тигра внутри и обеспечить приближение к совершенству невозмутимости духа. В признании данного смыслообраза важнейшим аспектом философской системы и духовной практики солидарны столь противоположные на первый взгляд школы мысли как даосы и конфуцианцы, стоики и эпикурейцы, буддисты и академики Платона. Фактически мышление виделось в перспективе освобождения от стихии страстей и обретения собственной сущности в интеллектуальной мобилизации (вспомним Сократа, который согласился со словами физиономиста Зоппира о своих дурных и порочных склонностях, что были переустроены благодаря неустанным размышлениям и духовным упражнениям). На фоне этого жуткого страха неупорядоченности и жажды экзистенциальной наполненности в самозаконничестве (автономии) разума резко выделяется современное не просто безразличие к данным темам, а скорее абсолютно противоположная мечта освободить зверя в человеке из клетки культуры. Критический проект эмансипации всего бессознательного и стихийного, что возник в рамках современного способа философствования, предал анафеме все формы подавления и контроля со стороны репрессивной по отношению к естественности искусственного образа жизни символов и значений.

Глобальная перспектива философского мышления, не пытавшегося спрятаться за лекторской кафедрой, предполагала реализацию трех ключевых целей: во-первых, создание/поддержание структур смысловосферы, ориентированных на передачу другому, и научение в опыте

сопереживания истины, во-вторых, «усложнение» и «культуризацию» форм существования/выражения человеческого при помощи различных духовных упражнений и психотехник, в-третьих, преодоление частной точки зрения неистинного эмпирического человека и открытие в себе измерения всеобщего онтологического единства.

Сущностно необходимой формой, обеспечивающей осуществление данных целей, выступала не иллюзия самоназвания в пародировании языка или идей по неведомым причинам предпочтенного мыслителя, а философская школа как братство и единство стиля жизни, мысли, преданности логосу. Несмотря на то, что хрестоматийным примером такого объединения является пифагорейский союз, все эти элементы с легкостью обнаруживаются в любой античной системе мысли, понимаемой как теургия и мистическое очищение на пути становления человека. Современное знание о философии, открывшее собственное призвание в рассудительном пересказе непонятых чужих истин, с легкостью оперирует понятием направления и, словно Золушка, настойчиво раскладывает разноцветные бобовые по кучкам, приписывая мыслителей к тому или иному течению. Особым шиком и вместе с тем необходимым требованием в данной увлекательной игре по перестановке чучел в музейных залах считается выделение группы персон, не поддающихся классификации и занимающих почетное место по ту сторону влияний, учителей и последователей. Пустоты философских брендов и самобытности индивидов оказались объединены в иллюзорные группы по интересам: в лучшем случае – это клуб английских джентльменов, как правило – туристическая группа, но уже никогда – союз пифагорейцев или Академия.

Список литературы

1. Дюрانت В. Цезарь и Христос / В. Дюрانت. – М.: Крон-пресс, 1995. – 736 с.

УДК 378

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И БАЗОВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДИНАМИКЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Быданов В.Е., канд. филос. наук

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)», г. Санкт-Петербург, РФ
follibilizm@yandex.ru

Глобализация резко обострила проблему национально-культурной идентичности, которая сегодня превратилась в одну из важнейших

проблем. В этом контексте можно говорить о кризисе идентичности. Проблема идентичности остро встает как перед отдельно взятыми индивидами, так и разного рода сообществами, этносами, народами, государствами. «Иными словами, кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер». [1, с. 35-36] Неуклонно растёт число людей, теряющих этнические или национальные корни, считающих себя космополитами, либералами в самом широком смысле этих понятий, гражданами мира, что подвергает эрозии многие ценности, принципы, институты, понятия, такие как родина, национальный суверенитет, неприкосновенность государственных границ, невмешательство во внутренние дела государства, гражданство, патриотизм и др., служащие скрепами тех форм самоорганизации человеческих сообществ форм, которые действуют уже несколько веков.

Развитие современного общества под воздействием глобализационных процессов создаёт угрозу множеству социальных институтов культуры, и именно с этим связан кризис различных национальных институтов в современном мире, например, образования. Современное общество и государство через систему образования производит, по выражению Г. Маркузе, одномерного человека. [2] Происходит формирование массовых «стандартных», «ложных» потребностей, формируется «одномерное мышление», «человек-функция».

В современных исследованиях, несмотря на самые широкие интерпретации понятия «глобализация», доминируют широкий и узкий подходы к пониманию этого явления. В широком значении глобализация (мегатенденция) – это развитие современного общества независимо от воли и сознания составляющих его людей. «Глобализация в узком смысле – род политики (геополитики), направленный на распространение своего культурного влияния со стороны какой-либо страны или нескольких стран на весь мир». [3, с. 8-9] Глобализационные процессы в узком смысле есть результат сознательного конструирования политическими акторами (отдельные индивиды и социальные группы) на основе идеологии мондиализма определённой действительности. Глобализация объективно одновременно выступает и как крупномасштабный политический проект, и как социальный конструкт, развивающийся в зависимости от установок, ценностей, мотивов, намерений и мотивации акторов социального действия, на основе системы западных ценностей и идеалов. Идеологи глобализма считают, что глобализация, вторгаясь во все сферы жизни разных народов, этносов качественно изменит социокультурные инварианты этих обществ, их коллективное бессознательное. Но при этом не учитываются объективные законы развития духовной сферы этих обществ, характеризующиеся здоровым консерватизмом, инертностью, стабильностью и чуждыми внешним новациям, которые приходят в противоречие с внутренним «духом» этнокультуры.

В порождаемой глобализационными изменениями культуре формируется глобалистское мировоззрение, в котором всё более нивелируются базовые национальные ценности, которые выступают совокупностью духовных идеалов, архетипов коллективного бессознательного, присущие определённой этнической общности, которые отражают её историческое своеобразие и уникальную специфику, определяют поведение людей на социальном и нормативно-культурном уровне. С понятием ценностей тесно связаны моральные и жизненные принципы, которые преобразовываются в нормы и правила жизни людей.

У каждого общества складываются собственные системы ценностей, хотя существуют и универсальные группы объектов, имеющих значение для человечества в целом. Главными функциями ценностей является ориентация в жизненном пространстве, мотивирующая, целеполагания, оценочная, формирование идеалов. В России значимость проблемы идентичности сегодня чрезвычайно велика и, возможно, превосходит значимость сугубо экономических проблем. Национальные архетипы вступают в конфликт с традиционными ценностями Запада. На фоне осознания различий между западноевропейскими и российскими ценностями начинает нарастать тенденция укрепления национальной самоидентификации жителей России.

Каждый великий народ, создавший своё национальное государство, формирует собственную национальную идею, главное предназначение которой состоит в определении национально-государственной идентичности в ряду других народов. Идентификация или самоидентификация нации-государства теснейшим образом связаны с идеологией. Национальная идентичность имеет множество измерений: пространственно-географическое, историческое, традиционное, социокультурное, этно-национальное, конфессиональное, мифологическое, символическое и т.д. Геополитическая идентичность в современных мировых и собственно российских реалиях выступает в качестве своеобразного индикатора, позволяющего судить о судьбах, предназначении и миссии государства, характере и магистральных направлениях его политической стратегии.

Базовые национальные ценности – это совокупность духовных идеалов, присущих определённой этнической общности, которые отражают её историческое своеобразие и уникальную специфику. Нередко они определяют и поведение людей на социальном и нормативно-культурном уровне. Формирование таких духовных идеалов, как базовые национальные ценности, происходило в ходе исторического развития культуры общества, в соответствии с геополитическим положением государства.

Идентичность формируется на основе соответствующей национальной парадигмы, на пересечении национально-исторической,

социально-психологической, социокультурной, политико-культурной и др. сфер. В её содержание входят установившиеся особенности национальной культуры, этнические характеристики, обычаи, верования, мифы, нравственные императивы и т.д. Она теснейшим образом связана с понятием «национальный характер». Здесь речь идёт о представлениях людей о себе, о своем месте в мире. Национальная идентичность интегрирует в себя внутренние и внешние составляющие. Для неё особенно важно соответствие внешнего и внутреннего, формы и содержания, проявления и сущности. Внутреннее ощущение идентичности подразумевает сущностную тождественность, родственность, общую основу, единое начало. Главная особенность заключается в том, что именно эти установки выражают самобытность и своеобразие российского народа, а также его уклад жизни, традиции, обычаи и важнейшие потребности. Если выразиться другими словами, то базовые национальные ценности являются сердцевинной духовной жизни нашего общества, синтезом его лучших качеств и черт.

Нередко они определяют позицию гражданина, формируют отношение к государству, а также к его прошлому, настоящему и будущему. Часто осознание человеком духовных идеалов и небезразличное отношение к ним помогает ему осознать свою ответственность за сохранение и последующее приумножение национального достояния.

Очевидно, что кризис идентичности является результатом разочарования в господствующих идеалах и ценностях, падения доверия к ним и к существующей власти. Будучи результатом противоречия, несоответствия статуса человека, коллектива, сообщества изменившимся условиям, он проявляется в разных формах и сочетаниях. Причем глубина и серьезность кризиса и его последствий зависят от того, какие именно составляющие идентичности нарушены.

Глобализация и глобальные проблемы, сопутствующие ей, безусловно, являются неизбежными и объективными на данном этапе развития человеческой цивилизации, поэтому уклониться от них нельзя, но важно найти правильные решения возникающих новых цивилизационных вызовов.

Список литературы

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
2. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г.Маркузе. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 526 с.
3. Добренъков В.И. Глобализация духовности / В.И.Добренъков. – М. : Академический проект, 2019. – 589 с.

РЕДУКЦИЯ ИНСТРУМЕНТАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Волошин В.В., д-р филос. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
v.v.don7ff@gmail.com

Введение. Термин «редукция» отличается полисемией. В нашем случае – это сведение сложного к простому. В роли «сложного» выступает инструментализм – философско-методологическая парадигма, сформировавшаяся в формате прагматизма. Основатели последнего (Ч. Пирс, У. Джеймс, Д. Дьюи) уделяли пристальное внимание социальной реальности. Д. Дьюи – родоначальник *Philosophy of Education* – подчеркивал, что «подлинной сердцевиной человеческой социальности является образование» [1, с. 118]. Инструментализм подвергся в XX веке значительным трансформациям. Его нынешние версии далеки от исходной.

Цель состоит в аргументации тезиса: внедрение модернизированных инструменталистских идей в образование сопровождается редукцией.

Основная часть. Изложим ключевые положения инструментализма.

1. Эпистемология доминирует над онтологией. Знать – это знать, как действовать. Объективность и общезначимость не являются существенными признаками знания. Успех действия зависит от четкости поставленной цели, согласованности принятых решений, правильно подобранных средств и технологий, оригинальности и гармоничности используемых методов, простоты, ясности, эффективности результатов.

2. Познание – операционально. Оно должно быть ориентировано на расширение горизонта возможностей, привнесение в действительность стабильности и комфорта, вплоть до переформатирования социальной реальности, конструирования ее альтернатив.

3. Демаркация познания и действия, теоретически нейтрального и оценочного – излишни. Познающий субъект погружен в жизненные ситуации, которые оцениваются в модусах упорядоченности, целесообразности, прогнозируемости, выгоды.

4. Формы познания – инструментальны. Они – «умственные способы приспособления к действительности» (У. Джеймс). Концепты, гипотезы, теории – интеллектуальный инвентарь, помогающий человеку 1) адекватно реагировать на внешние вызовы, 2) занять нишу в окружающей среде.

5. Разрыв с корреспондентской теорией, признание фрагментарности, «полезности», субъективности истины. Это продуцирует антифундаментализм – установку, согласно которой у знания нет эмпирического и/или рационального базиса, а понятие истины – избыточно. Данная установка принимает крайнюю форму у представителя неопрагматизма

Р. Рорти, считавшего ошибочным «представление о философии как о дисциплине, которая имеет основания».

6. Бытие знаков обуславливает бытие объектов, которые открываются субъекту в форме ментальных репрезентаций. Язык играет решающую роль в формировании этих репрезентаций.

7. Наука призвана заниматься измерениями и вычислениями, предсказывать течение и результаты наблюдений и экспериментов. Она сводима к утверждениям об опыте и не претендует на объяснения действительности. Последние имеют минимальную практическую ценность.

Упрощенный инструментализм проник в образовательную систему, «защитный пояс» которой ослаблен влиянием постмодернистской картины мира. «Парадигма и классического прагматизма и неопрагматизма определена инструментализмом и антифундаментализмом. Иначе говоря, она детерминирована теми же релятивистскими эпистемологическими принципами, на которых базируются постмодернисты» [2, с. 515].

Игнорируя опыт советской педагогики, и копируя западные образцы, сделана ставка на подготовку узкоспециализированных прагматиков с ограниченным мировоззрением. Образование заключено в прокрустово ложе типовых учебных программ, анонимных инструкций, рекомендаций, имеющих минимальный прикладной эффект. Аббревиатуры, шаблоны, нумерации, таблицы, шкалы утверждаются в качестве основных орудий обучения и воспитания. Этот инструментарий сложно охарактеризовать как гармоничный, целесообразный, когерентный, простой, оригинальный.

Образовательная телеология (включая этические и эстетические сегменты) редуцирована к реализации унифицированных компетенций. В учебном процессе все больше симулякров, знаков, не имеющих референтов в действительности. Налицо сведение смыслов к операциям, эклектичный синтез педагогического бихевиоризма, эпистемологического релятивизма, нормативного и процедурного догматизма. Как следствие, минимизируется рефлексия. Поиски универсального, фундаментального, архитектурного объявляются излишними. «Высока вероятность того, что инструментальное использование науки и далее будет вытеснять на периферию ее мировоззренческую функцию – способность быть источником рациональности для общества и личности. И здесь многое зависит от способности философии науки противодействовать этому, оставаясь школой философского и теоретического мышления» [3, с. 11].

Прагматисты считали, что опыт – это, прежде всего, опыт мышления, а образование направлено на создание условий для его «капитализации». Но такой опыт приобретается не только в лабораториях или компьютерных классах. Поэтому прагматисты ратовали за «активную позицию в философии». «Образование, если это образование в истинном смысле, способствует формированию убеждений. А это впоследствии отзовется разумным общественным действием» [1, с. 172]. Образование «дол-

жно давать молодым старт, подкрепленный неким единым представлением о типе того мира, в котором они живут, о тенденциях, в которых он развивается, и роли, которую им предназначено в нем сыграть» [1, с. 197].

Д. Дьюи видит цель образования в создании интеллектуального носителя творческой культуры. Эта цель не реализуема без концептуального, критического анализа реальности и конструирования целостной картины мира. Но формирующие картину мира философские дисциплины оказались на задворках отечественного высшего образования, они объявлены неэффективными и бесполезными. Берет верх постмодернистское понимание философии как «вида беллетристики» (Ж. Деррида), архаичного «культурного жанра», которому, по словам Р. Рорти, «пришел конец».

Имеет место своего рода «закон сохранения мировоззренческой массы-энергии». Мировоззренческие формы, утратившие прежнее содержание, неизбежно наполняются новыми темами и рубриками, далеко не всегда адекватными. Основатели прагматизма равно признают значимость науки, религии, искусства; поддерживают своего рода ценностный баланс, обращаются к критикуемой, но легитимной, с их точки зрения, метафизике. В современном секуляризованном потребительском обществе, сознание которого деформировано влиянием постмодерна, у меркантилизма, утилитаризма, бихевиоризма, операционализма – этих спутников инструменталистского мировидения – все меньше конкурентов.

Заключение. Прагматизм отличается здравым смыслом, простотой, точностью, корректностью формулировок, аргументированностью выводов. Различаем инструментализм как философско-научную парадигму и как серию локальных эпистемологических, образовательных программ. В современном образовании наблюдаются аппроксимация и тривиализация классического инструментализма, элиминация его гуманистических идей.

Философия «сшивает» картину мира, привнося в нее трансцендентную телеологию, финитные ценности и смыслы, гармонию реализма, интеллектуальную эстетику. Она – школа эффективного теоретизирования. Философские науки обладают апробированными механизмами объяснения реальности, в том числе – социальной. Чтобы овладеть этим инструментарием, необходим соответствующий опыт, а значит и отказ от программ, ориентированных на дискредитацию философских дисциплин и их изгнание из системы образования.

Список литературы

1. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Д. Дьюи; [пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой]. – М.: Республика, 2003. – 494 с.
2. Юлина Н. С. Философская мысль в США. XX век: Научная монография / Н. С. Юлина. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. – 600 с.
3. Касавин И. Т. Социальная философия науки: идея и проект / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2014. – № 4. – С. 5–19.

РЕВОЛЮЦИЯ В ФИЗИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ НОРМАЛЬНОЙ НАУКИ К ЭКСТРАОРДИНАРНОЙ

Гершунин С.А., Алов А.А.

НИУ «Московский институт электронной техники», г. Москва, РФ
finbaricus@yandex.ru

До начала XX века традицию научных исследований в физике задавали такие классические работы, как механика Г.Галилея, «Начала» и «Оптика» И.Ньютона, «Электричество» Франклина, учение о теплоте Д.Блэка. Они неявно определяли правомерность проблем и методов их изучения за счёт того, что соответствовали здравому смыслу и достигнутому уровню знания и были в достаточной мере открытыми, чтобы новые поколения учёных могли в их рамках найти для себя нерешённые проблемы. В процессе решения этих проблем картина мира дополнялась, но не изменялась радикально.

В работе Томаса Куна «Структура научных революций» подобные «классические» научные труды, или научные достижения, которые беспрецедентны и относительно открыты, называются «парадигмами». Без них революция в науке никогда бы не состоялась.

Исследование, прочно опирающееся на парадигму, называется «нормальной наукой». Цель нормальной науки ни в коей мере не требует предсказания новых видов явлений. Учёные в русле нормальной науки не ставят себе цель создания новых теорий. Напротив, исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает. Возникающие при этом ограничения, рождающиеся из уверенности в парадигме, оказываются существенными для развития науки. Концентрируя внимание на небольшой области проблем, парадигма заставляет учёных исследовать некоторый фрагмент природы так детально и так глубоко, как это было бы немыслимо при других обстоятельствах. Однако же и нормальная наука располагает собственным механизмом, позволяющим ослабить эти ограничения, которые дают о себе знать в процессе исследования всякий раз, когда парадигма перестаёт служить эффективно. С этого момента учёные начинают менять свою тактику.

Постепенная «смена тактики» в научном исследовании происходила в XIX веке. Как следствие, специальная теория относительности А.Эйнштейна переросла свои границы в общую теорию относительности и единую теорию поля. А выявившееся нарушение закона смещения В.Вина в далекой инфракрасной области спектра излучения абсолютно черного тела сподвигло М.Планка на введение понятия «квант», которое привело к кризису в физике XX века.

С помощью кванта учёные получили возможность объяснять более широкую область природных явлений или рассматривать более точно некоторые из тех явлений, которые были известны ранее. Ко вторым относилось явление фотоэффекта. Квантовая теория света Эйнштейна, которая утверждала, что сам свет разделен на кванты, сумела объяснить это явление. Правда, она противоречила волновой теории света. Но банкротство существующих правил, (насколько рациональными они бы не были), не способных объяснить настоящие явления, означает прелюдию к поиску новых. В соответствии с законом отрицания отрицания, сформулированным Г.В.Ф Гегелем, новый «виток» развития спирали, предполагает диалектическое «снятие», то есть сохранение на новом уровне знания всего положительного, созданного на предшествующем этапе. Так и случилось: новыми неопровержимыми экспериментальными фактами существования квантов света (фотонов), стали опыты Артура Комптона. Таким образом, был установлен необходимый компонент понимания природы – свойство, именуемое корпускулярно-волновым дуализмом. В описанном случае новая теория возникла после неудач в деятельности по нормальному решению проблем, в рамках устоявшейся парадигмы. Учёным ничего не оставалось, как её менять.

Теперь коснёмся планетарной модели атома. «Аномальные» экспериментальные выводы, на которых она была построена, оказывались чем-то большим, нежели просто ещё одной головоломкой нормальной науки. Из-за чего был необходим переход к новой парадигме, процесс которого далеко не кумулятивный. Это процесс реконструкции научной области на новых основаниях, реконструкции, которая изменяет наиболее элементарные теоретические обобщения в данной области. В нашем случае, эта область атомного мира, обоснованием законов которой занимался Нильс Бор.

В основе квантовой теории строения атома лежит идея объединения в единое целое ядерной модели атома Резерфорда, закономерностей линейчатого спектра атома водорода, выраженных в формуле Бальмера-Ридберга, квантового характера излучения и поглощения света. Для осуществления этой идеи Бор, сохраняя классический подход к описанию поведения электрона в атоме, выдвинул три постулата (постулаты Бора), с целью достижения внутренней согласованности в ключевых представлениях об атоме.

Нильс Бор в период осознания кризиса обратился к философскому анализу как средству для раскрытия загадок микрочастиц, ибо возникающие противоречия могли быть сняты только в рамках диалектической логики. Поэтому в основе подхода Бора лежал главный принцип диалектики – «противоположности дополняют друг друга». Он был уверен, что в мире атомов действуют квантовые правила, однако полученные таким образом выводы не должны вступать в противоречие с

данными наблюдений на макроскопическом уровне, где властвует классическая физика. Это положение было названо принципом соответствия.

Накопление теоретического знания, способного объяснять явления микромира, привело к качественному преобразованию уже устоявшихся научных догм, которые претендовали на свою абсолютную истинность. В этом прослеживается действие закона диалектики – перехода количественных изменений в качественные. Поэтому не удивительно, что многие открытия, начиная приблизительно с 1895 года, сопутствовали возникновению качественно нового раздела физики – квантовой механики.

Революционным в квантовой механике было то, что она ввела вероятность нового типа – «квантовую вероятность». Это вовсе не классическая вероятность, связанная с недостаточностью знания: теоретически недостаточность знания можно восполнить, тогда как квантовая вероятность — неотъемлемая черта атомной реальности.

С возникновением новой точки зрения на природу, научные парадигмы классической физики были окончательно и безоговорочно преобразованы.

Новое революционное знание выразилось в споре о природе реальности. Играет ли Бог с нами в кости или нет? Этот вопрос занимал и продолжает занимать многих учёных. В поисках ответа, невольно находишь утешения в словах Готхольда Эфраима Лессинга: «Поиск истины значительно ценнее обладания ею» [2].

Несмотря на то, что для классической физики полный пересмотр её канон был настоящей катастрофой, человеческий взор на реальность прояснился. Развитие научных воззрений учёных и возникновение плодотворных теорий во многом обязано универсальным законам диалектики и влиянию философии в целом. По мнению автора, философский интуитивизм, философия жизни, экзистенциализм, возникшие в XIX веке, предвосхитили собой возникновение, интуитивного подхода к решению научных проблем; подготовили человека к столкновению с природными явлениями, постижение которых требует не только разумного подхода. Само существование «квантовой вероятности» вскрывает момент иррационального характера действительности.

Для осмысления революций в науке, прежде всего, нужно развить наши философские воззрения, характер которых во многом определит сущность той парадигмы, которая придёт на смену нынешней, поскольку новое – по сути, хорошо забытое старое.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций / Т.Кун. – М.: АСТ, 2009. – 149 с.
2. Квант: Эйнштейн, Бор и великий спор о природе реальности / МАНЖИТ КУМАР; пер. с англ. И. Кагановой. – М. : АСТ : CORPUS, 2014. – 592 с
3. Зелиг К. Альберт Эйнштейн / К.Зелиг. – М. : Атомиздат, 1966. – 231 с.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ ЖЕНЩИН НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Глебов Е.В., доцент

АНО ВПО «Новый сибирский институт», г. Новосибирск, РФ

evgeniyglebov99@gmail.com

Современная философия, политология и юриспруденция высшим правом человека признают право избирать и быть избранным. В связи с этим известно, что женщины полные права юридически получили впервые в 1918 году в Конституции РСФСР, затем в Королевстве Нидерланды в 1919 г., в Великобритании в 1925 г., и в США в 1928 году. Марксистские и позитивистские школы настаивают на не меньшей важности экономических прав: владения и распоряжения собственностью, праве свободного завещания этой собственности. Общеизвестно, что во все прошлые периоды человеческой истории женщины обладали меньшим объёмом прав, чем мужчины, как декларируемых, так и реальных. Некоторые исключения для женщин высшего общества (империя Тан) лишь подтверждают правило, и самими дамами воспринимались как личная привилегия, не более того. Особенностью монотеистических обществ является ещё и онтологическая фиксация более низкого статуса в святых книгах, соответственно в таких социальных системах и не возникает представления о необходимости равенства прав. Высокоразвитые языческие религии имеют в пантеоне женские божества, статус которых не наивысший, и сфера действия этих богинь ограничена. Иногда первотворцом бывала и богиня (Тиамат, Аматарасу), но в актуальном вероисповедании в историческое время культ не практиковался. Считается, что это просто воспоминания о матриархате. До капитализма и турбокапитализма (они же индустриальное – постиндустриальное общество; периодизация не совпадает) равенства прав всем женщинам данного общества не требуется, и обеспеченно такое равенство быть не может.

Женщины в древней Руси были экономически, юридически, идеологически равноправны, представляли собой самостоятельную политическую силу. В договоре с Византией 944 года жена Улеба (видимо, и Предслава) представляла их интересы, которые и должен был учесть в договоре Шихберн (и Каницар) [1]. 18 «простых» женщин в посольстве Ольги, которое завершилось её переходом в другую веру, тоже знаменуют статус, далеко превышающий статус «хранительницы очага» [2]. Понятно, что в нарративных источниках сохранились только имена знатных женщин, однако и положение обычных тоже описано вполне адекватно. Следует обратить внимание на базовые экономические факторы.

Собственность принадлежала «задруге» – сначала семье, потом общине, – и наследование могло быть осуществлено тремя способами: 1) глава семьи указывал преемника; 2) хозяйство делилось между детьми; 3) выбирали преемника всей задругой [3]. И поначалу никакой разницы между мальчиками и девочками не было, выбор был по деловым качествам. Чем ближе к нашему времени, тем чаще выбор смещался в сторону мужчин, но это логично объясняется всё более нестабильной обстановкой, в которой решающим доводом становится военная сила. Тут уж никуда не денешься от биосоциального императива – мужики, на выход с оружием.

Следует обратить внимание, что понятия «странник», «изгой», «калика», «пущеник», «прощеник» и им подобные все мужского рода. В Древней Руси (включая в значительной степени Киевскую) было немыслимо печальное одиночество женщин на низшем экономическом уровне [4]. Ни на бытовом, ни на юридическом языке не могло быть сформулировано отлучение женщин от права, будь оно онтологическое, экономическое, юридическое, социальное или бытовое. Включая права на оборону, в том числе активные, и на крайний случай, превентивную оборону. Тем более, что даже нейрофизиологическая структура женского мозга превосходит по прогностическим способностям обыденный уровень политического прагматизма, и следовательно, девушки и женщины того времени точно знали, зачем им надо участие в войне. Это обеспечивало высокую военную силу всего славянского и древнерусского общества, как в обороне, так и в нападении.

Вывод: Древняя Русь была самым свободным государством из возможных в реальности. Может быть, более справедливым было только устройство полисов по Локрианской конституции. К сожалению, мы слишком мало знаем о реальной жизни этих полисов, всё затмила история Спарты и Афин. А поскольку именно они лежат в основе современной системы жизнеустройства, то поэтому мы так и живём. И пока человечество не перейдёт от парадигмы выбора между моделью «суровой и непобедимой Спарты» и моделью «демократических и культурных Афин» к парадигме выбора между моделью Руси и моделью Локр, принципиального улучшения не будет.

Список литературы

2. Греков Б.И. Киевская Русь. – Л., Госполитиздат, 1953
3. Полное собрание русских летописей. – Т. 24-26. – М.-Л., 1959.
4. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. – М., Наука, 1993.
5. Прокопий Кесарийский О готской войне // Вестник древней истории. – № 4. –1938.

ОНТОЛОГИЯ КАК СОБЫТИЙНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СОЗНАНИИ ОБЩЕСТВА

Глушко Е.С., канд. экон. наук

Автомобильно-дорожный институт

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР

ketkop@mail.ru

Онтология с самого начала выступает таким типом знания, которое не имеет природных критериальных основ, в отличие, например, от эмпирических наук. Она должна отстаивать свое право на построение картины мира путем рационально-рефлексивного размышления.

Поиски философами сущности истины как таковой, добра как такового неизбежно наталкивались на проблему выявления первоначала, которое выступает критерием истинности, моральности и т.д. Достоверность получаемого мыслительным путем знания не могла быть обоснована без внешнего, не зависящего ни от чего критерия. И этим критерием могло выступать лишь само бытие, т.е. то, что есть на самом деле, в отличие от иллюзорных явлений и вещей.

Проблемам человеческого бытия были посвящены работы известных ученых таких как: Яковлева М. В., Мамардашвили М. К., Нестеренко Г. Я. Среди зарубежных ученых хотелось бы выделить М. Marder, S. Zabala. Эти ученые потратили достаточно времени и сил для выявления понимания бытия как такового. Однако они опускали момент формирования представления о бытии в сознании общества.

Целью работы является установление понимания онтологии как событийного представления в формировании сознания личности в частности и общества в целом.

Философия – довольно своеобразное начинание, хотя бы потому, что в отличие от позитивной науки, она не допускает прогресса. Наоборот, яблоком раздора среди самых ярких представителей дисциплины, начиная с древности, являются те, кто способен обращаться к бесспорным «первым принципам» (аристотелевский термин, который остается применим к мыслителям до и после Аристотеля). Почему эта одержимость истиной, истиной или первопричиной? Почему эти понятия так соблазнительны для человеческого понимания? А также, почему философия склонна к задаванию вопроса «почему?» и, затем, объясняя мир со ссылкой на один всеобъемлющий элемент, концепцию или силу?

Без сомнения, часть ответа связана с тем, что философский способ исследования унаследован от мифологии, из которой, несмотря на все свои усилия, он, возможно, никогда полностью не оторвется. Миф – это совокупность происхождения происхождения, создания или

происхождения от источника, который действует во всем, что исходит из него и который, в то же время, остается незатронутым этими течениями. Спрашивая: «Почему?», мы, чаще всего, ностальгически стремимся вернуться к надуманной простоте этого утраченного происхождения, достаточно мощного, чтобы дать представление о самых разнообразных явлениях и, в конечном итоге, о всех – существ в их совокупности. На самом деле, в руках метафизика, явления неизменно превращаются в эпифеномы, мимолетные и условные выражения первопричины ниже, позади или выше мир здесь и сейчас. Метафизическое объяснение Бытия исключает наступление события, как нечто непредвиденное, несводимое к доминирующей причинно-следственной связи, и непереваемой в математические формулы. На своих собственных условиях, метафизическая философия перед нами ставит выбор: Бытие или Событие? Систематическая онтология или необъяснимое и еще более неясное отражение мифологии?

Тем не менее, условия этого выбора безнадежно искажены. Метафизическая онтология имеет гораздо больше общего с мифом, чем кажется на первый взгляд. Как мифология, метафизика действует, чтобы успокоить испуганного ребенка в нас. Как только мы произнесем или услышим «Почему?» мы ожидаем удовлетворить наше детское любопытство и успокоить наше беспокойство объяснением, которое имеет смысл и является внутренне последовательным и непротиворечивым. Мы задаем такие вопросы в надежде получить определенный ответ, соответствующий тому, что мы уже знаем и ожидаем. Вопрос еще не превратился в ответ учитывая, потенциальность, которая будет реализована в ответе.

Конечно, поиск неоспоримых оснований может быть ненадежным и может повлечь за собой радикальные сомнения, как в случае с Декартом. Но однажды философская земля обетованная достигнет трансцендентальной эйдетики, что послужит основой для всего остального философского мира. Это создаст непоколебимую основу для всего, что могло быть [1].

Это все приведет к радикальному скептицизму, вызовет позитивные теории и выводы, независимо от их содержания. Скептицизм по-прежнему останется философской игрой, валоризацией негативного движения мысли. Вместо скептицизма требуется опыт, чтобы подчеркнуть эмпирическое измерение – о шаткости всех основ, определений и принципов. Этот опыт будет представлять собой событие, в результате которого Бытие в целом будет потрясено вследствие травматизма и шока, которому мы подвергнемся.

Необходимо рассмотреть пример того, что имеется в виду под потрясением бытия, которое противостоит метафизическому идеалу непроницаемого основания и что выходит за рамки скептицизма. Проанализируем Декарта, который сидит у камина в зимнем платье, созерцая свои руки в сиянии огня и сомневаясь, вся эта сцена не сон ли. Философ сомневается в собственном существовании, если он протянет

руку немного дальше, достаточно далеко, чтобы почувствовать невыносимый жар огня. В какой степени устойчивая мысль в долгу перед физическими условиями? Французский мыслитель рассматривает возможность жжение его руки только для того, чтобы отвергнуть неисследованное приписывание тепла огню. Как бы то ни было, гипотетическое изменение – это важный эпизод в истории философии, которое дает представление о потрясении Бытия. Дело в том, чтобы понять мир необходимо признать, что Бытие сотрясено несправедливостью. Экстрим предел опыта, или чрезвычайная ситуация не является легким происшествием, его нельзя игнорировать. Это то, что нарушает правило, создает почву под ногами [2].

Когда Платон закрепил идею добра как высшую из идей, появилось состояние возможности Бытия. Возможно, он предчувствовал, как страдает сама онтология от несправедливости. В то же время платоновский поиск безопасных оснований мышления оказался одним из самых роковых в истории метафизика. Идеи стали почвой для роста изменений. «Небесное растение» – платоновское обозначение человека – материальное существование было обесценено как бледная тень истинного, эйдетического Бытия. Метафизическая онтология упакована как трансцендентно безразличная к реалиям история, бессильна производить какие-либо эффекты в сфере идей. Это означает, среди прочего, что философия иммунизировала себя против страдания и против течения времени; даже уничтожение всей планеты не изменит ничего в эйдетической реальности, согласно Платону и Гуссерлю. Хотя эти два мыслителя метафизической эры, дали Бытию различные имена (Сущность, Бог, Вещество, Вещь или Реальное, Субъект, Дух, Воля), они все равно сохранили свое трансцендентное равнодушие к тому, что было в Бытии, и обеспечили первый и последний ответ на вопрос «почему?» [3].

Одно очевидно, хотя и грубая, альтернатива философскому поиску твердое основание – это новый акцент на опыте беспочвенности, что равносильно внешней критике этой доминирующей традиции. Неметафизическое Событие без Бытия столь же несовершенно в его верности чистому эмпиризму как метафизическое Событие без события. В конечном счете, Событие без Бытия прокладывает путь для уклонения от этической ответственности или, в лучшем случае, прячется за пустые системы нормативности, которые гордятся тем, что «преодолели» онтологические основы метафизики.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, Культура, 2002.
2. Яковлев М. В. Идеология. / М. В. Яковлев. – М.: Мысль, 2009.
3. Marder M. Shaken: Ontology and the Event Being / M. Marder, S. Zabala. – England, 2018.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА КОМИЧЕСКОГО В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Гришанова Е.В.

ГОУ ВПО ДНР «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
katyushka.0312@mail.ru

Актуальность вопроса о феномене комического давно является предметом научного интереса Аристотеля, А. Бергсона, А. Шопенгауэра, а также М. Бахтина, В. Белинского, В. Проппа, А. Сычева. От эпохи к эпохе менялись особенности комического: менялась и сама действительность, и исходная позиция термина «комическое». Проблема смеха всегда являлась одной из немаловажных проблем социума, ведь интерес к ней проявляли ученые, начиная от эпохи Античности, и заканчивая нашим современным миром. За этот период было сформировано большое количество идей, проделано множество наблюдений, которые дали разъяснительные понятия термину «комическое».

Изучение феномена смеха открывает новые возможности для целостного понимания самой сущности общества и человека. Смех играет важную роль в развитии социальных отношений. Вступая в диалог с прошлым, именно смех позволяет понять настоящее и найти возможные пути выхода из определенных ситуаций современности. Философский энциклопедический словарь трактует «комическое как особенную категорию эстетики, которая отражает в виде высмеивания детерминированное исторически несоответствие – полное или частичное – некоторого определённого общественного явления, деятельности людей, особенностей их нравов, поведения, обычаев объективно целесообразному порядку вещей, а также эстетике» [3, с. 265]. Многие авторы рассматривают смех одновременно с юмором. А.Г. Козинцев справедливо отмечает, что связь эта весьма неоднозначная. Когда человек находится в одиночестве, он может считать определенные стимулы смешными, но при этом он не будет смеяться. В разговоре происходит то же самое: высказывания, которые отвечают всем «научным» критериям юмора, не вызывают смеха, хотя, судя по косвенным признакам, собеседники иногда понимают такие высказывания и ценят их. А.Г. Козинцев пишет: «Смех трактуется как выразительное движение – нечто вторичное, внешний и непостоянный отблеск внутреннего переживания» [1, с. 100]. Автор отмечает, что юмор просто не может существовать без смеха, юмору необходим смех. Главная функция комического искусства состоит в том, чтобы смешить людей. И то, что люди редко смеются в одиночестве, является не случайностью, а следствием того, что смех чрезвычайно

социален по природе. Эту же позицию придерживается и ученый Р. Мартин, который считает, что «большинство людей смеются и шутят намного чаще, когда находятся с другими людьми, чем, когда одни» [2, с. 159].

В профессиональной деятельности педагог не раз сталкивается с феноменом комического, ведь смех не только защищает, но и развлекает человека. Научный стиль и серьезность современной педагогической практики сегодня не всеми принимается однозначно. Многие педагоги остро ощущают потребность в снижении стиля и выстраивании нормального человеческого разговора.

Освещая различные стороны человеческой жизни, модели поведения, а также типы личности, смех описывает не только общество, но и дает ему важную оценку для понимания сущности социальных процессов. Одним из важных факторов смеха является коллективный смех. Именно в данном виде смех подразумевает новый уровень понимания, который носит название *взаимопонимание*. *И именно данное взаимопонимание является важным признаком* для того, чтобы сплотить весь коллектив. Философский словарь дает следующее определение смеха: «Смех – культурно-психологический феномен, в котором выражается способность человека к комической оценке действительности» [3, с. 617]. Говоря о взаимопонимании, нельзя не затронуть тот факт, что одной из категорий людей, которым оно нужно, наверное, больше других, – это, конечно же, студенты. В современном мире образование для студента играет самую важную роль. Только педагог, который будет обладать интеллектуальными и коммуникативными качествами, способен критически мыслить и творчески подходить к решению задач. Именно поиск новых путей повышения эффективности образования и поиск педагогических технологий, будет стимулировать учителя использовать весь свой личный опыт и потенциал в работе со студентами. А всю его педагогическую ценность будет представлять такое свойство человеческой природы, как юмор и смех. Поэтому чувство юмора многие ученые ставят как основное качество, которое должно присутствовать у каждого педагога.

Самым важным фактором для педагога является то, чтобы найти общий язык с аудиторией, а не попасть впросак. В современном мире педагогу приходится нелегко: сложный характер молодежи говорит о том, что они никого не слушаются и никому не подчиняются, преподавателю очень нелегко найти ту самую лазейку к студенту. Ситуация складывается непростая и в данный момент использование юмора, с включением шуток, анекдотов, афоризмов, притч однозначно идет, конечно же, не в ущерб, а во благо учебного процесса. Многие люди знают шутку, но это не означает, что они ее понимают, и именно здесь важным является то, что смех является выражением не знания, а понимания как такового.

Студенты всегда использовали шутки в течение всего семестра. Они могут шутить на парах, на переменах и даже перед очередным экзаменом. Но шутящего преподавателя, кажется на первый взгляд, студенты всерьез не воспримут. Несерьезное поведение якобы наносит ущерб авторитету педагога, и шутить можно позволить только после занятия. Хотя любой студент хочет видеть перед собой улыбчивого, умеющего посмеяться и пошутить педагога, ведь именно это послужит успехом педагогического общения между преподавателем и студентами. То есть, если преподаватель будет шутить и высказывать какие-то реплики в течение пары, – студентами такой преподаватель воспримется на «ура», но шутящий и смеющийся педагог уже сам по себе будет представлять несоответствие сложившемуся представлению о педагоге с традиционными характеристиками такими, как «уважаемый преподаватель» и «серьезный преподаватель».

Таким образом, научный стиль и серьезность современной педагогической практики сегодня не всеми принимается однозначно. Феномен комического является неотъемлемой характеристикой человека и затрагивает все стороны человеческой жизни. В педагогической деятельности смех помогает педагогу справиться с нестандартными ситуациями и адаптироваться в коллективе. При наличии чувства юмора у педагога учащимся в какой-то мере передается его оптимистическое мировосприятие, что уже способствует позитивному психологическому климату в аудитории, и наоборот, если шутка будет не воспринята аудиторией, то и реакция у студентов тоже будет отрицательная, то есть мало кто из присутствующих студентов дальше продолжит слушать лекцию у преподавателя. Только смех позволяет преподавателю соблюдать общепринятые социальные нормы поведения, а также избежать многих «неудобных» ситуаций и обойти «острые углы» при общении со студентами. Таким образом, феномен комического проникает во все сферы человеческой жизни и представляет собой междисциплинарный объединяющий феномен, приобретая универсальный мировоззренческий характер.

Список литературы

1. Козинцев А.Г. Человек и смех / А. Г. Козинцев. – СПб.: Алетейя, 2007. – 236 с.
2. Мартин Р. Психология юмора / Р. Мартин. – СПб.: Питер, 2009. – 480 с.
3. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: СУБСТАНЦИЯ, СУБСТРАТ, СУБЪЕКТ ИСТОРИИ

Даниленко Г. Э.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
gddgtu@gmail.com

Вначале – несколько простых дефинитивных суждений. Сущность (существенное качество, суть-качество) истории – историчность. Историчность истории выражается в том, что она - процесс. Сущность же процесса – собственно, процессуальность (про-движение неким субъектом действия некоего объекта во времени и пространстве). Сущность субъекта – субъектность. Сущность исторической действительности – объективированное субъектное действие. Сущность деятельности в истории – субъектные деяние исторических деятелей.

История – открытая саморазвивающаяся (сама себя воспроизводящая) процесс-система, открытая и самоопределяющаяся в настоящем, неопределенная и открытая в будущее. В собственном смысле понятие «история» – сбывшееся, ставшее бытие, т.е. определенное пространство-временем прошлое. Если понимать историю как процесс или даже как просто развитие – перед нами неизбежно встает вопрос: что при этом развивается, что является субстанцией и субстратом исторического процесса, что – его субъектом.

Субстанция статической системы должна быть статичной, субстанция динамической системы (например, исторического процесса) должна быть динамичной, развивающейся, изменяющейся вместе с системой. Субстанцией исторического процесса может считаться саморазвивающийся и развивающий динамическую систему (историю) активный субъект исторического процесса. Субстанция исторического процесса поэтому – то же, что и субъект его. А эссенциальное качество последнего – субъектность – также и сущность субстанции исторического процесса: нет исторического процесса без осуществляющего этот процесс субъекта. Субстанцией исторического процесса, таким образом, выступают действительные (точнее, действенные – осуществляющие историческое действие) индивиды, интегрированные в единый род, рассматриваемые в единстве с их деятельной натурой (атрибутивной) и материальными условиями их существования. Действительный (деятельный) индивид – чувственно-конкретное (субстрат), а его деятельность – объективированная абстракция. В понятии деятельных индивидов имплицитно содержится понятие человеческого рода как субстанции исторического процесса. Человек и человеческий род

субстанциально тождественны. Объективная сущность исторического процесса, таким образом, – объективация человеческого рода в развитии. Субстрат – человечество, субстанция – деятельность-действительность. Пространство – историческая действительность, проявленная (оформленная) в различных формах-модусах истории: цивилизации, культуры, государства, общества и т.д.

Субстрат (или субстанция) может не иметь динамической сущности, но иметь атрибутивные динамические свойства. Сущность исторического процесса состоит в том, что он – саморазвивающаяся динамическая система, а развивающее историю субстанциальное начало – человечество. Субстанциальная сущность исторического процесса, таким образом, – он же субъект истории.

Субъект (человечество) саморазвивается количественно через удовлетворение все возрастающих по мере их удовлетворения потребностей и интересов. Потребности (природно-биологическая необходимость) и интересы (необходимость психо-биологического свойства – потребности сознающего и познающего разума) – одновременно и мотив, и целеполагание деятельности. Такой субстанциальной реальностью в историческом континууме можно считать все-общество (человечество). Интегративный субъект (историческая действительность складывается из деятельности интегративного целостного субъекта как взаимодействие всех субъектов исторической активности). Процедура интегрирования разнородных и разноуровневых, постоянно изменяющихся субъектов действия позволит нам объединить их в некую органическую всеобщность (тотальное все-общество). При этом, важно заметить, что под «субъектностью» мы понимаем сущностно определённое качество субъекта истории, которое характеризует его деятельно-преобразующий способ бытия в истории, его сознательную творческую активность, предметно-практическую деятельность в историческом процессе. Под категориями же объективного и субъективного мы понимаем то, что в исторической действительности (и в историческом познании) зависит и что не зависит от сознания действующего субъекта. Категорию «субъектность», таким образом, мы полагаем онтологической характеристикой субъекта, а «субъективность» – гносеологической.

Атрибуты материи – время, пространство, движение – также являются и качествами человечества. Это – субстанция в широком смысле (с атрибутами): субстанция с системой изменчивых атрибутов (качеств изменчивости). Субстанция, таким образом, состоит из неизменного субстрата и изменчивых атрибутов. Субстанция в узком смысле – это субстрат (взятый без атрибутов) – всеобщая, неизменная предметная основа всех явлений. Поскольку развитие – атрибут материи истории (история как процесс), субстанциальное единство исторического

бытия не может не означать и процессуального единства. Движение как продвижение (собственно, процесс), развитие – в этом атрибутивная специфичность исторической материи. Атрибуты – необъемлемые качества субстанции, модусы – множество способов существования этих качеств. Модусами (способами, какими субстанция существует) исторического процесса является все разнообразие форм исторической действительности: от нежизнеспособных форм, которые отмирают, до устойчивых, продуктивных и самовоспроизводящихся (неотъемлемые качества любой жизнеспособной формы вообще и исторической – в частности). Исторические формации – наиболее эффективные исторические образования (устойчивые, продуктивные и самовоспроизводящиеся).

Субстанция исторического процесса – как существующее само по себе, не зависящее ни от чего, но проявляющееся в своих акциденциях – всеобщество (человечество). Всеобщее-конкретная субстанция исторического процесса – все-человечество (все-общество). Сознательная проектно-продуктивная деятельность его – акциденции (или – модусы?). Субстрат исторического процесса – люди (вид *Homo sapiens*). Сущность истории обнаруживается через сущность человека, а сущность человека – сознательная деятельность. Сущность исторического процесса – деятельность (сознательное всеобщее действие). Субстанция – всеобщество. Атрибуты человека – сознание, общение, труд – разновидности деятельности (когнитивной, коммуникативной, производящей). Атрибутами исторического процесса также можно считать разнообразные формы материальной культуры (модусы ее – материальный, вещественный продукт); духовной культуры (модусы: продукты духовного производства), общественного взаимодействия (модусы – формы социального общения).

Сущность исторического процесса – деятельность (с субстанциальными характеристиками она включает в себя как субстрат – человечество, так и атрибутивные качества). Динамическая сущность истории как процесса определяется субстанциальными характеристиками, а не только субстратными, константными свойствами. Атрибутивные качества – сознательность (проективно-целеполагающая деятельность), материальность (предметная производящая деятельность – труд) и общение (коммуникативная коллективно-интегральная деятельность).

АТЕИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Даренская В.Н., канд. филос. наук, доцент

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко», г. Луганск, ЛНР
vera_darenskaya@mail.ru

Атеизм как тип мировоззрения является одним из ключевых и наиболее характерных феноменов цивилизации Модерна, основанной на потребительски-гедонистическом мироотношении и соответствующем ему типе сознания. Однако феномен атеизма редко становился предметом философско-культурологической рефлексии, но обычно трактуется в рамках идеологической пропаганды: либо атеистической, стремящейся приобрести форму наукообразного мировоззрения, либо, наоборот, в рамках религиозной апологетики, для которой этот феномен не составляет самостоятельного предмета анализа, и рассматривается лишь как одно из крайних проявлений человеческой гордыни, которая и приводит к обезбожению разума. является анализ атеизма как особой структуры сознания, возникающей вследствие отсутствия религиозного опыта, и его культурно-психологических предпосылок в современном социуме.

Элементы философского и психологического осмысления атеизма характерны для русской философской традиции, многие представители которой прошли через стихийный юношеский атеизм к сознательному возвращению в православную веру и церковность в результате большого жизненного и творческого пути. Этот уникальный опыт творчески-напряженного и глубоко индивидуального «переоткрытия» истин веры составляет одну из наиболее ценных и поучительных сторон этой традиции. Одним из открытий русской философской мысли стало понимание того, что атеизм не сводим к одним лишь деструктивным процессам в духовном мире, психике и рациональном мышлении людей, но также и несет в себе в своеобразной «превращенной», скрытой форме многие глубинные элементы религиозного сознания, как бы «питаясь» их энергией. Более того, был открыт и объяснен парадокс, впервые сформулированный Ф.М. Достоевским: «Атеизм самый полный ближе всех, может быть, к вере стоит» [1, с. 268]. Объяснение его состоит в том, что *негативная вера* – вера в несуществование Бога – часто требует для своего утверждения большой напряженности и страстности человеческой души, не считающейся ни с какими контраргументами и способной в отдельных случаях даже на страдания за свою убежденность. Тем самым, «самый полный», агрессивно-непримиримый атеизм оказывается ближе к восприятию *позитивной веры*, чем равнодушная «теплохладность» в отношении к религии. Этим объясняется и тот факт, что нетерпимость и фанатизм в наше время намного

чаще встречаются именно среди атеистов, а не среди верующих (что стало, в частности, причиной принятия в Российской Федерации специального закона о «защите чувств верующих»).

Опыт прихода к вере современных верующих, получивших еще атеистическое воспитание, является ценным предметом для психологических исследований, которые могли бы вскрыть самые глубокие «механизмы» трансформации человеческого сознания. К сожалению, этот предмет до сих пор еще остается за пределами интересов большинства профессиональных психологов, остающихся не знакомыми с религиозной сферой человеческого опыта и поэтому обычно довольствующимися ложными «объяснениями» феномена религиозной веры как якобы результата «страха», «фантастических представлений» и т.п. Логическую абсурдность таких псевдо-объяснений происхождения религиозной веры хорошо разъяснял А.Ф. Лосев: «Понятие абсолютного и безусловного никак не может быть продуктом фантазии человека, поскольку фантазия – это всего лишь сочетание образов частных предметов, и образ абсолютного из них не может возникнуть, и кроме того, само абсолютное не может быть представлено в виде какого-либо образа. Тем самым, обычное объяснение возникновения религиозной веры из какой-то «фантазии» совершенно абсурдно уже в силу самых элементарных психологических фактов. Как отмечает далее А.Ф. Лосев, поскольку «бытие безусловного... не может быть почерпнуто ни из ограниченного опыта и наблюдения, ни из воображения человека, то остается допустить, что понятие безусловного есть следствие прямого, непосредственного наличия самого безусловного [3, с. 193]. Поэтому, делает вывод А.Ф. Лосев, «отрицание безусловного абсолютно логически невыполнимо и, следовательно, невозможно. Оно содержит *самопротиворечие, самоотрицание*. Ибо ведь если нет ничего безусловного, то прежде всего – само это положение как таковое не имеет незыблемой, безусловной истинности, так как оно обращается против самого себя, и следовательно, оно непосредственно уничтожает, отрицает само себя» [3, с. 192]. В свою очередь, тот факт, что у человека существует опыт познания Абсолютного, который а priori не может возникнуть из каких-то «фантазий», ставит вопрос об источнике такого познания.

Обычные теории познания в первую очередь имеют дело с познанием материального мира, поэтому объяснение специфики религиозного познания для них представляет большую сложность. Для религиозной философии, наоборот, именно богопознание является ее важнейшим предметом и составляет главный интерес. «Органом» познания Бога являются не внешние органы чувств, а бессмертная душа человека. В свою очередь, рациональное абстрактное мышление перерабатывает данные как внешних чувств, так и души. Но только богопознание дает полноту развития человеческого ума и личности в целом. Поэтому только верующий ум может называться «разумом» – то

есть *целостным умом*; поэтому, строго говоря, без богопознания полноценного разума еще не существует.

Душа человека проявляется в «божественных» атрибутах субъекта. Например, известный советский философ В.П. Иванов так описывал эти атрибуты: «Феномен субъективности выпадает из естественного “вещного” ряда: он лишен собственных материальных свойств, пространственности, делимости и т. д. и вместе с тем может делать своим проводником любые вещные свойства на любом пространственном протяжении. Он вездесущ и вместе с тем неуловим для измерения внешними масштабами – качественными, количественными и пр. Но, пожалуй, самое главное в том, что для субъективности в принципе невозможно указать совокупность порождающих ее внешних причин, условий и обстоятельств, ибо ее природа и специфическое отличие состоит именно в отношении ко всему внешнему, в “самопричинении” и “самообусловленности”. Она суверенна, поскольку начинает с себя» [2, с. 193]. Соответственно, душа, «начиная с себя», обнаруживает тот Образец, по которому она создана – своего Творца, который является Абсолютом и находится за пределами тварного мира. Это совершенно естественный человеческий опыт, который возникает сразу же, как только у человека возникает сознание, поэтому религиозная вера возникает уже у детей. Здесь еще нет вообще никаких образов, тем более «фантастических», это опыт чистого сознания, к которому какие-то образы «примешиваются» уже потом, при вхождении в определенную культурную традицию. Любые образы – хоть реальные, хоть фантастические – являются ограниченными и материальными и поэтому они не могут давать никакого понятия о Боге. Это понятие должно *предшествовать* образам, и только в этом случае определенные образы затем могут приобретать символический характер – становиться знаками Абсолюта. Религиозная вера – это опыт чистого сознания как таковой, и лишь затем он наполняется образностью.

Атеизм как особая структура сознания возникает в результате утраты первичного опыта становления субъекта и культурно-психологических предпосылок традиционной религиозности в современном социуме. Атеизм жизнеспособен в силу своего квазирелигиозного характера, сам становясь разновидностью веры со своими догматами и идеологией.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Из подготовительных материалов к роману «Бесы» // Полн. Собр. Соч. в 30-ти томах. – Том 11. – Л.: Наука, 1974. – 418 с.
2. Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. – К.: Наукова думка, 1977. – 176 с.
3. Лосев А.Ф. Бытие, его сверхлогические, логические и алогические элементы (диалектика) // Символ. Журнал христианской культуры. – № 32. – Париж, 1994. – С. 191-209.

КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ МЕДИЦИНЫ

Даренский В.Ю., д-р филос. наук, доцент

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко», г. Луганск, ЛНР
darenskiy1972@rambler.ru

Культурно-исторические трансформации медицины как социального института представляют интерес для философско-антропологического анализа. Во-первых, это сам базовый феномен медиализации как «процесс патологизации общества, производства повседневного пациентского самосознания», которое всегда предполагает «абсолютную отдачу себя на попечение врача и институциональных структур медицины» [1, с. 11]. Поскольку этот феномен порожден западной цивилизацией, а уже затем становится глобальным, то стоит рассмотреть его культурно-исторический контекст – то есть понять его как феномен пост-христианской цивилизации, точнее – как продукт дехристианизации общества и массового сознания.

Для аутентичного христианского сознания человек изначально находится в патологическом состоянии первородного греха и борьбы с ним. В свою очередь, телесные заболевания рассматриваются как обращения Бога к человеку с целью его вразумления. Хотя на бытовом уровне христиане воспринимают болезни в первую очередь как наказания за грехи, но этот смысл именно бытовой, а не подлинно религиозный – религиозный же смысл болезни состоит именно во вразумлении и предупреждении от дальнейших грехов. Бог посылает болезнь не столько «за» что-то, сколько «для» чего-то. В этом смысле св. Отцы Церкви называют болезнь «посещением Божиим». Тем самым, в традиционной христианской цивилизации человек тоже осознает себя как постоянно борющийся с множеством коварных болезней – но не телесных, а болезней духовных. Тем самым, позднейшая медиализация общества и массового сознания в эпоху секуляризации приходит вовсе не на пустое место. Она является, если здесь воспользоваться известным термином О. Шпенглера, – псевдоморфозой бывшего христианского сознания: только теперь на место духовных недугов ставятся недуги телесные (при этом даже и психические заболевания уже понимаются как обусловленные соматическими причинами). Но сама структура сознания, по сути, остается прежней – меняется только тип недугов, но не отношение к ним, и не само понимание жизни в целом как непрерывной борьбы с патологиями.

Соответственно, и «абсолютная отдача себя на попечение врача и институциональных структур медицины» является псевдоморфозой и почти «калькой» с такой же абсолютной отдачи себя на попечение Церкви и ее институциональных структур. И как раньше у каждого был личный

духовник, теперь на его место приходит личный врач. Роль духовника берет на себя психолог или психоаналитик, а само обращение к врачам становится таким же ритуализированным (и даже «сакрализированным» в сознании человека), каким ранее было участие в богослужениях. Если раньше человек мыслил себя как «раба Божиего», то теперь он, по сути, мыслит себя как «раба болезни» – и как раньше ничего не жалел для борьбы с грехом, так и сейчас ничего не жалеет для борьбы с телесной болезнью. Структура сознания не изменилась. Само слово «пациент» в буквальном переводе с латинского означает «страждущий», «терпящий», а это явно отсылает к библейским контекстам, где эти термины имели в первую очередь отнюдь не медицинское, а духовно-экзистенциальное содержание.

Вместе с тем, данная преемственность, имеющая парадоксальный характер исторической псевдоморфозы, не должна заслонять от нас самое фундаментальное различие в восприятии самой болезни традиционным религиозным сознанием и современным секуляризированным: если для первого, при всех оговорках психологического плана, болезнь всегда есть принципиально позитивный опыт, напоминающий человеку о бренности его бытия и предстоящем после смерти ответе перед Богом; то для второй, при всех индивидуальных оговорках, болезнь есть принципиально негативный опыт, ломающий земные человеческие планы часто до такой степени, что эта земная жизнь представляется человеку бессмысленной вследствие физической неспособности реализовать эти планы. Впрочем, общим знаменателем здесь является то, что в обоих случаях болезнь переживается как стресс и крушение планов, часто доходящее до полного отчаяния. Только в первом случае этот стресс понимается как опыт позитивный – вразумление; а во втором – как негативный (утрата).

Второй аспект связан с введением в антропологию медицины методологического инструментария «нарративного поворота» в гуманитарных науках. В частности, исследование нарративов болезни показывает, как выстраивается особый внутренний опыт пациента, сущностно влияющий на ее протекание. Поэтому «врачи начинают видеть в пациентских нарративах окно в мир действительных страданий, а также способ доступа к индивидуальным конstellляциям патологических симптомов и к их причинам» [1, с. 120]. «Отсюда – отмечает автор, – желание пациента вернуть себе нарративную субъектность, а с ней и ответственность за самого себя, – желание, которое некоторые связывают уже с эпохой *постмодерной* медицины» [1, с. 121]. Что это означает с культурно-исторической точки зрения? Если обратиться к аспекту онтологическому, то в этом феномене нельзя не увидеть определенное возвращение к медицине традиционных цивилизаций, в которых одним из главных средств исцеления было *исцеление словом*. И этим словом был не только заговор знахаря или церковный молебен за здоровье, но и собственный внутренний голос больного. Эмпирически известен феномен, когда больному сразу становится легче еще до всякого лечения, а просто

от разговора «по душам» с опытным врачом. Опытные врачи также весьма часто расспрашивают пациента о планах на будущее – зная, что тот, кто их не имеет, кому «некуда жить» (А. Платонов), как правило, обречен на болезнь и смерть, шансы на выздоровление у таких людей намного ниже. Все это просто опыт, который используется современными врачами повседневно. Тем самым, уже эмпирически очевидно, что «внутренний нарратив» пациента – т. е. его настрой на жизнь и выздоровление или на болезнь и смерть – является одним из ключевых факторов болезни.

Использование в медицине новых нарративных методов позволит в какой-то степени реактивировать принципы медицины традиционных культур, вернув пациенту «нарративную субъектность» и «ответственность за самого себя». Но только с той оговоркой, что «нарративная субъектность» и «ответственность за самого себя» вообще-то никогда не исчезали полностью, более того, они в некотором отношении даже поощрялись и медициной Модерна, основанной на секулярной науке. Но в Модерне это другая нарративность. Здесь пациент выступает в роли помощника врача – он должен, во-первых, точно описать свои ощущения, а во-вторых, строго следовать его указаниям, чтобы излечиться или избежать заболевания. И здесь пациенты действительно подпадают под внушающее действие языковых и ментальных стереотипов. Например, пациент описывает не симптомы и ощущения, а сразу говорит свой диагноз.

Однако в данном случае идет речь о нарративе совсем иного рода – о внутреннем самостоятельном нарративе пациента, в котором он вырабатывает свое *отношение к болезни*. Это нарратив имеет и этические, и религиозные, и сциентистские компоненты – это внутреннее усилие, концентрирующее всю личность. В этом смысле такой нарратив действительно является некоторым возвращением к тому переживанию болезни, которое было в традиционных обществах. Собственно, это один из вариантов «Постмодерна» – он состоит не в радикализации принципов Модерна, а наоборот, в новом синтезе с теми элементами традиционной культуры, которые были репрессированы Модерном, но сейчас оказались вновь востребованными, поскольку реально заменить их ничем. В методах медицины традиционных обществ нарративный аспект имел намного большее значение, чем просто «помощь врачу» в эпоху Модерна: это был полноценный диалог, целью которого было пробуждение внутренних психических сил пациента для борьбы с болезнью. «Нарративный подход» в медицине никогда не исчезал, часто приобретая весьма парадоксальные формы, но в настоящее время, его актуализация объективно неизбежна.

Список литературы

1. Лехциер В.Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. – Вильнюс: Logvino literatūros namai, 2018. – 312 с.

ЭПОХА, СХВАЧЕННАЯ МЫСЛЮ

Емельянова Н.Н., д-р филос. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
fianu48@mail.ru

Под эпохой обычно понимается длительный исторический период, выделяемый по каким-либо характерным явлениям и событиям. В гегелевском определении философии как эпохи, схваченной мыслью, заложено понимание философии как теории познания, а истории – как определенной философской системы, данной в универсальных категориях мышления. Осмысливая причинно-следственные связи действительности, философ осуществляет вербализацию главных потребностей своего времени и тем самым выражает задачи соответствующей эпохи. Схватить мыслью эпоху означает получить о ней достоверное знание, то есть осознать ее сущность и обрести право участвовать в историческом творчестве.

Многие мыслители, как зарубежные, так и отечественные, пытались осуществить подобное «схватывание» эпохи мыслью. А. Ф. Лосев, поставивший задачу систематизации истории русской философской мысли, писал: «Мы, русские, переживаем ту эпоху, которая должна служить гранью между старой жизнью и жизнью новой, эпоху, которая гораздо больше, чем всякая другая, отличается неопределенностью, блужданием по новым, непроторенным путям...» [2, с. 43]. При этом автор подчеркивал самобытность русской философии, постоянно связанной с практикой, «внутренним деланием». Характеризуя философию как дочь заходящего солнца, А. Лосев указывал на необходимость совмещения веры сердца и искания разумом истины. Чтобы быть философом, надо быть человеком, ибо философия – это наше отношение к миру.

Современный российский философ Ю. И. Семенов, осмысливая философию истории от древности до наших дней, показывает, как в науке произошло выделение трех всемирно-исторических эпох – античности, средних веков и нового времени, а в XIX в. утвердилось унитарно-стадиальное понимание развития человечества, воплощенное, в том числе, в марксистской теории [4]. Возникшая в противовес ей плюрально-циклическая концепция была основана на отрицании единой линии развития человечества и абсолютизации прерывности всякого развития (О. Шпенглер, Н. Данилевский и др.). Во второй половине XX в. появилась современная стадиальная типология социоисторических организмов: пре модерное, модерное и постмодерное общество. Также получили распространение концепция миров-экономик (Ф. Бродель), концепции зависимого развития и так называемый «мир-системный подход», при

котором современный мир предстает единым целым, в котором группа самых развитых держав господствует над всеми остальными социоисторическими организмами. Так, концепция центра-периферии и периферийного капитализма (Р. Пребиш) предусматривает экономическую зависимость аграрных стран от «центра», что препятствует их развитию и обуславливает их отсталость. Важнейшая причина отсталости периферии – выкачивание центрами существенной части ее доходов. Что касается современного антиисторизма (К. Поппер, Ф. Хайек, Л. Мизес, Р. Арон), то он отрицает объективность фактов и результатов исторического исследования. Тем самым подвергаются отрицанию всякая преемственность, историческая необходимость и прогресс в истории.

Выход из тупика Ю. Семенов видит в глобально-стадиальном понимании истории, согласно которому общественно-экономические формации выступают, прежде всего, как стадии развития человеческого общества в целом. Смена формаций в масштабах человечества в целом может происходить и без их смены в качестве стадий развития социоисторических организмов, что предполагает передачу исторической эстафеты от одних систем социоисторических организмов к другим системам. Такое понимание смены стадий всемирной истории мы встречаем у Г. Гегеля, попытавшегося дать законченную картину всемирной истории. В истории русской общественной мысли идея исторической эстафеты обнаруживается у Н. Карамзина, В. Ключевского, Б. Тураева. Эстафетная форма смены формаций сопровождается пространственным перемещением центра мирового развития. Она носит всемирно-исторический, глобальный характер; точно так же сами стадии выступают как всемирно-исторические, глобальные. Поэтому данное понимание истории Ю. Семенов и называет глобально-стадиальным [4, с. 26].

«Мир-системный подход» и эстафетно-стадиальный вариант истории был исследован также современным российским философом Г. Завалько, убежденным в том, что всемирная история, начиная с появления классовых обществ, выступает как процесс смены всемирно-исторических эпох – древневосточной, античной, средневековой и новой [1, с. 200].

В рамках исследуемой темы особенно актуальной представляется работа отечественного философа Заида Оруджева «Способ мышления эпохи. Философия прошлого», написанная в 2004 г. Вспоминая известный постулат, согласно которому, об обществе, в котором мы живем, следует судить по его отношению к старикам и детям, автор подчеркивает, что оценка настоящего зависит от того, как в нашем сознании преломляется прошлое и будущее: «Дети должны получить от общества столько, сколько общество ждет от них; старики должны получить от общества столько, сколько общество от них уже получило» [3, с. 6].

3. Оруджев убежден, что каждой эпохе соответствует тот способ мышления, который определяется накопленным прошлым, продолжающим

существовать и действовать в иной форме. Накопленный мыслительный опыт человечества отражает содержание эпохи. Утрата прошлого означает не только утрату исторической памяти, но также исчезновение человека в общественном смысле этого слова. К стабилизирующим факторам прошлого автор справедливо относит символ, ритуал, обычай, религию, право, семью, традицию, а к разрушительным – войну, социальную поляризацию, криминал и терроризм. Война уничтожает то, что было накоплено в ходе прошлого, в первую очередь – людей, то есть реальных творцов. Социальная поляризация опасна тем, что происходит вымывание промежуточных слоев социальной структуры общества; происходит разрушение этических норм жизни и усугубление криминальной картины.

З. Оруджев полагает, что самый правильный путь решения проблемы – это создание сначала эффективного спроса путем искусственного повышения доходов бюджетных работников, а уже затем – преодоление инфляции, колебания курса национальной валюты и пр. С этим нельзя не согласиться: духовный потенциал общества напрямую зависит от того, насколько адекватно государство ценит (и оценивает) самоотверженный труд работников образования, здравоохранения и культуры.

Обществом управляет исторически определенный способ мышления; в этом проявляется внутренняя логика истории. Способ мышления эпохи, подчеркивает З. Оруджев, – это не средний уровень развития мышления в данную эпоху, а определенный тип мышления. Философ открывает не то, к чему не прикоснулось мышление человека. Он открывает то, что уже функционирует в мышлении человека и всего общества. «Способ мышления каждой эпохи, т. е. накопленное прошлое, – источник философских и логических систем соответствующих эпох. Поэтому рассмотрение философских систем эпохи дает нам в результате описание способа мышления самой эпохи» [3, с. 271].

От того, насколько адекватно в мышлении схвачена эпоха, зависит будущее человека, социума и человечества в целом.

Список литературы

1. Завалько Г. А. Всемирная история глазами сторонников мир-системного подхода / Г. А. Завалько // Философия и общество. – 1998. – № 5. – С. 178-200.
2. Лосев А. Ф. Значение наук и искусств и диссертация Руссо «О влиянии наук на нравы» // А. Ф. Лосев. На рубеже эпох. Работы 1910-х – начала 1920-х годов / Общ. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкий. – М.: ПрогрессТрадиция, 2015. – С. 43-62.
3. Оруджев З. М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого / З. М. Оруджев. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 400 с.
4. Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5201163/> – Назв. с экрана.

СТРОЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО АКТА И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ: И.А. ИЛЬИН ОБ «ОБЪЕКТИВНОСТИ» В РЕЛИГИОЗНЫХ СПОРАХ

Жданова И.В.

ФГОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова», г. Белгород, РФ
Timn-521@yandex.ru

Введение. И.А. Ильина часто обвиняют в «протестантском уклоне» (при всем его подчеркнутым «послушании» в отношении «священноначалия») [1]; размышляющий философ свободен и не связан «извне» никаким авторитетом, кроме им самим свободно же признанного. «Предметная» философия Ильина предполагает интерпретацию «разночтений» и «разногласий», в том числе в интерпретации «св. текстов», через различие способов раскрытия единого Предмета ограниченным и обусловленным способностям людей (и народов). Одной из таких, вполне объективных, причин «уклонов» являются исторические условия реализации, осуществления религиозности, в том числе и христианской [2].

Цель. Определить конфессиональные различия в отношении к исторической обусловленности строения религиозного акта в политической философии И. А. Ильина.

Основная часть. Христианское откровение не было «написано на чистом листе», но было даровано народам, которым уже было свойственно определенное строение душевно-духовного акта. «Наложившись» на него, христианство получило «конфессиональное оформление». Изучение этого вопроса в русской религиозной и философской литературе имеет длительную историю, отношение к католичеству и протестантизму, «бытовое» и «сознательное», для православного человека всегда стояло едва ли не в «центре» его религиозности, что в первую очередь было вызвано, конечно, единственностью и «уникальностью» православного Царства. Целая отрасль богословия занималась критикой инославных учений и выработкой отношения к ним; русская религиозная философия со времени своего возникновения тоже поставила этот вопрос в центр своего внимания: достаточно вспомнить имена Г. Сковороды [3], П.Я. Чаадаева [4], А.С. Хомякова [5]. Говорить здесь что-либо «походя» – мы считаем занятием совершенно безответственным. И вопрос этот затрагивается нами лишь в одной связи: отношение Ильина к конфессиональным спорам весьма специфично. Во-первых, странно и непривычно звучат его призывы к «объективности» в делах религии [например, 6, с. 10], но лишь до тех пор, пока мы не определили, что понимает философ под

«объективностью». Ильин нисколько не хочет нас убедить в необходимости подходить к вопросам веры как бы «извне», что для искренно верующего человека невозможно и совсем не нужно: равно «беспристрастное» отношение ко всем «конфессиям» в христианстве может проповедовать только атеист [или иудей, мусульманин и т.п.]. Для христианина, здесь может иметь место не «беспристрастие», но некоторая «справедливость», которая заключается в том, чтобы «не возводить напраслины» и «уметь слушать», а не «анафематствовать» без нужды. Своим же иерархам, как это неоднократно подчеркивал и сам философ, мы обязаны сыновним и дочерним послушанием.

Но, во-вторых, применительно к Ильину, дело даже не в этом. Здесь нам необходимо обратиться к его сочинению «О сущности правосознания»: «Религиозное состояние души не следует отождествлять с ее «церковным» или «вероисповедным» состоянием» [7, с. 396]. Доказательство этому философ видит в том факте, что «религиозный человек может не принадлежать ни к какому вероисповеданию и ни к какой церкви. Свободное богосозерцание может не привести человека ни к догматическим формулам конфессионального характера, ни к социальному объединению с другими людьми на основе исповедания, культа и права [церковь]» [7, с. 396]. А может произойти и обратное: при наличии церковного и конфессионального состояния души, которое по определению должно быть религиозным состоянием, даже в силу логического соотношения видового и родового понятий, первое всегда имеет все признаки родового. Тогда догма отрывается от подлинного личного религиозного опыта и становится мертвою, рассудочною формулою. Быт поглощает религию, и религия утрачивает бытие, а «церковь» и «вероисповедание» остаются как знак бывшей, но утерянной религиозности» [7, с. 396].

Изучение Ильина утвердило авторов во мнении, что он постоянно колебался в признании «таинства Церкви» и его благочестие и подчеркнутое послушание православной иерархии не всегда в этом вопросе соответствовало его убеждениям. Ильин, видит причины конфессиональных различий в особенностях строения религиозного акта. Вполне естественно, что нас интересует строение «православного религиозного акта». Его своеобразие определяется особенностями душевно-духовного акта русского народа, воспринявшего «по-своему» христианское откровение: «Русский национальный акт сложился под влиянием четырех великих факторов: природы, славянской души, особой веры и исторического развития» [2, с. 384].

Теперь же вернемся собственно к религиозному акту, и нам важно еще раз подчеркнуть: «Исповедание отличается от исповедания по своему основному религиозному акту и его строению. Важно не только то, во что ты веруешь, но еще и то, чем, то есть какими силами души осуществляется

твоя вера» [2, с. 388]. Так вот, «первичное и основное пробуждение веры для православного – есть движение сердца, созерцающей любви, которая видит Сына Божия во всей Его благодати, во всем Его совершенстве и духовной силе, преклоняется и приемлет Его как сущую правду Божию» [2, с. 389-390], и далее: «Посему у православного душа оживает от свободного умиления, от доброты, от сердечной радости, – и тогда зацветает верою и соответственными ей добровольными делами» [2, с. 390]. Итак: «Православная Россия верит иначе, глубже, искреннее, пламеннее. В ее вере есть место и воле; но воля не вынуждает из души веру, а сама рождается от веры, рождается огненная, непреклонная, неистощимая. Есть место и разуму; но разум не родит веру и не обессиливает ее ни рефлексией, ни логикой, ни сомнением; он сам насыщается верою и мудреет от нее. Вера же рождается от того, что человек созерцает Бога любовью...» [8, с. 15]. В основе православия лежит любовь, и путь его таков: «Сначала любить, в любви созерцать, и потом желать» [8, с. 426]. Такое знание о православии добывается опытным путем, и – «вчувствующейся любовью». Именно поэтому, по мнению Ильина, так много для его [православия] понимания может дать художник, от нашей иконы до романов истинно православных русских художников: Достоевского, Лескова, Шмелева.

Список литературы

1. Болотнов Г.В. Концепция религиозного опыта И.А. Ильина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 10 (65). – С. 165-175.
2. Гаврюшин, Н.К. Этюды о разумной вере. – Минск: Белорусская православная церковь, сор. 2010. – 655 с.
3. Сковорода Григорий. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: «Мысль», 1973. – 511 с.
4. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. – М.: Наука, 1991. – 801 с.
5. Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси / Хомяков А. С. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. М.: Медиум, 1994. С. 25-195.
6. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. М.: Русская книга, 1997. – 560 с.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. – 624 с.
8. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Русская книга, 1996. – 672 с.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Казакова О.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kf.phylosophy@donnu.ru

Актуальность исследования знаково-символического измерения социальной реальности определяется динамикой процессов глобального мира, расширением диапазона научного знания в обеспечении жизнедеятельности сверхсложных социальных систем, утверждающих фактор семиотизации жизни как новый тип и способ коммуникации. Проблемы усложнения социальной жизни находят решение в дискурсах современной философии, в которых «социальность» и «человек» утверждаются в специфической семиотичности фактов разных уровней. Актуализируется рассмотрение общества в особенностях его знаково-символического содержания жизни, требуется осмысление принципов обобщенной рациональности социальных процессов.

Выявление сущности знаково-символических смыслов современного мира возможно через установление особенностей их семиотического значения и роли в формировании общества и человека. Для этого необходимо определить методологические основы социально-философского исследования семиотики в структурах информационного общества.

Предметный анализ семиотики и знаково-символической коммуникации осуществлен в теоретических исследованиях К.-О. Апеля, Р. Барта, Ж. Батая, Ж. Бодрийяра, К. Леви-Стросса, Ч. Пирса, Р. Рорти, Ф. де Соссюра, Ю. Хабермаса и т. д. В отечественной философской мысли исследование знаково-символической проблематики проведено в трудах М. Бахтина, А. Лосева, М. Мамардашвили, З. Оруджева, А. Пятигорского, Б. Успенского, С. Хоружего и др. Каждый из теоретических дискурсов, связанных с семиотическими проблемами, обнаруживает онтологические, гносеологические, культурологические, аксиологические аспекты исследуемой темы.

Методологическую основу исследования должны составлять общеполитические принципы познания социальных явлений, которые подчинены системно-структурным, синергетическим, постмодернистским, социокультурным методам и подходам в их взаимосвязи. Так, системно-структурный метод необходим для целостного осмысления феномена «семиозиса» в полифонии элементов социальности. Синергетический метод, соответствующий процессам социокультурной жизни в контексте инфомира, позволяет исследовать феномен «семиосферы» как сложной нелинейной, открытой системы.

Для более глубокого понимания восприятия мира как беспредельного «текста-гипертекста» можно привлечь процедуры герменевтического анализа. Раскрытие взаимосвязи феномена «телесности» в социокультурном контексте, анализ знаково-символических смыслов социоэкономических аспектов жизни человека представляется продуктивным исследовать в пространстве методологических дискурсов философской антропологии, экзистенциализма и философии экономики.

Общенаучные принципы историзма, дополнительности, соответствия выполняют функцию теоретической и практической взаимосвязи поставленных проблем.

Данная методология поможет осуществить задачу сочетания современных философских дискурсов с классической традицией и раскрыть знаково-символическую сущность глобальной социальности. Необходимо проследить генезис становления и развития «информационного мира» как семиосферы, в которой «знаки» превращаются в социокультурные символические формы, расширяя пространство жизни человека в обществе.

В процессе социально-философского анализа выявляется, что «знак» является не только структурным элементом коммуникации, но и средством сохранения и ретрансляции информации. В результате семиосфера приобретает особые коннотации в знаково-символической культуре информационного мира, в котором реализуются идеалы и смыслы современной социальности.

Переход от производства вещей к созданию «символов» и «знаков» обуславливает привлечение к теоретико-методологическому анализу дискурсов философии постмодернизма, что означает продуктивное повышение «гибкости» интеллектуальных форм. Постмодернистский метод, характеризующийся принципиальным отказом от традиционных проблемных полей, классических семантических и аксиологических приоритетов, поможет проследить внутренние измерения «знака» и «символа» в парадигме системообразующих понятий «ризоматичности», «интертекстуальности», «поливариантности».

Таким образом, результаты исследования дают возможность углубить понимание основных стратегий развития жизни человека в условиях «информационного мира» и семиотизации социокультурной жизни, что предполагает расширение сферы влияния знаково-символического универсума на теорию и практику. Полученный материал имеет научную ценность для философских рефлексий феномена «семиозиса» в контексте новейших теоретико-методологических тенденций познания и мышления.

О ЗНАЧЕНИИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ИЗМЕРЕНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Камарали А.В., канд. филос. наук, доцент

ГОО ВПО «Донецкий институт железнодорожного транспорта», г. Донецк, ДНР
institute-transporta@mail.ru

Культура и цивилизация – важнейшие характеристики общественных систем, позволяющие с относительной полнотой выразить их внутреннее и внешнее состояние. При этом культура является своеобразным кодом социального организма, в котором фиксируются также все основные особенности его цивилизационного развития, передающиеся из поколения в поколение благодаря культурному наследию. Именно поэтому через осмысление феномена культуры можно много узнать о внутреннем состоянии того или иного социального организма, и даже о человечестве в целом, как о целостной саморазвивающейся системе. Однако такой подход не позволяет понять историческую логику их развития, объяснить многообразие форм общественного устройства, наконец выяснить, как возможно и как нужно устроить человеческое сообщество, чтобы оно максимально соответствовало природе человека и не нарушало его естественных прав и экологического равновесия. Такая задача в известной мере решается обращением к понятию «цивилизация», что, несомненно, расширяет диапазон исследования, но все-таки еще не обеспечивает целостного восприятия всей социосистемы в целом, когда можно было бы анализировать культурное сходство и различие отдельных социальных групп, пребывающих в едином цивилизационном пространстве.

В решении данной проблемы ряд ученых возлагают определенные надежды на комплексный подход, в основе которого лежит идея мультикультурализма. Однако беспорядки, начавшиеся в конце октября 2005 г. во Франции и эхом отозвавшиеся в ряде других европейских стран, поставили под сомнение тесно связанную с мультикультурализмом концепцию «направляющей культуры», в соответствии с которой основной тон и вектор культурного развития в рамках единого цивилизационного пространства для всех культурных традиций, в частности привнесенных в ту или иную страну переселенцами из других стран, задает национальная культура, принявшая эмигрантов. Как показал ход развития реальных событий, разные культуры по-разному вписываются в цивилизационные рамки в зависимости от того, насколько та или иная привнесенная культура соответствует достигнутому в данной стране уровню развития цивилизации.

Лучше понять суть отмеченных коллизий в какой-то мере помогает другой неологизм –параллельные культуры, в соответствии с которым в рамках одной общественной системы могут сосуществовать от двух и более культур, сохраняющих свою самобытность и относительную автономность даже в условиях их активного взаимодействия. Собственно, именно это и происходит во многих наиболее развитых государствах мира, куда под влиянием процессов глобализации, а также в силу специфических условий и возможностей, создаваемых ею и наступающей глобальной цивилизацией, направляются все увеличивающиеся потоки эмигрантов, со всем своим социокультурным «багажом» (привычками, традициями, образом жизни), корнями своими остающихся в той среде, которую они покинули в поисках лучшей доли. Таким образом, в рамках исторически сложившегося и вполне определенного культурно-цивилизационного развития той или иной общественной системы возникают так называемые параллельные культуры, количество и степень активности их имеет определенные границы, нарушение которых чревато для данной системы выходом ее из равновесия.

Устойчивость культурно-цивилизационного развития определенного социума обеспечивается, прежде всего, основной для него, т.е. «направляющей», культурой, а также укорененностью цивилизационных норм и принципов в сознании большинства членов данного социума. При этом всякого рода культурные «аномалии», возникающие на стыке параллельных культур, легко нивелируются, когда они и по количеству и по накалу незначительны. Поэтому адаптация «параллельных культур» к цивилизационным нормам конкретной страны происходит более или менее успешно только тогда, когда этот процесс осуществляется достаточно медленно и в нем задействованы не слишком большие массы людей, интегрирующиеся в данную культурно-цивилизационную систему. Какие это должны быть скорости и о каком максимальном количестве включенных в него участников должна идти речь, - вопросы, которые для каждой страны и конкретного исторического времени имеет свои конкретные решения. Данную проблему еще предстоит теоретически исследовать и сделать соответствующие выводы, но, что уже фактически не вызывает сомнения, и опыт Европы это хорошо показал, - дело касается вопросов, весьма актуальных для всех развитых стран мира, куда устремляются потоки эмигрантов, причем не только из бедных и развивающихся регионов, но и из достаточно благополучных, когда дело касается квалифицированных специалистов, покидающих родину в поисках новой, лучше оплачиваемой работы. В итоге весь современный мир обретает новое лицо и иное, в отличие от локальных и региональных общностей, культурно-цивилизационное измерение.

В заключение отметим еще одно важное обстоятельство. Чем больше обнаруживается культурно-цивилизационное совпадение различных

народов, тем легче и активнее между ними складывается взаимодействие. Так, например, Европа, Америка, а еще больше Япония и Тайвань, хотя и отличаются друг от друга по культуре, но имеют высокий уровень цивилизационного развития, что делает их культурно-цивилизационные системы по многим параметрам хорошо стыкующимися. В итоге эти существенно отличающиеся друг от друга страны обнаруживают относительно эффективное и плодотворное взаимодействие и сотрудничество. В последние годы можно наблюдать, как Китай, Индия, Россия или Бразилия, обладая самобытными культурами, но наращивая темпы цивилизационного развития, также становятся в ряд тех стран, между которыми улучшаются и усиливаются культурно-цивилизационные связи и конструктивное сотрудничество.

УДК 101.1

ТРУД, КАК ОСНОВА ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНБАССА

Клименко А.Б., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

aleks_klim09@bk.ru

Идентичность каждого народа лежит в основе его исторического и культурного самоопределения. Одним из базовых элементов национальной идентичности выступает национальный характер как проявления своеобразия национального мировоззрения, чувств, поведения и мышления. Вопросы идентичности неразрывно связаны с историей, территорией и климатом. Донбасс, исторически находился под влиянием разных культур, принимая поселенцев с различных территорий Империи, а потом и Союза – людей, чья судьба вынуждала бежать со своих насиженных мест ради заработка тяжелым трудом. Всех этих людей объединял русский язык, как язык индустриализации (общность понятийного аппарата) и иерархическая подчиненность (ибо промышленное производство это не тоже самое, что равенство сельской общины или купеческого союза, промышленное производство не то место, где все можно решить «всем миром»), стали ключевыми при формировании идентичности. Донбасс, мог сложиться только, как целенаправленный продукт глобального индустриального проекта, где национальные, культурные и религиозные различия носят второстепенный характер, а общность языка, поставленная «сверху» задача и желание к труду носят первенствующее значение. Таким образом, заявления о «полисном патриотизме» дончан не вполне корректны.

Описание истории Донбасса – история *народа-труженика*, построившего в дикой, засушливой степи крупный промышленный центр, создавшего большую агломерацию. В отличие от Европы, на Донбассе свобода не была целью жизни. Главной ценностью был труд и именно через труд человек реализовывал себя. Труд был мерой всех вещей.

До массовой индустриализации, произошедшей в середине 19 века, все этнические группы Донбасса жили по принципу «салатницы», где культурные различия не стирались в процессе ассимиляции, а сохранялись в первоначальном виде, подобно ингредиентам в салатнице. Связующим звеном для членов общества, своего рода салатным соусом, являлись правовые нормы. Но появление крупных промышленных производств вело к появлению городов, которые действовали по совершенно иному принципу – по принципу «плавильного котла». Он предполагал, что люди будут стремиться жить среди расово и этнически смешанных соседей, с различными жизненными установками и образом жизни, создав со временем гомогенную группу с целью мирного сосуществования в независимости от их истории, национальности и религии.

За все годы «Донбасской истории» у людей четко сформировалось понятие трудовой философии. Донбасс стал «плавильным котлом» не только в смысле смешения народов, а еще и как место, где выплавлялся характер человека, у которого трудовая идентичность стояла выше всех других. Всё отражалось через призму способа хозяйствования. В промышленном регионе человек был сначала рабочим, а уж затем кем-то другим.

У каждой территория существует свой наиболее эффективный способ хозяйствования, способ ее освоения. Он формирует социум, который этим способом территорию и осваивает. Данный социум и есть носитель идентичности. Если способ освоения территории не изменился, то идентичность социума прежняя. Каждая идентичность имеет ядро – некую сверхидею. Через нее люди данной идентичности выражают себя.

В Донбассе наиболее эффективный способ освоения – промышленный. Идентичность – промышленная, главная ценность – труд. Человек самовыражается через труд, через свое при этом и общее дело.

В промышленном Донбассе труд обрёл совершенно иной статус, нежели в аграрном государстве. Труд стал пропорционален доходу. Поле, вспаханное дважды, всё равно даст один урожай. А, к примеру, в руднике удвоение работы удвоит и результат.

Обширная область от Северского Донца до Приазовья превратилась в промышленный центр. Постепенно под влиянием ряда факторов население Донбасса стало преобразовываться в устойчивую общность с единой ценностной базой и мировоззрением. Было положено начало формированию своей идентичности – того, что создано специфическим образом жизни и типом освоения региона. Тип освоения диктует характер социума. А социум определяет главную ценность, через которую

самореализуется человек. Идентичность – это не вера, не язык, не национальность, не культура, не форма государственности и даже не место проживания. В первую очередь, идентичность — это система ценностей. Идентичность – не идеология: если она кому-либо не нравится, то не обязательно её принимать. И не консервация старины: рудокоп с кайлом и программист, создающий софт для горнодобывающего комбайна, – представители разных эпох и технологий, но они вполне могут принадлежать к одной идентичности. Фактически трудовая идентичность, доминирует над любыми другими формами идентичности и конкретно – над национальной.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Гироаки Куромия. Свобода и террор в Донбассе. – К.: Основы, 2002. – 512 с.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 285 с.
4. Кант И. Сочинения в 6 томах: том 6. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
5. Катасонов В.Ю. От рабства к рабству. Древний Рим и современный капитализм. – М.: Кислород, 2014. – 560 с.
6. Фокин А.Р. Старая Юзовка. 1869–1905 гг. – Донецк: Донбасс, 1962. – 223 с.

УДК 130.2

ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА (НА ПРИМЕРЕ РЕЛИГИОЗНОГО ТРИЛЛЕРА Д. АРОНОФСКИ «МАМА!»)

Комисова Е.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
azazel2788@mail.ru

Откуда современная молодежь черпает самую разную информацию? Помимо занятий в образовательных учреждениях, конференций и повседневного общения? Чаще – из новостных и развлекательных сайтов, веб-порталов, кинофильмов. Реже – из книг, на экскурсиях, концертах и спектаклях. Литература, еще недавно занимавшая лидирующие позиции в рейтинге образовательных трендов, уступила место интернету. Политика ценообразования современных издательств не позволяет студенту, рассчитывающему только на свою стипендию, пополнять домашнюю библиотеку. На помощь мыслящему и желающему постоянно расширять свой багаж знаний человеку приходит альтернатива – электронные книги. Но не всё можно найти в интернете, плюс, чтение с экрана многим доставляет физический и психологический дискомфорт.

У современной молодежи чтение становится не модным. Пустеют библиотеки, человек XXI века держит в руках не книгу, а гаджет. Научно-технический прогресс сделал жизнь комфортнее, но потеснил духовность. «Застежка-молния заменила пуговицу, и вот уже нет лишней полминуты, чтобы над чем-нибудь призадуматься, одеваясь на рассвете, в этот философский и потому грустный час» – писал в романе «451° по Фаренгейту» Рей Брэдбери [1]. У человека появился досуг, однако, только по-настоящему сильные, творческие, интеллектуальные личности могут использовать его для духовного и умственного совершенствования. Это поколение метамодерна – оксимирон, в котором сочетаются крайности и царствует нигилизм.

По задумке самой эволюции, мы лучше усваиваем визуальную информацию. Люди были визуалами в эпоху палеолита, остаются таковыми и сейчас. Поэтому вторым по популярности источником информации после интернета являются кинофильмы. Это легко проверить на практике. Сделайте опрос в любой академической группе. Узнайте, сколько студентов полностью прочитало хотя бы один роман Достоевского или Толстого. Процент будет разным, в зависимости от направления подготовки и возраста респондентов. Понятно, что среди будущих филологов или психологов «читающих» студентов гораздо больше, чем среди экономистов или химиков. А вот найти человека от 17 до 22 лет, который не видел «Гарри Поттера» или «Мстителей» гораздо труднее. Современная индустрия кино достаточно развита, но выпускает множество творений, не требующих от зрителя особого мыслительного процесса. Однако на фоне безликих продуктов «массовой культуры» можно встретить качественное кино, со множеством символических слоёв и скрытых смыслов, с философскими и религиозными метафорами, аллегориями. В статье речь пойдет о триллере американского режиссера Даррена Аронофски «мама!».

Фильм «мама!» вышел в 2017 году. Премьера на международном кинофестивале в Торонто запомнилась зрителям перформансом, сопровождавшим показ. Перед входом в кинотеатр им раздавали карточки с «молитвой Матери» и тремя символами.

«Молитва Матери» – это вольная адаптация «Отче наш», создателем которой является Ребекка Солнит, американская писательница и феминистка. Адресат исходной версии молитвы, Бог-Отец, заменяется на более достойного кандидата, по мнению автора, – Богиню-Мать. Так Даррен Аронофски, известный миру как режиссер «Черного лебедя», «Фонтана», «Реквиема по мечте» и «Ноя», подготовил зрителя к правильному восприятию своего следующего, не менее запутанного и провокационного фильма, задал нужный вектор. Он дал понять, что основная идея картины и посыл автора связаны с религиозной и феминистской тематикой.

Символами на карточке был восьмиугольник в круге, стилизованное «древо жизни» и восклицательный знак.

Восьмиугольник символизирует промежуточное состояние, поскольку является переходной фигурой между квадратом и кругом. Круг символизирует идеальный мир, небо, целостность, цикличность (окружность – в философии Пифагора, даосская монада – у древних китайцев, уроборос – у древних египтян, самость – у Карла Юнга). Квадрат символизирует материальный мир, землю. Таким образом, восьмиугольник – это посредник между небом и землей, идеальным и материальным. Он выполняет функцию, подчеркнутую Аврелием Августином в переводе слова «религия» – связываю развязанное, воссоединяю небо и землю, Бога и человека, потустороннее и посюстороннее. Раньше христианские крестильни строились в форме восьмиугольника, символизируя переход к новой жизни, воплощение и реализацию. А принцип воплощения и реализации – это как женское начало, которое в фильме олицетворяет главная героиня, Мать, и ее дом, с которым она составляет единое целое. Многие в доме имеют форму восьмиугольника – окна, дверные ручки, плитка. Мать – это не просто символ матери-природы у Аронофски. Это женское начало в Боге – София Премудрость Божия, которая прослеживается и в христианстве, и в иудаизме, и в античной философии. Мужской образ в фильме представлен Поэтом, супругом Матери. Это Бог-Отец, который задумал мир. По фильму ему постоянно необходимо почитание, лесть. Поэтом своей жене – Матери – он предпочитает обычных людей, своих поклонников, которые могут даже совершать преступления, но будут прощены. Он позволяет им разрушить дом, который благоустроивала Мать. Он не наказывает людей даже тогда, когда они в порыве экстаза съедают его новорожденного сына. Так был распят Христос. Так зародилось таинство Причастия. Человеческая драма даёт вдохновение Поэту. Аронофски демонстрирует парадоксальное каббалистическое положение о том, что причина зла в мире – в самом Боге, это его второе проявление.

Следующий знак на карточке с премьеры фильма «мама!» – это древо жизни. Оно символизирует цикличность, объединение мужского и женского, возникновение и развитие человечества. В самом начале картины мы видим сгорающую женщину и обугленный дом. Затем мужская рука ставит на полку кристалл, дом возрождается и просыпается главная героиня. Заканчивается фильм обращенной в пепел Матерью, разрушенным жилищем и кристаллом, поставленным на полку рукой Поэта, после чего дом преображается, а на семейном ложе просыпается другая Мать. Мир цикличен, всё бrenно, и только Бог-Творец вечен. Но кристалл он извлекает из сердца умирающей главной героини – мир может возрождаться только при условии, что всегда будет женская часть Бога, всегда будет забота и любовь матери-природы.

Третий символ – это восклицательный знак. Он присутствует и в конце названия фильма. Восклицательный знак символизирует апокалипсис, гибель мира и возврат к началу. Аронофски использовал восклицательный знак, с одной стороны, как обозначение страданий и переживаний Матери, а с другой – как предупреждение о последствиях ее гнева.

Почему же название фильма, состоящее всего из одного слова, начинается с маленькой буквы? Аронофски подчеркивает века патриархата и угнетения женщин, доминирующее мужское начало как в религиях, так и в повседневной жизни, неуважение к природе, дарующей жизнь человеку.

Выпустив в мир «маму», Аронофски, по его словам, «бросил гранату в поп-культуру и посмотрел, что из этого выйдет» [2]. Когда фильм назвали худшим в истории кинематографа, он ответил, что достиг своей цели, ведь чтобы изменить мировоззрение, нужно изменить отношение людей к архетипам, вызвать отторжение традиционной культуры и религиозного догматизма.

Список литературы

1. Брэдбери Р. 451' по Фаренгейту / Рей Брэдбери. – М.: Эксмо, 2017 г. – 272 с.
2. Озова З. Даррен Аронофски: «Я бросаю гранату в поп-культуру и смотрю, что выйдет» [Электронный ресурс] // «Кинопоиск»: русскоязычный интернет-проект URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3041961> (дата обращения: 17.09.2019).

УДК 101.9 : 130.1/2

Н. БЕРДЯЕВ «ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ»

Коновалов А.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
konovalov.1957@mail.ru

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) философ очень необычный, даже на фоне других русских мыслителей «золотого» века русской мировой философии конца XIX начала XX столетия: таких как В. Розанов, Л. Шестов, С. Франк, П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Лосский. Он одновременно и экзистенциальный мыслитель, и персоналист, религиозный романтик и эсхатологист, и метафизик – идеалист, существующий в трех временных рамках: космическом, историческом и метафизическом.

В 1986 г. в Лондоне вышла «Энциклопедия Н. Бердяева» – выборка из 33 его книг. Там он представлен во всех своих ипостасях, и где каждый может найти того Бердяева, который ему близок. Время, в котором жил

Н. Бердяев, а это и царская Россия, и Советская Россия, и эмиграция, люди, которые его окружали (П. Флоренский, Л. Струве, Б. Савенков, С. Булгаков, Л. Шестов, А. Белый, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Богданов и др.), книги которые он читал (Гераклит, Ориген, Гегель, Г. Нисский, Я. Бёме, М. Шелер, Ясперс, Бергсон, Ибсен) определили главную проблематику его творчества: «судьба России», «миротворение» Человека, процессы глобального переустройства мира. Побывал по два раза в тюрьме царской и советской, Бердяев не был революционером и политическим деятелем. Он видел свое предназначение в том, чтобы проповедовать человечность в самую бесчеловечную эпоху, возродить «мир» через возрождение духа. В суждениях Бердяева, афористичных по форме, присутствует удивительно точное определение сути происходящих процессов и через 100 лет не утратившие современность и актуальность. Назовем только некоторые, но которые в XXI веке обрели не только теоретическую востребованность, но и практическую значимость:

1. Человечество существует только в формах национального бытия, что в любой национальной культуре есть нечто «всечеловеческое». «Культура, которая не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловеческого» [с. 350].

2. Кто не любит своего народа, тот не может любить и человечество. Любовь к России не означает вражду и ненависть к другим народам. Путь к всечеловечеству для русских лежит через Россию. В основе русской идеи лежит «сознание русского человека как всечеловека».

3. Европа утратила свою цивилизационную гегемонию. «Самомнение европейского, ... цивилизаторского сознания – явление... жалкое и пошлое», и «может рассматриваться лишь как симптом наступающего конца Европы – монополиста всемирной цивилизации. Сумерки Европы – вот чувство, от которого нельзя отрезаться» [с. 375].

4. Закат европейской культуры «будет восходом солнца на Востоке» [с. 377]. Просыпающийся Восток, Азия, Африка есть возвращение к истокам новое во всемирной истории.

5. «Восток – один выход за пределы европейской культуры, Америка – другой выход» [с. 377].

6. Россия – есть один из центров единения Востока и Запада. Россия стоит в центре Востока и Запада, она – Востоко-Запад. Россия, во всемирной истории, есть определяющая духовная сила, не претендующая на колониальные захваты, чем всегда жил Запад и что ввергло мир в состояние глубокого упадка и деградации.

Все то, о чем пророчествовал Н. Бердяев, сбылось. Китай стал ведущей экономикой мира, Запад, по оценке президента Франции Макрона, утратил свою гегемонию и привлекательность, а Россия решает

те же вопросы, что и в XX веке – как в разрушающей человека действительности сохранить самого человека.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. – М.: АСТ; Харьков ФОЛИО, 2002. – 734 с.

УДК-343.082

РУССКОЕ ДОБРОТВОРЕНИЕ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Копилян В.А.¹, доцент,

Копилян Т.В.²

¹УВО «Феодосийская финансово-экономическая академия»,
г. Феодосия, Республика Крым, РФ

²ФГБУ «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, РФ
academy.feo@gmail.com, rector@kubsu.ru

*«Сочетание образованности и нравственности
сделает возможным для России
«влиять на мир» и нести своё
собственное послание»*

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

В своей статье «Глобальная война или мировая революция?» Ш.Султанов справедливо пишет, что в революционном будущем победит та новая «модель мира», ядром которой станет принципиально новая формула, качественно новое объяснение смысла жизни человечества, социума, личности, – по крайней мере на ближайшие несколько столетий». Аналогичного мнения придерживался и Л.фон Мизес, который писал: «В теле цивилизации невозможно обнаружить никаких сил, которые не были бы результатом их специфических идеологий» [3, с. 202].

Начиная с XVI века, западный гуманизм всё более и более деформируется под коммерческим напором капитализма. Наука, купленная через гранты, становится АКУАНОм, всё более субъективной и антиприродной, так как её цель – обоснование потребностей, интересов и ценностей членов руководящей подсистемы. Правовая система, также оплачиваемая из кошельков членов руководящей подсистемы, становится всё более беспощадной по отношению к членам управляемой подсистемы. Капиталистический кризис вырождающегося добротворения-гуманизма в очередной раз подтверждает конец капитализма, как формации [4].

Добротворение (термин чрезвычайно трудно перевести на иностранные языки. Его можно использовать наряду с термином «евпоэзис». В английском языке аналога этого термина нет. Поэтому мы ввели в оборот выражение «goodnesscreation», вкладывая в него русское содержание), на этом фоне можно сравнить с роялем, на котором духовно богатый человек (личность-учёный-производитель) может не только играть любые мелодии, но и постоянно импровизировать. На этом примере видна глубина различий между индивидуалистическо-эгоистическим менталитетом людей так называемого запада и духовностью российского социума.

На метафизическом уровне логических рассуждений идеи добротворения витают в научной среде долгие годы, историческая роль – спасти невозобновляемые и биовозобновляемые ресурсы планеты.

Не будь такой космической прогрессивной силы, как Россия, все ресурсы были бы уже растрчены в погоне за очередной дюжиной костюмов или новыми автомобилями и прочим барахлом, а Земляне ещё больше задыхались бы без чистого воздуха, пили бы грязную воду и ели бы геномодифицированных мутантов, способных в этих нечеловеческих условиях цвести и плодиться, поэтому добротворение достаточно актуально, требует дальнейшего изучения и является синергетическим результатом взаимодействия духовной, нравственной науки и духовных, справедливых бумажных законов, так как на переходном этапе добротворения качественно преобразуется с помощью исконно русской черты менталитета как отдельного человека, так и социума в целом – духовности.

Это важная составляющая будущего фундамента человеческого бытия, которая в наиболее полном виде представлена в православной исихазской традиции [2]. Духовность или добромыслие, [1] как опора базиса человеческих взаимоотношений, оформилась в самостоятельный фактор развития нашей цивилизации благодаря подвижнической деятельности святителя Григория Палама.

Духовную жизнь в условиях глобального противостояния следует рассматривать как развитие отношений добротворения вширь и вглубь. Духовный прогресс социума невозможно мерить экономическими показателями, так как это прогресс отношений между людьми, а также Человечества и Природы. Обучение телесного сознания духовности происходит в теле здорового социума, не отравленного эгоизмом и материальным рационализмом.

Список литературы

1. Добромыслие также трудно переводить на другие языки. Специалисты остановились на английском эквиваленте: «goodness (positive) thinking».
2. Мир гармонии – это мир, где царствует духовность. Материальный мир следует рассматривать как школу, где душа каждого Человека должна усвоить духовные уроки.

3. Мизес, Л. фон Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. – Челябинск, Социум, 2007, с. 202.
4. Кретов, С.И. Гуманистическая общественно-экономическая формация. Политическая экономия будущего. Вторая часть: предмет и метод политической экономии будущего. – М.: Издательство «Добротворение», 2015. – С. 140-148.
5. Термин «Добротворение» чрезвычайно трудно перевести на иностранные языки. Его можно использовать наряду с термином «евпоэзис». В английском языке аналога этого термина нет. Поэтому мы ввели в оборот выражение «goodnesscreation», вкладывая в него русское содержание.

УДК 316

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ДОНБАССА

Крапивин А.В., д-р ист. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка, ДНР
AVKrap45@gmail.com

Многонациональный и многоконфессиональный Донбасс в составе Украины всегда был беспечным и мирным краем. Всё изменилось всего за один день 2014 года, за тот день, когда были нанесены первые артиллерийские и авиаудары Вооруженными силами Украины по гражданскому населению края. Лишь тогда большинство донбассовцев поняло, что это не логическое продолжение "майдана", а полномасштабная война. Шок, вызванный многочисленными смертями и ещё большим количеством разрушений, на какое-то время парализовал людей. Мгновенно началось расслоение общества – кто-то спешно уезжал на подконтрольную Украине территорию, кто-то рвался в РФ, кто-то уже оплакивал близких, кипел ненавистью. Тысячи людей пошли в ополчение.

За более чем пять лет гражданского противостояния украинский социум в значительной степени прозрел, и теперь освобождение Донбасса военным путем поддерживают уже менее трети украинцев. Между тем сторонников невоенного разрешения конфликта на Украине по-прежнему большинство – более двух третей. Однако и они недовольны тем, что переговоры в Минске не приносят ощутимых результатов, 36% украинцев полагают, что в Киеве недостаточно делают для решения проблемы Донбасса, а еще 33% обвиняют власти в бездействии.

Время играет против украинских властей. Тем более что власть в Киеве кардинально поменялась после последних выборов президента и Верховной рады. Демарши парламентской оппозиции грозят обернуться политическим кризисом, а протесты уличных радикалов становятся все

более деструктивными. И чем дольше в Донбассе сохраняется ситуация неопределенности, тем сильнее недовольство жителей Украины. Время играет и против переселенцев и граждан непризнанных республик, вынужденных выживать в крайне тяжелой обстановке.

Великий русский поэт Александр Блок, побывав в Донбассе в начале XX века, назвал этот край «новой Америкой» по нескольким причинам – за невиданный динамизм развития, предприимчивость менеджеров и смешение народностей в едином «плавильном котле».

В какой-то момент наши земли стали точкой силы, центром притяжения, приобрели инвестиционную (если выразаться современным экономическим языком) привлекательность. Из разных мест сюда съезжался рабочий люд в надежде на лучшую жизнь. Оседали, женились, рожали детей, строили заводы и города. Представители более ста тридцати национальностей трудились здесь рука об руку, языком межэтнического общения стал русский. Уже тогда наш край стал полиэтническим.

В данный момент, как и прежде, на территории Донецкой Народной Республики проживают представители многих национальностей. Самые многочисленные национальные группы – русские и украинцы. По признаку многонациональности Донбасс являлся и является малой моделью России: тот опыт, который сегодня приобретается на Донбассе, может стать отличной базой и для русского культурного опыта. В настоящее время русская речь также – один из главных объединяющих факторов. Наряду с православием, исторической памятью России и великой русской культурой она стала одним из тех маркеров, которые указывают на принадлежность Донбасса к широкому русскому миру. Т.е. смыслы (в том числе литературные), которые сегодня на-гора поднимаются в Донбассе, лишены всяческой мишуры, в них отсутствует лишнее, актуализируются два вектора – война и мир, жизнь и смерть; именно поэтому все взгляды прикованы к этой земле. Нам необходимо искать формы взаимной интеграции и взаимного содержательного обогащения. Нужно найти место региона в цепочке «разделения труда» русского культурного и научного процессов, от чего выиграет не только Донбасс, как вся русская цивилизация в целом. В этом и состоит наша главная ответственность. Если мы отнесемся к этому халатно, это будет предательство всей великой русской культуры.

Когда-то был популярен лозунг: «Донбасс – сердце России!» Будет ли популярен такой плакат в 20-е годы текущего столетия, покажет время, но однозначно можно сказать, что сердце всегда там, где болит, а Донбасс болит; пятый год болит где-то в груди у каждого русского человека. На конференции «Культурное пространство народов России и Донбасса», которая состоялась в Москве по инициативе Совета Федерации РФ, прозвучал тезис: порою складывается впечатление, что по уровню русскости Донбасс больше Россия, чем сама Россия. Возможно, это

связано с обособленностью региона в составе довоенной Украины, а также с желанием максимально соответствовать культурным кодам глобальной русской цивилизации. Поэтому поднятые в настоящей работе этнополитические проблемы полиэтнического Донбасса нуждаются в дальнейшем исследовании и постоянном аналитическом сопровождении.

УДК 331.105.44

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Кузнецова Т.М., доцент

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет», г. Кемерово, РФ
t.m.michailova@mail.ru

На рубеже веков художественное сознание выходит на первый план, активно участвуя в формировании новых социальных идеалов.

Анализ самого феномена интеллигенции, ее истории и судьбы требует комплексного подхода. Под воздействием дивергентных процессов в обществе складываются две ветви русской интеллигенции: интеллигенты-революционеры, выступавшие за реальные социальные преобразования в обществе, и остальная часть интеллигенции, выступавшая против социальной борьбы как таковой и делавшая упор на совершенствование духовных процессов в сфере православно-религиозного сознания, определены характерные для них черты, степень их участия в крупнейших политических и культурных событиях конца XIX – начала XX веков.

В современной научной литературе для изучения идеологического воздействия каждой из них на общественное сознание используется метод компаративного анализа [2, с. 12].

Поскольку на рубеже XIX–XX веков ответы на многие жизненно важные вопросы времени пытались отыскать в художественной сфере, то этим и объясняется приоритетное внимание к художественной интеллигенции в работе.

Характерной чертой художественной культуры начала века была целенаправленная разработка философской проблематики (вопросов о социальных преобразованиях в государстве, движущих силах исторического развития, роли интеллигенции в обществе).

Представления об интеллигенции как социокультурной среде, людях определенного морального облика и об определенном типе поведения складывались в русском обществе 30-е годы XIX века. и были связаны, с идеалами «нравственного бытия», как основы просвещения и

образованности, и дворянским долгом служения России. В 60-е годы это представление было переосмыслено.

Понятие «русский интеллигент» имеет конкретно-исторический характер. В российской литературе вопрос о понятии интеллигенции, как правило, рассматривался в контексте политической истории Российской империи [1, с. 71]. Дворянство считало интеллигентов людьми низшего ранга; интеллигентами называли и людей «свободных профессий», и поборников буржуазного либерализма, сторонников постепенного развития.

В либеральных кругах делалось ударение на образованность интеллигенции, а в революционно-демократических – на демократическое мировоззрение. На наш взгляд, правомерно включить в состав интеллигенции как людей, исповедовавших утилитаризм и нигилизм, так и либерализм, западничество, славянофильство, марксизм и др.

По своим политическим пристрастиям она делилась на охранительную, консервативную, либеральную, леворадикальную и др., а по профессиональным – на художественную, научную, техническую, военную и духовную интеллигенцию [4, с. 12].

В отечественной литературе этот вопрос рассматривается в контексте политической истории Российской империи. Основными критериями интеллигенции при определении ее понятия выступают: «умственный труд», «высшее сознание», «дух терпимости и уважения».

В данной работе была предпринята попытка доказать существование двух непримиримых направлений – двух «ветвей» – внутри русской интеллигенции.

Отношения интеллигенции с властью не были определяющими сами по себе: в основе их лежали идеи нравственные, а также чувство ответственности за судьбу России, что и подтолкнуло одних действовать, других размышлять. Эти направления складывались на протяжении всего XIX века под влиянием таких ярких событий, как восстание декабристов, отмена крепостного права и реформы 60-70-х годов, революционные ситуации 1861 и 1905 годов.

Некоторые исследователи считают, что при определении понятия «интеллигенция» требуется сравнение с понятием «интеллектуал» и «интеллигентность». «Интеллектуалы – любая группа людей, занимающаяся умственным трудом, но не существующая за счет него» [2, с. 67]. Интеллектуальность – одно из основных качеств интеллигенции. Вторым таким качеством является интеллигентность.

Данное определение, на наш взгляд, является зауженным. Идеологи революционных процессов вроде бы по одной этой причине уже вообще на «титул» интеллигентов не вправе и претендовать [3, с. 95]. Принято считать, что в период после первой русской революции, когда господствовала реакция, «представители революционных взглядов»

вынуждены были отойти на второй план, пропустив на первый - интеллигенцию. Именно к этому времени относятся открытия в области художественной, а художественное сознание приобретает огромную значимость.

Первоначально интеллигентами называли людей, которые могли нравственно сопереживать народу, что приводило к расширительному толкованию понятия «интеллигенция». Но при этом теоретические взгляды и практические шаги каждой из двух ветвей интеллигенции были различны. Первая объединила людей, которые считали необходимым принимать участие в преобразовании Российского государства, – людей, не боявшихся столкновений с внешними обстоятельствами; по их мнению, главное состояло в том, чтобы сытый русский народ сам решал свою судьбу. Надо сказать, что этих людей долгое время не причисляли к интеллигенции, называя политиками, которые все решают политической борьбой.

Второй лагерь – вторая «ветвь» – объединял людей принципиально иного склада. Они не только не были готовы к каким-либо серьезным практическим действиям, но и не желали разворачивания социальной борьбы как таковой. Своей идеологией они сделали религиозную доктрину слегка модернизированного православия.

В период «меж двух революций» Россия переживала культурный подъем, чему способствовала демократизация искусства и выход к широкой аудитории. Открываются Третьяковская галерея и Русский музей, художественные павильоны на Всероссийской торговой выставке в Нижнем Новгороде, начинаются искания художников абрамцевского кружка и мастеров Талашкино; на выставках «Мира искусств» появляется освобожденная от передвижничества русская живопись; крепнут музыкальные дарования – Л.Н. Скрябин, Н.К. Метнер, С.В. Рахманинов; необычайный расцвет переживает русский театр [5, с. 350]. Легко заметить, что в культурной жизни исповедуют две основные идеи - национальная и сверхнациональная. Но также бросается в глаза оторванность этого процесса от общественно-политической жизни. И в то же время «готовилась разгореться вновь тлеющая под пеплом революция» [2, с. 74].

Культурный взрыв на рубеже веков, на наш взгляд, был обусловлен сближением двух основных направлений интеллигенции. Одно из них ориентировалось на абсолютизацию экономического развития, но проигрывало в тонкости восприятия действительности, подчеркивая значимость политической борьбы и преуменьшая значение художественного сознания. Для второго направления характерно обостренное ощущение художественного образа, тонкое чувство художественной стороны действительности, развитое нравственное сознание, но при этом отсутствие ориентации на конкретные программы действий, главным здесь считалось просвещение народа на основе новой идейности. При сближении этих двух течений обе крайности начали

переходить друг в друга. Это и позволило развиваться новым духовным исканиям.

Судьба русской интеллигенции трагична. Политические события в стране после революции вынудили интеллигенцию покинуть Россию. Многие представители научной и художественной интеллигенции покинули страну.

Список литературы

1. Абрамов А.И. К вопросу о преемственности философских идей Вл. Соловьева в русском религиозном ренессансе начала XX века, – В кн.: Религиозно-идеалистическая философия в России XIX XX вв. (критический анализ). – М., 1989. С. 70-85.
2. Абрамов Ю.Ф., Акименко Г.В. Проблема интеллигенции в России IX-XX века // Ю.Ф. Абрамов, Г.В. Акименко Очерки историко-социального и философского исследования. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1994. – 125 с.
3. Бажов С.И. Учение о культурной самобытности в философской и общественной мысли России XIX XX вв. / Философия и культура в России: Методологические проблемы. – М., 1992. – С. 91-102.
4. Ревякина А.Ф. О религиозной традиции в русской литературе XX века: (современные аспекты изучения) // Традиции и новаторство рус. прозы и поэзии XIX- XX вв. Н. Новгород, 1992. С.5-13.
5. Смирнова В.А. Единство духовных устремлений в литературе Серебряного века. // Российский литературоведческий журнал. – 1994. – № 5 (6). – С. 316-356.

УДК 130.2

РЕКЛАМНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Лобовикова Е.А., канд. социол. наук, доцент
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М.Матусовского», г. Луганск, ЛНР
lobovikova@yandex.ru

Сила воздействия рекламы во многом зависит от наглядности, доступности, образности и лаконичности информации. Именно поэтому наиболее удачным ходом в рекламе является использование мифов, так как у воспринимающего автоматически усиливаются все соответствующие данному мифу эмоциональные реакции и бессознательные ожидания. Использование мифов в рекламном сообщении позволяет заранее спрогнозировать эмоциональную окраску отклика целевой аудиторией на социально важное сообщение. Н.В. Гришанин справедливо отмечает: «... человек, живя в обществе, попадает под его влияние, впитывает

стереотипы и мифологию, то есть знаковые и символические системы [1, с. 227]. Сюжеты мифов заключают в себе наиболее важные знания о сотворении и устройстве мироздания, об отношении поколений, полов, о любви и ненависти и прочих аспектах. Современный миф конструирует реальность, способен создавать систему нравственных ценностей, помогает человеку в процессе самоидентификации. Миф становится инструментом манипулирования сознанием, а реклама, как средство массовой информации является транслятором социальных мифов повседневности. В данном аспекте представляется актуальным исследование мифа в рекламе как инструмента конструирования современной культуры.

Степень разработанности проблемы соотношения мифа и рекламной деятельности достаточно широка; ее изучают не только «рекламисты», но и представителями различных гуманитарных наук. Историко-культурологический и историко-философский подход к исследованию «мифа» представлен в исследованиях С. Аверинцева, П. Гуревича, Д. Лихачева, А. Лосева, А. Бергсона, Г. Гадамера, Л. Леви-Брюля, Ф. Ницше, Г. Спенсера, Й. Хейзинги и др. Несмотря на попытки изучения практического использования мифа в рекламе с целью наиболее эффективного влияния на потребителя, исследования зарубежных авторов М. Марка, К. Пирсона, А. Дэвида, Н. Кларка и др. сосредотачиваются, в основном, на определенных типах восприятия, установках, потребностях и типах поведения, связанных с определенными архетипами.

Изначально под «мифом» понималась совокупность абсолютных, сакральных, ценностных и мировоззренческих истин, противостоящих повседневно-эмпирическому. Опираясь на понятия, данные в различных источниках, мы определим его следующим образом: миф – это первичная универсальная форма постижения мира, его образно-символическое воспроизведение и объяснение, существование которой невозможно вне коллективного (массового) сознания [2, с. 14; 3, с. 43; 4, с. 9; 5, с. 36]. Миф является ценностью, наделенной особыми функциями, поскольку он влияет на приспособление человеческой психики к окружающей его реальности. Признаками мифа являются его принадлежность к вечности, отсутствие субъект-объектных отношений в силу целостности мировосприятия, антропоморфизм мифологического знания. Специфика мифа заключается в вещественном тождестве идеи и чувственного образа. В тоже время при всей своей чувственной конкретности миф оказывается мощным инструментом рационального освоения окружающего мира, его целостное восприятие. Ещё в древнем мире происходит формирование синкретической структуры: миф – изображение – ритуал. При помощи речевых образований миф презентует на нечто новое, неизведанное и по ходу развития сюжета демонстрирует, каким образом это «нечто новое» появилось. Таковым может быть действие героя рекламного видеоролика.

Встречаются целые серии мифологических сюжетов, где нечто новое введено в одном из произведений, а далее сюжет развивается, основываясь на уже свершившихся событиях, о которых в последующих мифах встречаются лишь упоминания, благодаря чему они принимаются априори, как данность свыше. Сохранение этой особенности на протяжении человеческой истории указывает на её универсальность. На протяжении веков в ней отражаются и рациональное начало, и иррациональное культурное ядро.

В исследованиях XX ст. миф представлен как идеологическая конструкция, которая способна влиять на человеческое сознание, аккумулировать коллективную волю, обращаясь к памяти, эмоциям, чувственно-образному восприятию. Порождаются технологии создания мифов с целью манипулирования сознанием, принятия «идеи», призывом к покупке товара/ услуги. Такая трансформация социокультурных значений мифа обусловлена выделением нескольких основных периодов его расшифровки, позволяющих определить те стороны человеческого бытия, в которых непосредственно зародился потенциал мифа. Миф содержит попытку объяснения бытия человека, а реклама – попытку объяснения преимуществ товара, услуги перед их аналогами.

Рекламное мифотворчество создает коммуникативно-предметное поле, которое включает в себя информацию о предмете и о его потребителе. Два феноменальных явления культуры – миф и реклама – на первый взгляд выступают как две противоположности, но при более детальном анализе эти явления оказываются весьма близкими. Г. Почепцов отмечает: «Самое грандиозное поле действия мифологии, бесспорно, – массовая культура, порожденная массмедиа, во-первых, массовое сознание по сути своей мифично; во-вторых, средства массовой коммуникации (особенно электронные) выполняют объединяющую роль, собирая людей в «глобальной деревне», где каждый человек является не только потребителем, но и соучастником телевизионного мифотворчества, которое формирует все основные типы и стили, цели и возможности общественно-культурной жизни; в-третьих, массовое сознание, тяготеющее к коллективному бессознательному, подвержено, по мнению зарубежных исследователей к глубокому, сопоставимому с религиозным, психологическому воздействию со стороны СМИ; в-четвертых, орудием этого воздействия выступают создаваемые и распространяемые средствами массовой информации современные мифы» [6, с.163].

Мы причастны к высшему сакральному знанию благодаря коллективному бессознательному, которое связано с исторически сложившейся групповой психикой. К.Г. Юнг определил его как «оставленный опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, «аргіогі», это «образ мира», который сформировался на заре человечества. С течением времени сформировались определенные черты, так

называемые архетипы, или доминанты, которым подчиняется некая последовательность образов, повторяющихся снова и снова [7, с. 73]. Исследователями доказано, что если потребитель признает образ какого-либо бренда, его символизм, велика вероятность, что он будет принимать и то, что будет предложено от его имени.

В содержании любого рекламного текста, так или иначе, содержится обращение к магическим свойствам предмета, связанное с надеждой со стороны покупателя и обещанием со стороны производителя достичь ожидаемых результатов кратчайшим, не обязательно рациональным, путем. Эта надежда всегда живет в сознании любого человека, и рекламе остается только ее «подогреть» и использовать этот миф.

Сегодня с мифом связывают основные проблемы человеческого сознания и бытия, поиск первоначала культуры, ее истоков и основ. Миф не только объясняет, но и санкционирует действующий порядок, поддерживая его ритуалами, прибегая к императивной функции коммуникации, а реклама дает толчок к действию, к покупке. Для специалистов в сфере рекламы миф является инструментом, позволяющим установить эффективную и масштабную коммуникацию, не подлежащую проверке и отторжению, воспринимающуюся практически без искажений. Реклама – это лишь одна из многих коммуникативных связей между властью, бизнесом, общественными организациями и гражданами, но в ведении именно этой сферы в значительной мере используются различные мифологические образы, конструируется современная культура.

Список литературы

1. Гришанин, Н.В. «Бренд города» на современном этапе развития. [Текст] / Н.В. Гришанин, Н.Г. Жигалова, Н.Ф. Низовцева // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы Шестой Международной научно-практической конференции (14-15 сентября 2017 г.): в 2 ч. – Ростов н/Д : ФГБОУ ВО РГУПС, 2017. – Ч. 1. – С. 225-235.
2. Армстронг, К. Краткая история мифа. [Текст] / К. Армстронг. Пер. с англ. А. Блейз. – М.: Открытый Мир, 2005. – 160 с.
3. Гуревич, П.С. Мифология наших дней [Текст]/ П.С. Гуревич. – Свободная мысль. – № 11. – М. : 1992. – С. 43–53.
4. Мейзерская, Т.С. Проблемы индивидуальной мифологии. [Текст]: автореф. дис. на получения научн. звания д-ра филол. наук : 10.01.06 / Т.С. Мейзерская – Киев: Институт литературы им. Т.Г. Шевченко НАНУ, 1997. – 42 с.
5. Питько, О.А. Философское осмысление коммуникаций в новых медиа: Современные технологии в мировом научном пространстве. [Текст]: Сборник статей Международной научно-практической конференции / О.А. Питько. – Уфа, 2016. – С. 53-56.
6. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации [Текст]/ Г.Г.Почепцов.- М.:Рефл-Бук, 2001. – 656 с.
7. Юнг, К.Г. Архетип и символ [Текст]: /К.Г. Юнг. – Москва: Ренессанс, 1991. – 300 с.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИИ «ЭТНОС»

Македон Е.А., Петрова Е.И.

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР
eliz-makedon@yandex.ru

Введение. Современный этап развития общества характеризуется объективными глобальными процессами, который связан со становлением новой национальной субъективности. Широкое внедрение информационных технологий, изменения в социальной, экономической и политической сферах общества обуславливают изменения в социальной структуре. Данный процесс претерпевает изменения не только внешнего каркаса социальных отношений, но и внутреннего мира индивида. Следовательно, в таких условиях наиболее актуальной является проблема национальной идентификации личности. Динамика идентификационных процессов представляет собой «индикатор» социального сознания общества.

Целью данной работы является анализ понятия «этнос» и раскрытие его природы и сущности с точки зрения современной философской науки.

Основная часть. Понятие «этнос» состоит из различных социальных процессов, специфика которых обусловлена закономерностями развития этнических групп современного общества. Этнос – сложнейшее многогранное социальное явление, не имеющее единой формулировки. Именно поэтому существует широкий контекст определений данного термина.

«Новейший философский словарь» трактует понятие «этнос» как межпоколенную группу людей, объединенную длительным совместным проживанием на определенной территории, общим языком, культурой и самосознанием [1, с. 856].

«Толковый словарь обществоведческих терминов» Н.Е. Яценко рассматривает этнос как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей (племя, народность, нация, народ), обладающую общими чертами и стабильными особенностями культуры, языка, психологического склада, а также осознанием своих интересов и целей своего единства, отличия от других подобных образований самосознанием и исторической памятью» [2, с. 509].

Впервые понятие этноса начал использовать С.М. Широкогоров. Под данным термином один из ведущих ученых-этнографов подразумевал «группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличающих его от таковых других

групп» [3, с. 26]. Данное определение сочетается с причислением этой общности к биологическим.

По определению известного этносоциолога Ю.В. Бромлей, этнос представляет собой «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований» [4, с. 57].

В этносоциологии выделяют три основных подхода к этносу и этничности. Сторонники примордиалистского подхода рассматривают этнос как органическое образования, направленное на получение тех или иных преимуществ. Этнос и этничность представляют собой объективную данность и изначальную характеристику человечества. Данный подход находит свое отражение еще в работах античных философов, а его последователи рассматривают этнос в двух аспектах: социальном и биологическом (кровнородственном). В связи с этим сторонников такого подхода разделяют на следующие направления:

- эволюционно-историческое (Ю.В. Бромлей и др.)
- социобиологическое (Л.Н. Гумилев и др.)

Согласно второму подходу – инструменталистскому, этнос является социальным инструментом. В рамках данного подхода исследования проводили следующие ученые: Б. Андерсон, Э. Геллнер, П. Бурдь, Р. Брубейкер, В. А. Тишков и др. Сохранение этнических групп объясняется потребностями индивидов в преодолении отчуждения, которое характерно для современного общества массовой культуры и потребительских ценностей. Этничность представляет собой средство достижения групповых интересов общества.

Третий подход – конструктивистский. Он рассматривает этничность как социальную конструкцию, не имеющую объективные корни. Этнос представляется как искусственное образование, созданное в результате целенаправленной деятельности интеллектуальной элиты общества. Следовательно, этничность передается представителям этноса с помощью средств образования и воспитания, феноменов культуры и т.д. Каждый из вышеперечисленных подходов обладает собственной системой аргументов.

Вывод. Подводя итоги вышесказанного, отметим, что основными чертами этноса являются: народ, единая территория, устойчивость группы, единый язык, психологический склад, единая культура и т.п. Этнос характеризуется определенными этническими свойствами (культура, язык, самосознание) и формируется, на данном этапе современности, в территориальных, социально-культурных и политико-правовых условиях.

Список литературы

1. Грицанов А.А. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998 – 896 с.

2. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 528 с.
3. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. / С.М. Широкогоров – М.: МГУ им М.В. Ломоносова, – 2010. – 124 с.
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, – 1983. – 412 с.

УДК 1(06)/304.2

ГЕНЕЗИС ИДЕИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЯХ

Матвиенко Е.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e_matvienko@mail.ru

Введение. Человеческое достоинство, равно как и другие неотъемлемые права – на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, – выступает основой, содействующей гармоничному развитию общества, и указывает на ценность каждого отдельного человека, как части его составляющей. Наличие у лица чести и достоинства служит исходным началом, источником для выделения других прав и свобод – экономических, социальных, культурных, гражданских, политических, и выражается в признании за человеком его ценности как существа, обладающего разумом и сознанием.

На сегодняшний день в контексте процессов государственного строительства и формирования качественной правовой системы в Донецкой Народной Республике, рассмотрение формирования представлений о человеческом достоинстве в политико-правовых учениях имеет важное аксиологическое значение.

Целью является анализ генезиса идеи о человеческом достоинстве в политико-правовых учениях.

Основная часть. Согласно дефиниции, представленной в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, достоинство – это совокупность высоких моральных качеств, а также уважение таких качеств в самом себе [1]. Такой подход выражает аксиологическое содержание рассматриваемого определения.

В Древней Греции прослеживалось понимание достоинства как возвышение личности над обстоятельствами. Свое выражение эта идея получила в стоицизме [2].

В Средневековый период развития философская доктрина об уважении достоинства индивидуума была сформирована Фомой

Аквинским, в контексте концептуального оформления теологической естественно-правовой парадигмы. Согласно естественному закону, выделяемому данным мыслителем в качестве основного, первостепенного, утверждалось безусловное, абсолютное требование уважать достоинство всех людей. Таким образом, в философии христианского гуманизма человеческое достоинство рассматривалось как божественное по своему первоисточнику.

Проблема человеческого достоинства получила свое концептуальное становление в трудах представителей философско-правовой мысли эпохи Возрождения – Жан Жака Руссо, Поля Анри Гольбаха, Клода Адриана Гельвеция [3]. Обобщенной характеристикой понимания представленными философами рассматриваемой категории является диалектическая связь между чувством достоинства и ощущением человеком свободы вместе со свободным удовлетворением собственных интересов при разумном удовлетворении общесоциального блага. В классической немецкой философии Иммануила Канта, Иоанна Готлиба Фихте и Георга Фридриха Гегеля достоинство человека определяется через проблему свободы человека как свободы духа и предполагало наличие внутренних ценностей, составляющих основу самоопределения «Я».

Заключение. Таким образом, зарождение в период Античности и последующее развитие представлений о сущностном содержании категорий «честь» и «достоинство» осуществлялось, преимущественно, в морально-этическом, нравственном дискурсе, а в последующем – представлено в философско-правовой парадигме, объединяющей юснатуралистические концепции, провозглашающие неотъемлемость, неотчуждаемость и абсолютность права каждого на уважение чести и достоинства.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – Москва : Рус. яз., 1991. – С. 917.
2. Бачинин В.А., Сальников Ф.М. Философия права: краткий словарь / В.А. Бачинин, Ф.М. Сальников. – СПб, 2000. – С. 299
3. Падафет Ю.Г. Гідність людини як ключова державноуправлінська цінність / Ю.Г. Падафет // Теорія та практика державного управління, 2014 р. – Вип. 2(45). – С. 1.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ПАВЛА ИВАНОВИЧА НОВГОРОДЦЕВА

Миргородский А. А., канд. филос. наук

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР

Mirgorodskiy87@mail.ru

Павел Иванович Новгородцев (1866-1924) – один из крупнейших мыслителей философско-правовой направленности. Его основная работа – «История философии права» (1897). П.И. Новгородцева считают основателем естественного права с явным критическим отношением к позитивному праву («История новой философии права»). Теория естественного права получила широкое распространение во второй половине 19 века. Ее сторонники рассматривают право как совокупность неотъемлемых прав личности, которые не могут быть никем ограничены, в том числе государством, но объем прав в разные эпохи различен. П. Новгородцев также отмечал следующее: государство не произвольно в создании норм права, более того, уже тогда он отмечал, что не все нормы являются правовыми по своей сущности. Для того чтобы норма была правовой, она должна отвечать требованиям справедливости. Справедливость основана на свободе и самостоятельности каждой личности. В философском смысле личность трактуется выше государства и социума. Естественные права личности составляют общечеловеческие ценности, которые закреплены в праве. Но эти права по своей реализации зависят от государственных интересов, при этом существование права не зависит от государства.

П.И. Новгородцев говорил о совершенствовании общества во взаимосвязи с нравственным совершенствованием личности. Наилучшие условия для этого формируются только в правовом государстве с допущением идей либерализма и индивидуализма. По мнению мыслителя, правовое государство в состоянии объединить классовые интересы в максимально возможной мере. Все это осуществить правовое государство может, причем не только граждане, но и государственные органы должны следовать нравственным принципам, которые выражены в праве: «Если бы надо было найти некоторую общую идею, одухотворяющую старое представление о правовом государстве, то такой идеей следует, конечно, признать понятие о естественной гармонии общественных отношений» [4]. У П.И. Новгородцева постоянно присутствует идея государства как целого, идея солидарности и гармонизации индивидуального и коллективного в общественном сознании. Народ рассматривается как некое системное организованное начало, а каждая организация неизбежно

ведет к гармонизации целого. Итак, идеал справедливого государства для П.И. Новгородцева гармонично сочетает начала равенства и свободы.

Отметим, что продолжил разработки в отрасли истории и философии права Иван Александрович Ильин (1883-1954), который сформулировал три «аксиомы правосознания», лежащие в основе правовой жизни любого народа. Это – закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания. Первое, что отличает основного гражданина, – это свойственное ему чувство собственного достоинства, почитание духовного начала в самом себе, совесть, разум, честь, убеждения, верность, самообладание, а также взаимное уважение и доверие, которое связывает его с другими гражданами и с его государственной властью [2, с. 308-375].

Таким образом, согласно теории естественного права в русской философии базовыми принципами являются этика уважения к личности человека, отношение к ней на основе морально-нравственного сознания и системы моральных законов. Как известно, философия есть возможность свободного выбора мировоззрения. Русская философия права помогает находить правильные аргументированные решения на основе уважения к человеческой личности.

Список литературы

1. Еремин А.А. Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков. – М.: «Carte Blanche», 2001. – 496 с.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. в 10-ти томах. – Т. 4. – М.: «Русская книга», 1994. – 624 с.
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. в 10-ти томах. – Т. 1. – М.: «Русская книга», 1996. – 400 с.
4. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
5. Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. / В.Б. Романовская, П.С. Жданов // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28–35.

УДК 141

ПОСТАНОВКА ТЕМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ И ДИГИТАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ СОЗНАНИЯ

Мирный А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

1c12@mail.ru

В состоянии, когда онтологические исследования становятся затруднительными, проводится философская инвентаризация сущего и всего в него включенного. Антропологические интересы стоят сразу после

онтологии и логики. Современный *философский кейс* [4] о человеке включает в себя исследования техники вместе с человеком.

Вопрос человека о том, кто он такой волновал нас всегда, но эта тема приобрела новые перспективы, когда появилась достойная экзистенциальная альтернатива человеку, как некогда единственному носителю сознания во Вселенной – это антропоморфные машины, роботы, которые благодаря виртуальности, новой цифровой сущности, приобрели «признак» сознания [5]. Хотя, возможно, это вовсе и не признак, а вполне закономерная перспектива эволюции. В этом нам видится значительная важность и интерес для дальнейшей разработки.

Идея искусственного создания очень древняя, пожалуй, впервые подобное упоминание можно встретить в древнегреческом мифе о Кадме, или же в другом известном мифе о Пигмалионе и оживленной скульптуре Галатеи. Само слово «робот» появляется в художественной литературе, оно придумано писателями братьями Чапеками в 1920 году. Уже тогда возникает основание для вопроса: может ли творение быть лучше своего создателя? Нас волнует в роботах то, что в них мы находим что-то более живое чем сам человек.

Очень примечателен в этом отношении диалог робота и человека из фильма Ридли Скотта «Прометей» 2012 года:

- Зачем вы меня создали? (спрашивает робот у человека)

- Потому что могли.

- Удовлетворил бы вас такой ответ вашего Создателя?

После этих слов робот, который сам назвал себя Давидом, в честь библейского героя, ставит над своим собеседником-человеком биологический эксперимент, который превращает его в некое ужасное существо, которое в итоге погибает. Позже робот Давид возомнит себя Богом и будет пытаться создать новую жизнь, таким образом продемонстрировав не только несостоятельность понятия искусственности, но и диалектический характер антропологии.

Здесь же возникает целый комплекс интересов: вновь поднимается схоластический вопрос творения, а также вопрос отличия робота, как искусственно уподобленного человеку создания, и самого человека. Какой же человек настоящий? Есть необходимость обнаружить саму похожесть на человека, подражание ему, нужен некий тест на человека. Антропология возникает там, где есть основания полагать некий набор категорий сходный с таковыми у человека и первой из них конечно является сознание. *Виртуальность как сознание робота* или *дигитальное сознание* (об этом дальше) — является на наш взгляд важнейшей проблемой в пограничном поле современной науки [5].

Таким образом появляется новая дисциплина оптики данного вопроса – *антропология роботов*. Благодаря наличию целого комплекса новых категорий и явлений, мы теперь можем рассмотреть понятие робота даже в

неком отрыве от техники. Интересно, что впервые это явление мы замечаем именно в культуре, которая показывает экзистенциальные явления, связанные с роботами, которые ранее считались исключительно частью техники. Парадоксально, что наука, несмотря на то, что она якобы имеет самое непосредственное отношение к созданию роботов, несколько отстала от осмысления всего объема сущностей, возникших вместе с ними. А первенство в этом вопросе сейчас несомненно принадлежит литературе и кино.

«Увидимся на той стороне...», – говорит робот, идущий на смерть (фильм «Интерстеллар» 2014 года, режиссер Кристофер Нолан). Живой робот – он не просто знает, что живет, он также знает или верит в то, что есть еще что-то большее чем сама жизнь, которая помещена по ту сторону всего живого. Казалось бы, смерть для робота – это просто ущерб, некий *утиль существования*, за которым ничего нет, но все оказывается не так. Добровольно идя на смерть, вот так просто, без приказа, без сожаления, он становится более живым чем человек. Робот будто тот исповедник Бога идет на встречу к Нему с радостью.

Робот не может причинить вред человеку, заботится о нем – *забота* есть любовь и бытие по Хайдеггеру. Терминатор из одноименного фильма и робот Бишоп из киносаги «Чужие» Джеймса Кэмерона приносят себя в жертву, тем самым реализуя третий пункт Закона робототехники Айзека Азимова [1].

Что заставляет его делать это? О чем он думает в этот момент? «Тебя починят», – говорит Рипли раненному роботу Бишопу. Он отвечает: «Я всего лишь дорогой тостер». Он рефлексировал себя иначе чем человек, у него нет той гордыни и чувства исключительного, не говоря уже о юморе, который многие психологи считают неотъемлемой частью сложной психики. Но, важнее то, что для него смерть не является чем-то ужасающим, он идет на нее со смирением, четко зная свое предназначение. Человек же всегда сомневается, не зная зачем он здесь. Он демонстрирует некий *онтологический инфантилизм*. Делез, отмечая эту его черту, вводит *шизоида* вместо субъекта, называет человека «машиной желаний».

Возьмем, к примеру, такие «условные понятия» как: личность, Я, мышление, сознание, психика, человек, индивид. Это некая *методологическая точка* без опоры, на которую любая концепция может превратиться в праздную риторiku. Отсюда *Антропный принцип* или Теория наблюдателя как часть релятивистской теории физики. Но с развитием техники появляется возможность в этот ряд добавить еще и искусственный интеллект, робота, который теперь перестает быть только хайдеггеровским «подручным» (англ. ready to hand), о чем говорит Винсент Блок [7], но также теперь является этой методологической точкой в исследовании сущего.

Александр Р. Гэллоуэй один из первых *философов-программистов* новой эпохи прихода Виртуальности, отмечает большую важность

исследования онтологических аспектов цифрового, в котором соединяются антропология и техника. «Существуют разные способы размышлять о цифровом. Часто мыслители пытаются превратить цифровые машины во что-то совсем другое: в организм, в человека, в какой-то культурный артефакт, или явление, или в социальное отношение», – отмечает он [3].

Сознание человеком самого себя и робота могут пересекаться в понятии *дигитального*, то есть, в общем приближении, цифрового. «Цифра, digit – от слова «палец». У нас определенное количество пальцев на руках и ногах: любой тип репрезентации в числах сводится к отдельным единицам, которые отличны и разграничены, разделены... Цифровое, это такое, которое может делиться на два» [Там же.]. То есть рефлексия – некое деление сознания на два. Дигитальная, *цифровая сущность сознания*; ноль и единица, а также триггер между ними, как модель сознания – мы здесь лишь кратко обозначаем важные моменты, которые требуют более подробного отображения в дальнейших работах.

Список литературы

1. Азимов, Айзек. Улики // Мечты роботов. – М.: Эксмо, 2004. – С. 142-169.
2. Гегель. Наука логики / пер. с нем. Н. Г. Дебольского. – СПб., 1916. – 423 с.
3. Гэллоуэй, Александр Р. Цифровое в философии: лекция, прочитанная в Философском клубе ЦСИ «ВИНЗАВОД». – 2017.
4. *Мирный А.А.* Эпоха отказа истины // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений: сборник статей. – 2018. – С. 291-299.
5. *Мирный А.А., Андреева Т.А.* Дигитальное сознание и антропология роботов // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности под общей редакцией С.В. Беспаловой. 2018. – С. 326-328.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
7. Blok, V. «Heidegger's Ontology of Work», Heidegger Studies 31: 2015. – 109-138.

УДК 340.12(470).

ПРАВДА КАК ОСНОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ФИЛОСОФИИ ПРАВА К.А. НЕВОЛИНА

Михайлов А. Е., канд. филос. наук, доцент,

Михайлова М. В., канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет», г. Киров, РФ
aemikhailov@yandex.ru

Формирование единого экономического, социально-политического, информационного пространства с ориентацией на рациональную модернизацию общества сопровождается возрастающей неопределённостью,

непредсказуемостью множества последствий принимаемых на разных уровнях решений. Ожидания наступления «социального мира и порядка в изобилии» не оправдались, и современность характеризуется как «эпоха разобщённости» (Д. Белл). Поиск путей преодоления разобщённости, проявляющейся в законодательной и правоприменительной практике «двойных стандартов» не может сводиться к технико-технологическим процедурам. Философские основания такого поиска формировались в различных направлениях как зарубежной, так и отечественной философской мысли.

Обращение к творчеству основоположника отечественной философско-правовой школы Константина Алексеевича Неволлина (1806-1855) способствует более глубокому теоретико-методологическому осмыслению правовых аспектов социально-политической реальности не только в историческом, но и в современном контексте.

В совершенствовании теории права и правоприменительной практики фундаментальное значение имеет философия, и Неволлин в своём историко-философском исследовании истоков формирования теоретических оснований права утверждал, что «закон по существу своему есть вообще правда... А существо правды может быть определено только в философии» [2, с. 33]. Приоритетным в исследованиях о предметах законодательства он считал вопрос «о предустановлении человека на земле». [1, с. 7].

Уже с античности «неписанные» законы стали определяться как «природные» или «естественные» в противоположность законам, которые устанавливаются и изменяются людьми. В позиции софистов Неволлин усматривал «дерзкую отвагу», поскольку естественное право ими противопоставлялось справедливости в обычном смысле, как основанной на постановлениях людей, то есть закону положительному. Согласно софистическому подходу, стремление избежать ущерба, который может при взаимодействии нанести та или иная сторона, привело к возникновению договорного права и предписываемое законом стали считать законным и справедливым. Но договорное право не упраздняет право сильного, от воли которого зависит соблюдение или нарушение закона. Справедливость в трактовке софистов состоит в том, чтобы «лучший, т. е. сильнейший, имел во всем преимущество пред слабейшим, одним словом, в праве сильного» [1, с. 10].

Государство в трактовке софистов, по характеристике Неволлина, «есть только приведенное в систему насилие, самое несправедливое господство сильнейших над слабейшими; между гражданами нет ничего общего; существуют только притеснители и притесненные; каждая сторона и в ней каждое лицо заботится только о своих выгодах, только дотоле властвуя и раболепствуя, доколе одни обладают нужной для того физической силой, а другие пребывают бессильны» [1, с. 11]. Но такая характеристика обусловлена не столько дефектами правовой концепции

софистов, сколько дефектами самого общества. Софисты не лечат, а диагностируют. Но кое-что, по мнению Невolina, к испорченности нравственного мира они всё-таки присовокупили.

Преодоление односторонней субъективности софистов К.А. Невolin усматривал в философии Сократа, для которого подлинное значение имеет уже не частный разум отдельного человека, а «Всеобщий Ум» как причина истинного, прекрасного и доброго как таковых вне зависимости от субъективных представлений о них того или иного человека. Преодоление разрушительной софистики, направленной против законов и нравов, Невolin видит в сократовской вере в тождество мудрости и добродетели, в непреоборимую силу ума и добра над людьми, совершающих зло лишь по неразумию и против воли. Законы трактуются Сократом как источник познания добра и зла. При этом речь идет о законах не только писанных (человеческих), но и неписанных (божеских), заключающих в себе как награду, так и неизбежное наказание. Но Сократом лишь была поставлена задача «представить в мире систему Божественных намерений» [1, с. 13]. Данную проблематику Невolin более подробно анализирует в текстах Платона и Аристотеля.

Нравственное существо людей Платон усматривал в пребывании в человеческих душах знающего добро и не остающегося праздным Божественного Ума. Оценив величественность предпринятого Платоном исследования осуществления Правды в масштабах государства, Невolin отмечает возвышенность его философских взглядов на проявления совершенств Идеи Правды в целом роде человеческом. Согласно Платону, «сила Ума» владычествует над Грецией, «сила парения» над северными народами, а «сила пожеланий» над Азией и Египтом. Однако идеал государства Платоном разрабатывался для одних только греков. Если греки «друзья и родные между собою», то с варварами они «враги от природы». Невolin отмечает: «Он, кажется, забывает то общее правило, по коему один человек вообще не должен вредить другому» [1, с. 44].

Невolin не видел каких-либо существенных различий между Платоном и Аристотелем в понимании добродетели или человеческого совершенства. «В приложении ко взаимным отношениям людей между собою добродетель получает у Аристотеля определеннейшее название Правды, в связи и ответственности с кою он видит в то же время Дружелюбие между лицами, коих взаимоотношения устроены сообразно истинному существу Правды» [1, с. 57]. Правда в аристотелевском понимании оказывается не только самой труднейшей, но и самой высочайшей добродетелью, поскольку в ней все добродетели человека обращаются на службу другим людям.

В исторической эволюции философии законодательства у древних народов Невolin особое внимание уделяет Цицерону, у которого впервые «находим истинные понятия о Правде между Народами». Из признания

единства разума во всех людях Цицерон выводил утверждение о единстве правды между ними и необходимость уважения прав иностранцев, даже надлежащую регламентацию отношений между воюющими народами. Неволин полагал, что с возрастанием зла в мире усиливалось в душах людей и стремление освободиться от него. У неоплатоников этот процесс достиг предельного выражения, когда они через внутреннее сосредоточение формируют воображаемое государство, как ряд ступеней в очищении своей души, и погружаются в жизнь внутреннюю и созерцание Божества.

В формировании нового мирового порядка проблематика, рассматриваемая Невוליным, сохраняет свою актуальность. Целью его философских исканий стало совершенствование права с приоритетом духовно-нравственных оснований, преодоление права силы силой права с опорой на правду и справедливость. [3, с. 63-66]. Правовое регулирование с учётом реалий современного общества должно предотвратить негативные последствия мотивации, основанной на стремлении к частной выгоде, к превосходству и исключительности, с использованием двойных стандартов, изоциренных технологий манипулирования человеческим сознанием, трансформирующих историческую память и поведение.

Список литературы

1. Неволин К.А. Рассуждение о философии законодательства у древних, сочиненное для получения степени д-ра законовещения Константином Невוליным. – СПб., 1835. – 107 с.
2. Неволин К.А. Энциклопедия законовещения. – СПб., 1997. – 400 с.
3. Михайлова М.В., Михайлов А.Е. К.А. Неволин о становлении законодательства в античности: от права силы к силе права // Право и практика. – № 1(15) 2016. – Киров: Изд. Аверс. – С. 63-66.

УДК 130.2

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВЫХ, РЕЛИГИОЗНЫХ И НРАВСТВЕННЫХ ИДЕЙ В УЧЕНИИ ЗОРОАСТРИЗМА

Науменко О.А., канд. филос. наук

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет
«МИСиС», г. Москва, РФ
naumenko06@mail.ru

Введение. Зороастризм – одна из древнейших религий на земле, возникшая на территории Древнего Ирана (Персии, отсюда другое название зороастризма – парсизм) приблизительно в 9-6 веках до н.э. и представляющая собой маздеизм (или религию магов), реформированный

пророком Заратуштрой (др.-греч. «Зороастр», ср.-иран. «Зардушт»), историчность которого не подвергается сомнению. Заратуштра родился в древнем Хорезме, в семье Спитамы (род Заратуштры). Имя «Заратуштра» переводится примерно, как «имеющий старого верблюда». Время жизни пророка остаётся предметом споров и относится к промежутку между 850–590 гг. до н.э. Заратуштре приписывается авторство Гат – самой древней части священной книги Зороастризма и маздеизма Авесты, или Зенд-Авесты (букв. «текст с комментариями»).

Цель. Указать на некоторые философские положения древнего учения.

Основная часть. Основная идея зороастризма – зависимость миропорядка от борьбы добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти. Олицетворением положительного начала Вселенной является Ахурамазда, отрицательного – Анхра-Майнью. Человек в этой борьбе не игрушка в руках высших сил, а личность, обладающая свободой выбора, способная своей активностью повлиять на торжество мировой справедливости.

Зороастризм – единственная религия в мире, которая не насаждалась народам войнами, а развивалась естественным путём.

В основе зороастрийской этики лежат идеи продолжения жизни и соблюдения чистоты; она превозносит брак, осуждает аскетизм и посты так же сурово, как блуд и прелюбодеяния.

Зороастрийцы верят, что после смерти душа встречается со своей совестью, предстающей в виде прекрасной девы или страшной ведьмы, – в зависимости от добрых или злых дел человека в земной жизни. Теоретически посмертная участь человека жёстко обусловлена количественным соотношением его добрых и злых мыслей, слов и дел. Однако за умерших возносятся молитвы, совершаются богослужебные обряды, приносятся в жертву цветы, особенно – на Новый год (Навруз).

Эсхатология зороастризма утверждает, что мировая история длится 12 тыс. лет, из них 3 тыс. лет – «золотой век» Ахурамазды, вслед за которым начались 3 тыс. лет господства Анхра-Майнью, однако зло не вечно. Дева родит грядущего спасителя и будет судный день. Зороастризм обещает посмертное блаженство сторонникам Ахурамазды, осуждение на страшном суде и муки его противникам.

Праведный образ жизни признавался главным долгом человека, как и основным средством в достижении индивидуального спасения в будущей жизни.

В Авесте содержатся ценные сведения об общественном устройстве. В этой книге постоянно упоминаются представители отдельных социальных групп – жрецы, воины (ратайшта, т.е. «ездящие на колесницах») и земледельцы. В одном месте упоминается также четвёртая группа – ремесленники, – стоящая ниже трёх остальных. В Авесте неоднократно говорится о владельцах «многочисленных стад», и можно

предположить, что такие скотоводы пользовались рабами как рабочей силой.

Также в священной книге зороастризма сохранились сведения об административном и территориальном делениях, связанных ещё с родоплеменной организацией. Основой общества были сельские общины (вис), которые совместно владели землями, окружавшими селения. Несколько родов составляли племя – занту. Наиболее крупным объединением был союз племён – дахью. Как известно из Авесты, союзы племён каждой области подчинялись власти кави, то есть вождя (царя), который в то же время считался верховным жрецом. Рядом с ним существовал совет из «лучших людей». Таким образом, предположительно, мы имеем здесь дело с развитым строем военной демократии, в рамках которого возникли рабовладельческие отношения.

На протяжении своей трёхтысячелетней истории зороастризм претерпевал серьёзные изменения, отражавшиеся и в его доктринах, и на обрядовой практике.

Тысячелетняя культура Востока оказала большое и разностороннее влияние на развитие культуры в Греции и других странах Запада.

Идейные концепции зороастризма повлияли на формирование манихейства, митраизма, иудаизма, маздакизма, движения хуррамитов, христианских ересей павликиан и катаров.

Пророк Заратуштра стал одним из центральных персонажей музыкальных произведений И.Штрауса, философии Ф.Ницше (произведение «Так говорил Заратустра»). Великий восточный поэт, учёный и мыслитель Омар Хайям посвятил священному празднику зороастрийцев своё произведение «Навруз-наме».

После завоевания Ирана и Средней Азии в 7-8вв. арабами зороастризм был почти повсеместно вытеснен исламом.

Некоторые обряды и традиции зороастрийцев (например, большие общие дома; «дома огня» (алоухона) – места сборов мужского населения кишлака у очага, во время которых проводилось коллективное угощение; празднование Нового года, Навруз (21 марта), с приготовлением кушанья «сумалак» из проращенной пшеницы – символа жизни и начала сева) сохранились во многих восточных странах, а также в Узбекистане, Таджикистане, Азербайджане, Индии.

Заключение. В одной из книг Авесты – книге «Ясна», в главе XIV говорится: «Я прославляю добрую мысль, доброе слово, доброе дело...». Если бы все люди стремились к исполнению этой заповеди, может быть, мир был совсем другим.

Список литературы

1. Атеистический словарь / Абдусамедов А. И., Алейник Р. М., Алиева Б. А. и др.; под общ. ред. М. П. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1985. — 512 с.

2. Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи / Мэри Бойс. – СПб: Азбука, 2003. – 352 с.
3. Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении / Б.Г. Гафуров. – М. Гос. Изд-во Политической Лит-ры, 1955г. – 544с.
4. История философии в СССР [Текст]: В 5 т. / АН СССР, Ин-т философии МГУ им. М. В. Ломоносова, Филос. фак.; редкол.: В. Е. Евграфов и др. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – С. 35–36.
5. Маковельский А. О. Авеста [Текст] / А.О. Маковельский. –Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1960. – 144 с.

УДК 94:572.9

НОВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: МЕСТО, РОЛЬ РОССИИ И НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА

Некрасов С.Н., д-р филос. наук, профессор

ФГАОУ «УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ
ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», г. Екатеринбург, РФ
nekrasov-ural@yandex.ru

Блуждание центра мирового революционного процесса, утрата лидерства СССР привело к подготовке нужных кадров в другой лидирующей стране. Россия при возможной смене курса развития и выдавливании либерального поколения из системы управления также будет нуждаться в новых кадрах. Сегодня популярность идей марксизма опровергает прогноз Ф. Фукуямы о конце истории и установлении глобальной капиталистической системы. Однако и прогноз последнего крупного традиционного марксиста И. Валлерстайна также перекрывается. 31 августа 2019 г. И. Валлерстайн скончался в Нью-Йорке, в «городе желтого дьявола», по выражению М. Горького. Р. Вахитов писал: «Валлерстайн, кстати, живо интересовался судьбой постсоветской России. Он предсказывал, что к 2050 году самым популярным национальным героем в России станет не кто иной, как Владимир Ильич Ленин. Потому что именно Ленин указал странам полупериферии и периферии путь к освобождению от пут мирового капитализма, в которые Россия попала во второй раз за свою историю. Ошибся Валлерстайн только в сроках – уже сейчас, на пороге 2020-х, популярность Ленина и Сталина среди простых россиян бьет все рекорды...» [1].

Реальная жизнь может обрушить любые прогнозы, поскольку эстафетная палочка мировой революции передается от одной страны к другой. И не СССР – лидер мирового революционного процесса, да и нет СССР как исторической реальности, а есть новый лидер, КНР – красный Китай. И не 300 миллионов состоит в Мировой системе социализма, СЭВ и

Варшавском Договоре, как было прежде, а уже полтора миллиарда человек, то есть в пять раз больше. И если сравнить территории и экономическое могущество обновленной мировой системы социализма, то картина получается еще более впечатляющая.

1400 млн. в КНР, 95 млн. во Вьетнаме, 25 млн. в КНДР, 11 млн. – Куба, 7 млн. – Лаос: полтора миллиарда человек населения, и остальное трудовое человечество стремится в ШОС. Учитывая первоначальную в 2010 г. пятерку стран, и затем вступившие в шанхайский союз Индию и Пакистан, в организации сотрудничества оказалась половина человечества. И если предположить, что обновленная таким образом мировая система социализма выработает третью после Парижской Коммуны и Советской власти обновленную историческую модель социализма, то получится, что на планете господствует не одна мировая система капитализма. На Земле борются две мировые системы: система социализма бурно развивается в новой форме, а система капитализма распадается и погибает. Буржуазная Россия оказалась в центре нового столкновения цивилизаций. Она объективно помогает крушению системы капитализма и развитию мирового социализма. РФ является ядром БРИКС и ШОС и выступает гарантом развития мирового социализма и обеспечивает безопасность стран Востока от китайской экономической экспансии. РФ выступает также организатором системы сдержек и противовесов в отношениях между Индией и Китаем, Индией и Пакистаном, странами Юго-Восточной Азии и КНР. В этих отношениях США как арбитр отходят на второй план, и реализуется максима китайской военной стратегии, в нашей истории вербализованной Г.В. Плехановым и В.И. Лениным: «врозь идти, вместе бить».

Иногда спрашивают, возможно, коммунизм – это религия? Нет, это бытие, это момент становления и это идея. Образно говоря, сегодня мы живем в развалинах более высокой цивилизации, подобно арабам среди пирамид былого древнего Египта или потомкам северных варваров, пришедших на развалины Рима. Остается пытаться понять, что говорили строители той прежней развитой цивилизации, какие смыслы они вкладывали в свои слова и дела.

Это относится не только к нам, но и ко всему миру – капитализм и социализм проходят каждый по две фазы развития и при пресечении социалистического развития общество попадает в первую фазу капиталистического – то есть домонополистического капитализма. Такое общество по закону модернизации не попадает в ядро капиталистической мир-системы и не встраивается в полу-периферию, а оказывается на периферии, то есть в третьем мире. А это не прогресс, а регресс, или переход в инферно, как говорил И.А. Ефремов. Об этом писал тот видный марксист, с которым мы простились 31 августа. Уже тогда стало ясно, что старая геополитика ушла в прошлое, родилась новая геополитика 1.0 (по терминологии А.Г. Дугина) – геополитика однополярного мира и возникла

необходимость новой реальной геополитики 2.0, или геополитики многополярного мира [2].

Новая Россия образца 1991 г., под которой подразумевают ту социальную систему и такой тип общества, которые в науке характеризуются как капиталистические, еще не стала империалистической. Она вывозит сырье и пытается развить свое производство, достигнув хотя бы уровня РСФСР. Задачей страны сегодня стало сохранение суверенитета и обеспечение свободного развития народов на базе развития многополярности мира. Россия успешно сопротивляется атакам внешних империалистических хищников. Политический режим в РФ – буржуазная демократия, что, несомненно, лучше квазифашизма или протофашизма, которыми беременны зарубежные державы и которые они экспортируют вовне на территорию геополитических соперников: достаточно указать бывшие советские союзные республики.

Мы в новой России чтим великую Победу 1945 г., но скромно и по умолчанию отмечаем победу над Японией. Называем эту дату «окончанием второй мировой войны». Наше государство не мешает добровольцам из России отстаивать независимость ДНР и ЛНР. Эти непризнанные пока республики выпускают марки, которые не найдешь в России. Назовем их в стиле победителей 1991 г. «тоталитарными». На марках видим сталинских наркомов и маршалов Победы. Нравятся нам эти марки ЛНР, как нравятся и положительные черты буржуазной демократии, позволяющие отстаивать убеждения и пропагандировать научное мировоззрение тем людям, которых ранняя ельцинская республика колотила дубинками. Теперь кое-что в ходе борьбы между буржуазным государством и буйно-агрессивным буржуазным гражданским обществом перепадает неразумным детям-внукам либералов-западников образца 1991-1993 гг.

Как закалялась сталь – хорошо знают китайские товарищи, издающие массовыми тиражами книгу с таким названием. Они знают, как формируются массы: в классовой борьбе. А как формируются властные элиты – традиционно русским путем чистки и опричнины? В царской России был опыт по формированию контрэлиты в «каторге и ссылке» – так назывался журнал, орган Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Новая элита росла и в эмиграции, на баррикадах, в созидательной работе по формированию нового общества, но главное – в дискуссиях и дебатах на съездах, партийных конференциях, в открытых расколах и в подполье. Существует ли сегодня во время господства сетевых дискуссий и засилья диванных аналитиков что-то похожее на этот путь формирования контрэлиты? Идет ли сегодня настоящая дискуссия, или преобладает истерика телевизионных ток-шоу? А пока на пространствах бывшего СССР враждуют не народы, но элиты новых государств сталкиваются в своих интересах – ведь началось новое

столкновение цивилизаций, а новая евразийская единая элита пока не сформировалась.

Список литературы

1. Вахитов Р. Читайте Валлерстайна! // Независимая народная газета «Советская Россия». 2019. Режим доступа: <http://www.sovross.ru/articles/1888/45565> (дата обращения 5 сентября 2019)
2. Дугин А.Г. Что такое геополитика 2.0? // «Вселенная - территория свободной стаи Universe-tss.su» Режим доступа: <https://universe-tss.su/main/video/69825-aleksandr-dugin-chno-takoe-geopolitika-20.html> (дата обращения 6 сентября 2019)

УДК 316

ФЕНОМЕН ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ

Павловская О. А., канд. филос. наук, доцент
ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», г. Минск, Беларусь
olga.pavl@tut.by

Современная социальная реальность, сопряженная с резким обострением внешне- и внутривнутриполитических, межэтнических и межрелигиозных конфликтов, открытым вооруженным противоборством, гибелью и страданиями людей, настоятельно требует переосмысления проблемы гражданского общества, его сущности и механизмов функционирования и развития. Обращение к проблеме гражданского общества также обусловлено историческим опытом деятельности государства как социального института, который свидетельствует о масштабных негативных последствиях гуманитарного плана, связанных с чрезмерным использованием его права на монополию легитимного физического насилия, ограничением прав и свобод личности, а то и установлением тотальной зависимости человека от различного рода государственных структур.

Проблема формирования гражданского общества приобретает особую актуальность на постсоветском пространстве, где обретение политического суверенитета и независимости непосредственно связываются с развитием демократии. Для советского общества эта проблема по существу не стояла, т.к. официально было признано существование общенародного государства, что предполагало единство советского народа и государственной власти, хотя на практике постепенно накапливались и периодически обострялись различного рода социально-политические противоречия, что привело, в конце концов, к распаду существующего государственного строя.

Формирование гражданского общества в настоящее время не только связано с определенной политической целесообразностью, но и обусловлено спецификой транзитивного состояния общества: во-первых, исторически закономерным переходом от различных авторитарных и тоталитарных форм государственности к последовательному утверждению демократических ценностей в политической жизни; во-вторых, необходимостью урегулирования отношений между различными социальными слоями и группами, нациями и народностями, религиями и конфессиями с целью сохранения гражданского мира и недопущения перерастания конфликтов в состояние гражданской войны; в-третьих, потребностью в развитии процессов интеграции и консолидации общественных сил на основе общепризнанных социогуманитарных приоритетов и духовно-нравственных ценностей.

Особое внимание следует обратить на происходящие в настоящее время трансформации в плане государственного устройства. Организация государства по национальному признаку («национальное государство»), что являлось доминирующим направлением в развитии политических процессов в XIX – первой половине XX в.в., в современных условиях отчетливо демонстрирует опасность усиления и распространения националистических настроений и основанных на них радикальных действий. Это ведет к дестабилизации общественной ситуации, росту враждебности и агрессивности в международных отношениях. В противовес этому может выступать концепт «национально-гражданское государство», в структуре которого, наряду с выражением национальных интересов, значительно возрастает роль гражданского общества.

Гражданское общество представляет собой особую форму совместной жизни людей, в рамках которой каждый человек имеет определенный социально-экономический статус (право частной собственности, финансово-имущественное состояние, социально-профессиональную принадлежность), обладает совокупностью политических прав и свобод, выступает в качестве суверенного частного лица, имеющего право на личную жизнь, возможности для своего духовно-нравственного развития. Это в результате обеспечивает взаимодействие членов общества в реализации их общих интересов, определенный уровень самоорганизации общественной жизни, специфическое морально-психологическое состояние, защиту от внешних и внутренних угроз. Применительно к современной ситуации к институтам гражданского общества следует отнести семью, учебный и трудовой коллектив, профессиональные союзы, СМИ, церковь, социально-демографические группы, общественные объединения и политические партии, творческие союзы, неформальные группы. Особой структурой гражданского общества на современном этапе является Интернет-сообщество, представители которого могут выражать свое личное мнение по поводу тех или иных проблем, объединяться между собой в различные неформальные группы по интересам.

Гражданское общество является своеобразным социальным пространством, открывающим широкие возможности для личностного развития человека. Духовно-нравственный потенциал личности реально проявляется, прежде всего, в таком феномене, как, говоря словами И. Канта, «достоинство человеческого в нас», которое «как некая абсолютная внутренняя ценность» приводит в движение весь комплекс личностных качеств человека, притягивает к себе внимание других людей и порождает у них чувство уважения к нему. По мнению И. Канта, человек «не должен отречься от высокой моральной оценки самого себя, имея в виду это достоинство, т. е. он должен добиваться своей цели, которая сама по себе есть долг, не раболепно, *не холопски*, как если бы он добивался милости, не отречься от своего достоинства, а всегда [добиваться своей цели] с сознанием возвышенности своих моральных задатков» [1, с. 458].

В гражданском обществе мораль и право, призванные выполнять свою основную функцию – регулирующую, непосредственно выходят на личностный уровень, где человек способен осознанно и по своей воле принимать решения и нести за них персональную ответственность. В этой связи особую значимость приобретает проблема формирования нравственно-правовой культуры личности. Следует отметить, что этот процесс не может быть односторонним, сам человек по мере своего духовно-нравственного взросления (созревания) и правовой осведомленности начинает оказывать обратное влияние на различные социальные структуры, в чем непосредственно проявляет себя как субъект гражданского общества. Личность, обладающая чувством собственного человеческого достоинства, занимающая активную гражданско-правовую позицию, стремящаяся к своему самосовершенствованию, является благотворным источником развития межличностных, социально-групповых, общественных отношений.

В целом, в условиях транзитивности достаточно устойчивые в прошлом вертикально-иерархические связи в социальной структуре либо нарушены, либо подвергнуты существенным изменениям, вследствие чего населением начинает остро ощущаться социальное неравенство и несправедливость, постепенно нарастать напряженность и конфликтность социально-психологической обстановки, значительных размеров может достигать уровень нестабильности и кризисности общественной жизни. А это, как показал исторический опыт, создает почву для неправомерного и чрезмерного усиления власти госаппарата и репрессивного характера его деятельности (диктатура государства, авторитаризм). Поэтому обращение к проблеме формирования гражданского общества является не только исторически закономерным, но и жизненно необходимым процессом, позволяющим учитывать настроения и предпочтения различных социальных групп, согласовывать личные потребности и убеждения граждан с общественными интересами и целями, координировать и контролировать деятельность государственных структур.

Список литературы

1. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – 2-е издание, стереотипное. – СПб.: Наука, 2005. – 528 с.

УДК 130.2

КАФКИАНСКИЙ ТОПОС СООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ЧЕЛОВЕКА

Патерыкина В.В., д-р филос. наук, профессор
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР
lqiki_nauka@mail.ru

Власть в любом её проявлении и в любом состоянии места и времени вызывает неоднозначные рефлексии и в умах, и в сердцах тех, кто противоположен ей по настроению, положению, расположению. Её боятся, ненавидят, её боготворят, ею упиваются, к ней хотят приблизиться, находиться на её вершине, удержать её любой ценой или низвергнуть опять-таки любой ценой вплоть до оплаты наиболее ценным – жизнью. Спектр, как отторжения, так и связанности/сопричастности/причастности к этой эфемерной, но вместе с тем и такой ощущаемой силе можно расцветивать до бесконечности, выискивая всё новые оттенки отношения к власти. С достаточной долей уверенного оптимизма можно сделать заключение, что исключительно литературе, художественному слову присуще оттеночное многообразие ощущения силы, определяющей текстуру социума. Переломы эпох взывают художественно-литературную мысль к сиюминутному отпечатку времени в слове, и не важно, в какую форму будет облечено произведение – роман, эссе, новеллу, рассказ, притчу, и не важно – будет ли это обращено к реалиям, фантастике, будущему, истории. Читатель поймёт за «вуалью словес» то, что обращено непосредственно к нему. Так произошло с Франсом Кафкой – мало публикуемым при жизни, но уже почти столетие читаемым и обсуждаемым, раскрывающимся с каждым витком и вызовом социальной ситуации сообразно предложенному фону.

Гений никогда не упреждает своего времени, но всегда только угадывает его не для всех видимое содержание и смысл [3, с. 37] – так Виссарион Григорьевич Белинский определил пророческую роль художников. Франс Кафка предчувствовал «не для всех видимое содержание и смысл» в недалёких по времени от завершения его земного пребывания событиях. «Превращение» (1912 г.), «Приговор» (1912 г.), «В исправительной колонии» (1914 г.), «Процесс» (1914 г.), «Как строилась

китайская стена» (1915 г.), «Америка» (1916 г.), «Стук в ворота» (1917 г.), «Письмо отцу» (1919 г.), «Замок» (1922 г.) создавались в эпоху великих нарративов, отражавших величайшие потрясения начала XX века. Маленький человек, стоящий перед властью и вовлечённый ею в исторический водоворот, неизбежно погибает физически или растворив себя эмоционально и интеллектуально в чужих грандиозных идеях построения уже не столь важно чего.

Соотношение власти и подчинения, сильного и слабого, свободы и зависимости подспудно или явно имплантировано в произведения Франса Кафки, касается ли оно его биографического подтекста или же глобально значимых проблем. Какую бы смысловую нагрузку ни несло произведение Франса Кафки и как бы оно ни называлось, но присутствие власти, зависимости человека от государства, человека от политики, человека от человека, животного от человека явно. Вселенское неистребимое, неизбывное, безысходное, непреодолимое состояние погружённости во власть меньшего старшим, слабого сильным – непреходящий спутник человеческого бытия, естественное состояние социума, против которого борется здравая мысль, но натывается на неизбежность хотя и абсурдность такого миропорядка.

Анализируя творчество Франса Кафки, Теодор Адорно выводит, казалось бы, парадоксальную мысль о том, что Кафка не прославляет мир подчинением, он противится ему ненасилием. Перед лицом такого сопротивления власть должна признать себя тем, что она есть: он надеется только на это. Миф должен погибнуть от собственного отражения. Герои «Процесса» и «Замка» виновны не потому, что на них лежит вина, – нет её на них; они виновны в том, что попытались добиться для себя справедливости [1]. Противиться ненасилием – в этом Теодор Адорно выплёскивает извечно дискуссионное толстовское непротивление злу насиланием применительно к Франсу Кафке, подтверждая, что самый сильный протест звучит из уст самого слабого существа.

Душеприказчик и друг писателя Макс Брод восторгается его умением предвидеть. Кафка умер еще до кошмара неограниченных диктатур и атомной бомбы, до апокалипсиса порабощенного индивида, – но он предчувствовал эти ужасы, пророчески предвосхитил их. Отсюда призрачно-бедственная, стесняющая дыхание мрачная атмосфера, которая ощущается в его романах. Именно *предвосхищение* страшного времени, наставшего намного позже, чем окончился жизненный путь поэта (например, сцена ареста, тайный судебный процесс в «Процессе»), отчасти объясняет сегодняшнее воздействие Кафки (в той мере, в какой оно объективно, а не связано со смятением чувств читателя). Франц Кафка словно бы пишет на злобу дня. Совесть этого дня нечиста перед ним. Ведь он уже заранее все описал и предостерег. Тем не менее, мы и дальше бездумно пошли по ложному пути, по пути порабощения и безлюбости. Другой пример такого

предвидения, для которого у Макса Брода нет рациональных объяснений, можно найти в «Дневниках» Кафки, где в записи от 6 июня 1914 года в форме рассказа излагается история, происшедшая с чиновником магистрата Брудером, живо напоминающая сцены войны, которая разразилась только через два месяца. Далее, среди «Фрагментов» к «Приготовлениям к свадьбе в деревне» описана сцена депортации, каких при жизни Кафки на широтах Австро-Венгерской империи не происходило. Поражает обилие точных деталей, с которыми Кафка прозревает печальные события.

Обычно, к сожалению, не эту «нечистую совесть» нашего времени подвергают подробному анализу, когда изучают сильное действие, оказываемое Кафкой на многих, особенно на неразвращенную молодежь, любящую чистоту и искренность его прозы. Судят совсем иначе: мол, причина этого действия – пессимизм Кафки, пессимизм безвольного, как бы со сладострастием погрязающего в самораспаде человека. Многие заявляли и, несомненно, будут писать и дальше (ведь ныне мы живем под *такой* звездой), что Кафка – поэт декаданса, поэт безнадежной потерянности, которая более не видит над собой ни неба, ни нравственного закона, которая не признает ничего, кроме своего Я, обреченного на ничтожество смерти и проклятие. Таких людей, упорно твердящих о пессимизме Кафки, не убедит и знакомство с записями в дневнике писателя вроде той, что сделана 16 октября 1921 года, где с трогательной скромностью и самоуничижением (против которого при жизни Кафки Макс Брод тщетно боролся и которое было единственным его недостатком), но, в то же время с однозначным, явственным *неприятием отчаяния* [2].

В неоконченных рукописях романов сила власти осмыслена и преподнесена как осязаемая и в то же время ускользающая сущность, подавляющая, диктующая, властвующая, но эфемерная. Писателем предугаданы грядущие перемены, которые в едва обозначаемых контурах прорисовывались в Европе при его жизни. Власть приобретает символ отдалённости/отчуждённости/лабиринтности от всего, что противостоит, находится по другую сторону от неё. Герои Франса Кафки актуальны в той мере, в какой актуальной будет наличие власти в любом её проявлении: в социуме, в государстве, межличностных отношениях, в семье.

Список литературы

1. Адорно Т. Заметки о Кафке [Электронный ресурс] / Теодор Адорно // Режим доступа: <https://www.kafka.ru/kritika/read/zametki-o-kafke/5> (Дата последнего обращения: 05.09.2019 г.).
2. Кафка Ф. Замок: Роман; Рассказы / Франс Кафка. – Ростов-н/Д: Феникс; Харьков: Фолио, 1999. – 352 с.
3. Белинский В.Г. Статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе / В.Г. Белинский / Сост., предисл. и примеч. В.И. Кулешова. – М.: Просвещение, 1983. – 272 с.

ФОРМА МЫСЛИ И МЫСЛЬ О ФОРМЕ: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФА

Пашкова Н.В., канд. филос. наук,

Куземина Е.Ф., канд. филос. наук

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, РФ

f.kubgtu@yandex.ru

Со времен античности философия занимает особое место в сфере знания, отстаивая свое право на существование наряду с религией и наукой. Потребность философствовать заложена в самой природе человека. Еще Аристотель утверждал, что пока жив человек, он сохранит здоровую способность удивляться загадкам внешнего мира и собственного бытия. Знания человека о самом себе, его самопознание – вот условия, при котором человек приходит к своему Я. И если мифология представляла человека как носителя коллективного сознания, то философия открыла для него ценность индивидуальности. Кроме того, как писал М. Хайдеггер: «философия – одна из редких возможностей автономного и творческого существования» [1, с. 146], особенно, в период, когда востребованность философии и философов в обществе не велика.

Понятие «философ» толкуется двойственно. С одной стороны, «философ» – это человек размышляющий, ставящий смысл в качестве первостепенной задачи в процессе познания мира. С другой стороны, философ – это «книжный человек», имеющий специальное образование, учёный, обобщающий свой духовный опыт научными терминами, систематизирующий знания в соответствии с определенной методологией. Символическими фигурами «философа размышляющего» и «философа книжного» можно назвать Сократа и Платона. Первый, подобно своему современнику Диогену, считал площадь, улицу – главными союзниками, второй – создал первую «альма-матер» философии в стенах Академии. Сократ интуитивно создавал свои способы поиска истины и вопрос этот был для него открытым до конца жизни, он был свободным от необходимости придерживаться определённых правил. Это не говорит о том, что Сократ не опирался на добытые им знания и не испытывал на себе влияние своих учителей. Более того, как полагают некоторые историки философии, афинский мыслитель первым открыл «понятие», что оказало влияние на формирования языка науки и будущую аналитическую философию. Вместе с тем, Сократ явился олицетворением философского нестяжательства и «душевной красоты». Диоген Лаэртский так характеризует мнение некоторых современников о Сократе: «Освободил его (Сократа) из мастерской и дал ему образование Критон, привлеченный

его душевной красотой (так пишет Деметрий Византийский). Поняв, что философия физическая нам безразлична, он стал рассуждать о нравственной философии по рынкам и мастерским» [2]. Его сложно представить в качестве лектора, тезисно излагающим собственные открытия, его ожидание – постоянная беседа с другой личностью, в результате которой должно что-то родиться для обоих, а возможно и оставить их «ни с чем». Это и есть «любовь к мудрости», которая не знает никаких преград и условностей, не обещает конкретных результатов, но вдохновляющая на их поиск, что ещё более точно можно передать словами М.К. Мамардашвили: «Философия – это свобода, осуществленная через философствующего человека. В этом смысле всякий человек, достойный имени свободного, есть философ. Я не говорю о профессиональной философии. И вообще, честно говоря, сомневаюсь, можно ли считать философию профессией. Это все-таки прежде всего способ существования» [3].

Корни проблемы произрастают из самого феномена «философии», ведь понятийная форма философии уже неверно его представляет, ограничивая неисчерпаемый потенциал. Понятие – это вынужденная мера, указывающая на предмет и источник, но это несколько не умаляет противоречий, расколовших философское сообщество. Наиболее явственно о сути проблемного вопроса скажет Н.О. Лосский: «В безбрежном океане мирового бытия человеческое я занимает ничтожное место, однако, смелую мысль оно стремится охватить весь мир, отдать себе отчет об основах строения вселенной, понять, что такое мир, как целое, постигнуть смысл мирового процесса, а вместе с тем определить и свое положение и назначение в мире... Отсюда понятно тяготение к философии всякой живой цельной души». [4, с. 3] С развитием естествознания, философия утрачивает свой универсализм и, по мнению позитивистов, должна существовать как методология, осуществляя систематизацию научного знания, изобретая новые подходы к изучению различных научных вопросов. Постепенно образ философа-мистика, философа-энциклопедиста, заменяется философом-методистом, который должен прийти на помощь «заблудшему разуму» и представить для него путь выхода из замкнутого круга противоречий. «Философская проблема, – пишет Витгенштейн, – имеет вид: «Я не знаю, как из этого выбраться» [5, с. 63]. «Именно философствующий ломает голову над метафизическими псевдovoпросами и, пытаясь успокоить себя псевдоутверждениями, производит бессмыслицу. А философ-витгенштейнианец помогает ему избавиться от псевдопроблем и псевдоутверждений, показывая, что проблемы нет, есть просто нарушение правил использования языка» [6, с. 3]. В середине XX века философия снова наполняется «иррациональным» содержанием, поскольку потребность человека состояла и состоит не только в познании мира, но и, прежде всего, в

самопознании, что практически невозможно совершить, руководствуясь только строгой терминологией. Более того, философия является единственной формой духовной культуры, способной открыть любому субъекту безграничный простор мысли, не замыкая его на вере, доказательствах и моральных ценностях. «Просчитать» и «вывести» свой духовный опыт с помощью понятийно-категориального аппарата, нельзя. Можно будет построить его очертания, схему, но она никогда не будет точной, поскольку духовный опыт мало того «ускользает» от формальной констатации, но и продолжает своё непрерывное развитие, превращая текст в «мёртвую» статую мысли.

Таким образом, в вопросе о «двух философиях», истина находится «посередине». Обойтись без языка невозможно, а чтобы сделать мысль и вопрошание понятным для себя и окружающих, необходимо придерживаться общепринятых правил, чётко и ясно представлять предмет мысли. Но и философ, получивший специальное образование, может, по сути, таковым не являться, выступая «статистом» уже случившейся мысли в разный исторический период (систематизация философских учений также необходима. История философии обладает транслирующей функцией, обеспечивая преемственность философского опыта последующими поколениями, выявляет общее и особенное в философских учениях разных периодов). Философия требует остроты ума, неудовлетворённости своим «положением», готовности постоянной генерации нового, внутренней аккумуляции «Я» как постоянного источника мысли, что превращает её в науку о человеческом существовании, не знающей аналогов среди других видов знаний.

Список литературы:

1. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов [Электронный ресурс]: // <http://psylib.ukrweb.net/books/diogen1/txt02.htm>
3. Мамардашвили, М.К. Мысль под запретом: [Электронный ресурс]: <https://www.mamardashvili.com/ru/merabmamardashvili/avtobiograficheskoe/mysl-pod-zapretom.-mesto-filosofii-v-sovetskoj-sisteme1>
4. Лосский, Н.О. Типы мировоззрений. Введение в метафизику. – Париж: Современные записки, 1931.– 177 с.
5. Сокулер, З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX. Курс лекций. – М: Аллегро-Пресс, 1994. – 172 с.
6. Wittgenstein L. Philosophical investigations. – Oxford, 1953. – 250 p.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Половинкина И.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

polovinkina.irra@yandex.ru

Введение. Разнообразные проявления виртуальной реальности стали возможны, в том числе, по причине глобальной информатизации общества. Это обусловило многочисленные дискуссии о специфике воздействия этих проявлений на общественное сознание. Одновременно встает вопрос о корреляции форм данного сознания с физической реальностью. В этом контексте актуальной видится проблема влияния атрибутов виртуальной реальности на массовое сознание.

Основная часть. Как полагает С. С. Васильев, массовое сознание отражает степень распространенности тех или иных знаний, представлений, убеждений, традиций в обществе, а также форму существования сознания на различных уровнях (эмпирическом, теоретическом, социально-психологическом) [2, с. 26]. Исходя из этого, уместно предположить, что массовое сознание имеет определенные параметры (поведенческие, культурные и т. д.) и уровни (эмоционально-действенный и рациональный).

Данные параметры характерны как для одного индивида, так и для сообщества, к которому субъект принадлежит. Например, «массовое сознание жителей города N» и «массовое сознание протестующих против вырубки лесов в городе N» – понятия, имеющие разные объемы.

В соответствии с теорией «новых социальных движений» М. Зальда и Р. Эша, происходит глобализация СМИ и новых информационных технологий. Одним из основных способов распространения информации, в соответствии с данной теорией, как отмечает Л. В. Буркова, является создание особых ресурсов виртуальной реальности [1, с. 30].

Пример с выружкой лесов свидетельствует: социальное движение против насилия над природой в городе N детерминировано специфическим массовым сознанием. Оно должно иметь источники формирования и способы распространения. Посредством информационных технологий, представители любых социальных групп получают возможность прямо и косвенно влиять на индивидуальное и массовое сознание.

Если житель города N на протяжении определенного периода времени в ежедневной новостной сводке будет получать сведения об исследованиях протестующей группы, в рамках которых выявляется вред экологии, то сознание такого жителя с течением времени будет все более расположенным к принятию позиции протестующих. Особенно, если распространяемая новость апеллирует к внутреннему миру субъекта.

При умелом использовании ресурсов виртуальной реальности любая социальная группа может оказывать влияние на индивидуальное сознание человека. При этом, чем больше сторонников приобретает идея о сохранении лесов, тем более организованное движение формируется.

При аналогичном использовании ресурсов виртуальной реальности, массовое сознание, претендующее на статус рационального, может быть редуцировано к более низкому уровню – эмоционально-действенному. То есть, посредством данных ресурсов создается системообразующий фактор как позитивных, так и негативных массовых настроений. Последние постепенно изменяют ландшафт социальных убеждений, вплоть до массовой истерии или паники (в крайних случаях).

Ресурсы виртуальной реальности являются одним из способов, как стимуляции, так и критики социальных движений. В случае подавления «рычага критики», отмечает П. Штомпка, будет также подавлен «рычаг стимуляции». Общество, которое подавляет подобные факторы, уничтожает собственный механизм самоулучшения и саморазвития [3].

Важно подчеркнуть, что в данной работе под «ресурсами виртуальной реальности» подразумеваются не только интернет-порталы, социальные сети, СМИ (рассылки, система оповещений, печатные источники и т. д.), но также и распространение информации, полученной подобным образом. То есть, к этим ресурсам уместно отнести пересылку и передачу информационных массивов, их цитирование или пересказ с сохранением изначального смысла.

Заключение. Виртуальная реальность может оказывать на массовое сознание как конструктивное, так и деструктивное влияние. Несмотря на видимые негативные факторы, воздействие ресурсов виртуальной реальности может быть и положительным. Помимо продуцирования пассивности и апатии индивидов, манипуляций их сознанием и прочих подобных аспектов, данные ресурсы могут способствовать формированию благоприятных для сообщества идей, идеалов, ценностей, убеждений. «Мощность» и «коэффициент полезного действия» этого влияния зависят от характера информационного мейнстрима. Он, преимущественно, и определяет программы использования, «дешифровки» и трансляции смысловых ресурсов виртуальной реальности.

Список литературы

1. Буркова Л. В. Влияние глобальной информатизации на массовое сознание / Л. В. Буркова // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2018. – № 2. – С. 28–36.
2. Васильев С. С. Мифологизация массового сознания – к вопросу о философии и методологии исследования проблемы / С. С. Васильев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2009. – № 1. – С. 25–36.
3. Социология социальных изменений / Штомпка Петр. URL: http://polbu.ru/sztompka_sociology/ch104_all.html. Дата обращения: 11.08.2019 г.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И НОВАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ АРИСТОТЕЛЕВСКИХ ИДЕЙ

Помников О.И.

ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко», г. Луганск, ЛНР
lugavd@mail.ru

Одной из важных особенностей современного этапа развития практической философии является заостренный интерес к идее справедливости. Вовлекшая представителей разных научных дисциплин широкая дискуссия, развернувшаяся вначале вокруг книги Дж. Роулса «Теория справедливости» (1971), а затем возобновляющаяся каждый раз в связи с публикацией близких по проблематике работ Р. Дворкина, Р. Нозика, П. Рикёра, М. Дж. Сэндела, Ч. Тэйлора, Ю. Хабермаса, Ф. Хайека, О. Хёффе, других видных мыслителей современности, показала, что в последние десятилетия теория справедливости приобретает статус самостоятельной области исследований в пространстве междисциплинарного гуманитарного знания. Справедливость как универсальная общественная ценность, научно-философская категория и интегральная совокупность практических проблем, настоятельно требующих своего разрешения, становится «точкой пересечения» множества научных и общественно-политических интересов; «смысловым узлом», соединяющим в сложное многоуровневое целое философский, политический, морально-этический, юридический, экономический, экологический, социологический, религиозный, лингвистический, художественно-эстетический и культурологический дискурсы.

Повышенный интерес представителей практической философии к проблематике справедливости имеет под собой глубокие социальные и культурно-исторические основания. Современное состояние общественной жизни практически во всех ее сферах отмечено множеством конфликтов, не разрешаемых должным образом кризисов и противоречий. Так, например, в сфере производственно-экономических отношений мы наблюдаем усугубление энергетически-экологического кризиса. В сфере политики и военно-политических отношений к своей кульминации приближается кризис однополярной модели мироустройства. О кризисе институтов международного права красноречиво говорят практики «двойных стандартов» и «избирательного правосудия», а также очевидная неспособность международных организаций оказывать доступными им правовыми инструментами реальное влияние на процессы войны и мира. Свидетельствами кризисных явлений в искусстве выступают феномен «массовой» культуры («анатомированный» в работах Х. Ортега-и-Гассета,

М. Хоркхаймера, Д. Белла и других исследователей), намеренный отказ многих современных авторов от воспитательно-гуманистических интенций, продиктованное законами «общества потребления» (Ж. Бодрийяр) превращение произведений художественного творчества в коммерческий продукт «индустрии развлечений». Еще не осознан в полной мере общественностью, но вызывает растущую с каждым годом обеспокоенность специалистов кризис информационно-технологический, в основе которого – противоречие между лавинообразно возрастающими и всепроникающими потоками информации и неспособностью большинства пользователей этой информации грамотно и критически в ней ориентироваться. На фоне этих многоуровневых кризисных проявлений в опосредованной связи с ними разворачивается кризис социально-ориентирующих ценностей и мировоззренческих установок, формирующий крайне скептическое и релятивистское отношение к самой идее о возможности урегулирования конфликтов и противоречий современного мира на основе универсальных требований справедливости.

Всё отмеченное в своей совокупности обостряет необходимость для ученых, работающих в предметном поле справедливости, поиска новых путей, способных вывести из лабиринтов, в которые теория справедливости была заведена их предшественниками в попытках реализации исследовательских программ Модерна и Постмодерна. И здесь взоры наших современников всё чаще обращаются к идейно-теоретическому и методологическому наследию Аристотеля.

Интерес к аристотелевской практической философии, устойчиво проявляющийся в западной науке начиная с 50-х гг. XX в. (в отечественной – с 90-х гг.) и приведший к появлению целого философского направления – неоаристотелеизма, является совсем не случайным [см.: 2, с. 175–177]. Аристотель – безоговорочно признаваемый классик, без учета открытий которого невозможен сколько-нибудь серьезный разговор о справедливости. Он, в частности, первым предложил (сохранившее до нашего времени свое значение) теоретическое определение понятию «справедливость» (*δικαιοσύνη*), указав, что в этом понятии заключена оценка отношений равенства и неравенства, складывающихся на основе отношений обмена (в широком смысле) и распределения. Им впервые была разработана структура справедливости, выделены ее основные виды: общая и частная справедливость; справедливость уравнивающая, распределяющая, воздающая. Он также первым обосновал ставший со временем общепринятым формальный принцип справедливости – принцип пропорционального равенства.

Однако, к сожалению, далеко не все из гениальных открытий Аристотеля являются достоянием нашей современной культуры и жизни. Многие из идей и концептов, органично входивших в аристотелевскую концепцию справедливости и составлявших ее семантический «каркас», в

процессе исторически обусловленной эволюции научно-философского знания были отброшены, искажены или утрачены. Перечислим лишь те из них, которые, по нашему мнению, срочно нуждаются в «реабилитации»:

1. Аристотелевский (этический) тип рациональности, являющийся мощной, полновесной альтернативой исчерпывающему себя на наших глазах техническому, целе-средственному типу рациональности.

2. Комплексное понимание человека как разумно-чувственно-волевого, разумно-деятельного и нравственно-политического существа.

3. Телеологический принцип мышления.

4. Концепт «природы человека».

Поясним, в качестве примера, что в аристотелевской трактовке под «природой» понимается, с одной стороны, состояние предмета (существа), которое соответствует его естественному («нормальному» – в дескриптивном значении) функционированию, а, с другой стороны, само это состояние выступает целью разумной активности, то есть предстает в обязующем значении, является *нормой* в преспективном смысле. «Мы называем природой каждого объекта, – пишет Аристотель, – ... то его состояние, какое получается при завершении развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием» (Pol., 1252b 30 – 1253a) [1, с. 85]. Такое понимание природы человека дает ключ к успешному разрешению зафиксированного в «принципе Юма» дуализма фактических и предписывающих суждений, который оказался принципиально неразрешимым в рамках философской парадигмы Модерна [см.: 3, с. 85].

Таким образом, в современных (кризисных) условиях развития философско-практического знания аристотелевская парадигма справедливости в целом и ее отдельные компоненты заслуживают новой актуализации.

Список литературы

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения [Текст] : В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с. – (Филос. наследие. Т. 90). – С. 375 – 644.
2. Артемьева О.В. У истоков современной этики добродетели / О. В. Артемьева // Этическая мысль. – М.: ИФ РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 163 – 181.
3. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали [Текст] / А. Макинтайр; Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 382 с.

РОЛЬ АРХАИЧНОГО МИФА В ПОСТМОДЕРНЕ

Прокопенко Д.С., Шелюто В.М., профессор
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М. Матусовского», г. Луганск, ЛНР
ki_monov@mail.ru

В рамках философского осмысления социальной действительности постмодерна мифологема, характерные для архаического сознания, приобретают новое значение. Постмодерн тяготеет к ремифологизации своей культуры в силу того, что данное направление не стремится к утилитаризму и самоограничению. Миф в этих условиях выступает в качестве универсального символического ключа к постижению всей культуры. Таким образом, явление современного мифа соотносится с процессами ремифологизации как стратегией интерпретации мифа как значимого, автономного, ценного опыта и универсального культурного принципа. Через архаические образы мифов индивид обретает способность к освобождению от влияния экономических, политических и традиционно-культурных структур в постмодерне.

Важной особенностью мифа в постмодерне является его зарождение в рамках культуры научно-рационального общества. Таким образом, происходит трансформация архаических мифологем в совершенно новые структуры, обретающие дополнительное или даже отличное от исходного значение, часто имеющее иронический характер.

Для лучшего отображения трансформации архаического мифа используем классификацию А.Л. Топоркова по таким группам: мифы политические, мифы религиозно-этнические, мифы обыденные, мифы массовой культуры. Каждая из этих групп находит свои аналоги в социокультурной действительности постмодерна, однако при этом наблюдается ряд характерных признаков, отличающих современные мифы от своих предшественников. Наиболее яркие из них это тенденция к глобализации, разрушение основных базовых категорий и неопределимость границ научно-технического прогресса. При этом миф оставляет за собой роль чрезвычайно эффективного носителя культурного кода. Рациональная мысль не способна на подобное в виду разницы отношения сознания рационального и мифологического. Научные данные в виде фактов не находят сильного эмоционального отклика и воспринимаются субъектом как составные части окружающей действительности. В противовес этому, миф выступает как носитель информации, находящей образно-чувственный отклик в сознании субъекта. Поэтому миф способен оставлять значительный след в культуре

и тем самым сохранить определенные события и/или образы в памяти многих последующих поколений.

Постмодерн также стимулирует процессы ремифологизации не только античных и библейских сюжетов, но и даже культурно-историческую реальность как в ее повседневном виде, так и в виде художественных произведений. Данная особенность размывает четкое понимание границ определяющих миф.

В художественном смысле мифологизм отражается через смоделированную по законам мифологического мышления действительность, путем создания мифологических структур (космологические мотивы, антропоморфные существа и т.д.) или воссоздание архаических мифологических сюжетов (как в реалистическом, так и в ироничном ключе).

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального; перевод с фр. Н. В. Сулова. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. — 95 с.
2. Галанина Е.В. Миф и симуляция: конструирование мифологических реальностей постнеклассической культуры / Е.В. Галанина // Дефиниции культуры: сб. трудов участников Всерос. семинара молодых ученых. — Томск: Издательство Томского университета, 2009. — Вып. VIII. — С. 257–262.

УДК130.123.4+130.2

ЦИВИЛИЗАЦИИ XXI ВЕКА: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Рубцова И.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Irina93_2010@mail.ru

История человеческой мысли насчитывает бесчисленное количество обращений к проблеме диалога. В XXI веке, где диалог принято называть «центральной метафорой нашей цивилизации» [1, с. 5], обострился интерес к изучению данного вопроса. В современном обществе принято говорить о необходимости диалога; в этой связи проводятся многочисленные форумы, конференции, круглые столы, посвященные исследованию этого понятия.

Международные процессы XXI века оказывают серьезное влияние на внутривнутриполитические трансформации и актуализируют вопрос урегулирования политических разногласий путем ведения конструктивного диалога. Продуктивный политический диалог — это

способ разрешения глобальных проблем, отказ от конфронтации и поиск мирного решения конфликтных ситуаций.

В современной науке изучением вопросов ведения политического диалога занимаются в рамках рассмотрения взаимодействия стран на международной арене. Отдельные аспекты проблемы изучают такие ученые, как А. В. Глухова, Н. В. Зайцева, В. С. Рахманин, Е. П. Александров, Л. Н. Тимофеева, О. Г. Карпович и другие.

Цель нашей работы – рассмотреть кризис идентичности и кризис диалога на современном этапе международных отношений.

Известный американский политолог С. Хантингтон утверждал, что будущие войны будут вестись не между странами, а между культурами [3], поэтому уже сегодня общество должно работать над перспективой снижения риска культурных конфронтаций и выработать действующие стратегии мирного развития. Выходом может стать именно диалог культур, интеграция и адаптивность без ассимиляции, умение различных культур существовать совместно без конфликтов и столкновений, сохранять необходимый баланс между доминирующей культурой и культурой меньшинства, позволяя при мирном взаимодействии равноценно реализовывать потенциал каждой культуры и тем самым обогащать мировую культуру. В теории это звучит достаточно утопично: современные цивилизации в действительности больше тяготеют к конфронтации, нежели к диалогу. С. Хантингтон подчеркивает, что «неотъемлемой чертой нашего времени являются дебаты по поводу нашей национальной идентичности», люди по всему миру «задаются вопросом, что у них общего с согражданами, чем они отличаются и пересматривают свою позицию, меняют точки зрения» [4, с. 36].

Подобный кризис самоидентификации носит глобальный характер, приобретает различные формы, протекает по-разному и сулит непредсказуемые последствия ввиду того, что вызван особыми историческими обстоятельствами. Однако невозможно упустить из виду, что первопричиной обращения к подобным вопросам являются глобальные экономические, экологические и демографические проблемы, развитие транспортных и коммуникационных технологий. Модернизация, урбанизация, глобализация обусловили не только обострение национального вопроса в сторону «сужения идентичности» (национальная идентичность все чаще уступает субнациональным, групповым, религиозным), но и ее «расширения»: «представители других народов все чаще взаимодействуют с другими культурами», «а современные средства коммуникации позволяют отождествлять себя с теми, кто живет далеко от родной страны, но говорит на том же языке, разделяет ту же веру и вырос в той же культуре» [4, с. 38].

Не только отождествление себя с другими народами, но и миграции приводят к «вавилонскому смешению народов» и ставят перед

государствами ряд задач, к которым они не готовы. Во-первых, кризис национальной идентичности усложняет самоопределение граждан, что усложняет формирование национальной идеи, которая, в свою очередь, влияет на национальную политику и может являться причиной несостоявшегося политического диалога. Во-вторых, несвоевременное обращение к диалогу может привести к агрессивному решению возникших конфликтов. Ч. Тилли писал: «Война сотворила государство, а государство начало войну» [5, с. 42]. Исторически война выступает как фактор формирования национального сознания у жителей новообразованных государств; в то же время, государство должно защищать своих граждан, национальные интересы. В современном мире войны выступают не столько творцами государства, сколько их разрушителями, поскольку деформируют изначальную функцию государства защищать граждан, что в свою очередь принижает авторитет самого государства и лишает граждан причин отождествлять себя с государством, подталкивает к сближению с субнациональными и транснациональными группами. Однако, несмотря на постоянные столкновения подобного характера, мировое сообщество еще не выработало действующие механизмы для урегулирования конфликтов подобного рода, а предложенные формулы являются, по тем или иным причинам, неэффективными.

В-третьих, современные перспективы развития самих государств претерпевают внутренние трансформации. В частности, Э. Гидденс считает, что «государствам угрожают не реальные враги», а «институты, которые внешне выглядят так же, как и раньше, носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри. Мы продолжаем говорить о государстве, семье, работе, традициях, но от них осталась лишь скорлупа, внешняя оболочка, это институты-пустышки и они не соответствуют задачам, которые призваны выполнять» [2, с. 35]. Ослабление роли политических институтов приводит к активизации процессов в социокультурной сфере и болезненной реакции социума на происходящие события.

Таким образом, цивилизации XXI века вступили в период глобальной нестабильности и кризиса, где основополагающим принципом сосуществования является не конструктивный диалог, а «управляемый хаос», что делает неэффективными старые методы реализации международных отношений. Ослабление роли национального государства, изменение его функций и невозможность гарантировать безопасность влечет за собой ряд затяжных конфликтов, к которым современное общество не готово, так как на данный момент не существует новых концепций и действующих технологий для урегулирования конфликтов нового порядка. В связи с этим необходимо активизировать разработку теоретических и практических аспектов профилактики внутригосударственных конфликтов и кризисов, а также выработку механизмов для институализации диалога между государствами.

Список литературы

1. Безменова Н. А. Предисловие / Диалог: теоретические проблемы и методы исследования. Сборник научно-аналитических обзоров / Н. А. Безменова. – М., 1991. – 159 с.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс / Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2004. – 124 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
4. Хантингтон С. Кто мы? / С. Хантингтон. – М.: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
5. Charles Tilly. “Reflections on the History of European State-Making”, in Tilly, ed. The Formation of National States in Western Europe (Princeton: Princeton University press, 1975), p. 83.

УДК 1(091)

КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Савицкий В.Ю.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vsavi2010@gmail.com

На фоне глобального кризиса, обусловленного геополитическими, экономическими, этническими причинами и характеризующегося противоборством различных социально-политических систем, государств, идеологическими и информационными войнами, России совместно с содружественными ей государствами необходимо выработать свой оригинальный путь существования и развития. Одной из важных тенденций в этом направлении является преобразование социальной реальности, а именно конституирование социальной действительности, базирующейся на достижениях и традициях русской философской мысли в противовес существующей сегодня и переживающей кризис постмодернистской западной философии.

Можно отметить, что сегодня человечество находится в состоянии трансформации постмодерна. Постмодернистская философия и связанные с ней течения (деконструктивизм, постструктурализм) неоднократно предрекали это состояние, обосновывая его предпосылки в принципах коммуникативной прозрачности, идейном распаде (недоверии к метанарративам), меркантилизации знания (Ж. Лиотар) [7], непрерывной деконструкции реальности (Ж. Деррида) [6], вследствие чего жизнь социума приобрела вид хаотичного полилогичного производства виртуальных образов (ветвлений реальности), непредсказуемо реализующихся в действительности – ризомы (Ж. Делез) [5], а

переизбыток информации и, как следствие, её инфляция привели к созданию «реальности без реальности» посредством средств массовой информации (Ж. Бодрийяр) [4].

Разработка концепции преобразования социальной реальности требует учитывать культурные традиции народа, для которого и усилиями которого данные преобразования осуществляются, в связи с чем актуальным является исследование осмысления понятия социальной реальности русскими религиозными мыслителями XIX–XX вв., главной особенностью подхода которых является выведение проблем реальности за рамки научно-рационалистической аргументации в сферу способов духовного самовыражения человека.

В философских трудах советского периода социальная реальность рассматривалась только как объект научной рефлексии, при этом значение социальных и культурных оснований представлений о реальности рассматривалось исключительно с точки зрения их полезности.

Основная антиномия проблемы осмысления социальной реальности имеет истоки в средневековой полемике номинализма и реализма, а в настоящее время выступает как столкновение двух методологических установок – холистской (К. Маннгейм, К. Маркс) и индивидуалистической (Дж. Хоманс, Г. Блумер, К. Поппер).

Преодоление методологической антиномии «холизм – индивидуализм» в русской религиозной философии связано с поворотом к мистицизму и интуитивизму.

Образ социальной реальности рассматривался русскими мыслителями как духовный в своей основе. Социальная реальность – не совокупность социальных факторов, противостоящих познавательным усилиям индивида (Э. Дюркгейм), и не совокупность социальных действий (Дж. Хоманс), а живое единство, в которое каждый человек включен самим фактом своего бытия. «Реальность не может ни в каком смысле зависеть от рефлексии, от познания, от рационализирования. Всякая познавательно-рационалистическая рефлексия – вторична и производна, она дана до всякого рефлектирования, до самого разделения на субъект и объект» [1, с. 90].

Главной формой проникновения в сокровенное социальной реальности является акт веры, «в котором дается не призрачная, а подлинная реальность» [1, с. 22].

Холизм К. Маркса и индивидуализм К. Поппера совпадают в понимании человека как существа, стремящегося рационально осмыслить и рациональными же методами отстаивать свои материальные интересы как первоочередные, определяющие основу его существования.

Для русских мыслителей образ социальной реальности вытекает из определенного способа понимания человеческой личности, ее ценностного мира, свободы, смысла собственного существования с акцентом на

божественную устремленность. Русский философ не создает логицистскую картину социальной реальности, а занимается поиском оснований осмысленного существования, которое невозможно вывести из представлений о материальных интересах.

Н. А. Бердяев и С. Л. Франк выступают с критикой западного понимания демократии, основанного на рассмотрении социальной реальности как механической суммы индивидов: «Кто представляет себе общество как простую сумму или скопление единичных людей, кто здесь за деревьями не видит леса, тот, естественно, склонен думать, что осуществление какой-либо реформы, введение того или иного общественного порядка сводится к воздействию на волю и поведение отдельных людей, составляющих общество. А так как такое воздействие практически при достаточной энергии действующего, при надлежащей суровости и насильственности мер воздействия беспредельно, то легко представить себе общество как пассивный материал, как глину, из которой законодатель и реформатор может вылепить любую форму, какая ему представляется желательной» [3, с. 43].

Социальная реальность, согласно русским мыслителям, есть жизненный мир, есть выражение мистического единства, приобщение к которому предполагает погружение в поток жизни, принятие веры, укорененной в соборной любви к Богу.

Понятие соборности, являясь отражением единства мира и человека, становится идеалом общественного бытия. Соборное бытие-общение предполагает сохранение идентичности и уникальности каждого участника отношения и становится определяющим для русской религиозной социально-философской мысли при решении проблемы отношения человека и общества.

Включение этического компонента как имманентного в общественное бытие, восходящее к бытию абсолютному (Богу), и включение человека в круг основополагающих компонентов мироздания (космоперсонализм) стало ещё одной отличительной чертой русской религиозной мысли: «Человек дорог Богу не как страдательное орудие Его воли – таких орудий довольно и в мире физическом, – а как добровольный союзник и соучастник Его всемирного дела» [8, с. 293].

Освоение идей русских мыслителей, усвоение опыта мистического единства личности и общества, личности и Бога, личности и космоса, дальнейшая разработка и проработка категорий-ценностей (справедливость, содружество, соборное единство, милосердие, правда, любовь) являются залогом успешных преобразований социальной реальности и альтернативой осуществляющейся в настоящее время панмифологизации социальной реальности в условиях сингулярности бытия и транспарентности сознания.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
2. Поппер К. Ницета историцизма / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1993. – 188 с.
3. Франк С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. Пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: АСТ, 2010. – 895 с.
6. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – СПб.: Академический проект, 2000. – 430 с.
7. Лиотар Ж. Состояние постмодерна / Ж. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
8. Соловьев В. Оправдание добра / В. Соловьев. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.

УДК 008, 009

К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Северилова П.В., канд. филос. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка, ДНР
p.v.severilova@donnasa.ru

Введение. В современном посттрадиционном обществе оказываются не востребованными как духовно-нравственные ценности русского православия, так и сам его язык, благодаря которому мы имеем возможность приобщаться к красоте и глубине отечественной духовной культуры. Слово традиции выходит из употребления, вытесняется «на обочину», маргинализируется, становится предметом разнообразных постмодернистских игр. Опасность его утраты в результате активной дехристианизации концептосферы и идеосферы русской культуры актуализирует потребность в сохранении и изучении фундаментальных концептов-констант, составляющих ядро ее цивилизационного кода [1–3]. Одной из таких констант и ключевой универсалией русской духовной культуры является концепт «грех».

К исследованию *греха* как важнейшего концепта и духовно-нравственной категории обращаются сегодня, в основном, отечественные ученые–филологи, лингвисты, лингвокультурологи [4–7]. С культурфилософских позиций данный концепт изучен мало и можно назвать единичные работы, в которых затрагиваются какие-либо философские аспекты его исследования [8].

Цель настоящей работы – исследование истории происхождения и особенностей концептуализации «греха» в русской духовной культуре.

Основная часть. В наше время слово «грех», подобно многим другим, метафизически нагруженным словам русского языка, практически исчезает из употребления. И «грех», и иные понятия, непосредственно связанные с христианской системой миропонимания, такие как: «добродетель», «покаяние», «целомудрие», «смирение», «кротость» и многие другие, утрачивают свое значение универсалий культуры и высших духовно-нравственных ценностей. В лучшем случае, они воспринимаются как устаревшие, как архаизмы или историзмы, отжившие свое, в худшем – выступают в качестве антиценностей.

Очевидно, слово «грех» входит в словарь русской культуры с началом освоения православного византийского наследия. С принятием христианства связано формирование духовной картины мира русского народа, в которой «грех» становится основополагающим элементом системы мировоззрения, практического жизнедействования – жизнестроения и поступания в истории. Совокупность значений слова *грех*, воспринятых русской культурой в древнейший период ее развития, восходит к первоисточникам христианской традиции. Речь идет о текстах Священного Писания Ветхого и Нового заветов, а также – Предании, включая толкование данного понятия в богословской, аскетической, житийной литературе, а также – непосредственные свидетельства опыта построения христианской жизни, примеры которого находим в истории Святости и жизни сотен поколений простых верующих людей.

В языке Ветхого завета существует несколько слов, обозначающих «грех». Это – חַטָּאת, (*хаттаа*) и חַטָּאת (*хаттаат*), а также – אָוֶן (*авон*), נֶשֶׁע (*неша*), אָשָׁם (*ашам*), אָשָׁמָה (*ашма*). Их исходный смысл связан с такими значениями, как: «промах», «извращение», «нарушение», «вина», то есть, ни одно из них не указывает на тот или иной конкретный вид греха [9, стб. 210]. Чаще всего, эти понятия вплетены в метафорический строй библейских образов, описывающих грешника, преступающего заповеди Закона Божьего, как того, кто «оставляет путь праведности» (Пр. 2:13), «нарушает союз» (Быт. 17:14; Втор. 31:16, 20), «извращает путь свой» (Иер. 3:21) и «следует соблазну сердца и глаз» (ср. Чис. 15:39). Общим для всех этих понятий является то, что они характеризуют ложную направленность человеческой воли [там же].

В русском языке слово «грех» (ст.-слав. *грѣхъ*) связано со значением «ошибка» («погрешность», «огрех»), в соответствии с греческим *ἁμαρτία*. Греческое *ἁμαρτία* («грех») происходит от глагола со значением «промахнуться по цели» (и, как результат, проиграть состязание и не получить приз). В переносном смысле *грех* – это совершение ошибки (значение др.-гр. *ἁμαρτήματα*, *ἁμαρτία*, либо близкого к нему слова *παράπτωμα*, – «промах, погрешность, провинность») [10, стб. 62 – 63, 11, стб. 64]. Тем

самым, греческое *ἀμαρτία* оказывается синонимичным ветхозаветному *חַטָּאָה*, со значением – «непреднамеренный грех», «промах» (Иак. 5:16), оно, в том числе, в качестве метафоры, описывает состояние души грешника: «терзания души человеческой вследствие грехопадения» [11].

Существует еще одна этимологическая версия происхождения русского *грех* от славянского *grexъ*, со значением *греть*. В первоначальном смысле, как указывал М.Фасмер, оно означало «жжение (совести)», и генетически восходило к др.-инд. *Tarpatas* со значением – «жара, боль», происходящим от *tarpati* – «раскаляется» [12, с. 456]. Подобная этимологическая взаимосвязь *грех* и *греть*, *печь*, *нагревать* прослеживается в ряде романских и западнославянских языков.

В греческом тексте Нового Завета грех определяется как «беззаконие». При этом, как верно отмечал о. Павел Флоренский, – «не одно из беззаконий, но беззаконие вообще, в чистейшем и полнейшем виде и смысле» [13, с. 169 – 170]. Так, особенности словоупотребления говорят о том, что и в Новом Завете *ἡ ἀμαρτία* не указывает на какой-либо конкретный грех, но обозначает «грех как таковой», совокупность всего греха, существующего в мире, грех как метафизическое явление [13, с. 169]. Недаром ведь Апостол Иаков утверждал: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем» (Иак. 2:10). Отсюда важнейшей особенностью концептуализации *греха* в традиции становится его толкование, прежде всего, в контексте христианской онтологии.

Заключение. Таким образом, в русской духовной культуре, наследующей идеи православной онтологии, формируется представление о *грехе* как нарушении, искажении Закона Божьего, порядка и строя сотворенного Богом мира и тех универсальных принципов, на основе которых мир существует. Это значит, что под грехом понимается разрыв с подлинным Бытием, с самим Творцом – создателем мира. Тем самым, *грех* отождествляется с неподлинным и противоестественным состоянием мира, человека, общества, с отпадением в «ничто», с небытием.

Список литературы

1. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореф. дис. . д-ра филол. наук: 10.02.01. – Русский язык / И. В. Бугаева. – М., 2010. – 49 с.
2. Буянова Л. Ю. Языковая концептуализация ментально-нравственной сферы славян / Л. Ю. Буянова // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: Сб. науч. тр. – Кемерово, 2009. – С. 18-22.
3. Буянова Л. Ю. Языковая концептуализация православия как системообразующий механизм формирования русской культуры / Л. Ю. Буянова // Теоретические и прикладные проблемы лингвокультурологии: Сб. науч. тр. – Тула, 2009. – С. 22–25.
4. Бушакова М. Н. Концепт «Грех» в русской религиозной картине мира: опыт осмысления / М. Н. Бушакова // Современная лингвистика: теория и практика: Материалы VI Межвузовской науч.-метод. конф. – Краснодар, 2006. – С. 31–34.

5. Козина Н. О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц): дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – Русский язык / Н. О. Козина. – Иваново, 2003 – 144 с..
6. Семухина Е. А. Концепт «Грех» в национальных языковых картинах мира: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Теория языка / Е. А. Семухина. – Саратов, 2008 – 22 с..
7. Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») / Л. Г. Панова // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М., 2000. – С. 167–177.
8. Якушкина Е. И. Традиционная философия греха в свете южнославянских диалектных данных (опыт семантической реконструкции) / Е. И. Якушкина // Славянский вестник. Вып.2. – М., 2004. – С.432–440.
9. Краткая еврейская энциклопедия. В 11 т. Т. 2. –Габбай – Измир. – 1982. – 868 стб.
10. Вайсман А. Д. Греческо-русский словарь. Изд. 5-е. [Текст] / А. Д. Вайсман. – СПб., 1899. – 694 с.
11. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3-х т. Т.2., ч.2. (П) [Текст] / И.И. Срезневский. – М.: Книга, 1989. – 854–1802 стб., [2] с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А–Д) [Текст] / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – 573 с.
13. Флоренский П. А., Столп и утверждение истины. В 2-х т. Т.1. Ч.1. / П. А. Флоренский. – М.: Издательство «Правда», 1990. – 490 с.

УДК 130.2

КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБМЕН В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Серостанова О.Б.

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР
vip.oksanka.borisova.2015@mail.ru

В условиях роста массово-коммуникационных технологий в современном обществе представляет интерес исследование символических форм обмена в культуре цифрового поколения. Это вызывает появления новых понятий и требует процессов осмысления того, с чем может столкнуться в будущем человечество.

Взаимоотношения между людьми в настоящий момент выстраиваются на фоне противоречивой символической действительности, склонной к модифицированной игре на основе «свой» и «чужой». Подобные отклонения от культурной нормы питают как традиционные, так и новые медиа. Подогревая интерес к обмену информацией, функционирующей в символическом поле, формируется представление об образах (имиджах), которые являются воплощением культуры.

В основания такой информации часто закладываются доступные для понимания большинства образы, с помощью которых формируется символическое пространство. Формируется единая глобальная сеть сосредоточения признаков «культуры реальной виртуальности» [2, с. 351], проецируемых нескончаемыми потоками обмена знаково-символическими формами.

Так, ресурсы и власть воспринимаются как потоки, на основании которых складывается представление о символах информационного общества. В то же время большинство людей попадают в ловушку виртуального пространства, которое предполагает совершенно иные формы коммуникации, построенные на основе имиджевых технологий.

Имиджевая коммуникация рассматривается с культурологической позиции как целостная система знаково-символических взаимодействий, включающая пространственно-временные характеристики. Имиджевая коммуникация – это реальное воплощение представлений и ценностей людей определенной исторической реальности в определенном географическом ареале. В этом ракурсе мы сталкиваемся с изучением тех явлений культуры, которые отражаются в имидже как особого рода информационном послании.

Современные процессы культурной трансформации предполагают изменение традиции коммуникации, которые связаны с формированием символического капитала. Во многом это отражается на функционировании социальных институтов и системы отношений. Формируются новые неформальные сети обменов, связанные с активным развитием виртуального общения.

Культурно-символический обмен как неотъемлемая составляющая коммуникации в информационном обществе является весомым фактором дифференциации индивидов в социальной структуре. То, какое место займет человек в реальности культуры, зависит от актуальности для аудитории его имиджевой ценности, психологических предпочтений и социального окружения. Эти критерии проявляются через использование языка как знаковой системы. С помощью языка формируется символическое поле, объединяющее в себе «...пространственное, временное и смысловое измерение», позволяющее преодолевать разрыв между реальным и виртуальным пространством коммуникации «...между моей зоной манипуляции и зоной манипуляции другого...» [1, с. 68].

Таким образом происходит признание наличия обмена при общении людей в виртуальной реальности. Интерес к коммуникации подогревает совокупность весомых символических характеристик субъекта. Этот нематериальный символический капитал воплощается в имиджевых характеристиках. Совокупность их знаковых воплощений порождает символическое поле коммуникатора, свидетельствующее о его самовыражении и самореализации в качестве творца новой реальности.

Телесность, мода, свобода, отношение к природе, красоте, музыке, искусству, кино, – воспринимаются как символы информационного общества. Их содержательное наполнение зависит от объективных и субъективных характеристик. Все они могут быть объединены «нормативным контекстом» [3, с. 280], состоящим из сложившихся норм и традиций. Благодаря массмедиа происходит не только активное внедрение имиджевых констант в поле взаимодействий людей, но и манипуляция ими в зависимости от целей и мотивов коммуникатора с помощью социально- и личностно ориентированных технологий.

Фрагментарное восприятие тех или иных явлений культуры присуще информационному обществу по факту существования в условиях динамичного потока информации. Ценности, нормы и социальное поведение людей сводятся к получению позитивных эмоций, связанных с наслаждением потребления вещей: «ссылка на норму подразумевает совместное создание смыслового (коммуникативного, intersubjectively доступного) отношения, устремленного к взаимопониманию и соответствующим действиям» [3, с. 281].

В то же время посредством языка, понятного современному человеку и принятому для осуществления виртуальных коммуникаций, становится возможным понимание различий доступных знаковых систем и понятий, благодаря которым люди вступают в обмен. Эмоциональная реакция на взаимодействие в виде положительного или отрицательного отклика приобретает форму отношений. Основными конструктивными принципами при этом становятся возмездность и замещение обмена символами. Это обеспечивает эффект коммуникации и достижение взаимопонимания между контакторами.

Информационное общество отличается тем, что обладает достаточным интересом и потребностью в многообразной информации. В то же время это сказывается на стремлении породить и распространять разнообразные образы, представляя реальность как мозаику с помощью символических законов существования культуры.

Таким образом, новые представления о культурно-символическом пространстве обмена включают поиски новых форм коммуникации. Мозаичное восприятие реальности происходит на фоне глобализации, преодолевающей границы культуры. Все большее значение приобретает рассмотрение собственных ценностно-нормативных основ бытия через постулированные с позиции «свой – чужой» знаковые системы. Информационное общество сталкивается с появлением новой виртуальной культуры, которая воспроизводится через символы коммуникации. И главным вопросом становится исследование зарождения качественно новых подходов к пониманию культурно-символического обмена.

Список литературы

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : «Academia-центр», «Медиум», 1995. – 334 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс. – М.: Гос. Ун-т ВШЭ. – 2000. – 606 с.
3. Шульга Е.Н. Символический интеракционизм и рациональность / Е.Н. Шульга // Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации / ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. – М., 2012. – С. 275-287.

УДК 02.41.11

АБУ НАСР АЛЬ-ФАРАБИ БЫЛ УРОЖЕНЦЕМ КАКОГО ФАРАБА: СЫРДАРЬИНСКОГО ИЛИ АМУДАРЬИНСКОГО (к 1150-летию со дня рождения великого ученого)

Соегов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, акад. АНТ
Институт языка, литературы и национальных рукописей
имени Махтумкули АН Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан
msoyegov@gmail.com

Балхан – горы у Каспийского моря, там, где, сухое русло Узбоя (предполагаемое старое русло Окса) впадает в море... То же название – Балхан... было занесено турками (т.е. тюрками-огузами – М.С.) в Европу и присвоено горам Хемус древних; таким образом возникли принятые в новой географии названия Балканы (для гор) и Балканский полуостров (Академик В.В. Бартольд).

Этот нериторический вопрос, который вынесен нами прямо в заголовок статьи, вполне может возникнуть у любого читателя, знакомящегося с публикациями об одном из крупнейших представителей средневековой восточной философии, математике и теории музыки Абу Насра ибн Мухаммеда аль-Фараби (870–950), выполненными не только на русском, а также на английском языках. Многие из этих публикаций последних лет выложены в интернет для всеобщего ознакомления [См.: 5 и др.].

В самом начале следует отметить, что Абу Насра аль-Фараби справедливо считают вторым, раннесредневековым учителем человечества после первого, античного учителя Аристотеля. По его научным трактатам, в результате перевода их в свое время с арабского на латынь и идиш (еврейский), учились ученые умы не только в Азии, но и в Европе [См.: 2].

По нашим наблюдениям среди работ, выполненных в последние десятилетия по данной теме на русском языке, наиболее объективным и емким по содержанию является небольшая статья ученого-богослова Р.В. Овчаренко «Жизненный путь аль-Фараби», которая подготовлена на

основе прочитанного им доклада на юбилейной конференции, посвященной празднованию 140-летия Ташкентской и Среднеазиатской епархии [7]. В работах почти всех русскоязычных авторов утверждается примерно одно и то же о месте рождения аль-Фараби и его национальной принадлежности: родился «в селении *Весидж* (местность *Фараб* – там, где река *Арысь* впадала в *Сырдарью*)... *Тюркские племена на берегах Сырдарьи, в том числе и те, которые проживали в Фарабе, состояли в основном из карлуков и огузов*» [Там же]. В этом вопросе встречаем в англоязычных публикациях, выложенных в интернет, совсем другие утверждения. Вот некоторые из них:

Abu Nasr Mohammad Ibn al-Farakh al-Farabi (870–950 A.D.), was one of the greatest scientists and philosophers of his time. Farabi was born in the small village of Wasij in Turkmenistan from parents of Persian descent [9]. *‘Абу Наср Мухаммад ибн аль-Фарах аль-Фараби (870–950 н. э.), был одним из самых великих ученых и философов своего времени. Фараби родился в небольшой деревне Весидж в Туркменистане от родителей персидского происхождения’* (здесь и далее перевод с английского наш – М.С.).

Al-Farabi was born in the small village of Wasij near Farab in Turkmenistan [10]. *‘Аль-Фараби родился в небольшой деревне Весидж около Фараба в Туркменистане’*.

Muhammad ibn Muhammad ibn Tarkhan ibn Uzalagh al-Farabi (...known in the West as Alfarabus, Alfarabi, or Farabi, 870–950 CE) ... Some historians thus claim Farabi was born in the small village of Wasij near Farab (in what is today Turkmenistan) of Persian parents [11]. *‘Мухаммед ибн Мухаммед ибн Тархан ибн Узалаг аль-Фараби (...известный на Западе как Alfarabus, Alfarabi, или Farabi, 870–950 н.э.)... Некоторые историки также утверждают, что Фараби родился в небольшой деревне Весидж около Фараба (находится в настоящее время в Туркменистане) от персидских родителей’*.

Для того, чтобы найти правильный ответ на эти вопросы, хотим подойти к теме несколько издалека. Начиная с 1972/1973 учебного года, если быть более точным, то с сентября 1973 года, когда в качестве дипломной работы была официально закреплена за мной, тогдашним студентом последнего курса факультета туркменской филологии Туркменского государственного университета им. Максима Горького (нынешний ТГУ им. Махтумкули), тема «Отношение языка поэмы «Кутадгу билиг» (XI век) к современному туркменскому языку», под научным руководством заведующего кафедрой туркменского языка, чл.-корр. АН Туркменистана, проф. М.Н. Хыдырова, я всерьез начал интересоваться с историей карлуков, ибо именно они правили государством Караханидов, где жил и творил Юсуф Хас-Хаджиб Баласагунский, автор выбранного мною для исследования большого по своему объему поэтического сочинения.

По подсказке своего научного руководителя тогда я узнал, что карлуки имели непосредственное участие в средневековом этногенезе туркменского народа. По этому поводу приводим теперь соответствующие выдержки из русского перевода знаменитого словаря Махмуда Кашгарского, современника Ю. Баласунского: *Огуз – одно из племен тюрок, Туркман (ат-туркманийя)* [1, с. 92]. *Туркман – это огузы* [1, с. 1051]. *Карлук – кочевое тюркское племя, не являющееся огузами, но относящееся к Туркманам* [1, с. 439]. Здесь же отметим, что передача этнонима “туркмен” с арабского алфавита на латиницу, в отличие от написания в этих примерах, в турецком переводе словаря ничем не отличалась от современного его написания, а также произношения (*türkmen*). Махмуд Кашгарский еще указывает на различие наречия огузов от говора туркмен-карлуков (*ат-туркман ал-карлукийя*) [1, с. 118]. Он же сообщает, что название одного из огузских городов Фараба является (по-тюркски, по-местному) Караджук [1, с. 450].

Как пишет акад. В.В. Бартольд, город с названием Фараб (или Бараб) на берегу Сырдарьи впервые зафиксирован со стороны арабского географа Абу Исхака Ибрахима ибн Мухаммада аль-Истахри (около 850–934) и некоторыми другими ранними географами (3, I, с. 221). По свидетельству, того же Бартольда, примерно в тот же время среднеазиатский историк Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар ан-Наршахи (899–959), писавший тоже на арабском языке, сообщает о Фарабе на Амударье (3, III, с. 161). Акад. В.В. Бартольд, ссылаясь на монографию голландского арабиста Михаэля Яна де Гые (Michael Jan de Goeje, 1836–1909), который, в свою очередь, ссылается на труды географов XIV–XV вв., также утверждает, что Амударья *«течет по области Ахсикета. Потом через Ходженд, потом через Фараб, наконец, через области тюркских и туркменских племен (и впадает) в Джендское (т.е. Аральское – М.С.) озеро»* (3, III, с. 72). Здесь же отметим, что в большинстве туркменских диалектах и говорах топоним Фараб на Амударье произносится как Парап (ср.: Бараб на Сырдарье) [См. еще: 6].

Раз много ссылались на труды акад. В.В. Бартольда, завершим их следующей цитатой из «Очерка истории туркменского народа» этого знаменитого тюрколога: *«Сельджукские султаны подчиняли себе всю мусульманскую Азию; при таких условиях те местности на Сыр-Дарье, откуда они вышли, не могли иметь для них большого значения. Султан Алп-Арслан (1063–1072) только в 1065 г., уже после громких побед на западе, явился на Сыр-Дарью и подчинил себе Дженд и Сауран. Чувствуя себя более мусульманскими, чем турецкими (т.е. тюркскими – М.С.) государями, сельджукские султаны не обращали большого внимания на эту окраину своей империи и не препятствовали занятию части ее другим турецким народом, кипчаками»* [3, II / 1, с. 573].

Из этого само по себе напрашивается вывод: не переселились ли огузы-жители Фараба на Сыр-дарье, отступив его кипчакам, в новое место своего обитания на Амударье, назвав его также Фарабом? Это вполне возможно, как случилось подобное с топонимом Балхан / Балкан (смотрите: эпиграф статьи), тем более эти горы в обоих случаях в туркменском языке называются не иначе, как Балкан [См. еще: 8, с. 169–170]. Что касается карлуков (вспомним, что М. Кашгарский их тоже считает туркменами), то часть их расселась вблизи Бухары (Алатский район) и в последующем вошла в состав узбеков, хотя потомки карлуков, переселившиеся в Афганистан, еще в начале 50-годов XX века не считали себя узбеками и другие узбеки также не признавали их таковыми [См. об этом: 4, с. 119–152]. В свою очередь, огузы, являясь прямыми предками современных туркмен, участвовали в этногенезе многих других тюркских и нетюркских народов, в том числе казахов. Это – во-первых.

Во-вторых, огузские города всегда были многонациональными. Не исключено, что Фараб на Сыр-дарье был одним из таких городов, и Абу Наср аль-Фараби – дитя межнациональной семьи: отец у него был тюрком (огузом или кипчаком), а появился он в свет от матери-персиянки. Неслучайно современные исследователи пишут его полное имя как: Абу Наср Мухаммед ибн Тархан ат-Турки аль-Фараби.

В-третьих, в качестве общего заключения хотим констатировать, что сверхзадачей гуманитарных наук, да и в принципе всей науки, является сближение народов, способствовать развитию у них толерантности в отношении культуры и истории друг друга, а никак не появление нетерпимости, неприятия и вражды между ними. Конечно же, исследователям, прежде всего, необходимо исходить из имеющихся реальных фактов, существующих научных доводов, на основе которых мы постарались изложить данную свою статью. В 2020 году под эгидой ЮНЕСКО будет широко отмечаться в Казахстане, Иране, Туркменистане и многих других странах 1150-летний юбилей Абу Насра аль-Фараби – второго учителя человечества после Аристотеля. Этой знаменитой дате посвящается наша скромная работа.

Список литературы

1. Ал-Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк. Перевод, предисловие и комментарии З.-А. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.+2 с. вкл.
2. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. – Алма-Ата: Наука, 1973. 436 с.
3. Бартольд В.В. Сочинения [в 9 томах]. М.: Изд-во «Наука»: Главная редакция восточной литературы. Том I, 1963. 760 с.; Том II, часть 1. 1963. 1020 с.; Том III, 1965. 712 с.
4. Лигети Л. О монгольских и тюркских диалектах Афганистана // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Vol. IV, No 1–3. Будапешт, 1951. С. 119–152.
5. Нагиев Г.Г. Политическая философия аль-Фараби и вызовы современного мира. URL: <http://econfr.rael.ru/article/4507> (дата обращения: 25.08.2019).

6. Настич В.Н., Шуховцов В.К. Существовал ли город Фараб? URL: <http://info.charm.ru/library/Farab.htm> (дата обращения: 20.08.2019).
7. Овчаренко Р.В. Жизненный путь аль-Фараби. URL: <https://mytashkent.uz/2012/06/11/zhiznennyiy-put-al-farabi/> (дата обращения: 24.08.2019).
8. Soyegov M. By Traces of the Great Resettlements of Turkmens in the Middle Ages // Plot of Oguznama as Historical and Cultural Source. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference. Ashgabat, 2010. P. 169–170.
9. [Электронный ресурс] URL : <http://encyclopedia.kids.net.au/page/al/Al-Farabi> (дата обращения: 21.08.2019).
10. [Электронный ресурс] URL: <http://al-farabi.wikiverse.org/> (дата обращения: 01.09.2019).
11. [Электронный ресурс] URL: <https://www.academickids.com/encyclopedia/index.php/Al-Farabi> (дата обращения: 21.08.2019).

УДК 008:14

ПРОЕКТ ВОЗРОЖДЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И.А. ИЛЬИНА

Стрельникова Н.И.

ГОУ ВПО «Луганский национальный аграрный университет», г. Луганск, ЛНР
natalia.arrow@gmail.com

В трудах И.А. Ильина была создана целая программа духовного возрождения России, которое должно начаться после падения советского строя, а также очень точно описал и то тяжелое состояние, в котором окажется Россия после советского периода. Главной причиной этого тяжелого состояния он считал в первую очередь не экономические и политические последствия «большевистского эксперимента» над Россией, но в первую очередь последствия духовные – уничтожение христианства и разрушение русского национального характера. Именно поэтому в центре философии И.А. Ильина находится концепция духовного возрождения личности и народа. Одна из главных его книг имеет символическое название «Путь духовного обновления», которое очень точно выражает суть и главную цель всей его философии в целом. Все частные ее темы и проблемы в конечном счете имеет целью такое воздействие на мысль и сознание человека, которое ведет к его глубокому духовному обновлению.

Тем самым, особое место в философской общей доктрине И.А. Ильина занимает его философия культуры. Она может быть также названа и теологией культуры, поскольку его понимание культуры основано на христианском Откровении. Однако эта часть его философии до настоящего времени остается менее всего исследованной. Отдельно стоит выделить монографию литературоведа Ю.И. Сохрякова «И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик» [2], в которой системно рассмотрена

философия культуры И.А. Ильина и ее христианских оснований, а также ее выражение в принципах его литературной критики.

Как отмечает И.А. Ильин, «европейская культура XIX века есть по существу уже светская, секуляризованная культура... Растет и ширится мирозерцание, обходящееся без Богосозерцания» [1, с. 477-478]. Эта новая культура воспитывает людей, которые «вступили в ожесточенную кровавую борьбу с Божественным началом, с христианской Церковью и вообще со всякою верующею человеческою душою» [1, с. 479]. Тем самым, картина современной культуры представляет собой не идиллию «разнообразия», а поле войны антихристианских начал с христианскими, причем эта война из области культуры и мировоззрения очень быстро перешла в область вполне физическую, обернувшись геноцидом христианских народов в тоталитарных режимах XX века. В этой ситуации совершенно невозможно занять некую «нейтральную» позицию, поскольку рано или поздно придется делать свой личный выбор, на какую сторону стать и каким силам служить.

Антихристианская культура не требует никаких духовных усилий для своего развития – она возникает в результате пассивного приспособления людей к тем низменным «законам жизни», которые им силой навязывает современная цивилизация. Как пишет И.А. Ильин, «современное человечество влечется приобретательскими инстинктами и хозяйственными законами... Оно попало в тупик капиталистического производства и нашло из него только один определенный выход – в бездну коммунизма» [1, с. 480]. Тем самым, здесь возникает явный «замкнутый круг», когда из противоположного строя, основанного на одной всеобщей жадности – капитализма – люди пытаются вырваться путем построения строя, основанного на той же самой жадности, к которой добавляется экономическая уравниловка и рабство у репрессивного государства, жестоко подавляющего всякое свободомыслие – коммунизма. Этот «замкнутый круг» оказывается совершенно неизбежным в том случае, когда люди теряют всякие высшие мировоззренческие ориентиры в результате потери христианской веры и начинают жить исключительно материальными интересами, превращаясь в «экономических животных».

Однако утрата религиозных оснований жизни приводит не только к экономическому порабощению человека – одинаково и в капитализме, и в коммунизме – но к такому же точно извращению и деградации всех остальных сфер культуры, в частности искусства. «Современное человечество, – писал И.А. Ильин, – предается безрелигиозному и безбожному искусству, которое становится праздным развлечением и нервирующим зрелищем... мода рождает модернизм, скука и пресыщенность – нервирующую остроту; кинематограф заменяет храм; треск и рев радиоаппарата вытесняют личную культуру музыки и слова. В искусстве отпадает “третье измерение” – художественности, священности,

предметности; двумерная душа создает двумерное, пошлое, безбожное искусство» [1, с. 480]. «Двумерная душа» – это состояние человека, для которого реальностью является только собственное его, и внешний мир, который он хочет подчинить своим прихотям, а третье, «вертикальное» измерение – отношение человека к Богу – у него отсутствует.

В конечном счете, как пишет И.А. Ильин, «чтобы творить христианскую культуру, надо *по-христиански обновиться и затем принять мир*» [1, с. 489]. Он дает и свою «расшифровку» ключевого понятия «обновление» следующим образом: «Это обновление совершается так, что при чтении Писания читающий не регистрирует своим пониманием сказанное, но пытается *отыскать и укрепить* в себе самом, а если нужно, то впервые создать в себе самом описываемое в тексте: вызвать в себе чувство милосердия и предаться ему; вызвать в себе раскаяние и творчески пережить его, помыслить сердцем совершенство Божие и пребыть в нем, пока не наполнятся им сердце» [1, с. 489]. При этом важнейшей евангельской заповедью обновления человека является следующая: «И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим 12, 2). Эта заповедь может рассматриваться и как императив создания христианской культуры. Каковы же конкретные пути и методы возрождения христианской культуры? Они основаны на том, что сначала обновляется сам человек, переходя на новые христианские смыслы и основания жизни, а затем уже, исходя из этого обновления, строит новую культуру во всех ее сферах. Поэтому И.А. Ильин пишет не о «сохранении» христианской культуры (это принцип «консерватизма»), но о ее возрождении в ситуации обвального разрушения. Этот общий принцип в различные исторические периоды воплощается по-разному. Если в эпохи до Нового времени особым стимулом для создания христианской культуры, как отмечалось ранее, И.А. Ильин считал тяжелые материальные условия жизни, требовавшие большой духовной силы для выживания народа, то в новейшее время появляется стимул совсем иного рода. Как отмечает философ, в настоящее время «так мы представляем себе творчество христианской культуры: сердца людей, потрясенные уже пережитыми и еще предстоящими бедствиями, вызванными духом безбожия и противохристианства, начнут *свободно возвращаться к созерцанию Христа и к внесению даров Его Духа в жизнь и в культуру*» [1, с. 512]. Тем самым, этот новый стимул состоит в ответном противостоянии антихристианству, ныне охватившему мир, и опирается на особый опыт людей «эпохи безбожия».

Анализ предпосылок возрождения русской христианской культуры, обоснованных в философии культуры И.А. Ильина, актуален для понимания современной культурной ситуации в России и мире. Рассмотренные здесь предпосылки имеют системный характер и могут

служить важным средством рефлексии современных культурных процессов.

Список литературы

1. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Путь духовного обновления / Сост. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 476-526.
2. Сохряков Ю.И. И.А. Ильин – религиозный мыслитель и литературный критик: Монография. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 249 с.

УДК 130.2

ОБРАЗОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СТРАТЕГИИ

Сухоруких А.В., канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет
им. Г.Ф. Морозова», г. Воронеж, РФ
sukhorukikh.al@yandex.ru

Введение. XXI век актуализирует новую социокультурную реальность, её перманентно изменяющийся контекст. Глобальные проблемы, ещё недавно соотносимые с конвергенционными инициативами мирового сообщества и общностью взглядов в решении этих острейших вопросов, от которых по-прежнему чрезвычайно зависят судьбы всего человечества, уступают место проблемам «глобализации», предполагающим, в той или иной степени, сегрегационные инструменты и санкционированные пути их разрешения, возрастающую неоднородность и неравнозначность социокультурной экзистенции миропорядка. Вместе с тем, кратковременные идеологические конструкты, конвертирующие хаотизацию и маргинализацию культурных сообществ, всё очевиднее приходят на смену сложившимся принципам гуманистической культуры, её безусловным ценностям человеческого бытия и познания. Фундаментальный антропологический базис эпохи «модерна» разрушается динамикой тотального релятивизма общественной морали и нарастающей тенденцией «расчеловечивания» центрального субъекта культуры: вслед за деавуированием значения национально-культурной идентичности и гражданственности, происходит деперсонализация человеческой личности как таковой.

Цель. В этой связи на повестку дня выходит целеполагание новой социокультурной перспективы и актуализация образовательных стратегий, в основание которых будет положен антропологический фактор цивилизационного бытия, детерминирующий соответствующие тенденции

информационной, культурной и образовательной политики. При этом духовная культура не может более рассматриваться абстрактной категорией, отвлечённой системой идей, и должна мыслиться приумножаемым стратегическим национальным резервом.

Основная часть. Образовательные стратегии, когда-то вехи культурных смыслов эпохи, претерпевают существеннейшие изменения: теперь они сугубо «инструментальны» и сориентированы преимущественно на информационную и техногенную экспоненту, на матрицу «неопределённости». В свою очередь экономические тенденции стали прямыми регулятивами образовательных трендов, подчинив их конъюнктуре рынка. Иными сделались и ключевые задачи формирования элиты: налицо конфликтогенность социальной среды, не детерминированной приоритетом культурной доминанты и манифестирующей постулат лидерства для «элиты потребления». Видоизменились сами критерии образовательного процесса, лишённого воспитательного компонента: уходят в прошлое важнейшие принципы культуросообразности и духовности человеческого существа, обретения им личностного начала в процессе индивидуального нравственного становления. Так или иначе, экзистенциальная этика образования, перестаёт быть априорным фактором получения знания и в реальном, и в «виртуальном» мире, вследствие чего активно формирующаяся «цифровая среда» становится угрожающе не «человекомерной».

Действительно, сегодня налицо опасность окончательного исхода гуманистических парадигм как таковых. Единственно актуальной остаётся лишь магистральная парадигма «постмодерна»: индивидуальное выживание в «обществе риска» с его ценностным вакуумом макросоциальной среды, в которой человек, опираясь только на собственные критерии того, что нормально и что нет, создает «полностью индивидуальный жизненный проект» [1, с. 88]. В этой связи, в ситуации множества «постмодернистских проектов», зачастую несостоятельных с точки зрения национальных культурных реалий и сводящих возможность глубокого поликультурного диалога лишь к политкорректности, необходимо заявление фундаментальных нравственных презумпций и ценностное наполнение глобального информационного пространства единством общечеловеческих культурных смыслов. Речь идёт о привнесении в ментальность эпохи морали пассивного созидания, о выстраивании многовекторных интеграционных стратегий, способствующих, даже при всех имеющихся противоречиях, росту объединяющих, миротворческих, культурных инициатив, востребованности универсалий важнейших гуманистических ценностей.

При всей неоднородности информационно-коммуникативного пространства, в конечном счёте, только образовательная среда, детерминированная аксиологической повесткой духовных традиций, способна разрешить проблемы межкультурного взаимодействия в современных

социумах с различным уровнем культурно-исторического восприятия мира. В то время как глобальный мир с огромной быстротой становится всё более многоликим, размывая ценностные императивы и опосредуя сущностный критерий личностного или национального бытия, важнейшие принципы гуманистической образовательной культуры как прежде проецируют своего рода ментальный посыл в вечность, бессмертие мысли: идею высокого интеллектуального единства и поиск нравственного равенства, акцентирующий моральное *звание человека*.

Критерий человечности, феномен человека как онтологического уникама: неизведанная многомерность его сознания и непостижимость совести – фактически, единственное, что безусловно характеризует социокультурную состоятельность антропогенеза, и здесь очевидна взаимная детерминация, где «культура – это экология человеческого общества», «та атмосфера, которую создаёт вокруг себя человечество, чтобы существовать дальше, чтобы выжить» [2, с. 128], и человек при этом «остаётся наследником культуры, без которого она превращается в хаос, в историческую пыль» [3, с. 50]. В этом контексте, безусловно, прав Б.С. Гершунский, полагая, что историю человеческой цивилизации можно понять на основе изучения истинных движущих её сил – созидательных или необратимо деструктивных идей, соответственно моделирующих социальное, культурное и, главное, образовательное пространство эпохи [4].

Заключение. Если же осмысливать масштаб проблемы, поднимаясь до цивилизационных перспектив, то именно социокультурная стратегия гуманистического образования, обеспечивающая в принципиально новых, «цифровых» контекстах фундаментальность просвещения и выстраивающая единое ценностное пространство как пространство диалога смыслов, способна сформировать человека не просто субъектом социума и даже «информационной среды», но – во всей целостности и неразделённости его существа и существования, поднимая его во весь культурно-исторический рост, пробудив в нём силы его духа и призвания. Следовательно, и символика социальной элиты предстаёт в этой связи не в типичных для сегодняшнего дня категориях привилегированной исключительности или воли к власти, но в максимальном развитии личностных талантов и дарований, в духовном аристократизме. Образование такого уровня предстаёт стратегией формирования подлинной элиты общества – это оздоравливающая общественное сознание «экология духа» и принципиально новый источник социальной энергии, формирующий человека, способного созидать цивилизацию, достойную его и его будущего.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. Серия: Первые публикации в России / Ю. Хабермас. – М: КАМІ, Academia, 1995. – 252 с.

2. Понизовкина И.Ф. Ещё раз об экологии...(заметки на полях) / И.Ф. Понизовкина // Вестник РФО. – 2009. – №1(49). – С. 128-131.
3. Беляев В. И. Культура, духовность, образование: диалектика взаимодействия / В.И. Беляев // Мир образования – образование в мире. – 2005. – № 1. – С. 47-55.
4. Гершунский Б.С. Готово ли современное общество ответить на вызовы XXI века? / Б.С. Гершунский // Педагогика. – 2001. – №10. – С. 3-12.

УДК 111

ПРОГРАММА ОТВЕТСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В. А. КУТЫРЁВА

Тимощук А.С., д-р филос. наук

ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России», г. Владимир, РФ
human@vui.vladinfo.ru

Введение. В работе «Сова Минервы вылетает в сумерки» нижегородский философ В. А. Кутырёв разработал программу феноменологического субстанциализма, некоторые аспекты которой разбираются в статье. Уход в машинное и цифровое бессмертие критикуется волжским мыслителем как очередное прельщение технократической цивилизации, цифровой самообман. Кутырёв анализирует мыльный пузырь современной антропоактивности (*homo bullo*), снимая оболочку за оболочкой луковицы цивилизации инновационизма. Снимая и отбрасывая слой за слоем, он продвигается к системе устойчивости человечества. Выводы книги, как и всегда, – спасение Человека. Разница в деталях, если в прошлых работах нас спасали от техники, от пустоты, от прогресса, здесь он спасает от самоапокалипсиса, эсхатологической рукотворной трагедии. В книге циркулируют основные сюжеты творчества автора: борьба естественного и искусственного, открытое vs. устойчивое общество, саморазвитие технонауки, угрозы гипермодернизма и трансгуманизма, проблемы биотехнического конструирования постчеловека, перспективы консервативного философствования, оправдание бытия. Основу монографии составляют следующие глубокие идеи: бытие есть благо; самоутверждение есть сущность каждого живого существа; вечное возвращение есть прочная платформа вместо прогрессивизма.

Цель статьи – сделать обзор новой книги самого цитируемого российского философа. Предмет исследования: тенденция распредмечивания неклассической науки и общества. Новизна: творчество Кутырёва осмыслено как конструирование нового стандарта простоты, основанной на самоограничении технологического прогресса и потребления.

Основная часть. Философии часто становится концептуально оформленными односторонностями. Новая книга В.А. Кутырёва – это не

просто очередная порция критики информационно-символического общества, в ней много хорошей философии, переосмысления и реактуализации узкого пути между агностицизмом и технократизмом, реизмом и структурализмом.

Кутырёва волнует уход от целостности жизни, её подмена математизацией, химизацией, информатизацией бытия; превращение в самоцель частных технологий в надежде, что они дадут изобилие; угроза подмены реальности функциями и методологиями.

Если философия не прекратит своё увлечение редукционизмом, она потеряет связь с реальностью, её обгонит искусство, которое порой более точно и целостно передаёт реальный мир, нежели односторонние философские конструкты. И, как философ, находит философскую причину этой суицидальной опасности, – Иммануила Канта, запустившего обратный отсчёт человечеству. «Критику чистого разума» Кутырёв называет «спекулятивно-философской атомной бомбой в сфере духа» за то, что она уходит от земного в мысленное гипотетическое пространство [2, с. 13].

Манифест феноменологического субстанциализма сохраняет градус резистентной философии, рассмотренной в других обзорах [3–5]. Владимир Александрович пишет картину самоапокалипсиса человечества крупными мазками. Галилей, Кант, Маркс здесь – провозвестники и инсталляторы математически-формализованного мира, а М. Фуко и Л. Альтуссер – оракулы теоретического антигуманизма, процесса без субъекта.

Кумулятивная работа волжского оракула привлекает не столько уже известным профетическим пафосом экспансии техносферы, сколько неброскими рассуждениями о проблемах поддержания устойчивого порядка. Кутырёв В.А. формулирует ясное и экофильное послание: нельзя допустить, чтобы сложность цивилизации, реализуемая на нано-, микро-, мега- и ино- уровнях, совсем поглотила простоту макромира, изначальную и естественную обитель бытия. Наш исходный дом сущего нужно сохранить. Философия самосохранения формулирует в качестве перво-степенной задачи поддержание приюта жизненных миров *homo sapiens* на Земле. При этом гуманизм определяется как мировоззрение, приведённое к мере человека [2, с. 105]. В другой публикации В.А. Кутырёв категоризирует гуманизм как «слабую» форму религии [1, с. 9]. В защите человека от технологий философия должна объединиться с религией. Это тео-антропо-дицея или союз ради жизни на небе и на земле.

Актуальной формой антропологической теории автор провозглашает творчество С.С. Хоружего, который, как и Кутырёв, предупреждает об опасности пересечения антропологической границы, а в качестве ориентира духа для человека указывает на личную духовную практику [6].

Одна из задач книги «Сова Минервы» – охрана вечно-событийной реальности. Кутырёва тревожит тенденция к распредмечиванию, преобра-

зование структурно-субстратного подхода к миру в системно-функциональный. Средневековой апории о невыразимости индивидуального (*individuum est inefabile*) В.А. Кутырёв даёт новую интерпретацию. Индивидуация постчеловеческой цивилизации не только невозможна концептуально, но и эмпирически. Иррациональность технократов – это ускользающий остаток и базовая территория их *modus vivendi* [2, с. 31].

Погнавшись за цивилизацией, мы потеряли простоту. Можно ли быть сложным и простым одновременно? Вот такой парадокс пытается разрешить философ. Как вернуть общество в естественное лоно бытия? Нужно ли изобретать иные миры? Или можно ли позволять Иное? Какова мера человеческого и где проходит граница между возможным и допустимым?

Поскольку сохранение существующего требует постоянных усилий, то задачи философии, по мнению В.А. Кутырёва, совпадают с уставом гигиены человеческого и заключаются в том, чтобы сопротивляться постчеловеческой иллюзии, охранять жизнь от вытаптывания исторического марша науки и прогресса. Кутырёв надеется, что Россия, как страна, претендующая на сохранение традиции, станет опорой Бытия, не пойдёт по пути Ничто или угнетения жизни и перерождения духовности в рациональность, трансформации идеи бесконечного бытия в технолого-экономическое становление.

Общий посыл книги – этот циничный, безоглядный, без/д/умный инонизм не доведет цивилизацию до добра. Нужна логодичия добра, простоты и меры человеческого. Человек! Не преступай за своё Бытие!

Называя простоту нашим домом, философ не призывает нас к примитивизации. Книга написана сложным языком и требует философской подготовки. Тезисно, её основу составляют следующие глубокие идеи: бытие есть благо; самоутверждение есть сущность каждого живого существа; вечное возвращение есть прочная платформа вместо прогрессивизма.

Список литературы

1. Кутырёв В.А. О союзе религии с философией против свободы технонауки // Вестник славянских культур. – 2011. – № 1. – С. 5-14.
2. Кутырёв В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). – СПб: Алетейя, 2018. – 526 с.
3. Тимошук А.С. Рецензия на книгу Кутырёва В.А. Последнее целование. Человек как традиция // Вопросы культурологии. – 2016. – № 8. – С. 75-78.
4. Тимошук А.С. Философия сопротивления // Вестник славянских культур. – 2017. – № 2 (44). – С. 194-198.
5. Тимошук А.С. Читать Кутырёва. Забыть Мейясу // Вестник Вятского государственного университета. – 2019. – № 1(131). – С. 96-98.
6. Хоружий С.С. Космическая литургия как экологический принцип православной культуры // Философия и культура. – 2016. – № 2 (98). – С. 268-274.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Тюгашев Е.А., д-р филос. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет», г. Новосибирск, РФ
filosof10@yandex.ru

Введение. По данным сайта ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в 2014–2018 годах из 1 176 диссертаций по философским наукам представлено к защите: по социальной философии – 39,3 % работ, по философской антропологии и философии культуры – 16,4 %, по истории философии – 15,9 %, по онтологии и теории познания – 10,6 %, по философии религии и религиоведению – 7,5 %, по философии науки и техники – 3,9 %, по эстетике – 3,1 %, по этике – 3,0 %, по логике – 0,3 % работ. Как мы видим, сегодня социальная философия – наиболее удобная дисциплинарная позиция для философского исследования.

Анализ тем диссертаций по социальной философии показывает их прикладную ориентацию и значительную эмпирическую разбросанность, правда, с тремя заметными фокусами – ситуация современности, духовная жизнь и Россия. Введение в дискурсивное поле социальной философии разнообразных деталей общественной жизни создает впечатление информационного шума. А в условиях краха советского коммунизма и исторических тупиков либерализма обостряется потребность в более глубоком и основательном понимании общественного развития.

Цель тезисов состоит в проблематизации предметной области социально-философской теории и определении перспектив фундаментальных социально-философских исследований.

Основная часть. Говоря о социально-философской теории, мы ориентируемся именно на данную дисциплинарную область, дистанцируясь как от теоретической социологии, так и от потенциально метадисциплинарного движения за разработку социальной теории. Появление такой теории маловероятно вследствие различий в мировоззренческих основаниях, определяющих картины мира, в рамках которых будет обосновываться, например, социально-утопическая теория как компонент социальной теории. Поэтому в теоретическом поле современной социальной философии в качестве базовой исследовательской программы следует принять исторический материализм в той интерпретации, которая акцентирует его статус как социально-

философской теории. Результаты критической теории, описывающие «регрессивную социальность», должны быть учтены как дополняющие «прогрессистски» ориентированные положения исторического материализма.

Перспективная социально-философская теория не обязательно должна позиционироваться как исторический материализм. В этом нет необходимости, поскольку, собственно говоря, какой-либо систематической альтернативной ему социально-философской концепции просто не существует. Но для дальнейшей разработки исторического материализма как теоретической платформы социально-философских исследований нужно продвинуться в решении ряда важнейших проблем.

Во-первых, это проблема модельной реконструкции генезиса систем общественных отношений (экономических, правовых, нравственных и др.) от простейших, исходных к основным и более сложным, производным отношениям по образцу, представленному К. Марксом в «Капитале». На наш взгляд, удачные реконструкции генезиса отношений жизнеобеспечивающей, престижной и моральной экономики предложил Ю. И. Семенов [1]. Аналогичные решения необходимо найти не только для теневой, военной и других типов экономик, но и для аналогичных подсистем в остальных сферах общественной жизни, в том числе – в религиозных, научных, философских и иных духовных отношениях.

Во-вторых, это проблема систематического, а не фрагментарного представления структуры общества как социального организма. До сих пор не придается особого значения тому, что К. Маркс ввел две онтологически несовместимые модели структуры общества – базисно-надстроечную модель и модель сфер общественной жизни, в которой «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни» [2, с. 8]. Очевидно, что предложенный вариант выделения сфер общественной жизни (принятый, в частности, и Т. Парсонсом) онтологически противоречив, поскольку способ материального производства имеет духовное и социальное измерения. Поэтому для дальнейшей проработки более продуктивна базисно-надстроечная модель, дифференцирующая способ производства материальной жизни на способ производства материальных благ и способ производства непосредственной жизни людей и выделяющая соответствующие им надстройки [3, с. 68].

В-третьих, это начатое Ю. К. Плетниковым формирование учения об общественных формациях [4]. Известно, что К. Маркс писал как об общественных, так и об общественных экономических формациях [2, с. 8–9]. Поэтому допустимо выделение общественно-политических, общественно-нравственных и других категорий формаций, а также входящих в их темпоральную структуру прогрессивных и регрессивных эпох. Заметим, что вторичная общественно-экономическая формация

представлена не только способами производства, перечисленными К. Марксом, но и многими другими, выделяемыми по господствующему сословию. В таком видении буржуазное общество возникает в результате победы «третьего сословия» и де-факто остается сословным (впрочем, как и социалистические страны).

В-четвертых, это освоение биосоциальной проблематики, основывающейся на том факте, что человек – не единственный вид «общественных животных». Обширные массивы информации, накопленные социобиологией, экологией растительных и животных сообществ, зоопсихологией и этологией, представляются существенными для понимания форм и структуры социальной организации, выделения специфики антропосоциальности и возможностей ее взаимодействия с мирами в той или иной степени разумных животных.

В-пятых, расширяя горизонт исторической рефлексии, возможно, предстоит сфокусироваться на изучении основной, первичной общественной формации, охватывающей практически всю историю человечества. По наблюдению В. В. Емельянова, европейская мысль при осознании современности использовала зеркальную рефлексю в прошлое – в античность, в древневосточные цивилизации, в эпоху бронзы [5]. Не исключено, что в настоящее время теоретически насущна рефлексия в эпоху палеолита, где различные, соперничающие виды рода *Homo sapiens* сформировали основы человеческого общества.

Заключение. Разрешение указанных проблем – дело не сегодняшнего дня. Но их понимание позволяет более требовательно отнестись к используемым в социальной философии теоретическим конструкциям и расширить ее исследовательское поле.

Список литературы

1. Семёнов Ю. И. Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному) / Ю. И. Семёнов. – М.: Красанд, 2014. – 720 с.
2. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 13. – С. 1–167.
3. Фофанов В. П. Социальная деятельность и теоретическое отражение / В. П. Фофанов. – Новосибирск: Наука, 1986. – 189 с.
4. Плетников Ю. К. Формации общественные / Ю. К. Плетников // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 270.
5. Емельянов В. В. Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса) / В. В. Емельянов // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 46–57.

ТИПОЛОГИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИХОТОМИЯ

Целик Т. В., канд. филос. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tzelik@meta.ua

Философия является особой формой рационально-теоретической рефлексии на окружающую действительность. Ее можно понимать и определять по-разному, учитывая не только предельно широкий спектр ее проблематики, где есть и наиболее общие законы развития и мышления, есть поиски первоосновы сущего, диалектика и метафизика, но есть и специфический срез смысложизненных вопросов, которые также являются ее неотъемлемой частью. Поэтому вполне правомерно определять философию и в аристотелевском значении «науки наук», и в прямом значении «софии-мудрости».

Именно этот концепт стал основополагающим в первой философской системе неоплатонизма, созданной на русской почве, – метафизике всеединства Владимира Соловьева. К концу XIX в. русская духовная культура поднялась до уровня создания целостной философской концепции, появились последователи и продолжатели идей Соловьева, сложилась самостоятельная традиция, представленная братьями Сергеем и Евгением Трубецкими, Сергеем Булгаковым, Павлом Флоренским, Семеном Франком и другими «софиологами», и, все это вместе, поучило название русской философии Серебряного века. Философия как квинтэссенция духовной культуры в полной мере отразила взлет русской культуры в целом, ее самобытность и открытость миру. Она опиралась на тезис о единстве мира, полнота бытия которого обусловлена Богом-Творцом, предлагала новое гармоничное единство Человечества на основе единства Истины, Добра и Красоты как Софии-Мудрости, тем самым моделируя будущую гармонию единой человеческой цивилизации. Социальный и аксиологический аспекты русской философии были подчинены мощному гуманистическому началу, и именно это видение будущего русские мыслители предлагали в качестве средства преодоления противостояния Запада и Востока, пытаясь снять даже конфессиональные различия в экуменическом единстве.

Но, как известно, история XX века шла другим, конфронтационным путем – через две мировые войны, через противостояние идеологических систем времен холодной войны. Пройдя столетний виток, в условиях, когда больше нет соцлагеря с его идеологическими установками, наша новейшая история опять актуализировала проблему соотношения и взаимодействия не только Востока и Запада в широком значении этих

цивилизационных явлений, но в последнее время критично обострив взаимодействие Восточнославянско-православной (русской) и Западной (европейской и американской) цивилизаций. В свою очередь, последние 30 лет, начиная с позднего советского общества времен перестройки, в постсоветских странах и самой России не утихают споры о трансформациях и путях развития этих обществ – принимать ли безоговорочно западно-либеральную модель, включающую абсолютизацию свободы во всех ее проявлениях, со стихией рынка, где доминирует прагматический интерес получения максимальной прибыли (иногда, любым путем, как в 90-е годы в постсоветских странах), или сохранять собственные цивилизационные основания; возвращаться к возрождению романтического или радикального национализма (что и происходит в достаточно агрессивной форме в ряде стран); искать способы новой интеграции, но с кем, в каких формах или на каких основаниях. Перечень этих вопросов можно продолжить, и все они еще больше подчеркнут актуальность проблемы цивилизационного выбора в условиях глобализации, коротко отраженную фразой «Россия между Востоком и Западом», а для постсоветских обществ – западный или русский мир.

Но обнаруживается смысловая и ценностная дилемма – чем является отечественная культура? Если отставшей от Запада, все время его догоняющей периферией (а Россия XVIII–XIX вв. действительно имела существенный разрыв в темпах экономического развития с Европой, как и на рубеже XX–XXI вв.), тогда, очевидно, нужно быстрыми темпами принять его установки и готовые конструкты. Или самодостаточной цивилизацией, с самобытной культурной традицией, тогда взаимодействие нужно выстраивать на основе диалога, культурного обмена и взаимоуважения.

Мы начали доклад с рассмотрения философии как квинтэссенции культуры. Нам думается, что именно история русской философии в данном случае отражает *дихотомию* цивилизационного процесса, в котором есть и общеевропейская, и отечественная составляющие. А. Ф. Замалеев отмечает, что, развивавшаяся в русле двух идейных традиций – византийской и западноевропейской, русская философия, «вносит свои коннотации в понимание философского знания» [1, с. 3], хотя нельзя не учитывать европеизацию России, «принесшую «научообразное просвещение», [что] придало и философствованию характер учёной деятельности» [1, с. 3]. Но не это наукообразие стало выразителем специфики русской философии даже при наличии последователей позитивизма. Мы сознательно в данном докладе не рассматриваем допетровскую философскую традицию, которая прорастала на почве святоотеческого христианского неоплатонизма и опиралась на смысложизненный поиск, что отражено в текстах времен Древней Руси, но именно эта преемственность проблематики будет характеризовать и философию рубежа XIX–XX вв. Философия Серебряного века

«самоопределилась как некоторая новая школа в рамках классической европейской философской традиции», – отмечает С. С. Хоружий [2, с. 2], и пишет, что «...русская философия не примкнула ни к одному из конкретных направлений западной мысли. С самого начала она возникла как самостоятельное и довольно отдельное явление» [2, с. 4], а «всеединство чрезвычайно подходило для философского выражения идеалов и ценностей этой культуры», это «лейтмотив русского менталитета», выраженный в «Троице» преп. Андрея Рублева, и что это «как бы русская и христианская вариация античного идеала калокагатии» [2, с. 5].

Также на основании анализа отечественного философского наследия Ю. В. Павленко называл семь типологических признаков восточно-православной цивилизационной системы, среди которых: апофатизм; образно-эмоциональное восприятие первореальности; софийное осознание мира; принцип богочеловечности; понимание человека как самоценной духовной сущности и существа; сдержанно-благоговейное, самоограничивающее отношение к окружающей среде; «стремление к целостному, ценностно-упорядоченному, в равной степени интеллектуально-разумному, эмоционально-художественному и морально-волевому мировосприятию как основе достойной жизни» [3, с. 363].

Нам думается, что вся русская цивилизационная система давно интегрирована в европейскую как ее субцивилизационная форма, но в то же время она никогда не утрачивала самобытности, выраженной в том числе русской философией, которая «превращалась в своего рода критический корректив к ней, выступала как самокритика европейской философии», – как подметил С. С. Хоружий [2, с. 6]. Русская цивилизация может предложить Западу именно гуманистический идеал целостного человеческого бытия, духовной калокагатии и традиционной морали.

Список литературы

1. Замалеев А. Ф. Курс лекций по истории русской философии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. – 238 с.
2. С.С. Хоружий Неопатристический синтез и русская философия / Доклад, представленный на Конференции в честь 100-летия со дня рождения о. Георгия Флоровского. Энн Арбор, США, октябрь 1993 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: // https://www.google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwjgk5-Vt-LkAhUM2aYKHR4eD6MQFjAAegQIBRAC&url=http%3A%2F%2Fsynergia-isa.ru%2Flib%2Fdownload%2Flib%2F%252B068_Horuzhy_Neopatrist.doc&usg=AOvVaw3byZY3c_4H-ud472weIw4u
3. Павленко Ю. В. Культурна спадщина східно-християнського світу та наша цивілізаційна ідентичність / Ю. В. Павленко // Могилянські читання 2002 року: Збірник наукових праць: Музейна справа в Україні на зламі тисячоліть / Ред. рада: В. М. Колпакова (відп. ред.) та ін. – К. : ВІПОЛ, 2003. – С. 360–365.

СТРАХ СМЕРТИ КАК «СТИМУЛЯТОР» ТВОРЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Шатохина Н.П., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

shatohina-85@mail.ru

Человек живет точно зная, что его время на земле очень недолговечно. Это осознание накладывает отпечаток на его мысли, действия, планы. Наложение запретов – есть, так или иначе, один из атрибутов земного существования. Конечность и ограниченность жизни, времени, общественного устройства, приводит к неизбежному подавлению собственных желаний, стремлений, побуждений. Замыкается порочный круг запретов и табу вне которого человек не может существовать и который так же устойчив как основа мира. Представители экзистенциализма давно уже подчеркивали, что человек сам может освободить себя, вырваться из пут враждебного мира. «Экзистенциалисты утверждают, что, обретая себя как экзистенцию, человек обретает и свою свободу. Его свобода состоит в том, что он не выступает как вещь, формирующаяся под влиянием естественной или социальной необходимости, а «выбирает» себя каждым своим действием и поступком» [2, с. 25]. Естественно, что процесс творчества, как и вообще творческая реализация себя, также не обходится, без влияния ограничительной силы смерти.

Цель: рассмотреть влияние страха смерти на свободу творческого самовыражения.

Феномен смерти очевиден в дилемме объективного и субъективного во всех земных процессах. В творчестве данная дилемма выражена наиболее ярко. Воображение художника сталкивается с объективизацией образов и этот процесс воспринимается им болезненно, сродни отмиранию сакрального, первородного замысла. Выходит, что творческий акт уже сам по себе сопряжен со смертью, поскольку самовыражение метафизично по своей природе, идея оторвана от формы, а символ-начало никогда не идентично модели-концу. Иррациональность творческой воли, находит свое выражение, в том числе, и в переживании художником смерти в соприкосновении внутреннего мира (души) с материальной предметностью (телесностью).

Ещё Хайдеггер предупреждал о том, что отрицание обществом смерти, её неприятие, приводят к абсурду, уводят от истинности бытия. Н.Т. Роговая в своей статье «Проблема смерти в экзистенциализме» приводит такую мысль: «Усредненный» индивид, послушный людскому

мнению, избегающий понимания того, что он пребывает к смерти, обречен, по мнению Хайдеггера, вести «неподлинное существование», не способен к осознанному и свободному самоопределению в мире» [4, с. 35]. Отказ от мыслей о смерти, уход от первобытного страха к новшествам технического прогресса, порождают в человеке лицемерие против очевидного, неприятие факта.

Метафизический бунт вполне способен выразиться в творчестве, прорваться через преграды, поставленные социумом. На данный аспект указывает и Д.А. Петров: «Созидание – не только и не просто высшая из известных человеку форм изменения реальности, но и построение ее на идеальной желаемой основе» [3, с. 91]. Созидание оправдывает человека, его заброшенность в этот тленный мир, попытку отказа от полной бессмысленности жизни. Однако полагать что созидание удел только избранных и что далеко не каждый может заниматься творчеством в самом высоком смысле этого слова тоже ошибочно. Как быть человеку, который не обладает незаурядными способностями в какой-либо деятельности, какую альтернативу может предложить ему жизнь в качестве средства против страха смерти? Действительно, если рассматривать творчество как нечто привилегированное и доступное немногим, существование покажется унылым и бесперспективным. Если же относиться к творчеству не как к высшему процессу, а как к основополагающей функции повсеместно вносящей изменения и корректирующей существование, то угол видения проблемы полностью меняется.

Созидание позволяет не только удовлетворять потребность самовыражения, но и открывать в себе новые возможности, глубже познавать самого себя. Так постепенно возникает понимание того, что созидание неотделимо от жизни, это два целостных, спаянных между собой феномена. И было бы, по-видимому, большим заблуждением считать, что они категорически противостоят смерти, что последняя есть гибель для всего рожденного и созданного. И.А. Силенин напротив утверждает, что: «Тревога же и страх одиночества, сопряженные с осознанием смерти как наиболее своей возможности, есть лишь чувственные проявления, смена модальности которых ведет к обнажению творческих и волевых личностных начал» [5, с. 93]. Смерти невозможно не бояться, но не стоит ее отрицать, потому как плодотворная жизнь дает нам познание вечности уже здесь и сейчас.

Субстанционная сущность автора раскрывается благодаря перманентному выбору. Он формирует личность и составляет основу творчества. Творчество есть возможность выбирать, преодолевать страх смерти. О.А. Матюхина также отмечает: «Свобода как неотъемлемое качество человека из самодовлеющей ценности превращается в условие его духовного развития, движущую силу самореализации, свободу выбора достойного человека бытия» [1, с. 64].

Таким образом, человек, а именно автор, преобразующий реальность, это мост между Ничто и будущим, в его сознании заложена перспектива дальнейшего продолжения себя в продуктах творчества. Отойти от понимания смерти как чего-то непринятого в обществе, постыдного и позорного, значит сделать первый шаг к истине, созиданию. В творческом порыве человек обожествляется, очищается, осознанно приближается к вечной жизни. Созидание является единственным способом разгадать трансцендентное, постичь тайну сотворения и ощутить свою связь с Богом.

Список литературы

1. Матюхина О.А. Проблема свободы личности в современном обществе / О.А. Матюхина // Вісник НАУ. Серія: Філософія. Культурологія. – 2017. – № 1 (25) – С. 61-64.
2. Митин М. Б. Личность в XX столетии: Анализ буржуазных теорий / М. Б. Митин, Л. П. Буева, Ю. Н. Давыдов, П. С. Гуревич. – М., Мысль, 1979. – 260 с. – (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).
3. Петров Д.А. Созидание как родовая сущность человека / Д.А. Петров // Аналітика культурології – 2007. – №9 – С. 90-93.
4. Роговая Н.Т. Проблема смерти в экзистенциализме / Н.Т. Роговая // Гуманітарний часопис. – 2009. – № 4. – С. 32-36.
5. Силенин И.А. Бытие к смерти как основная категория присутствия в философии экзистенциализма / И.А. Силенин // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по матер. VIII междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2017. – № 8 – С. 90-93.

УДК 1(06)/304.2

ФЕНОМЕН СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Щербинин А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
scherbinina@mail.ru

Введение. Феномен справедливости является одним из наиболее существенных факторов, которые определяют процессы мирового сотрудничества. На современном этапе развития социума, когда мир ощущает нарастание агрессии и использование насильственных методов решения социальных проблем, возникновение интереса к теории справедливости, которая могла бы обосновать морально-правовую систему жизненных ценностей и приоритетов является вполне закономерным.

Тем не менее, ситуация сегодняшнего дня, когда пропаганда демократических ценностей (основой которых должна быть

справедливость) наталкивается на недемократические способы их насаждения, актуализирует теоретический анализ справедливости как базовой социальной ценности, как цели развития общества, как идеала. Результаты анализа научных источников, свидетельствуют о том, что феномен справедливости, начиная с древности, оставался в фокусе различных научных интересов. Вместе с тем справедливость понималась и понимается с позиций различных философских направлений, теорий и методологических установок. Можно говорить о ее объективном и субъективном характере, религиозном, моральном, правовом, экономическом и других аспектах. Все это предполагает различные определения феномена справедливости, однако в каждом можно выделить и одинаковое содержание этой фундаментальной категории.

Целью является выявление общего объективного содержания и особенностей в подходах к анализу справедливости в древнегреческих учениях.

Основная часть. Справедливость относится к категориям, которые с одной стороны, широко используются в различных контекстах, с другой стороны, все еще недостаточно исследованы. Справедливость чаще рассматривается как этическая категория философии права, наряду с категориями равенства и свободы. Концептуализация идеи справедливости в философии была начата античными мыслителями. В древнегреческом обществе придерживаться справедливости, то есть не переступить установленных границ, было одним из основных греческих убеждений. Согласно учениям пифагорейцев справедливость – это плата равного за равное, следование божеству и гражданским правилам. Ценность справедливости виделась в том, что она обеспечивала гармонию полисной жизни. Гераклит рассматривал справедливость как идеальный мировой порядок «божественный логос», которому подчинены и люди, и Боги. При этом он отмечал, что «для Бога все является справедливым, прекрасным и добрым, тогда как люди одно считают справедливым, а другое - несправедливым» [1]. Истинной считалась божественная справедливость, в силу ее абсолютности и объективности, человеческие же представления о справедливости считались несовершенными, поскольку они формируются под воздействием обстоятельств и мыслей.

У Демокрита Вселенная подчинена принципу причинности. Одним из оснований всего, что происходит, является необходимость, которая в свою очередь, определяется как судьба и справедливость. Демокрит считал, что справедливость имеет объективный характер, она является неотъемлемой частью природы и выражает ее сущность. Таким образом, в ранней греческой философии господствовала мысль, что справедливость имеет онтологическую природу и составляет основу человеческой жизни.

Классическое учение о справедливости связано, как известно с именами Платона и Аристотеля.

Но справедливость может быть исследована в более широком философском контексте. Так, Платон в диалоге «Государство», рассматривает справедливость в более широком философском контексте. Развивая эту тему, он рассматривает основные проблемы философии – бытие, познание, человек, общество – в их взаимодействии, в системе. В учении Платона справедливость может быть определена как принцип жизни, как характеристика и содержание поступка, как оценка деятельности государства и особенностей общества.

Понимание справедливости как социальной ценности поднимается в работах Аристотеля. В «Этике» дается определение понятия справедливость: «понятие справедливость означает в одно и тоже время как законное, так и равномерное» [2]. Аристотель говорит об общей справедливости как совершенной добродетели и частной справедливости, выступающей в двух формах – распределительной и компенсаторной.

Заключение. Таким образом, социальное значение феномена справедливости обуславливает остроту и напряженность теоретических дискуссий в настоящее время, заставляет обратиться к идеям прошлого. История развития древнегреческой философии предлагает множество концепций и подходов к рассмотрению справедливости. Однако, как и в греческой философии, так и в современных концепциях остаются недостаточно разработанными проблемы целостного понимания справедливости, выявления общего смысла понятия справедливости, инвариантного по отношению к его различным аспектам.

Список литературы

1. Дробышевский С.А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учеб. пособие / С.А. Дробышевский. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2007 – С. 156.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – С. 245-246.

Философия на линии фронта

УДК 316.4.063.22

АГРЕССИЯ, НАСИЛИЕ, СОЦИАЛЬНАЯ ДЕСТРУКЦИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ФАКТОРНОЕ ПОЛЕ

Альмухаметов Р.Ш.

ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук», г. Новосибирск, РФ
r-almuhametov-89@mail.ru

Введение. В рамках современного научного сообщества, специалистов силовых (военных, дипломатических) структур не прекращается дискуссия относительно концептуальных критериев, позволяющих оценить действия субъектов (индивидуальных акторов, групп, сообществ) однозначно как агрессивные.

В социально-философском дискурсе враждебная, насильственная активность субъекта, часто, маркируется как социальная деструкция (от лат. *destruction* – нарушение), то есть действие, обязательно оцениваемое субъектом-жертвой относительно своей нормативной базы как разрушающее или блокирующее его желаемое функционирование [Курбатова, Горбатов, 2012: с. 81-83].

Однако социальные нормы вариативны во времени и отличаются полисемантичностью в социальных локациях разной природы (рабочие коллективы, этногруппы, союзы государств и т.д.). Поэтому уточнение содержания понятия «агрессия» (форм актов) и его структуры как процесса социального взаимодействия следует начать с проведения тщательного теоретико-методологического анализа естественнонаучных и гуманитарных исследований по заданной тематике.

Цель данного этапа **исследования** – описать факторное поле агрессивных действий субъектов (индивидуальных и коллективных), выделить центральные теоретические понятия для дальнейшего операционального определения эмпирических показателей (индикаторов).

Основная часть. Анализа научно-методологической литературы позволил установить семантический ряд факторов человеческих деструкций (табл. 1).

Таблица 1

Междисциплинарная концептуальная карта детерминант феномена агрессии

<i>Автор (ы)</i>	<i>Фундаментальный фактор в концепции</i>
<i>1</i>	<i>2</i>
Т. Гоббс	Природная воинственность человека
З. Фрейд	Инстинкт разрушения и общественные нормы
Ж.Ж. Руссо	Институциональные запреты делают людей враждебными

1	2
К. Лоренц	Слабость механизма торможения природных инстинктов
Я. Моррис	Потребность в безопасности и росте благосостояния
Н. Луман	Социальная дифференциация и разделение труда
А.Е. Снесарев	Потребность экономики в рабочих руках
А.А. Свечин	Частные интересы, неравенство в уровне экономического развития
У. Мак-Нил	Потребность экономики в рынках сбыта
Э. Тоффлер	Способы создания материальных благ (богатств)
М. Калдор	Ценностно-нормативная рассогласованность субъектов
П. Сорокин	Конфликтогенные шаблоны поведения
А. Шютц	«Культурные образцы» как основание деления на «своих и чужих»
Э. Гарфинкель	Нарушение «фоновых ожиданий» оценивается как провокация
А.А. Акимушкин	Необходимость иерархии для выживания популяции
Э. Фромм	Социальные условия и экзистенциальные потребности человека: жажда власти, потребность в подчинении, утрата тяги к жизни
П. Слоттердейк	«Катострофилия», склонность сообществ приветствовать войны, видеть в них выход из всех накопившихся проблем
Э. Ферри	Антропологические (биологические и социальные) патологии
Ч. Ломброзо	Атавистические (биологические) аномалии
Г. Тард	Социальная ненормальность
А. Бандура	Викарный (наблюдаемый) опыт склоняет к агрессии как эффективному средству достижения цели
Р. Хайнд	Неблагоприятные обстоятельства, пережитые в раннем возрасте
Ф. Зимбардо	Ощущение деперсонализации
С. Миллграм	Власть авторитета дает возможность переложить ответственность за действия на начальника
З. Бауман	Законная санкция на уничтожение оппонентов
Н. Кристи	Движение социума к «обществу незнакомцев»
Л. Фестигер	Противоречие между личностными установками (диссонанс)
С. Фешбах	Физиологическое раздражение (голод), социальные потребности (признание), экзистенциальные мотивы (самовыражение)
Д. Зиллман	Необходимость нападения или обороны (сохранить свой статус, что-то приобрести), ответ на провокацию, месть, приказ
Ч. Дарвин	Сходства строения, потребностей, среды обитания – обостряют конкуренцию за одни и те же ресурсы
Р. Шовен	Конкуренция за пользование сокращающимися ресурсами
П. Бурдые	Борьба за установление оснований иерархии, критериев власти
И. Гоффман	Нарушение правил «взаимовыгодного обмена»
Г. Блумер	Несоблюдение правил «коллективного поведения»
Н. Смелзер	Актуализация социального контроля над девиациями
Дж. Доллард	Фрустрация – непреодолимое препятствие на пути к цели
Л. Берковиц	Аверсивные стимулы – события, факты, предметы, интерпретируемые как негативные, раздражающие
Л. Гарр	Фрустрация в комплексе с депривацией (оценка своих успехов относительно достижений других)
М. Фатали	Глобализация и технический прогресс обостряют депривацию масс
Т. Веблен	Стремление к праздному образу жизни (инстинкт хищника)
Ф. Беррарди	Кризис идентичности в погоне за успехом (утрата социальных связей)

1	2
А. Камю	Тяготы подчиненного, угнетенного положения
М. Фуко	Длительная тотальная публичность
Р. Брубейкер, Б. Андерсон	Солидаризация с «воображаемым сообществом своих»
Дж. Хоманс	Пространственная дифференциация как фактор эгоцентризма
А. Одергон	Альтруистические чувства
С. Атран	Рационализация деструктивных действий как справедливых
Р. Жирар	Необходимость ритуала «сакральной жертвы» для усиления солидарности членов сообщества
Г. Мюнклер	Дегуманизация оппонента, постановка его «вне закона»
М.В. Кревельд	Легитимация субъектов (банд, ЧВК) со слабой нормативностью

Представленная совокупность факторов выстроена, не по научно-отраслевому или парадигмальному сходству, а на основе корреляции факторов агрессии, рассматриваемых каждым из исследователей.

Вывод. Таким образом, генезис агрессивных практик включает, во-первых, общественную среду, как совокупность материальных, социально-политических и духовных условий жизнедеятельности; во-вторых, внутриличностную социальную природу актора, находящегося в разных социальных пространствах, испытывающего давление общественных институтов, групповых норм, воздействие других агентов; в-третьих биолого-физиологическую сущность, нацеленную на выживание среди других и воспроизводство себе подобных.

Заключение. На данный момент в рамках исследования автора данной работы открытым остается вопрос встраивания установленных факторов агрессии в более «утонченные» социологические стратегии теоретизирования: эмпиризм, субъективизм, субстанциализм, рационализм. Концептуальная матрица данных стратегий представленная, во-первых, дилеммой относительно способа познания (номинальный – реальный), во-вторых, природы (материальная – идеальная) социальной реальности, позволит рассмотреть структуру агрессии: как совокупность социальных действий (взаимоотношений) агента (групп, институтов, сообществ), обусловленных процессом субъективного конструирования (интерпретации) практик других акторов, фактов, ситуаций в рамках социальной системы институтов и структуры статусов (ролей), детерминированных глубинными социокультурными (моральными) кодами [Корель, 2005: 71-75]. Это позволит выделить критерии и особенности в идентификации действий множества уникальных субъектов как агрессивных, насильственных или деструктивных.

Список литературы

1. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
2. Курбатова Т.Н., Горбатов С.В. Агрессия и деструктивное поведение // Психология и право. – 2012. – № 3. – С. 77-87.

РОССИЙСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Андриенко Е.В., д-р филос. наук, профессор, акад. МСА
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
elena_andrienko8@mail.ru

Понятие «Ближний Восток» (англ. *Near East*) представляет собой европейское историческое название региона, расположенного в Западной Азии и Северной Африке, преимущественным населением которого являются арабы, армяне, ассирийцы, грузины, греки, персы, евреи, египтяне, курды и турки. В научной литературе также встречается термин «Средний Восток» (англ. *Middle East*), который возник в 1850-е гг. в британской Индийской администрации. В русскоязычной науке оба термина являются полными синонимами. Значение ближневосточного региона для национальных интересов РФ резко возросло в последние годы в связи с военными событиями в Сирии. Военное вмешательство России в сирийский конфликт ознаменовало собой новую роль, которую она приобрела благодаря «жесткой силе». Между тем, ее мягкая сила несколько отстает. Деятельность российского телевидения на Ближнем Востоке выступает на сегодня одним из наиболее эффективных способов решения данной проблемы.

Информационная война – это процесс противоборства человеческих общностей, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей стратегического уровня, путем воздействия на гражданское население, власти и (или) вооруженные силы противостоящей стороны, посредством распространения специально отобранной и подготовленной информации, информационных материалов, и, противодействия таким воздействиям на собственную сторону. Термин «информационно-психологическая война» был заимствован из словаря военных кругов США.

Важнейшим элементом информационной войны выступает телевидение. Можно выделить два ключевых фактора успеха международных СМИ в информационной войне: четкая ассоциативная связь с определенной политической и культурной общностью и интерес интернациональной аудитории к этой общности. Информация создается и распространяется большим количеством заинтересованных лиц и компаний, находящихся под разной национальной юрисдикцией. «Перехват» или запрет информации – дело трудоемкое, политически рискованное, а во многих случаях и вообще невозможное. Но было бы заблуждением полагать, что такие государства, как Россия, Китай, Индия,

Иран, лишены возможности влиять на интенсивность обмена информацией на рынке, где доминируют западные СМИ. Напротив, именно осознание ими вопреки всем угрозам необходимости «играть по правилам», чтобы изменить их, придает развитию этого рынка новую динамику.

В Израиле по заказу Россотрудничества на телеканале «RTVi» запущены циклы передач для зарубежной аудитории, рассказывающие о русском языке, российской культуре, жизни соотечественников в разных странах. Представительство Агентства оснащено информационно-образовательными центрами «Русский музей: виртуальный филиал» и удаленный читальный зал Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, а в 2014 г. они появились и в представительстве в Анкаре (Турция).

В 2015 г. в Кабуле (Афганистан) возобновил свою работу РНЦК. В 2017 г. в Иране начал работу первый русскоязычный канал “Iran Today” . На презентации канала Бахрам Ханлар обратил внимание на то, что главная цель канала – развитие сотрудничества между Россией и Ираном, укрепление взаимопонимания и доверия между населением двух стран. Работу канала осуществляется ежедневно в 24-х часовом режиме. Программа канала включает трансляции передач в области политики, экономики и культуры. В настоящее время эфирная сетка состоит из четырех шестичасовых блоков, но планируется переход на восьмичасовые блоки. Сотрудники студии своими силами организовали субтитрование иранских фильмов, планируют продолжить эту работу и проводить дублирование кинофильмов. Представитель Россотрудничества Александр Мазирка рассказал о планах Агентства в Иране и высказал предложение по организации сотрудничества с телеканалом «Russia Today». Это предложение получило положительный отклик у иранских коллег, они выразили готовность выделить часть эфирного времени для передач на русском языке.

Для успешной пропаганды и популяризации достижений российской науки и культуры в загранпредставительства направлены мультимедийные сборники на 6 языках, субтитрованные документальные фильмы, посвященные памятным датам истории нашей страны в 2014 г. на 5 языках и 60 копийных выставок.

В целом, специфика ближневосточного региона как сферы российских национальных интересов обусловлена на сегодня наличием противоречивого отношения общественности к России: наряду с традиционно позитивным образом страны возник и ее отрицательный имидж (на фоне событий в Сирии). При решении задачи формирования положительного образа РФ в глазах элит и широких слоев населения ближневосточных стран возросла роль использования потенциала «мягкой силы», куда входит и телевидение.

ВЗГЛЯД НА ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ДОНБАССЕ ЧЕРЕЗ ПРОИЗВЕДЕНИЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»

Артюхов М. Н.

ГПОУ СПО «Донецкий техникум промышленной автоматики», г. Донецк, ДНР
art-73@inbox.ru

Введение. Творчество А.И. Солженицына притягивает своей актуальностью, доступностью изложения мысли и даже некой прозорливостью. Для его стиля характерно символичность композиции, где не всегда выражена авторская позиция, так как материал подается через столкновение разных точек зрения. Среди множества его трудов необходимо отметить «Архипелаг ГУЛАГ». Как пишет сам Солженицын: «Опыт художественного исследования». Книга основана на письмах, воспоминаниях заключенных и личном опыте А. Солженицына о репрессиях на территории СССР в период 1918–1956 годах. Автор уделяет много внимания быту, мышлению и тяжелому труду самых широких социальных и национальных слоев населения, находившихся в советских лагерях и исправительных колоний. Книга полезна для изучения преступлений массового характера на идеологической почве. Как отмечает Александр Исаевич: «Идеология! – это она дает искомое оправдание злодейству и нужную долгую твердость злодею...» [1, с. 172].

Цель. Рассмотреть военные действия в Донбассе через призму художественного мира А. Солженицына.

Основная часть. А. Солженицын не только о судьбе России рассуждает в своем произведении, но и затрагивает украинский вопрос, так как в лагерях он встречает много украинцев, которые были туда сосланы за антисоветскую деятельность. В лагерях они сильно отличались от других заключенных своим стремлением к независимости. Например, А. Солженицын пишет, что с прибытием этапа западных украинцев в их лагере появилась «бацилла мятежа» [2, с. 237]. Украинские националисты стали ликвидировать ортодоксальных коммунистов, которые тоже сидели в лагерях, доносчиков и всех других, кто мешал им, как пишет Александр Исаевич, «свободно дышать». Как тут теперь не вспомнить жестокие методы борьбы ОУН на территории Западной Украины в военное и послевоенное время [3, с. 67]. Однако А. Солженицын ставит закономерный вопрос: «Может быть справедливо, наконец, допустить, что те, кого мы уничтожаем, имеют право нас ненавидеть?» [2, с. 21]. Действительно, стремление к свободе является одним из важных составляющих человеческого бытия. Поэтому ущемление свободы болезненно воспринимается индивидуумом, особенно если это касается

вопроса его национального самосознания. Однако гипертрофированное национальное сознание может привести к национальному эгоизму, что чревато уже появлением особой формы радикализма. Если национальность «есть факт, который никем не игнорируется, то национализм тоже факт – на манер чумы или сифилиса. Смертоносность сего факта особенно стала чувствительна в настоящее время...» [4, с. 45], – отмечает В. Соловьев.

Но если посмотреть «внутри себя», то мы обнаружим, как разные этнические корни переплетаются в каждом из нас [7, с. 26]. Например, русские и украинские корни соединяются у многих жителей Восточной Украины. Как пишет А. Солженицын: «...украинское и русское соединяются у меня и в крови, и в сердце, и в мыслях. Но большой опыт дружественного общения с украинцами в лагерях открыл мне, как у них наболело» [2, с. 47]. Да, действительно, наболело у западных украинцев стремление к независимости. Но здесь важно понять, что в разных областях Украины существует своя историческая память прошлого и соответственно видение будущего. Как пишет тот же А. Солженицын: «Может быть, по каждой области понадобится свой плебисцит и потом льготное и бережное отношение ко всем, желающим переехать. Не вся Украина в ее сегодняшних формальных советских границах есть действительно Украина. Какие-то левобережные области, безусловно, тяготеют к России. А уж Крым приписал к Украине Хрущев и вовсе с дубу. А Карпатская (Червонная) Русь? Проверим и на ней: требуя справедливости к себе, как справедливы будут украинцы к карпатским русским?» [2, с. 48]. А. Солженицын ошибся: проверкой для Украины стала не Карпатская Русь, а Донбасс.

Когда страна забывает свою историю или искажает ее, то будущее у такой страны будет сложным и противоречивым. Например, в чем суть национальной идеи Украины? На эту тему имеется достаточно публикаций, но они, к сожалению, так и не стали предметом серьезного обсуждения с привлечением представителей всех регионов Украины.

Нация не может существовать без прошлого, так как именно прошлое и создает нацию. Как утверждал французский мыслитель Э. Ренан, нация основывается на духовном принципе, который состоит из двух частей – «одна в прошлом, другая – в будущем». Под прошлым понимается его наследие, воспоминание, общие герои. Сюда можно также отнести культ предков, который создает нацию. По этой причине в процессе формирования нации людям приходится искать в историческом прошлом то, что может объединять их в одну общность.

Заключение. Завершая наш обзор, хочется опять процитировать А. Солженицына: «... истина всегда как бы застенчива, она замолкает от слишком наглого напора лжи» [2, с. 474]. Каждый раз, когда жители Донбасса видят, как СМИ освещают военный конфликт на их территории, то приходит понимание, что под сильным натиском пропаганды, правда

еще не услышана. По этому поводу обратимся к словам А. Солженицына, которые были сказаны немного в другом контексте, но оказались актуальны в наше время: «Мы просто перестаем быть единым народом, ибо говорим действительно на разных языках» [2, с. 474]. В самом деле, общаясь с коллегами, друзьями и даже родственниками, оказавшимися по разные стороны конфликта (особенно в 2014 году), чувствуется абсолютное непонимание, даже неприятие аргументов и доводов другой стороны. Каждому из нас трудно признать свои ошибки, а тем более поверить в благие намерения других. Линия разлома, о которой писал С. Хантингтон, проходит даже не между культурами и религией, а в внутри каждого человека. Эта та линия разделения, которую условно можно назвать линией добра и зла, пересекающее сердце человека, «... и кто уничтожит кусок своего сердца?» [1, с. 167] – спрашивает Александр Исаевич. В борьбе со злом приходится «резать» по живому сердцу. Именно поэтому в христианстве есть такое понятие, как «обрезание сердца», когда верующему нужно прикладывать усилия чтобы избавиться от греховной природы. Как тут опять не обратиться к словам А. Солженицына: «Простая истина, но ее надо выстрадать: благословенны не победы в войнах, а поражения в них! Победы нужны правительствам, поражения нужны – народу. После побед хочется еще побед, после поражения хочется свободы – и обычно ее добиваются. Поражения нужны народам, как страдания и беды нужны отдельным людям: они заставляют углубить внутреннюю жизнь, возвыситься духовно» [1, с. 267]. Поэтому возрождение нации, вхождение ее в цивилизованные отношения с другими народами требует особого внимания к духовной жизни. До тех пор, пока не произойдет обновление души, построение демократичного правового общества будет неизбежно сталкиваться с разными трудностями. Конфликт в Донбассе еще раз показывает, что проблему нужно искать внутри человека, именно там, где постоянно идет борьба между изначальной природой и грехом (эгоизмом). И только когда мы преодолеем этот период внутреннего очищения, тогда сможем с надеждой смотреть в будущее, как страны, так и всего человечества.

Список литературы

1. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. – М.: Новый мир, 1989. – Т. 1. – 580 с.
2. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. – М.: Новый мир, 1989. – Т. 3. – 574 с.
3. Сергійчук В. І. ОУН-УПА в роки війни. К.: Дніпро, 1996. – 494 с.
4. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М., 1988. – Т. 1. – С. 45-46.
5. Бердяев Н. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии / Собрание сочинений: в 8-ми т. Париж, 1990. – Т.4. С. 252-296.
6. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12-ти т./ пер. с французского под редакцией В. Н. Михайловского. – Киев, 1902. – Т. 6. С. 87-102.

КАКОЙ БУДЕТ ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БУДЕТ ЛИ?

Гайкин В.А., канд. ист. наук.

ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВОРАН», г. Владивосток, РФ

Unara49@mail.ru

Введение. Если к истории человечества применить известный гегелевский закон «отрицание отрицания», то можно выделить три больших этапа (гегелевская триада). Первый начинается с формирования человечества как биологического вида, с появления протолюдей, и заканчивается разделением труда и возникновением первых государств. Второй – «эксплуатация человека человеком» и развитие на этой основе производительных сил. Третий этап начнется тогда, когда мир вступит в постиндустриальную эпоху роботизации, полной автоматизации производства. Второй этап является отрицанием первого (первобытного коммунизма), третий (постиндустриальное общество) отрицает второй этап (эксплуатации, классовой борьбы), возвращая человечество к первому на качественно новой основе.

Цель: дать анализ образа Третьей Мировой войны.

Основная часть. Как известно, конфронтация, борьба есть закон движения (развития), как биологической, так и социальной формы материи. Таким образом, каждому из вышеуказанных этапов должен соответствовать доминантный тип конфликта. Первый этап бесклассовый (классовой борьбы не было по определению). Доминантным конфликтом была межрасовая конфронтация в Евразии, которая при отсутствии оружия массового уничтожения была не войной на уничтожение, а скорее, выдавливанием чуждого этноса, борьбой за установление ареалов расового обитания. Они приводили к вытеснению одних рас другими, переделу евразийского материка, заселению Америки, Австралии.

Второй этап (который продолжается и в настоящее время) в развитии человечества начался с появления первых классовых государств в долинах великих рек. Говоря о доминантном для этого этапа типе конфликта (и исходя из гегелевского закона), констатируем замещение расового (внеэкономического) антагонизма экономическим – классовой борьбой, межгосударственными конфликтами, преследующими экономические цели – захват рабов, материальных ценностей, обложение данью. Захват колоний, рынков сбыта. В процессе дальнейшего развития капитализма цивилизационные различия будут уменьшаться. Рыночная экономика с неизбежностью ведет к росту свободы индивида от государства (в том числе и на Дальнем Востоке). Роботизация промышленности в силу единых закономерностей развития техники приведет к однородности

экономических структур и процессов как на Западе, так и на Дальнем Востоке, цивилизационные различия в социально-экономическом и политическом планах в значительной степени будут сняты.

Гегель считал, что история человечества это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня К.Марксу, «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». [2, с. 386–387] Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю), как лейтмотив развития человечества, реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по К.Марксу).

Человек выходит из «сферы собственно материального производства» (роботизация), освобождаясь от экономической зависимости (как когда-то в неолите племена разрывали путы, связывавшие их с природой, перейдя от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству). Это будет означать, что человечество вступило в третий этап своего развития, так называемое постиндустриальное общество. Теперь, если исходить из гегелевского закона, на первый план вновь должна выступить расовая конфронтация (доминантный конфликт первобытного общества), ибо третий член гегелевской триады повторяет первый, только на другом качественном уровне (причиной конфронтации может стать рост народонаселения, борьба за ресурсы, питьевую воду и др.). В борьбе за место под солнцем именно расовый фактор разделит человечество на два лагеря для нового передела материков.

Межрасовая война в конце XXI века гораздо реальнее. Поскольку основными оппонентами в расовой войне будут монголоиды и европеоиды, то соответственно, главным театром военных действий будет Евразия. В этой возможной расовой конфронтации европеоиды и негроиды будут вместе по одну сторону баррикад, по другую сторону которых окажется монголоидная (желтая) раса. Известно, что белая и черная расы это образно выражаясь ветви одного ствола, в то время как монголоиды – другое древо. Эти два древа: древний австралоид и древний синантроп имели определенные морфологические различия.

Расовая война обещает стать самым страшным конфликтом, по сравнению с которой Вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Главной и единственной целью этого глобального противостояния будет не захват рабов и материальных ценностей, не создание империй или смена общественного строя, а полное уничтожение всего населения расы-антагониста. Дать точный футуропрогноз с указанием даты реализации того или иного события нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал

тезис о том, что научно-технический прогресс идёт по экспоненте (с возрастающей скоростью).

Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: От каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от бронзового топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился чтобы изобрести компьютер - несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие).

Поскольку первый компьютер появился в середине 20-го века, то данное событие можно было бы ожидать в середине XXI века. Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической революции. В окончательном варианте, выход человечества из сферы производства, а значит вступление человечества в новый (постиндустриальный) этап развития, и как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце XXI столетия (2080–2100 гг.)

Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце XXI века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003 г. английским исследователем была найдена ранее неизвестная 2-х томная рукопись И. Ньютона [1]. Ее содержание составляют сложные математические вычисления, которые связаны либо базируются на астрологической информации и библейских сюжетах (Книге пророка Даниила). Согласно гипотезе великого учёного? апокалипсис должен наступить в 2060 году. Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080–2100) и И.Ньютона (2060) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан за 400 лет до события? 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5 %)

Заключение. Миссия России в том, чтобы расколоть монголоидное сообщество, привязав к себе монголоидные государства Центральной Азии, Корею и Японию? и тем самым опередить Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств: Китай, Корея, Япония, Монголия, Центральная Азия. Россия «обречена» на роль третьего (разнорасового) силового центра Евразии (наряду с Европейским союзом и Китаем), снижающего до минимума расовое напряжение между европеоидным и монголоидным полюсами планеты.

Список литературы

1. Лаговский Владимир. Исаак Ньютон назначил конец света на 2060 г. // Комсомольская правда. 19.06.2007.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. 2. – М.: Госполитиздат, 1962.– 476 с.

ДОНБАСС. «Я К ВОЙНЕ ПРИВЫКАТЬ НЕ ХОЧУ ...»

Горбань И.И.

Министерство информации ДНР, г. Донецк, ДНР

irina-60.60@mail.ru

Введение. Название моего доклада как нельзя лучше отражает нашу с вами действительность и содержание изданных за последнее время моих книг. С древнейших времен искусство стремилось к воплощению идеала и идеального в камне, красках, слове. Хотя понимается и трактуется нравственно-эстетический идеал по-разному. Историки, специалисты по этнографии, занимающиеся изучением вековых традиций и обычаев, отмечают полярность взглядов на те, или иные события, ценности, идеалы и вкусы: то, что у одних народов вызывает чувство одобрения, у других может осуждаться. Поэтому все приглашения, касающиеся современных интеграционных процессов Донбасса в русский мир, его культурной и политической ассимиляции, становятся для меня не только возможностью рассказать, донести правду о моей многострадальной родине. Но и главное – утвердить понимание того, что обратной дороги для человека труда и достоинства быть не может никогда. Если он, распрямив плечи, невзирая на потери и горе, твердо движется к цели, утверждая свою право на свободу и созидание, то нам, его служителям пера, остается только как можно честнее искреннее донести ЕГО ПРАВДУ И МЕЧТУ.

В этом году я побывала в Рязани на Всероссийском фестивале «Читающий мир» с презентацией своих книг «В зоне видимости блокпоста» и «В осколках отражается война», изданных в Орле в издательстве «Картуш». Приглашение на мероприятие было своевременным в жизни и моей, и нашей Республики. Встречи с интереснейшими людьми ближнего и дальнего зарубежья, обсуждение книг, обмен опытом, советы и пожелания, просто слова сочувствия, восхищения и озабоченности давали повод для мыслей. Мыслей о том, что нет такого места на земле, где бы смерть за отчизну и жизнь, всецело отданная борьбе за идею, вызывали бы иную реакцию, чем преклонение и поддержка. Не найти такого народа, который не восхищался бы героической нравственностью тех, кто поднимает и несет святое знамя борьбы за социальную справедливость, право жить, работать, говорить на родном языке, не перекраивать историю, сохранить веру и не становиться участником межнациональной розни и конфликтов. Презентацию книг я начала с вопроса, что бы люди, жители России, хотели услышать от человека, живущего в Донбассе. Ответ был прост: «Ну, как вы там? Выстоите?» Тогда прочитала стихотворение «Я к войне привыкать не хочу», чем выразила мнение многих жителей Донбасса о том, что война –

временной явление, впереди – жизнь, полная ярких событий, свершений.
Другая жизнь, в ответе за которую только мы сами.

Я никак не привыкну к войне:
Но отведу предутренним «бахам».
Хоть не рву от досады рубаху, –
Не стою от смертей в стороне.
Я никак не привыкну к войне.
Мне не хочется видеть врага,
Но не терпится гибель увидеть
И услышать: – А он неликвиден,
Не дожив двух часов четверга.
Мне не хочется видеть врага.
Террикон искалечен войной,
Но стоит, рубежи охраняя.
С неба звёзды слезинки роняют.
На дороги земли фронтовой –
Террикон искалечен войной.
Не впервой привыкать. Не впервой.
Так ли страшен в аду адов пепел?
Под ногами – горящие степи,
И нелепо звучит смертный вой.
Не впервой привыкать. Не впервой.
Я к войне привыкать не хочу.
Быть бы живу за гранью кончины.
Рубежи охраняют Мужчины,
И от злости врагу я кричу:
– Я к войне привыкать не хочу!

Беседа была оживленной и яркой, часто перемежающаяся стихами гражданской тематики. Отрадно было видеть заинтересованные взгляды, а затем и отвечать на вопросы молодежи. В очередной раз убедилась, что молодое поколение далеко не безразлично к событиям в нашей Республике. С огромным интересом слушали рассказ о том, что у нас, Донецк по-прежнему город молодых и юных, столица молодежных объединений и форумов, конкурсов и фестивалей, круглых столов и конференций, акций протеста и поддержки тех, кто стоит на страже, пусть зыбкой, но мирной жизни, наконец, ГОРОД РОЗ И БУДУЩЕГО. У юности свои задачи, но пока, как у меня и моих коллег, – «перо приравнено к штыку». Учатся, работают, тусуются, «конфликтуют» с родителями... Вот только взгляд взрослый, и граффити не только о любви, а чаще о главном – о судьбах Родины ...

Я – макеевчанка, не понаслышке знаю о войне, стойкости, мужестве, страхе, предательстве и трусости. Мне, как и многим землякам, довелось пережить и бытовые проблемы, и психологические перегрузки. Но у меня

и в мыслях не было уехать. И как бы это пафосно не звучало, но Родина у нас одна, мы корнями проросли в нее.

В «Концепции патриотического воспитания детей и учащейся молодежи Донецкой Народной Республики» четко определены эти понятия: «Патриотизм – это любовь к Родине, преданность к своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность к его защите, вплоть до самопожертвования. На личностном уровне патриотизм выступает как важнейшая устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения.

Патриотизм проявляется в поступках и в деятельности человека. Патриотизм относится к числу идеалов, утрата которых делает общество нежизнеспособным. Патриотизм всегда конкретен, направлен на реальные объекты. Патриотизм – основа существования и развития государственности. Патриотическое воспитание – деятельность государственных органов, общественных объединений и организаций по формированию у молодежи высокого гражданского сознания, возвышенного чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению общественного долга, важнейших конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [1, с. 1-3].

С 1 по 6 июня 2019 г. в Москве проходил Фестиваль книги «Красная площадь – 2019». Участие в этом грандиозном празднике, выступление с презентацией своих новых книг дало мне возможность не только ощутить гордость за возможность представлять свою родину, творчество, но понять, что все не напрасно, нужно только верить и, вопреки пессимизму и занудству обывателей, идти вперед. Меня, жителя небольшого шахтерского города Донбасса, слушала Москва. О патриотизме, солидарности и поддержке нас всем русским миром не было сказано ни слова, но дух свободы и единства витал в воздухе. И, конечно, звучали стихи.

Военное лихолетье современного Донбасса отражается в моем сердце болью. Книги, изданные в Орле «В зоне видимости блокпоста» и «В осколках отражается война» – это не только боль и горе народа, но и его мужество и желание победить. Мы в ответе за то, как нам жить и какими быть.

А домой привезла Диплом и хрустальную статуэтку, символизирующую «Любовь и мужество». Впереди встречи в школах, техникумах, колледжах, высших учебных заведениях, библиотеках – и это не только Макеевка, где я родилась и живу. Хочу сказать «спасибо» многим своим благодарным слушателям: легко общаться с единомышленниками. В таких случаях не надо говорить о патриотизме, призывать любить и защищать родную землю! Они чувствуют, то, что близко и дорого тебе, о чем кричит душа и разрывается сердце.

Ведь патриотизм – это мы с вами, наша земля, наши предки и память. Именно мы, и никто другой, обязаны словом и делом, своим

примером преподавать уроки патриотизма. Утверждая, созидать! И тогда за себя и будущее своих внуков, новейшую историю Донбасса можно быть спокойным! Такова философия жизни на линии фронта ...

Когда еще летали самолеты,
И небо принимало птичьи стаи,
Когда еще молчали пулеметы,
И танки не встречались у окраин,
Мой город был обласкан суховеем,
Омыт дождями и любим ветрами,
Он и тогда казался мне роднее
И выше ростом, и еще не ранен...

.....

Когда над городом зависли самолеты,
Когда аллеи захлебнулись кровью,
Нацистский план с лихвой был отработан,
Уничтожая постепенно кровли.

Казалось, не вернуть былую удаль,
И жизнь казалась тоньше паутины,
Мы, как артериальные сосуды,
Сцепили руки, встав шеренгой длинной.

Вот так стоять готовы до победы,
Одной стеной, одним стоять заслоном,
И отстоять, как отстояли деды,
Донбасса терриконовые склоны.

.....

Когда еще летали самолеты,
И небо принимало птичьи стаи,
Когда еще молчали пулеметы
И танки не встречались у окраин...

.....

Он и тогда казался мне роднее
И выше ростом, и еще не ранен...

Список литературы

1. Концепция патриотического воспитания детей и учащейся молодежи Донецкой Народной республики. Приказ МОН ДНР от 17. 07. 2015 г., 21 с.
2. «В осколках отражается война», Ирина Горбань.

ВОИНСКАЯ ЭТИКА А.А. КЕРСНОВСКОГО

Григоров И.В., майор,
Лищенко И.Ю.

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
info@donvoku.com

Введение. Война – феномен не только политический, но и этический. Война вторгается в жизнь людей как смерть и страдание, но также как подвиг и жертва. Поэтому война настойчиво требует для себя и этического осмысления (теория), но и этического подхода, нравственного отношения (практика), т.е. особую военную этику. Таково отношение к войне в русской философии. Русский философ Иван Ильин писал в работе «Духовный смысл войны»: «Война вторглась неожиданно в нашу жизнь и заставила нас гореть не о себе и работать не для себя. Она создала возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала нас на щедрость и пробудила в нас даже доброту» [1, с. 7].

Цель: проанализировать и представить воинскую этику А.А. Керсновского как практическую философию.

Основная часть. Таким образом, в традициях русской философской мысли принято воспринимать войну как духовный феномен и подходить к осмыслению этого феномена прежде всего со стороны этики. В этой традиции находится и военный теоретик, журналист, историк русской армии, написавший фундаментальный труд «История русской армии» в шести томах А.А. Керсновский. Керсновский одновременно дополняет русские этико-философские построения о войне конкретно-практическими соображениями о военной и воинской этике.

В своей книге «Философия войны» Керсновский начинает с того, что сближает военную этику с этикой религиозной, как это ни странно может показаться на первый взгляд. Керсновский толкует десять Моисеевых заповедей как первый военный устав: «Избранный народ шел своим походом на землю Ханаанскую. Весь он являл собой как бы армию – и десять заповедей явились первым в истории дисциплинированным уставом. Сильные этими Заповедями, сыны Израиля завоевали Обетованную Землю и утвердились в ней, беспощадно истребив иноплеменников, на которых действие шестой заповеди не распространялось» [2, с. 30].

Керсновский интерпретирует и другие библейские сюжеты, которые традиционно относят к антивоенным. На Тайной Вечере Христос говорит: «...Теперь кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лк. 22, 36). Ученики отвечают

Спасителю, что у них есть два меча. Один из этих двух мечей, комментирует этот эпизод Керсновский, был в ту же ночь обнажен Петром. Христос же велел ему вложить этот меч в ножны, потому что «все взявшие меч мечом и погибнут» (Мф. 26, 52). Керсновский пишет, что «противоречие», усматриваемое некоторыми софистами из противопоставления этих двух текстов, исчезнет, если мы будем иметь в виду, что Петр ведь обнажил меч не в защиту Учения, а в защиту Учителя. Христос не пожелал принять этой жертвы. Не Малх напал на Петра, а Петр первым мечом ударил Малха» [2, с. 32].

Таким образом, Керсновский избавляется от необходимости этико-религиозного оправдания войны. Если даже первые религиозные заповеди представляют собой по сути дела воинский устав, то существование военной этики должно восприниматься как нечто само собой разумеющееся и не противоречащее ни религиозным, ни нравственным императивам.

Военная этика жизненно необходима, прежде всего, потому, что «война неизбежна, как неизбежна болезнь – от нее не избавишься никакими бумажными договорами. Следовательно, человечеству надо устроиться так, чтобы сделать войны легче переносимыми, избавиться от гангрены морального разложения, болезненный процесс которой длится долгие года после самой войны» [2, с. 99].

Керсновский подходит к вопросу о военной этике с военной практичностью. Первым делом он разделяет военную этику и воинскую этику. Военная этика – «это совокупность правил и обычаев – как кодифицированных, так и некодифицированных, – которыми противники должны руководствоваться на войне» [2, с. 98]. Воинская этика – это «правила и обычаи, которые члены военной семьи соблюдают при сношении друг с другом – и вся военная среда в сношениях с невоенными» [2, с. 98]. Керсновский констатирует жестокий ущерб, который был нанесен военной этике в конце XVII и в XIX вв. Крымская война была, по мнению Керсновского, «последней из больших войн, веденных джентельменами» [2, с. 99]. Вообще война, по Керсновскому, это занятие благородное, но для того чтобы оно таковым оставалось и не превращалось в бойню, военный человек должен руководствоваться воинской этикой. «Каждый начальник, – пишет Керсновский, – должен всегда помнить, что он не просто «командует», а имеет честь командовать» [2, с. 100]. Снижение воинской этики в конце XIX – начале XX вв. связано с оскудением народного духа, пишет Керсновский.

Заключение. Стало быть, воинская этика это в известном смысле следствие общего этического характера народа. Для русского же народа характерна именно нравственная философия, поэтому неудивительно, что и война воспринимается как феномен нравственный, и русские мыслители так много внимания уделяют этике войны. Воинская этика Керсновского в

этом смысле представляет интерес с точки зрения ее лаконичности и простоты изложения, подкрепленности историческими фактами. Это *не пространные этико-философские соображения о войне* как нравственном феномене, это прежде всего *нормативная воинская этика*, которая годится для того чтобы быть перенесенной в военный устав как базовая концепция.

Список литературы

1. Ильин И.А. Духовный смысл войны – М., 1915.
2. Керсновский А.А. Философия войны. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. – 208 с.

УДК 355.014

ИСТОРИОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ Е.Э. МЕССЕНЕРА

Даренский В.Ю., д-р филос. наук, доцент

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко», г. Луганск, ЛНР
darenskiy1972@rambler.ru

Введение. Евгений Эдуардович Месснер (1891-1974) – полковник Русской императорской армии, офицер Генштаба, начальник штаба Корниловской дивизии в Русской армии барона Врангеля, профессор военных наук, военный теоретик русского Зарубежья, автор концепции «Мятежевойны», представленной в книге «Мятеж – имя третьей всемирной» (Буэнос-Айрес, 1960). Е.Э. Месснер считал, что всемирная «мятежевойна» – это столкновение «Всемирной Революции» и «революционной реакции». В следующей книге «Вселенский тайфун» (1971) он описал всё разнообразие «мятежей», главными из которых указал мятежи «религиозные» и «племенные», отодвинув «идеологические» на задний план.

Цель. Рассмотреть историософические аспекты теории современной войны Е.Э. Месснера.

Основная часть. «Революционные войны» XX века являются началом мировой войны против христианской цивилизации: «В мире происходит война, грозящая более тяжелыми бедствиями, нежели вторжения в Римскую империю племен Востока: те варвары разрушали Рим и его культуру, но и перенимали от него, а нынешние разрушают без остатка с такой основательностью, с какой был культурным Римом разрушен Карфаген... Одержимостями загрязнена атмосфера духа на земле, как атмосфера природы загрязнена смогом. В смоге духа человеческого, как и на физическом плане его существования, идет война, грандиознее какой и свирепее какой не бывало за все тысячелетия

существования человека на земле... Такую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста и беспринципного буйства нельзя было не назвать мятежом» [3, с. 132].

Стратегия этой войны следующая: «Оператика мятежевойны шагает по таким фазам: деморализация, беспорядки, террор, постепенная вербовка в революционность, перестройка душ... Стратегия мятежевойны имеет конечной целью разрушение структуры, а “разрушенное государство не может быть восстановлено, мертвый не может быть пробужден к жизни” (Сунь-цзы)... Надо отказаться от веками установившихся понятий о войне. Надо перестать думать, что война – это когда воюют, а мир – когда не воюют. Можно быть в войне, не воюя явно... Много происходит в мире непонятного, если смотреть через призму устаревших понятий о войне; но взгляд через новую призму – мятежевойны – прояснит многое... надо перестать называть беспорядками то, что является оперативными и тактическими эпизодами мятежевойны» [3, с. 133]. В статье «Террор» он писал: «Есть признаки, что агрессия разрушителей Структуры усилится в скором времени. Структура (государственная, общественная, финансовая и, главное, моральная) погибнет под новым натиском, если не станет по-военному обороняться»; однако до сих пор «людям трудно понять, что это – война, потому что она противоположна представлению о войне, сложившемуся в веках и тысячелетиях» [2, с. 33]. Это объясняется тем, что «стратеги мятежевойны избегают всего, что могло бы встревожить в народе (народах) инстинкт самосохранения, и для этого идут по лестнице постепенности, а нарастание военных событий изображают как нагромождение происшествий, мало кого тревожащих» [2, с. 33].

Таким образом, мятежевойна – это не война между государствами, а война варварства против цивилизации, при котором варвары изображают себя «освободителями», а традиционная цивилизация изображается в качестве «угнетателя». Это возможно только в том случае, если человека удастся варваризировать до такой степени, что смысл цивилизации и ее духовные основания становятся ему непонятными. Поэтому «стратегия мятежевойны имеет свою перманентной и тоталитарной задачей “взять в полон” вражеский народ. Не физически, но психологически: сбить его с его идейных позиций, внести в его душу смущение и смятение... Агитацию надо считать одним из главных средств ведения мятежевойны... Агитация во время войны должна быть двуличной: одна полуправда для своих, другая – для противника. Но и двуличия мало – требуется, так сказать, многоличие: для каждого уровня сознания, для каждой категории нравов, склонностей, интересов – особая логика, искренность или лукавство, умственность или сентиментальность» [3, с. 142]. Такова «революционная» пропаганда – таков же будет и ответ на нее.

В ходе мятежевойны завоевание государства происходит не внешним врагом, а через пропаганду: «В прежних войнах важным

почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. Воевать будут... в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением» [3, с. 143]. Теперь война идет не между народами, а внутри самого народа в соответствии с пророчеством: «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их» (Мф. 10:21). «Мятежевойна есть всенародное движение, движение, в котором борется весь народ, борется физически и главным образом психически: психологическая война требует применения искусства психологического воевания»; «тотально, от мала до велика, независимо от пола, народ участвует в тотальной войне»; поэтому «теперь нет различия между легальными и незаконными способами войны – все способы узаконены если не конвенцией, то явочным порядком»; войны будут протекать «в стратегии “психоядерно”, то есть, расщепляя не атомы водорода, но атомы вражеского народа, его духа, его психики. Не будет атомной войны, будет мятежевойна» [3, с. 149].

«Мы должны, - пишет философ, – отказаться от миллионных армий, армий громадных, но хрупких, и тем более хрупких, чем они громаднее... Путем отбора профессиональная армия может быть составлена из людей, одаренных силой духа, энергией, удачью; путем длительного воспитания в профессиональной армии качества эти могут быть развиты до высокой степени, и они могут быть дополнены величайшей из военных добродетелей – готовностью к самопожертвованию, жаждой самопожертвования» [1, с. 66]. То есть, следует восстановить военное сословие (кшатриев, рыцарство).

Это сословие лишь частично будет входить в официальные силовые структуры, а большей частью в негосударственные военизированные структуры: «эта армия является криптоармией, тайнополчением. В противоположность человеку из мятежемасс, способному рисковать собой только в моменты массового аффекта, боец криптоармии находит в себе силы пребывать в смертельном риске не только в моменты действия, но и в перерывах между ними, когда противник выслеживает его, преследует» [3, с. 159]. Такой род деятельности возможен только на основе восстановления сословной воинской этики.

Заключение. Е.Э. Месснер писал: «основные методы революции – террор и диктатура. Ре-революция не будет сговариваться с революцией. Она будет бороться... Ре-революция хочет быть конструктивной и среди руин дореволюционного здания и мишуры революционных декораций найти место и материал для сооружения того, что соответствует вечному стилю данного народа и отвечает его разумным потребностям. Разрушать может всякий Стенька Разин и Емелька Пугачев, а для созидания нужны носители творческих, здравых, понятных, приемлемых идей, как патриарх Филарет и Столыпин» [3, с. 135]. Отбор таких людей является вторым, наряду с

воинским сословием, важнейшим методом противостояния Революции. В целом, данный тип войны можно определить как эсхатологический, суть которого состоит в противостоянии мировым антихристовым силам.

Список литературы

1. Месснер Е.Э. Декадентство в военном искусстве // Военный сборник. Белград. – 1928. – № 9. – С. 65-72.
2. Месснер Е.Э. Террор // Наши вести (Нью-Йорк). – 1972. – № 318. – С. 32-47.
3. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. – М.: Военный университет, Русский путь, 2005. – 696 с.

УДК 355.01

О ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ В ЯПОНИИ

Иванченко Я.А.,

Коробов-Латынцев А.Ю., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР

info@donvoku.com

Введение. История Японии наполнена массой интересных фактов. Кровавые сражения, древние традиции и боевой дух воина – всё это определяет характер страны и народа.

Цель. Дать экспресс-обзор философии войны в Японии, которая практически не рассматривается в специальной литературе.

Экосистема в Японии сбалансирована и разнообразна, и в то же время замкнута. Красивые горные и лесные массивы, бескрайние поля и равнины, а также острова и побережья – все это делает Японию красочной и фантастичной. В связи со своей отчужденностью большинство войн и сражений происходили внутри страны. Хотя всей территорией страны и правил Сёгун главенствующего дома, сражения зачастую происходили между другими кланами. Эти битвы быть направлены на увеличение территории провинций, в случаях разногласий между главами домов, также могли вступать в сражения фавориты главного дома с другими кланами, дабы показать свою преданность Сёгуну. Как видно из перечисленного, причин для начала сражений было достаточно, а поэтому следует прийти к выводу, что японцы славились своим умением убивать, а их воины были не только искусными убийцами, но и непревзойденными стратегами. Здесь переходим ко второму столпу японской философии войны, а именно к самураям, их учению, мастерству и способу жизни.

Основная часть. Смерть занимает важное место в японской философии войны. Современный исследователь Н.Л. Богомазова в статье

«Отражение кодекса чести «бусидо» в японском менталитете», пишет: «Чем дольше самурай будет помнить о смерти, тем больше он будет исполнять долг верности и хранить семейный долг: семейный путь воина рассматривается в перспективе смерти» [1, с. 5]. Самурай должен принять смерть как должное, не страшиться её и всегда ожидать: «Ждать вестника смерти день и ночь, от рассвета до заката, двадцать четыре часа в сутки, как достопочтимый монах Синкай, деяние которого описаны Ёсида-но Кенко в «Цурэдзурегуса» [2, с. 38]. Это первое, чему учит сборник законов самурая – бусидо. Слово «бусидо» состоит из двух слов: буси (воин) и до (путь). Путь воина для Самурая всегда являлся не только учением, но и способом жизни. Самураем нельзя стать, им можно только родиться. Именно поэтому представители данного сословия не могли быть простыми крестьянами и с самого младенчества до смерти должны посвятить себя боевому искусству. Для сражения противника они использовали различные виды вооружения: от луков и копей до сюрикенов и ружей. Но главным их оружием является Катана. Это легкий, немного изогнутый клинок с удобной ручкой. Видов Катаны есть множество, и все они служат для решения различных боевых задач. Например, огромная Катана Одати(чи) или малая Вакидзаси. Броня самурая – прочный панцирь, который защищает от ударов меча. Самурайский шлем Кабуто предотвращал серьезные повреждения головы, а такой элемент шлема как маска Менгу являлась частью брони некоторых самураев, служила для устрашения противника. Броня отличалась своей прочностью и легкостью из-за этого она практически не сковывала движения, что позволяет самураю быть быстрым и проворным. Броня имела красочный и яркий окрас. В отличие от воинов западных земель, она была, скорее, предметом искусства, нежели защиты. Странные традиции Самураев делают их поистине кровожадными. Одной из таких практик является отрезание голов. Об этом обычае свидетельствуют следующие слова из кодекса чести Бусидо: «В доблести и бесстрашии будь вторым за пустым местом. ... Голова живет и после того как тебя уже нет. Солдату могут отрубить голову, но это еще не означает, что наступил его конец. Если его воинский дух силен, он может проявить себя и после того как потеряет голову. Храбрость солдата памятна достаточно долго, чтобы нанести ущерб и после того как его обезглавили» [3]. Чем больше голов убитых противников Самурай принесет своему Господину, тем больше почета и уважения он получит, особенно если это голова ценного генерала.

Характер сражения напрямую зависит от местности. Именно поэтому на территории Японии войны отличались сравнительно малым масштабом и ход боевых действий имел скорее тактический и операционный характер, нежели стратегический. Это проецирует несхожий по виду стиль и вид боя, в сравнении с европейским, когда главным аспектом выступает не коллективная связующая, объединенная

одним лидером, а индивидуальная выгода: имея большое количество сраженных противников, ты можешь рассчитывать на улучшение положения при дворе своего господина.

Война в Японии напоминала скорее театр, нежели кровавую бойню. Это связано с духовной и ценностной ориентацией воинов, которые отправлялись на войну ради чести и славы своей и своего господина. В японской философии войны доминировал, таким образом, эстетический аспект (не исключающий, впрочем, практического).

Отношение между Самураем и Господином очень интересны. Ведь их связывают узы, которые крепче уз крови. Хозяин, который совершил тяжкое преступление, должен понести наказание и смыть свой позор за счет священного ритуала харакири, а его Самурай должен умереть вместе с ним. Это заставляет Хозяина и Самурая следить друг за другом, чтобы не покрыть свои головы позором. Самурай, который предал своего Господина, теряет свое звание, и становится Ронином. Лишившись чести, эти люди ищут мести и денег, убивая своих бывших собратьев, заполняя их телами поля сражений. На этих местах монахи молятся за упокоевание души храбрых воинов, которых встретил злой рок. По этим самым местам, по японским преданиям, бродят души умерших и не нашедших покоя самураев.

Заключение. Японская философия войны, таким образом, включает в себя три взаимосвязанных аспекта: уникальная по-своему виду форма проведения военных сражений, в которой важную роль играет эстетическое восприятие; искусный образ воина, тесно связанный со смертью, сочетавший в себе все аспекты, которые должны присутствовать у самодостаточного и порядочного человека; образ мироздания, который включал в себя представление о личном пути и предавал уверенности в своих поступках.

Список литературы

1. Богомазова Н.Л. Отражение философии кодекса чести "бусидо" в японском менталитете : традиции и современность // Известия Тульского государственного университета: гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 3-9
2. Клири Т. Кодекс самурая. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 224 с.
3. Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве / пер. А. Боченкова, В. Горбатько. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 432 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ФИЛОСОФСКО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАНТОВСКОГО ПРОЕКТА «К ВЕЧНОМУ МИРУ»: В ПРОЕКЦИИ ДОНБАССА

Карпилена Н.В., д-р воен. наук, профессор
УО «Военная академия Республики Беларусь», г. Минск, Беларусь
karpilenyannv@mail.ru

Введение. Мысль о прекращении войны имеет глубокую давность, которую приписывают еще Платону, «но только с конца XVII века появляются более ясные указания на пути, следуя которым человечество может сбросить с себя иго войны» [1, с. 86]. XVIII век оказался переполненным проектами и мечтаниями о вечном мире. Вопросами и войне и связанной с ним идеей вечного мира коснулся и И. Кант в сочинении «Philosphisher Entwurf zum ewigen Frieden», вышедшем в 1795 году. Основная мысль трактата состоит в том, «что как отношения между отдельными лицами, так и отношения государств к подданным и взаимные между государствами должны соотносываться с началами справедливости; эти начала должны быть выше всего» [1, с. 87]. Настоящее анархическое состояние между народами, по мнению Канта, есть отражение тех отношений, какие существовали между людьми в эпоху их дикого состояния, до соединения их в общественные группы и государства.

Цель. Рассмотреть идеи И. Канта и других выдающихся мыслителей, которые легли в основу магистрального направления либеральной и буржуазно-демократической политико-социальной традиции, которые сегодня, как показывают реалии нашего бытия, из-за непрекращающихся вооруженных конфликтов, цветных революций и хаоса в мире становятся новой неокOLONIALной политикой Запада – главной опасностью для всего человечества.

Основная часть. Сегодняшнее расширение НАТО на Восток под красивыми лозунгами «защиты демократии», «прав народов на коллективную защиту» (от реально несуществующей российской, иранской, северокорейской и др. угрозы), в целях «обеспечения мира», – по сути, противоречат мыслям выдающегося классика (И. Канта), так как не имеют в реальности оснований для справедливости. В основе справедливости, как известно, лежат **ценности** (осознаваемые и бессознательные; как индивидуальные, так и групповые, народные, лежащие в менталитете или архетипе), опираясь на которые формируются **цели**, для достижения которых выбираются **средства**, ведущие к **результату**, которым является разрешение наступающих конфликтных

противоречий военными методами, приводящими рано или поздно к миру. То есть, до тех пор, пока будут существовать различные ценности у народов и государств, до тех пор и справедливость у них будет разная, а значит происходить конфликты (войны). Очевидно ведь, что справедливость народа Донбасса и западной Украины прямо противоположна.

Нельзя не отметить также, что история разбила вдребезги, а прошедшие в XX-м веке две мировые войны «разнесли по ветру раздробленные остатки» [1, с. 96] суждений о войне не только И. Канта, но и Адама Смита, а также Конта, Бокля, Спенсера, Милля. Человечество, дойдя до высших ступеней в развитии земледелия, в улучшении международных отношений, в развитии индустриализма, перейдя к сосуществованию в постиндустриальном, информационном обществе, казалось бы «дошедши почти до ворот храма мира» [1, с. 96], люди XXI-го века продолжают вцепляться в жестокую и длительную схватку за ресурсы, территории, исторические смыслы жизни прошлых, настоящих и будущих поколений, т.е. ценности, по-прежнему применяя двойные стандарты в толковании справедливости и этой схваткой продолжают выявлять «полную эфемерность и недостижимость упований» [1, с. 97], в том числе перечисленных выше «хороших и умных людей, которые во многих областях человеческой мысли сказали свое вещее слово, но мимо войны скользнули лишь добрым, но наивным благопожеланием» [1, с. 97].

Представляется, что соединение и сегодня всех трех направлений западной политики – продолжение расширения НАТО, расширение Евросоюза и распространение «демократии» через массовые протестные движения (через НПО, неправительственные организации финансируемые США и прежде всего фондом Сороса) – превращается в пороховую бочку новой мировой войны на Евразийском континенте.

Геополитический анализ показывает, что подобное развитие событий не такое уж и радужное для самого Запада. По сути, выход Великобритании из ЕС возвратит ее к действиям в геополитике к временам Маккиндера, – с позиции Моря и возможным еще более тесным союзом с США и Канадой. Размещение контингента американских войск в Польше направлен главным образом на ослабление влияния Германии в восточно-европейском регионе с разрешения США – ей (Германии) влиять на страны Балтии и «подставить» (по замыслу лоббистских групп, различных фондов и тайных клубов) ее же под удар России. В то же время, создание в начале 2016 г. польско-литовско-украинской бригады – должно стать, в том числе, целью возможного военно-политического давления на Беларусь вместе с германским контингентом в странах Балтии. Так что, мы наблюдаем «игру» внутри самого Запада, в которой могут «проиграть» не только Польша, Германия (являющиеся давними непримиримыми соперниками), но и разрушиться даже весь альянс НАТО, т.к. США и

Великобритания (как истинные обладатели ценностей Моря – индивидуализм, торговый строй, либеральная демократия, права человека), – по-другому, тотальная изменчивость во всех сферах, могут поступить как пираты, что они успешно делали в разные времена истории.

«Игра» Запада внутри его самого может окончательно погубить сам старый западноевропейский мир (прежде всего, Германию, Францию, Италию, Испанию и др.) под натиском искусственно созданного (не без влияния, прежде всего, США и Великобритании) иммигрантского «переселения» арабского и североафриканского мусульманского населения с развязанными (не без политики и интересов США) войнами в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Йемене и др., с неминуемыми межконфессиональными противостояниями внутри самого ЕС. Придет ли Россия на помощь как это она делала в недавней истории для спасения старого Запада? Будет ли новый Венский концерт, который происходил в XIX-м веке, а также новые конференции с участием современных стран: России, Китая, США, Великобритании, Индии, Турции, Ирана и др., чтобы «примирить» старый Запад, государства которого так и не усвоили немецкого классика геополитики К. Хаусхофера, который исходил из того, что Германия не морская, а континентальная держава. Геополитическая формула К. Хаусхофера ведь такова: «либо рабство у англосаксонского космополитического капитализма, либо единая геополитическая революция в Европе в тесном союзе с Азией». Такое осознание народов и правительств ЕС могло бы пойти на пользу всему евразийскому континенту от Лиссабона до Владивостока и далее Пекина.

Расширение НАТО на Восток – к границам Беларуси и России, а также дальше левого берега Днепра на Украине, – несомненно, вредная затея для западноевропейского «содружества» в рамках ЕС и НАТО, ибо там начнутся процессы «развода» именно с государств, входящих в православную (евразийскую) цивилизацию, при грамотно расставленных акцентах России. У автора этих строк такого сомнения нет.

Вывод. Реализация идей трактата «К вечному миру» находится полностью в руках его соотечественников в Германии. Затее Германии вернуть Калининградскую область вновь под свои владения, окружая ее и ставя «заслоны» своими войсками в Балтии, не может быть признана хорошей идеей, прежде всего с точки зрения геостратегии и мощи России. Возвращение Донбасса под контроль Украины в рамках унитарного украинского государства станет началом полномасштабного давления США и НАТО на Калининградскую область и Беларусь.

Список литературы

1. Снесарев А. Е. Философия войны / А. Е. Снесарев. – М.: Ломоносовъ, 2013. – 288 с.

ВОЙНА В НЕПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ. ВОСПОМИНАНИЯ ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ О СОБЫТИЯХ 2014 ГОДА В ДОНЕЦКЕ

*Коновалов А.Г.¹,
Коновалова И.В.²*

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

²МОУ «Школа № 69 г. Донецка», ДНР

konovalov.1957@mail.ru

Что есть война с точки зрения общественно-политического содержания сформулировал ещё в 19 веке немецкий военный теоретик К. фон Клаузевиц. Война, по его мнению, есть:

1. Не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами;

2. Орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами;

3. Форма разрешения социально-политических, классовых, религиозных, геополитических и других противоречий.

За период с 3600 г. до н.э. по наши дни в 15 тысячах войнах погибло не менее 3,6 млрд. человек.

Любая война – это испытание не только для страны, но, прежде всего, для людей, независимо от того, кто её развязал и почему.

Можно много говорить о том, что войны бывают «справедливые» и «несправедливые», что война есть «спутник» в развитии человечества с древнейших времён, что существует военный паритет между основными игроками мировой политики, что угроза ответного удара с применением ядерных технологий превращают агрессию в самоубийство, что понимают все, но, вместе с тем, войны не прекращаются, их количество растёт, гибнут люди, дети, разрушаются города и страны.

Война, которая идёт на Донбассе уже 5 лет, была навязана нам, мы её не хотели. Пришедшие к власти после военного переворота в Киеве прозападные, антирусские силы, при прямой поддержке Запада, в нарушение Конституции Украины, направили армию и спешно созданные «нацбатальоны» против мирных людей Донбасса, основная вина которых была только в том, что Донбасс не признал «новую» власть законной и легитимной, не захотел забыть свою «русскость» и считать Россию агрессором, аннексировавшим Крым. Исторически Донбасс всегда был русским, частью Российского государства, независимо от национальности проживающих в нём людей. «Русскость» Донбасса – это не только историческая территория России, «русскость» Донбасса – это и язык, и вера, и культура, и общая память, и совместное проживание людей в периоды лихолетья и трудовых подвигов. «Русскость» Донбасса – это

общая мечта о справедливом обществе, где каждый человек трудом своим обеспечивает себе жизнь, чувствует поддержку и защиту своей страны. Страна, которая посылает танки, самолёты и «Грады» против мирных людей, своей быть не может.

В трагических событиях Украины 2014 года Запад, как и всегда, обвиняет Россию. «Уход» Крыма в свою «историческую гавань» (В. Путин) после всенародного референдума квалифицируют как аннексию и агрессию. Помощь воюющему Донбассу – оккупацией. Вместе с тем вся история Запада – это история войн, колонизация территорий, уничтожение народов и культур. «Цивилизованность» Запада – это смерть, разрушения, голод, разруха. Однако «варварская», как они утверждают, Россия никогда не вела колониальных войн и только защищалась от «цивилизованных» агрессоров, будь то Наполеон или Гитлер. Удивительно, но в языческом пантеоне русских никогда не было бога войны, а в русских былинах тема обогащения и завоевания чужих территорий отсутствует. Россия, расширяясь, не грабила, не уничтожала народы, веру, обычаи, культуру, а обеспечивала защиту и развитие, часто за счёт «центральных» земель. Так было в истории, так есть и сейчас. В этом «тайна» России, это то, что не понимает Запад и что так его бесит. «Русский человек живёт прежде всего сердцем», – отмечал русский философ И. Ильин. Совесть, доброта, искренность вначале, и только затем – воля и ум. Помощь России нам – от сердца, а не по выгоде. Если русских вынудили взять в руки оружие – победить их уже нельзя никому. Но война, любая, – это смерть, страх, разрушения. В 2014 году мы всё это испытали сполна. Являясь свидетелями и участниками тех событий 2014 года, когда на Донбасс пришла война, можем утверждать, что все, кто встретил её на Донбассе, ведя мирную ещё жизнь (кто в шахте, кто на заводе, кто в классе, кто в студенческой аудитории, кто в больнице и т.д.) испытали все ужасы того, что есть война глазами обычных людей. Воспоминания школьного учителя – маленькая часть того, что было.

На Донбассе отныне своё исчисление лет:

Расскажет каждый вам своих историй сотни.

И не всем в этой жизни достался счастливый билет

До победы дожить и увидеть, что будет «после».

На Донбассе отныне своё исчисление бед.

«Я, учитель, не люблю 1 сентября. И не потому, что, чего греха таить, 25 мая мы больше ощущаем настроение праздника. Просто у меня в этот день умерла мама. Дети сказали тогда: «Бабушка отпустила тебя на работу». И вот 1 сентября 2014 года, 4 года спустя, в южном российском городе я иду в церковь, чтобы поставить свечку. Теперь уже не только маме, но и за мир в моём, уже родном, Донецке. Второй раз в жизни в этот день я не провожу Первый урок. В этот раз с работы «отпустила» война.

Рядом с новым храмом – школа. Собираются на линейку нарядные дети. Хочется обнять каждого и закричать: «Господи, какие же вы

счастливые!» Мой 6-Б за парту сегодня не сядет: Донецк опустел, страшные обстрелы сотрясают город, окна домов помечены жуткими крестами (символ перечёркнутой жизни моих друзей, соседей, знакомых). Радостная музыка, бодрые фразы приветствия детей в обычной российской школе разрывают сердце. Хочется разрыдаться в голос. Слезы размывают лица прохожих; их заботы и проблемы кажутся такой мелочью на фоне нашей Беды. Я и мои умненькие и талантливые дети сегодня не там, где должны быть. Президент такой чужой теперь Украины решил, что место нам в подвале. Так и будет в 2015 году, когда на уроке литературы, вместо того, чтобы наслаждаться музыкой родного русского слова, мои ребята будут после страшного взрыва прятаться под парты, а потом бежать в подвал. Не забуду белые лица детей, истерику десятилетней девочки, угнетённое молчание коллег. Ребят выводили тогда по разбитым стёклам под свисавшими наружу осколками того, что когда-то называлось окнами. Опасность подстерегала каждую секунду: добежать бы ещё до подвала. Сын моей коллеги именно в этот день порвал жёлто-синюю ленточку, с которой никогда не расставался. Такое не прощают.

Неопределённость – самое страшное испытание этой подлой войны. Ты весь – комок нервов, начинаешь и заканчиваешь день сообщениями оттуда, читаешь аналитику, слушаешь прогнозы, смотришь новости. Но в этой безумной тягучести времени не меняется почти ничего. Поначалу слышали мантру: «Всё будет хорошо». Потом и этого никто не обещал.

Конец сентября. Получила сообщение о долгожданном начале занятий. Вопрос «ехать или остаться» не стоит. Там мои дети – их надо учить. К чести моих коллег, практически никто не уехал, продолжают делать своё великое, не побоюсь этого слова, дело. Как и все, кто остался в городе.

Прилипшие к мокрому асфальту листья возвращают в реальность: на дворе настоящая осень. Это открытие как-то удивляет и огорчает: лета не было. По дороге домой вывороченные недавним ураганом деревья. Совсем, как мы. Смогут ли прижиться в другом месте люди, которых из дома выгнала война? Причины разные: спасали детей, потеряли работу. Можно ли их осуждать? Знаю одно, счастливыми они уже никогда не станут: любого нормального человека «тянет» домой. Донецк встречает дождём, безлюдьем, комендантским часом. Доехать ничем невозможно, люди вповалку спят на вокзале. Но ополченцы едут в нашу сторону и берутся подвезти. Первый раз я увидела таким осиротевший свой город: ни машины, ни огонька, ни человека, ни собаки. Невольно возникли ассоциации с Чернобылем. Наконец, после долгой и тревожной дороги, мы дома. Вот оно, счастье!

Шестой год в этом ужасе память достаёт то, что хочется забыть.

Ещё нет Одессы, но есть Славянск, где безнаказанно убивают русских людей. На площади Ленина в Донецке звучит «Русский марш»:

Русские идут вперёд с сердцами высших проб,
Русские плюют на власть Америк и Европ.

Одиноко стоящая молодая женщина вздрагивает от рыданий. Чем её успокоить? Произнести затёртую фразу «Русские своих не бросают»? Да я и сама перестаю в это верить. Все эти годы не покидает ощущение, что тебя предали. Кто бы что ни говорил. Особенно болезненно воспринимают это те, кто родился в России. Когда мы успели стать чужими?

Гробовая тишина на любимой площади. Вам приходилось слышать мёртвую тишину там, где собираются тысячи людей? Такого в обычной жизни не бывает: на сцене, где проходит митинг, мать одного из ополченцев. Вчера она похоронила сына. Ему было чуть за сорок. Сильная женская фигура в чёрном. Она проклинает Украину, для которой мы всегда были хуже пасынков. Значит, и она для нас даже не мачеха. От такой бегут, чтобы никогда не возвращаться.

Февраль 2015 года. Страшно, опасно, уныло. Безденежье, почти голод. Дети радуются манной каше на воде. Когда такое было в благополучном Донецке? У близких людей беда: в собственной квартире на глазах жены и восьмилетнего сына осколком в голову убило молодого мужчину, мужа и отца. Захожу и не знаю, что им сказать, как успокоить. Нет таких слов. Не придумали. Просто молчим и плачем. Они до сих пор не знают, как жить. Всё чаще сначала про себя, а потом вслух произношу слово «ненавижу». Но ещё больше люблю своих близких, свой город, людей, которые думают, как ты, тех, которых совесть заставила встать и пойти туда, где смерть, где каждая секунда может стать самой последней. Говорят, война делает человека лучше. Нет, лучше становятся только хорошие люди, равнодушные, выжидающие в своих «норах», не меняются, а подлецы остаются подлецами. Малоознакомые люди с Родины поддерживают, как могут. Спрашивают, как можно передать деньги. А некоторые, ну очень близкие, даже не потратятся на единственный звонок, чтобы спросить: «Как вы там? Живы?»

Сегодня 31 августа 2019 года. Вот и проделало время свой пятилетний круг. Сегодня день памяти Александра Владимировича Захарченко. Вспоминаем его каждый день. Беды наши продолжаются, а значит должны множиться и Победы. Чтобы «до Победы дожить» смогло как можно больше моих дорогих, сильных людей, которых ещё никому не удалось поставить на колени.

За кого и за что я поставлю завтра свечку, – и так понятно».

Летопись войны, жизни и смерти складывается из таких вот воспоминаний о пережитом, о страхах, надеждах и вере. Вере в то, что, как и всегда было в истории, – «русские своих не бросают». Этой надеждой и живём.

За пять лет войны на Донбассе погибло более 240 детей, повреждено или разрушено 700 школ (55 – в 2019 г.), 150 медицинских учреждений, десятки тысяч домов. Заложниками войны всегда становятся простые люди, это максима, которую никогда нельзя забывать.

«ПОБЕЖДАТЬ УЖЕ ПОБЕЖДЕННОГО»: К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Коробов-Латынцев А.Ю., канд. филос наук,

Ионов Б.В.

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
info@donvoku.com

Введение. Война – само по себе явление древнее. Научившись держать в руках палку, человек научился воевать. Но с умением говорить приходит такое понятие как «информационная война». Еще в древности человек старался обмануть, ввести в заблуждение и выйти победителем из трудной ситуации, с выгодой для самого себя. Время идет, меняются понятия, средства и способы ведения информационных войн. Но суть остается прежней. В первую очередь – это война, покорение без кровопролития. Завоевание без разрушений. Это в прямом смысле, искусство обмана, искусство правильного и выгодного преподнесения информации. Частичная правда, неполная ложь. Все это включает в себя понятие информационной войны.

Цель. Дать краткий обзор исторических предпосылок возникновения информационной войны в философском контексте.

Основная часть. Информационная война – это межгосударственное противоборство в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим структурам; для подрыва политической, экономической и социальных систем; массированная психологическая обработка населения для дестабилизации, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны

Информационная война – это широкомасштабная информационная борьба с применением способов и средств информационного воздействия на противника в интересах достижения целей воздействующей стороны.

Информационная война – это соперничество и организованные действия конфликтующих сторон в области информационных потенциалов, проводимые с целью снижения возможностей по использованию имеющегося государственного, военного и боевого потенциала противника и сохранения (повышения) возможностей по использованию собственного потенциала

Эти определения дают понятие о том, что же такое информационная война. Это в первую очередь не прямое влияние на противника, на его народ, на сами мысли государства. В этом смысле информационная война будет являться частью стратегии не прямых действий, о которой пишет современный теоретик войны [1].

У информационной войны, как и у других, есть своя история. Тяжело сказать, когда именно появились первые упоминания об этом явлении, но хотелось бы начать с того, кто еще в IV веке до н.э. понимал ценность информации и умело ею оперировал. Речь идет о древнекитайском мыслителе конфуцианской школы Сунь-Цзы. Его труд «Искусство войны» и по сей день пользуется активным спросом и уважением. В том числе, ему принадлежат такие фразы, как «Побеждать уже побежденного», «Идти вперед туда, где не ждут, атаковать там, где не подготовились». Сунь-Цзы дает меткие определения войне: «Война – это путь обмана, постоянной организации ложных выпадов, распространения дезинформации, использование уловок и хитростей» [2].

Под победой над уже побежденным философ понимает физическую победу над уже морально побежденным врагом, который уже не может оказать достойного сопротивления, моральный дух его уже упал, \ его стратегия уже угадана, все его тактические ходы противник знает наперед, само его положение в войне заранее проигрышное. Поэтому лучшая победа, по Сунь-Цзы, это победа над уже побежденным противником, тогда армия несет минимум потерь от сражения и приобретает максимум выгод от победы.

По мнению Сунь-Цзы – первичной целью должно стать подчинение других государств без вступления в военный конфликт – это есть идеал полной победы. Особую роль Сунь-цзы отводит шпионам, тогдашним оружием информационной войны. Вот пару предложений об этом: «Местных шпионов вербуют из местных жителей страны противника и пользуются ими; внутренних шпионов вербуют из его чиновников и пользуются ими; обратных шпионов вербуют из шпионов противника и пользуются ими».

Все это явно указывает на то, что Сунь-Цзы ценил информацию и умел пользоваться ею. Он умел вести информационную войну и знал от неё пользу. Извлекал выгоду. Его работа очень стара, но принципы и методы ведения информационной войны не изменились. Изменились способы, масштабы. Но война, война никогда не меняется.

К истории информационной войны можно также отнести историю публичных политически ориентированных дискуссий между русскими философами-славянофилами и западниками. Действительно, противостояние в русской истории западников и славянофилов также можно расценить как информационную войну в самом широком смысле. Споры об историческом выборе и пути России вместе с тем были и попытками убедить аудиторию в правильности своей позиции. Признанный вождь славянофильского лагеря Алексей Степанович Хомяков при этом предвидел и информационную войну России с Западом. В одной из своих публицистических статей он писал так: «Прошли века, государство русское окрепло, но новое нашествие с Запада требует нового

сопротивления. Это нашествие не меча и силы, но учения и мысли. И против этих нашествий бессильна всякая вещественная оборона, и сильно только одно – глубокое душевное убеждение» [3, с. 99]. О чем в этом отрывке идет речь, если не об информационной войне Запада против России, которая на новом витке разворачивается и в наше время?

Заключение. Современные информационные войны зачастую скрыты от взгляда обывателя, но это не означает, что они менее эффективны. Они приводят к геноциду целых культур, а значит и целых народов. Сегодня информационная война в мировом масштабе даже более опасна, чем война в физическом смысле. И в такой ситуации имеет смысл обратиться к истории информационных войн, чтобы более глубоко понять природу современной войны как таковой. Относительно истории информационных войн можно сделать вывод, что информационные войны в зародышевом состоянии велись уже в древности, а в XX–XXI вв. достигли своего расцвета с развитием сетевых технологий.

Список литературы

1. Лиддел Гард Б.Х. Стратегия нежных действий // http://militera.lib.ru/science/liddel_hart1/pre1.html [Электронный ресурс]. Дата обращения: 07.09.2019
2. Сюнь Цзы. Искусство войны [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/sun-tszy/01.html>. Дата обращения: 07.09.2019
3. Хомяков А.С. Полное собр. соч. – М., 1900. – Т.3.

УДК 241.523 (241.513), 248.154

ВЗЯВШИЕ МЕЧ, МЕЧОМ ПОГИБНУТ

Кузина Е. А., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары, РФ
kuzina_elena_a.a@mail.ru

Введение. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечает, что перед современной молодежью сейчас стоят задачи актуализации базисных ценностей – основ общенациональной идентичности. К ним относятся справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, четность, патриотизм, солидарность, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность. «Но для того, чтобы молодое поколение справилось со стоящими задачами, оно должно быть включено в процесс передачи тех самых ценностей...» [4, с. 479]. Президент Российской

Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному собранию отметил, что российское общество сегодня «испытывает явный дефицит духовных скреп, дефицит того, что всегда, во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Нам нужно опереться на богатство российской культуры. Мы обязаны четко знать и отвечать на запросы современного общества и особенно молодежи, укреплять традиции народов России» [3].

Патриотическое воспитание молодого поколения невозможно без изучения истории отечества и личностей, которые ее создавали.

Целью исследования является изучение личностей святых воинов, которые служили Богу и Отечеству.

Основная часть. В Генеральном штабе Министерства Обороны РФ отмечают, что для призывников военная служба становится более привлекательной. Более 85% опрошенных солдат и сержантов отмечают, что пришли служить из чувства патриотизма, долга и роста имиджа вооруженных сил. Если раньше речь шла о 20 тысячах «уклонистов», то теперь – всего о какой-то тысяче [1]. Как служить в армии и не опозорить христианского имени? Этот вопрос приобретает остроту в условиях войны. В Евангелие от Иоанна Господь заповедал нам «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Апостол Павел в послании к Ефессянам сравнивает духовную борьбу с бранью: «Станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможите угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6:14-17). В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви говорится, что «признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством. Православие во все времена относилось с глубочайшим почтением к воинам, которые ценой собственной жизни сохраняли жизнь и безопасность ближних. Многих воинов Святая Церковь причислила к лику святых... В связи с этим Церковь имеет особое попечение о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам» [2].

Из домонгольского периода отечественной истории прославлены: св. равноапостольный князь Владимир, св. благоверный князь Андрей Боголюбский, Св. преподобный Илия Муромец, Печерский. Эти святые своими военными завоеваниями расширяли и укрепляли Русь. Святой равноапостольный князь Владимир принял сам христианскую веру, прозрел духовно и физически и крестил всю Русь. Святой благоверный князь Андрей Боголюбский построил много монастырей и храмов, после явления ему Богородицы повелел написать икону, которую назвали

Боголюбской иконой Божией Матери. Святой преподобный Илия Муромец, Печерский до 30 лет был недвижим и слаб ногами, благодаря чему избежал соблазнов юности и сохранил в чистоте свою душу. После явления ему трех странников, исцелился, стал воином-богатырем, освобождал Чернигов, Киев от врагов христианства, был предводителем русского войска. Потом ушел в пещеры, стал монахом и до конца своих дней каялся в грехе убийства.

Из монгольского периода истории Руси прославлены: св. благоверный князь Александр Невский, св. мученик Меркурий Смоленский, св. благоверный князь Довмонт Псковский, св. благоверный князь Димитрий Донской, св. преподобные Александр Пересвет и Андрей Ослябя.

Святой благоверный князь Александр Невский в трудное для Руси время предпринимал дипломатические поездки в Орду и защищал Отечество от рыцарских полчищ. «Не в силе Бог, а в правде! Иные с оружием, иные на конях, а мы имя Господа нашего призовем!» - его слова стали девизом для русского воинства. Воин-молитвенник перед смертью принял иноческую схиму. Святой мученик Меркурий Смоленский во время осады Смоленска ханом Батыем молился, чтобы пострадать за веру Христову. Ему было явление Богородицы и знамение от Нее. Татарские воины видели с ужасом, что св. Меркурию помогают в битве молниеносные мужи и лучезарная Жена и обратились в бегство, а Святой погиб в бою. Святой благоверный князь Довмонт Псковский, будучи по происхождению из литовского княжеского рода, после переворота в Литве, бежал со всем семейством во Псков, где псковичи избрали его своим князем. Святой защищал псковичей от врагов, всегда перед боем приходя в церковь, слезно молился и с благословением духовника надевал свой меч, на котором была надпись «Чести моей никому не отдам». Святой благоверный князь Димитрий Донской вел дело объединения русских земель и освобождения Руси от татаро-монгольского ига. Он собрал силы для решающего сражения и испросил благословения у святого преподобного Сергия Радонежского. Святых преподобных Александра Пересвета и Андрея Ослябя, бояр по происхождению – воинов-схимников, благословил и послал на помощь князю Димитрию Преподобный Сергей Радонежский. Преподобный Сергей дал им и оружие нетленное – крест Христов, нашитый на схирах вместо шлемов. Ничейный исход поединка Александра Пересвета с богатырем из войска Мамаю воодушевил русские войска на победу. За победу на Куликовом поле между Доном и Непрядвой святой князь Димитрий стал именоваться Донским.

Русская Православная Церковь канонизирует князей не за политические и национальные заслуги, а за их близость к Богу, за исполнение заповедей Божиих. За 17-18 вв. прославлены в лике святых праведный Иоанн Русский и праведный Феодор Ушаков.

Заключение. Воины Христовы делали свое дело – ревностно служили Богу и Отечеству, на поприще, которое Он им уготовал. Их подвижническая и высокая духовная жизнь, их добродетели не забыты в родном отечестве. Их заветами жили и живут русские воины и флотоводцы, православная русская армия. Одним их признаков, по которому можно судить о праведности или неправедности воюющих, являются методы ведения справедливой войны, их отношение к пленным, мирному населению. В житиях святых воинов зло и добро абсолютно разделены. Они боролись со злом и грехом, и не приобщились к нему. Изучение их подвига и есть патриотическое воспитание молодого поколения.

Список литературы

1. Генштаб уточнил количество уклонистов от службы в армии // ФБА «Экономика сегодня». Режим доступа: <https://rueconomics.ru/398932-genshtab-utochnil-kolichestvo-uklonistov-ot-sluzhby-v-armii>
2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/
4. Храните веру в сердцах : Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Минск : Издательство Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви, 2011. – 528 с.

УДК 327.7

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК АЛЬТЕРНАТИВЫ МИЛИТАРИЗАЦИИ АРКТИЧЕСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

*Лукин В.Н.*¹, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент,

*Мусиенко Т.В.*², д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент

¹Социологический институт РАН – филиал ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук», г. Санкт-Петербург, РФ;

²ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России», ФГАОУ ВО «Государственный университет аэрокосмического приборостроения», г. Санкт-Петербург, РФ
lvn5555@mail.ru

Введение. В современном информационном пространстве причины военной активности в Арктике объясняют действиями России [1].

Аналогичная ситуация с Донецкой и Луганской Народными Республиками [2]. Здесь положение усугубляется экономической блокадой части пока украинской территории, инициированной центральной властью Украины. Но реально существующие возможности экономического сотрудничества как в этой части Европы, так и в Арктическом геополитическом регионе могут способствовать их демилитаризации. Эти обстоятельства актуализируют заявленную тему.

Цель – на основе экспресс-анализа возможностей экономического сотрудничества в геополитическом Арктическом регионе как фактора снижения рисков милитаризации региона показать наличие сходных возможностей прекращения эскалации военного конфликта на Юго-Востоке Украины и постепенной демилитаризации этой зоны.

Основная часть. Геополитические вызовы и риски, ужесточение глобальной конкуренции, выходящей за рамки ВТО, создали серьезные угрозы для экономик разных стран, включая Россию, Украину, непризнанные Донецкую и Луганскую республики.

Одним из драйверов экономического развития Российской Федерации и сопредельных стран могло бы стать совместное комплексное освоение Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ). Углеводороды, никель и кобальт, металлы платиновой группы, золото, алмазы в Якутии. Российская алмазодобывающая компания АК «АЛРОСА» занимает первое место в мире по объемам добычи алмазов в каратах: 30 процентов всех алмазов в мире, 97 процентов – в России [3]. Участие в подобных экономических проектах стран Евроазиатского экономического союза (далее – ЕАЭС), непризнанных республик существенно укрепило бы северный и восточный фланги единого геополитического и геоэкономического пространства в условиях продолжающейся милитаризации Арктики [4, 5].

Экономическое сотрудничество России и Китая по линии ШОС имеет тенденцию к укреплению: рост товарооборота между нашими странами: 2015 год – 69,0 миллиардов долларов США; 2016 – 69,52; 2017 – 84,07; 2018 – превысил 100 миллиардов долларов США [6]. Это влияет на агрессивные намерения остальных циркумполярных стран.

Переход к новым управленческим технологиям один из важных факторов экономической динамики. Группа экспертов Комитета по логистике Торгово-промышленной палаты Российской Федерации предложила модель «транслогистической платформы», то есть такого экономического пространства сетевого взаимодействия/кооперации компаний, которое структурировано единым/общим процессом производства продукта, единой (выстроенной по общим стандартам) технологией управления бизнес-сетью, координирующей участников интегрированной цепи создания стоимости на региональном, национальном и глобальном рынках [7, с. 7-8].

Практическая реализация подобной модели призвана нейтрализовать действие причин, вызывающих снижение деловой активности и низкую эффективность управления на всех уровнях современной экономической системы.

Правительством Российской Федерации принят ряд Государственных программ по импортозамещению, прежде всего в тех отраслях, где зависимость от импорта составляет от 60 до 90 процентов [8]. Очевидно, это должно способствовать укреплению экономического суверенитета государства. Российский опыт актуален и для Донецка, и для Луганска.

Положительную роль играют девальвация национальной валюты и диверсификация экспорта и импорта, как по номенклатуре, так и по географии. Диверсификация экспорта позволяет формировать новую структуру сравнительных экономических преимуществ.

С 2017 года в каждом федеральном округе России составляется базовый каталог высокотехнологичной промышленной продукции и услуг российских предприятий для нужд Арктической зоны Российской Федерации [9]. Подобные каталоги могли бы разработать и в ваших районах. Это способствовало бы расширению ассортимента продукции, оживило конкуренцию товарам на рынке, повысило качество и повлияло на ценообразование.

Заключение. Экономики России и непризнанных республик развиваются в санкционных условиях. Взаимодействие и взаимопомощь, обмен опытом играют важную роль. Опыт подобной организации способствует укреплению экономического суверенитета и снижению возможностей для агрессивных проявлений. Новые управленческие технологии, импортозамещение – одни из важных факторов экономической динамики. Грамотная финансовая политика – один из важнейших инструментов эффективного экономического сотрудничества.

Список литературы

1. Reiss B. Why Putin's Russia Is Beating the U.S. in the Race to Control the Arctic // [Сайт Newsweek.com] – URL: <http://www.newsweek.com/> (дата обращения: 16.09.2019).
2. Richard Herzinger. Selenski und die Angst, von Putin über den Tisch gezogen zu werden // Die Welt. 19.09.2019.
3. РФПИ и консорциум ведущих ближневосточных инвесторов объявляют об инвестициях в расширение логистической платформы // [Сайт РФПИ] – URL: (дата обращения: 12.09.2019).
4. Артамонов В.С., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. и др. Геополитика Арктики: стратегии управления рисками безопасности: Монография / под ред. В.С. Артамонова. (Серия: «Российская Арктика». Вып. 2). 2-е изд. перераб. и доп. (Монография). – М.; СПб.: Наука, 2019. – 317 с.
5. Геополитика на страже Родины. К 75-летию Л.Г. Ивашова. Коллективная монография / Отв. ред. И.Ф. Кефели. – СПб.: «Стратегия будущего», 2018. – 189 с.

6. Товарооборот России и Китая в 2018 году превысил рекордные \$100 млрд. // [Сайт Деловой Петербург] – URL: <https://www.dp.ru/a/2019/01/10/> (дата обращения: 11.09.2019).
7. Дунаев О.Н., Демин В.А., Ежов Д.В., Кулакова Т.В., Нестерова Д.В. Транс-Евразийская логистическая платформа: практика, продукты, рынки. М.: ТТП РФ, 2016. 78 с.
8. Заседание Правительственной комиссии по импортозамещению // [Сайт Правительства Российской Федерации] – URL: <http://government.ru/news/27681/> (дата обращения: 09.09.2019).
9. Базовый каталог высокотехнологичной промышленной продукции услуг для нужд Арктической зоны Российской Федерации // [Сайт Государственной комиссии по вопросам развития Арктики] – URL: <https://arctic.gov.ru/8622> (дата обращения: 19.06.2019).

УДК 355.01

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ О ВОЙНЕ

Ляхов А.В.

АНО ВО «Российский православный университет святого Иоанна Богослова»,
г. Москва, РФ
andr_prot@list.ru

Введение. Специальной работы, посвященной философии войны, у отца Павла Флоренского нет, но из его полевого дневника, который он вел, когда был на фронте, можно сделать некоторые выводы касательно отношения философа к войне.

Цель: рассмотреть философию войны у отца Пала Флоренского.

Основная часть. Как отмечает современный исследователь русской философии А.Ю. Коробов-Латынцев пишет в статье «Русские философы на войне», что для русской философской мысли характерна такая черта, как этикоцентризм, т.е. примат нравственной оптики в восприятие реальности. Именно эта черта обусловила экзистенциальный интерес русских философов к войне, который вылился не только в теоретической разработке темы войны, но и в деятельном участии русских мыслителей в войнах: война как конкретный элемент бытия не мог обойти мыслитель, желающий осмыслить само бытие в его целостности. Честное философское мышление просто не может игнорировать слова греческого философа, сказанные тысячу лет назад» [2, с. 352]. Здесь имеется в виду слова Гераклита Эфесского о том, что война – отец всех вещей. Если внимательно читать военный дневник Флоренского, то придется признать, что война явилась отцом некоторых интереснейших его мыслей.

Так, в самом начале своего дневника Флоренский пишет о церковном освобождении, когда «невозможное обычно делается

доступным и реальным» [4, с. 147]. «По городу хожу с а нтиминсом на груди, со св. миром в руках, и чувствую *себя* церковью» [4, с. 147] – пишет отец Павел, и тут же добавляет, что хотя в условиях военного санитарного лагеря «многие требования приходится нарушать, но совесть спокойна и ясна». «Вот она, христианская свобода!». Подобные впечатления (церковности, христианской свободы), надо полагать, были связаны именно с переживанием военного времени, которое для отца Павла, очевидно, разительно отличалось от времени мирного и с бытовой, и с духовной точки зрения, прежде всего тем, что само это время и его переживание нарушают по своей природе многие правила, приличные мирному времени. Таким образом, уже в первых же строках дневника Флоренского мы имеем своеобразное экзистенциальное введение к философии войны о. Павла Флоренского, т.е. введение через личное переживание.

Личное переживание войны у отца Павла было активным, религиозно-философским. В 1904 году он напишет своему другу Андрею Белому: «Слова о «мече» не устарели. ... Меч нисколько не заржавел и даже обострился» [1, с. 464]. Такие слова отец Павел пишет в ответ на письмо Белого, где тот делился своими собственными переживаниями о будущих жизненных битвах: «Слишком тягостно сознавать, какое большое бремя на плечах у нашего поколения и как мы мало подготовлены для того, чтобы достойно нести это бремя. Да и, наконец, даже силы не хватает, остается одно: ждать помощи свыше» [1, с. 458]. Флоренский в ответ пишет так: «Каждый из нас (во всяком случае, я) не считает себя готовым ни в каком смысле – ни в мистическом (нет благодати особой), ни в эмпирическом (нет знаний, опытности и т.д.). Мы можем только готовиться и ждать; нельзя выскакать из-за кулис, откуда не настало время» [1, с. 464]. При этом молодой Флоренский даст своему другу следующий совет: «Немедленно совершать вместе или порознь – как понадобится – во Христе, что будет требовать нашего действия, а таких «обстоятельств» на каждом шагу сколько угодно, начиная от разговора за чаем, который обращается порою в проповедь философского катарсиса от мусора, загромождающего голову, и до активной этической или мистической помощи» [1, с. 464-465].

Поэтому деятельное участие отца Павла в Первой Мировой войне и в целом его приподнятое настроение во время службы вовсе не вызывают удивления. Флоренский, как видно из его письма к Белому от 1904 года, готовился к активной деятельности, и в тот момент, когда необходимо было действовать, Флоренский стал действовать. Отец Павел оказался на фронте с санитарным поездом Черниговского дворянства в 1915 году. Как отмечает игумен Андроник (Трубачов), эта поездка отца Павла связана с его в Мариинском Убежище сестер милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде. Флоренский был настоятелем домового храма св. Марии Магдалины, при котором в военное время был открыт тыловой лазарет. А в начале 15-го

года от Красного Креста был снаряжен санитарный поезд, к которому отец Павел был прикомандирован как священник. Командировка отца Павла продолжалась с 26 января до конца февраля. Именно в это время Флоренский вел свой военный дневник озаглавленный «В санитарном поезде Черниговского дворянства. Заметки и впечатления. 1915». «Историко-бытовые подробности спаяны с художественно-философскими интуициями» [4, с. 147] – пишет игумен Андроник (Трубачев). Но вместе с бытовыми описаниями имеются и философские пассажи о войне.

Вот некоторые характерные высказывания отца Павла о войне, исходя из которых можно очертить контуры философии войны Флоренского.

«Война открывает душу солдата» [4, с. 147], т.е. война способна воздействовать на само существо человека. Это наблюдение делают многие люди, прошедшие войну. Увидел это и отец Павел на фронте, когда всматривался в лица солдат.

Более того, война, утверждает отец Павел, не просто открывает подлинное лицо человека, но и раскрывает в нем его лучшие качества, т.е. у войны есть и преображающее воздействие. В письме В.В. Розанову Флоренский будет рассказывать, как он исповедовал солдат, и как среди своих грехов те называли какие-то незначительные мелочи, а если и были значительные грехи, то в основном сделанные ранее, до войны. В ответ же на вопрос отца Павла о том, обижали ли наши солдаты местное население, те отвечали такими фразами: «Что вы, батюшка, ведь мы православному...», «нет, мы этим не занимались, мы – все по вере» и т.д. [3, с. 18]. И Флоренский, и Розанов рады подобному действию войны на солдата, именно война раскрывает в нем его лучшие качества.

Вывод. Таким образом, можно сделать вывод, что восприятие Флоренским войны носило характер не политический (как это принято в наше время), и даже не идейный, но прежде всего нравственный и религиозно-философский.

Список литературы

1. Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829-1923 гг. Антология. / Составитель В.И. Кейдан. Изд. 2, испр. и доп. Книга вторая: 1901 – 1904. М.: Модест Колеров, 2019. С. 464
2. Коробов-Латынцев А.Ю. Русские философы на войне // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. под общей редакцией С.В. Беспаловой. – 2017. – С. 352-354.
3. Розанов В.В. В чаду войны. – Петроград – Москва. Издательство «РубиконЪ», 1916.– С. 18
4. Флоренский, свщ. Павел. В санитарном поезде Черниговского дворянства // Новый мир. – 1997. – № 5.

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА: К КОНСТРУИРОВАНИЮ ПОНЯТИЯ

Мальцев К.Г., д-р филос. наук, профессор

Ломако Л.Л.

ФГОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет

им. В.Г. Шухова», г. Белгород, РФ

Timn-521@yandex.ru

Введение. «Партизанская война» (понятие разработано К. Шмиттом [1] в 50-60 годы XX века), а затем «антитеррористическая война» (с концептуальной проработкой этого термина серьезные проблемы, потому можно утверждать, что понятия еще нет) являются актуальными практическими, но, прежде всего, теоретическими проблемами современной социальной философии.

Цель. Рассмотреть контекст для конструирования понятия «антитеррористическая война».

Основная часть. Шмитт, конструируя понятие партизанской войны, выделил четыре ее характерных признака: «иррегулярность», «интенсивность политической вовлеченности», «повышенная мобильность», «теллурический характер». Иррегулярность партизана определяется как противоположность регулярному солдату в европейских оберегаемых правом войнах, начиная с Вестфальского мирного договора (1648 года); регулярный характер «солдата» выражается «в форме, которая является чем-то большим, чем профессиональная одежда, поскольку она демонстрирует господство публичности; наряду с формой солдат открыто и демонстративно носит оружие» [1, с. 26] и «солдат противника в форме – это настоящая мишень современного партизана» [1, с. 27]. «Интенсивная политическая вовлеченность» – существенная черта, на которую следует специально указать потому, что «его необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение» [1, с. 27], это – «понятийный критерий политического характера» [1, с. 27], который имеет «при точной инверсии ту же структуру, что и у пирата по отношению к международно-правовым нормам ведения войны на море» [1, с. 27]. Шмитт также указывает, что само слово «партизан» «происходит от слова партия и указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой» [1, с. 27]. Партизан – боец революционной войны, что предполагает «принадлежность к революционной партии и тотальный охват» [1, с. 27]. Повышенная мобильность, «подвижность, быстрота и ошеломляющее чередования нападения и отступления, словом:

повышенная мобильность даже и по сей день – отличительная черта партизана, и этот признак еще усиливается благодаря внедрению техники и моторизации» [1, с. 30]. Наконец, «теллурический характер» партизана, его четвертый признак, по Шмитту. Шмитт писал: «Я хотел бы придерживаться еще одного, четвертого признака настоящего партизана, признака, который Ховер Самора обозначил как теллурический характер. Это, несмотря на всю тактическую подвижность и маневренность, важно для принципиально оборонительной ситуации партизана, который изменяет свою сущность, если отождествляет себя с абсолютной агрессивностью идеологии мировой революции или техницистской идеологии» [1, с. 35]. Кажется, именно это: переход от обороны к нападению (даже если сам участник такого нападения полагает его формой защиты: нападение есть иногда единственно возможный способ защиты; дискуссии о справедливости превентивных войн, и современные военные доктрины большинства государств, декларируют как свою оборонительную «суть», так и допускают возможность первого, превентивного, удара), – есть «момент» перехода от партизана к террористу.

Террорист, как и партизан, иррегулярен (как правило), интенсивно политически вовлечен (идеологически ангажирован), мобилен, – но, в отличие от партизана, отнюдь не «теллуричен» (международный терроризм), но полагает сценой своей деятельности потенциально весь мир. Собственно говоря, это его свойство удовлетворительно объясняется глобализацией: формирование универсального имперского пространства (М. Хардт, А. Негри [2]), во-первых, разрушает «локальности» и, во-вторых, ориентированная на успех война должна быть ориентирована на нанесение ударов противнику в его самых «слабых местах» – по всему глобальному пространству. Здесь уместно отметить недостаточность (если опять же не полное отсутствие) того понимания терроризма, которое сознательно насаждается в СМИ и большинстве ученых работ: вооруженная борьба против законной власти – совершенно недостаточное определение. Главным здесь является покушение на суверена – в любой форме (отсюда: информационный, финансовый, даже «государственный», и какой угодно еще терроризм как квалификация тех, кто никогда не брал оружие в руки).

Заключение. Суверенитет государства-нации периода нового времени полагается господствующим в социальных науках либеральным «мейнстримом» «устаревшим и отжившим представлением»; суверенитет тоже переносится на «глобальный уровень», и это следует учитывать при конструировании понятия террористической войны, которое, в этом отношении, включает в себя как партизанскую, так и гражданскую и революционную войну, с точки зрения, подчеркнем еще раз, суверена, власть которого претендует на универсальность и глобальность. Таким образом, сама область конструирования понятия «террористическая война» является областью политического противоборства, то есть

конституируется фундаментальной для политики оппозицией «друг-враг», экспликацией которой мы также обязаны К. Шмитту [3].

Список литературы

1. Шмитт, К. Теория партизана. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.
2. Хардт, М., Негри, А. Империя. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
3. Шмитт, К. Понятие политического /К. Шмитт/ Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – С. 280-408.

УДК 141.21

ФЕДОРОВСКИЙ ПРОЕКТ СУПРАМОРАЛИЗМА И ЕГО ФИЛОСОФСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНТРАГЕНТЫ

Муза Д.Е. д-р филос. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
dmuza@mail.ru

Введение. Юбилейный федоровский год способствует углубленному прочтению и переоткрытию наследия основоположника русского космизма, автора «философии общего дела». Причем, не только в историко-философском ключе, но с попыткой удара на важнейших смысловых этико-практических координатах его учения. В координатах христианской этики и аксиологии.

Тем более такой шаг необходим, поскольку сегодня взгляды Н.Ф. Федорова нередко интерпретируются как предпосылка технократизма и трансгуманизма. В этой связи нужно напомнить, что согласно Н.А. Бердяеву, «самое нравственное сознание его (Федорова – Д.М.) есть самое высокое сознание в истории христианства» [1, с. 229].

Да и сам «одинокий мыслитель» вводя в проект «супроморализма» или «всеобщего синтеза» ряд аксиом, настаивает на преодолении нравственного несовершенства: а) в естественном состоянии – подчинения «слепой силе» к вырождению и вымиранию; б) в сверхестественном состоянии – через трансцендентное воскресение – «воскресение гнева», страшного суда и осуждения одних (грешников) на вечные муки, а других (праведников) на созерцание этих мук [2, с. 402]. Но поскольку русский мыслитель предлагает «третий путь», целесообразно артикулировать его логику.

Цель. Ниже будут показаны основные философские и культурно-цивилизационные интриги, которые присутствуют в наследии Н.Ф. Федорова и являются наиболее важными частями его проекта супраморализма, или «истинного христианства».

Основная часть. К наиболее важным контрагентам идей Федорова следует отнести не только философов Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, Ф. Ницше, Дж.Ст. Милля, М. Штирнера, но также и писателей Э. Беллами, Л.Н. Толстого. В цивилизационном ракурсе контрагентами России является Европа (Запад), славянские и германо-романские народы.

Следует заметить, что через многие тексты философа и в т.ч., в наиболее весомые в содержательном плане – «Супраморализм, или всеобщий синтез», «Вопрос о братстве...» проходит имманентный диалог с западными интеллектуалами по коренным вопросам бытия, познания, сознания, общественности и культуры, эстетики и антропологии. При этом нервом его размышлений выступает христианский моральный перфекционизм, о который, собственно разбиваются философские теории оппонентов. В свою очередь исторический процесс также интерпретируется сквозь призму христианского морального перфекционизма, сама установка и реализация которого снимает многие (если не все) проблемы мирового развития.

При этом едва ли не главной линией, разделяющей Федорова и его философских контрагентов выступает принцип соединения божественного и человеческого, в то время как на Западе использован принцип «противоположения» этих величин.

Русскому мыслителю также принадлежит весьма оригинальное понимание структуры, логики и финальности Истории. Понимая под Историей «исполнение долга к предкам, культ отцов, умерших» [2, с. 130], он трактует её как сложный процесс (начало которого – «Эдем рождения») борьбы родственных и неродственных начал, которая должна завершиться Всеобщей Пасхой. При этом Памир («Всемирный Кремль») и Константинополь («Центральный Кремль и «центр мира») образуют метафизические «точки сборки» дискретного человечества.

Сама же «сборка» человечества подразумевает как отказ от ложных цивилизационных институтов, мировоззренческо-ценностных установок и морального «ига Канта» (!). Т.е., приобретений западной цивилизации. Поэтому Федоров наносит удар по «теории прогресса»: он определяет прогресс как ту форму жизни, при которой человеческий род может вкушать «наибольшую сумму страданий», стремясь к «наибольшей сумме наслаждений». Более того в антропологическом смысле прогресс – суть подсудность отцов и предков со стороны сынов и потомков, чего вообще быть не должно. Кроме того, супраморализм исходит из обращения феномена войны в орудие спасения от голода, язв и смерти.

В целом, его, Запада, «философия трансцендентального идеализма», «философия Духа», «философия воли», «философию борьбы» и т.д., не могли и не стали «Философией Дела», т.е. обращением «силы умерщвляющей» в «силу оживляющую», «ада» в «рай».

При этом искомый немецким идеализмом трансцендентальный субъект у Федорова входит в проект супроморализма и слагается в общем

знании и волеизъявлении. «Супраморализм – писал он, – есть естественный и священный вопрос для всех сынов, и тем более сынов, верующих в Бога отцов». Или же: «*Только супраморализм, как всеобщее естественное дело, как вопрос об всеобщем возвращении жизни, и может уstraивать внешнюю (богатство и бедность) и внутреннюю (ученых и неученых) розни и объединить внутренне – в чувстве и мысли и внешне – в общем деле обращения рождающей и умертвляющей силы в воссозидающую*» [1, с. 408, 409] (курсив – Н.Ф.).

Говоря о цивилизационных субъектах, в частности о России и Западе Н.Ф. Федоров их противопоставляет через те же основания. Так, у него содержится указание на «Черное царство» (=Германскую империю) как милитаристскую машину, неспособную к позитивному историческому творчеству. Наоборот, за счет вышкола прусского юнкерства потенцирующую смерть. Но и «торговое общество» (=британская империя, а за ними и США), повсеместно плодящее неравенство, эксплуатацию, голод и смерть. Тут история – взаимное истребление, сегодня приобретающая чудовищный масштаб и методы.

Любопытно, что в этических поисках мыслителей XX века нет и намек на этот проективный принцип. Но вместо него Г. Йонас, дабы обосновать будущую возможность жизни на земле – в условиях нарастания экокатастрофы – вводит в дискурс принцип «отцовской» и «государственной ответственности». Между тем этот принцип обращен на «младенца» как нового субъекта социального бытия. Именно так, немецкий философ хотел разорвать цепи научной рациональности и идеологического гегемонизма, «экономического эгоизма» и технологического тоталитаризма – во имя человека как «будущей целостности «подобия Божия»» [4, с. 150–165, 341].

Тем не менее, именно России, не раз приносившей жертвы во имя объединения мира, враждебно настроенных друг против друга Востока и Запада, суждено сделать прорыв к единению через умиротворение. Ведь христианство есть объединение для воскрешения всех умерших.

Заключение. Один из главных философских заветов Н.Ф. Федорова о сыновьей любви как необходимом условии осуществления единства человеческого рода, пока не осуществлен. Напротив, неродственность в различных её модусах, опираясь на «мнимые единства» квазирелигиозных, политико-идеологических и экономических постулатов по-прежнему «правит бал». Но объединение человечества «по образу и подобию Троицы» так и остается актуальной задачей, несмотря на немирность мира.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43–271.

2. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. / Н.Ф. Федоров. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. Том I. – 518 с.
3. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. / Н.Ф. Федоров. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. Том II. – 544 с.
4. Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації / Г. Йонас. – К.: Лібра, 2001. – 400 с.

УДК 172.4+355.01+93/94

«ВИНОВНЫЙ ПОДВИГ» ИЛИ «ДУХОВНОЕ ОЗРОЖДЕНИЕ»: ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И. А. ИЛЬИНА 1914-1915 гг.

Николаев Н.Ю., канд. ист. наук, доцент
Волжский политехнический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный технический университет», г. Волжский, РФ
nikcam@mail.ru

Введение. Философское наследие Ивана Александровича Ильина и сегодня продолжает вызывать жаркие дискуссии. Многочисленные цитаты с «высоких» трибун и благосклонное внимание со стороны политического истеблишмента во многом затмевают реальную фигуру мыслителя – сложную, непоследовательную и категоричную в своем неприятии большевистской России. И если симпатии Ильина к праворадикальным идеологиям вызывают у многих исследователей справедливую критику, то его отношение к таким социальным явлениям как война и насилие отличалось не только глубиной, но и неординарным подходом [4, 5].

Цель исследования. Отметим, что проблематика войны и насилия в сочинениях Ильина изучена достаточно подробно. Однако взгляды философа на вооруженные конфликты нередко рассматриваются как нечто статичное и неизменное. Между тем изменение позиции Ильина заметно даже на начальном этапе Первой Мировой войны и в дальнейшем его оценки войны и мира, насилия и ненасилия претерпели еще более значительную эволюцию.

Основная часть. Мировой конфликт стал мощным катализатором обсуждения вопросов войны и мира российскими обществоведами. Разумеется, И.А. Ильин с его обостренным чувством патриотизма не мог остаться в стороне от этой дискуссии. В 1914 г. на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» он поместил пространную статью, в которой размышлял о нравственной природе вооруженных конфликтов. Прежде всего, по мнению Ильина, война ставила перед человеком проблему нравственного выбора между разумом и совестью, жизнью и смертью [2, с. 7-9]. Сам философ «недопустимость убийства человеком человека» рассматривал как нравственный императив, важнейшую аксиому

человеческого бытия. Отнимая чужую жизнь, убийца присваивал власть для человека недоступную, власть, обусловленную Божьим промыслом. Кроме того, Ильин подчеркивал «исключительную и абсолютную нелюбовность» убийства, приводившего к полному нравственному отрыву убийцы от остального человечества. Наконец, смерть другого носило непоправимый, безвозвратный характер, что исключало возможность исправления, восстановления утраченного [2, с.10-20]. В результате, убивающий испытывал «глубокий и мучительный кризис», так как никакие объективные или субъективные обстоятельства не способны были оправдать убийство и/или сделать его «нравственно обоснованным» [2, с. 16-17].

В то же время убийство на войне, по мнению Ильина, смягчалось на уровне индивидуального восприятия рядом обстоятельств. Во-первых, приказ убивать в случае вооруженного конфликта исходил от государства, с которым человек находился в состоянии политического и правового подчинения. Во-вторых, в момент войны «противно-любовный отрыв» происходил прежде всего на коллективном уровне, так как был обусловлен целым комплексом международных социально-политических противоречий. Однако, как считал Ильин, общая вина за военные убийства не снимает проблему личной ответственности за них. И даже учитывающийся правом тезис о необходимой обороне не мог служить нравственным оправданием убийства во время военного конфликта [2, с. 20-23]. Тем не менее, мыслитель призывал сограждан «взять на себя открыто и сознательно новую вину», защитить слабого и выступить против несправедливости. И пусть необходимость убивать была противна совести, но это духовно-мучительное и несправедливое деяние должно было, по мысли Ильина, стать актом духовного подвига и преодоления на уровне индивидуальном и коллективном [2, с. 24-30]. Именно в этом своем конечном понимании войны, как вынужденного, но необходимого действия, где нравственное противоречие не разрешается, но «приемлится и изживается», философ расходился с Л.Н. Толстым. В дальнейшем эти разногласия лишь усилились, чтобы в конечном счете привести к полному неприятию Ильиным идеологии «толстовства» [3].

Эта объяснимая в условиях военного времени эволюция стала заметной уже в следующей большой работе Ильина «Духовный смысл войны» (1915 г.). В ней вооруженный конфликт приобретал более комплементарное, хотя по-прежнему далеко неочевидное содержание. «Война, – писал философ, – насильственно вдвинула в наши души один общий предмет; она противопоставила нашему мелкому повседневному «здесь» – некое великое «там» и потрясла нас этим «там» до корня» [1, с. 9]. В описаниях Мировой войны Ильин отказался от прежних этических категорий «греха», «совести» и «вины». Идея индивидуальной ответственности оказалась поглощена коллективным и обезличенным «мы», в котором личная вина за убийство постепенно растворилась в

«общем интересе» [1, с. 8-9]. Война становилась источником единения, взаимного понимания и доверия. «Мы говорим друг с другом о войне, – восклицал философ, – и не чувствуем ложного стыда – любить наше общее, вместе радоваться его подъему и его высоте, вместе скорбеть об его несовершенствах и неудачах» [1, с. 10].

Неудивительно, что этот «новый» Ильин уже по-другому воспринимал прежние моральные авторитеты. Если в 1914 г. идея о «несопротивлении нападающему» казалась ему недооцененным и действенным средством борьбы со злом, то спустя всего год Толстой превратился в «беспокойного и неудобного мечтателя» [1, с. 8; 2, с. 26-27].

«Грех убийства» (отметим, что слово «убийство/убиение» в этой статье почти не упоминалось) сменился трагедией смерти, требующей преодоления и смирения. Именно преодоление «инстинкта самосохранения», по мнению мыслителя, превращало войну в «духовное испытание и духовный суд» [1, с. 12-13]. И если война как организованное убийство есть проявление вины и жестокости, то в качестве духовного порыва и акта самопожертвования она превращалась в подвиг [1, с. 33]. Человек на войне защищал самое дорогое и ценное для него, а сам конфликт становился учителем жизни, едва ли не мудрым наставником. «Война учит нас проверять нашу жизнь, – утверждал Ильин, – ее достоинство, ее качество, ее верность, ее правоту, поставляя ее перед необходимостью защищать дело ее до конца; война учит нас судить и испытывать жизнь смертью и превращать смерть в высшее жизненное и духовное проявление» [1, с. 16]. Именно духовный подъем, вызванный в том числе и войной, должен был обеспечить России победу над врагом и на поле брани, и сфере нравственного испытания. И эта победа, достигнутая как над противником, так и над самим собой сулила начало нового возрождения страны [1, с. 36-38].

Заключение. В качестве выводов укажем, что к проблеме войны и мира А.И. Ильин многократно обращался на протяжении всей своей жизни. Однако публицистика начального этапа Первой Мировой войны важна для объяснения последующей идейной эволюции философа. Антиномичный характер его публицистики 1914-1915 г. предвосхищал скорые изменения во взглядах философа на проблемы насилия и ненасилия. Антивоенный и гуманистический пафос публицистики 1914 г. в работе «Духовный смысл войны» сменился более умеренными, в чем-то даже комплиментарными оценками вооруженных конфликтов. Акцент в ней переносился с личной вины за убийство во время войны, на тот духовный порыв, что получал отдельный человек и общество в целом в период военных действий.

Список литературы

1. Ильин И. А. Духовный смысл войны / И. А. Ильин // Ильин И. А. Соб. соч. : в 10 т. – Т. 9-10. – М. : Русская книга, 1996. – С. 7-38.

2. Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны / И. А. Ильин // Ильин И. А. Соб. соч. : в 10 т. – Т. 5. – М. : Русская книга, 1996. – С. 7-30.
3. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин // Ильин И. А. Соб. соч. : в 10 т. – Т. 5. М. : Русская книга, 1996. – С. 31-220.
4. Мархинин В. В. Теория политического режима в политической философии «Наших задач» (к вопросу о соотношении взглядов И. А. Ильина и идеологии фашизма) / В. В. Мархинин // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : Философия. – 2009. – Т. 7, № 4. – С. 134-139.
5. Чекер Н. В. И. А. Ильин : смысл войны / Н. В. Чекер // Соловьевские исследования. – Вып. 1 (49). – 2016. – С. 105-114.

УДК 130.2

БИБЛИОТЕКА VS. ВОЙНА. ВЗГЛЯД НА ПРОТИВОСТОЯНИЕ В СВЕТЕ ФЁДОРОВСКИХ ИДЕЙ

Олендарь Н.Е.

ГУК «Донецкая республиканская библиотека для молодёжи», г. Донецк, ДНР
nikita-olendar@yandex.ru

Введение. Портрет Николая Фёдорова, русского философа не может не явить собой благовую весть для мест, для умов, где разверзлась проблема взаимоуничтожения, проблема вооруженного конфликта, т.к. «Война обнажает межчеловеческую *неродственность*, демонстрирует силу разделения и вражды в роде людском, недостаток сердечного, братского чувства, без которого невозможно никакое гармоничное устройство» [1, с. 47]. «Патриарх» отечественной космизирующей мысли видел, что война в узком смысле, в широком – рознь, укоренена в бытии и «представляет собой фундаментальное свойство природного порядка существования, стоящего на законе пожирания и борьбы, на «взаимном стеснении и вытеснении» и в конечном итоге – на смерти. Война коренится в глубинах смертного естества [1, с. 48].

Цель. Рассмотреть противостояние двух этосов при помощи инструментария философии общего дела Н.Ф. Федорова.

Основная часть. Преодоление смертности, не только снятие последствий грехопадения с народов настоящих времен, но и возвращение к жизни всех усопших – общее собрание всех, все-соброр, все-братство, все-человечество – постулирует Фёдоров, – и станет настоящим преодолением войны, вражды. Инструментом для совершения этого «всеобщего дела» «Московский Сократ» называет Музей, посредством которого восстановятся образы ушедших, по накоплению всего материального, что могло бы восстановить их: ««Музей есть выражение памяти общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти,

неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц» [2, с. 596]

Музей, хотя и должен был реализовываться повсеместно, имел точки, где почва уже была для него разрыхленной. Речь идёт в т.ч. и о библиотеке: "К самой книге, как выражению мысли и души ее автора, должно относиться как к одушевленному, как к живому существу, и тем более, если автор умер. В случае смерти автора на книгу должно смотреть как на останки, от сохранения коих как бы зависит самое возвращение к жизни автора. Вместе с тем, библиотеки не должны быть только хранилищами книг, не должны служить и для забавы, для легкого чтения: они должны быть центрами исследования, которое обязательно для всякого разумного существа, – все должно быть предметом знания и все - познающими" [3, с. 229].

Также «...библиотека была и должна быть не просто собранием книг, а памятником, сооруженным предкам, в котором книги суть души писателей, а бюсты – их тела. Библиотека основана на глубоко нравственных началах" [3, с. 236]. Библиотека становится храмом, где нарушается закон вытеснения, где возможно выстраивание общеисторической конвы, где сходятся живые и мёртвые, восстанавливаются конкретные лица по букве книги, по бюсту (идеальное устройство библиотечных выставок).

Музей, ко всему прочему, должен быть устроен по принципу «не отделять зерна от плевел» – собирать, составлять целостное полотно ушедшего. Без плохого и хорошего. Такой безоценочный принцип уже подразумевает как бы изъятие разъединяющих признаков в самом зачатке: «Музей, во имя нового нравственного начала, всеобщего родства устрояемый» [3, с. 248]

Заключение. Благодаря Фёдорову библиотека приобретает сакральное значение. И становится плацдармом Музея; «показывает зубки» войне, внутри себя восстанавливая мосток между живыми – сынами и отцами – предками.

Список литературы

1. Гачева А.Г. ««Почему мир не мир?» образ войны в философии русского космизма» Соловьёвские исследования. Выпуск 1(49) 2016. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=25907820> (дата обращения 20.09.2019).
2. Федоров, Н.Ф. Сочинения/Общ.ред.:А.В.Гулыга; Вступ. Статья, примеч. и сост. С.Г.Семеновой. – М.:Мысль,1982. – 711 с.
3. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Том III. – М.: «Традиция», 1997.

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ В СОЗНАНИИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В ГОДЫ НЭП (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОГО ПОДМОСКОВЬЯ)

Прохоров М.Ф., д-р ист. наук, профессор

Институт туризма и гостеприимства (г. Москва) (филиал) ФГБОУ ВО
«Российского государственного университета туризма и сервиса», г. Москва, РФ
mfp@mail.ru

Введение. На протяжении первой трети XX в. население России проживало в условиях разрушительных революционных катаклизмов, войн и послевоенной разрухи. Подобная обстановка не могла не оказать влияние на менталитет и сознание советских людей 1920-х годов.

Цель исследования. Рассмотреть тему войны в сознании советских людей в годы НЭП. Учитывая масштабность темы, ограничим ее территорией Западного Подмосковья, точнее, западной частью предместья Москвы - Кунцево и Фили с окрестными поселениями, которые входили в состав Козловской волости Московского уезда. Эта местность выделялась развитой промышленностью и сельским хозяйством. Тема, поставленная в указанных хронологических и территориальных рамках, недостаточно отражена в литературе, хотя проблема угроза войны в сознании советских людей получила отражение в трудах исследователей [1–3].

Основная часть. Отметим, что данная проблематика имеет междисциплинарный характер, находится на стыке философии, истории, социологии и психологии. Статья построена исключительно на новых архивных материалах, извлеченных из Центрального государственного архива гор. Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы (ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ) и Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО).

С окончанием гражданской войны и переходом к восстановительному периоду проблема войны по-прежнему занимали важное место в повседневной жизни людей. Постоянное осложнение международной обстановки, враждебное отношение ведущих стран Европы к СССР, провокационные убийства советских дипломатов В.В. Воровского в 1923 г. и П.Л. Войкова в 1927 г. нередко вели к обострению внутренней обстановки в стране и угрозе новой иностранной интервенции. В памяти людей все еще оставалась незабываемая обстановка военного времени с ее человеческими страданиями и бытовыми лишениями. На протяжении всех 1920-х годов наблюдался военный ажиотаж в партийных и советских кругах, а среди населения зрела паника, ходили бесконечные слухи о предстоящей войне и голоде.

На это указывают многочисленные факты, приводимые в информационных отчетах в ГПУ и ОГПУ по ближайшему Подмосковью за

1923-1929 гг. В начале 1923 г. по Москве и Подмосковию ходили постоянные разговоры о якобы готовящейся войне России с Турцией и Францией. Тревожная обстановка сложилась в Козловской волости Московского уезда в конце 1923-начале 1924 гг., вызванная последствиями ультимативной ноты министра иностранных дел Великобритании Д. Керзона к Советскому правительству. Хотя отношения с Англией нормализовались, но в советских и партийных кругах все еще царила военная атмосфера. Так, на заседаниях Бюро РКП (б) Козловской волости в начале 1924 г. постоянно обсуждались вопросы о военной угрозе и необходимости мобилизации населения на отпор потенциальному агрессору. В результате такой военной риторики для населения было ясно: война неизбежна, и надо закупать продовольствие [4; 5; 7; 9. Д. 41, л. 7].

В 1925 г. вопрос о войне по-прежнему занимал важное место в повседневной жизни населения. Во время траурной годовщины со дня смерти В.И. Ленина на многих сельских сходах и в рабочих коллективах лекторам задавали волнующий людей вопрос: «Будем ли мы воевать?». Потенциальных агрессоров советские люди в то время видели в Польше, с которой произошел ряд пограничных конфликтов, и в Германии, где новым президентом в 1925 г. был избран П. фон Гинденбург, с которым ассоциировалась Первая мировая война, и оккупация немецкими войсками части территории России. В информационном обзоре ОГПУ за май 1925 г. по Московскому району подчеркивалось, что «распространяются слухи о войне с Польшей, ... и возможности войны с Германией» [6. Д. 71, л. 67 об., 372 об.; Д. 75, л. 44 об.].

Обострение ситуации с продовольствием и промышленными товарами нередко толковалось как свидетельство надвигающейся военной катастрофы. Среди населения в 1926 г. вновь идут разговоры о предстоящей войне и голоде. В информационном обзоре ОГПУ за 18-20 марта 1926 г. указывается, что подобная ситуация с продовольствием, по мнению населения, связана с продажей зерна за границу [6. Д. 70, л. 12-14; 11, л. 1-5]. Аналогичная ситуация складывается и в последующие годы, а в 1929 г., в год «великого перелома», в стране разразился крупномасштабный продовольственный кризис. Он проходил на фоне обострившегося вооруженного конфликта между СССР и Китаем из-за КВЖД.

Вопросы обеспечения населения продовольствием были в острой форме поставлены в марте 1929 г. выступающими на Пленуме городского совета г. Кунцево. В приводимом перечне жизненно важных вопросов, волнующих городское и сельское население, одно из первых мест занимал вопрос: «Продают ли хлеб за границу?» [10, л. 48-49].

Одну из причин нехватки продуктов первой необходимости люди связывали, как и прежде, с обострением международной обстановки и надвигающейся угрозой войны. В частности, среди рабочих кунцевской фабрики Ногина ходили довольно обстоятельные разговоры следующего

содержания: «Правительство хлеб заготавливает и отправляет за границу, компенсируя старые долги, откупаясь от войны.». Одновременно здесь шел слух о том, «что скоро будет война с Польшей» и поэтому «хлеб в магазинах придерживают». Причина дефицита продовольствия, связанная с экспортом зерна за границу, имела довольно широкое хождение в рабочей и крестьянской среде. Во время разгара продовольственного кризиса 1929 г. среди жителей западного предместья Москвы (Мневники, Карамышево, Терехово) шли разговоры о том, что «правительство скрывает от нас, что вывозили хлеб за границу». В политическом обзоре по Московскому уезду за октябрь 1929 г. подчеркивалось, что слух об «отсутствии продуктов объясняется вывозом их за границу» [9. Д. 41, л. 109, 219; 12. Д. 13, л. 2]. В сознании советских людей экспорт сельскохозяйственной продукции в условиях ее нехватки для собственного народа является неприемлемым.

Заключение. Советская пропаганда идеи пролетарской солидарности, классового интернационализма и мировой революции не могла не сказаться на сознании рабочих и крестьян в 1920-е годы. Трудящиеся Кунцево с большим вниманием следят за международной обстановкой, остро реагируют на враждебные выпады против СССР. Всеобщая забастовка английских шахтеров в 1926 г. вызвала солидарность советских рабочих. На кунцевских предприятиях происходят массовые митинги, организуется сбор денежных средств в фонд бастующих горняков. Но на митингах звучали не только лозунги пролетарской солидарности. В отдельных выступлениях вновь выдвигаются леворадикальные лозунги мировой революции, и ее осуществление любыми средствами [7; 12, л. 13 об.].

Итак, на протяжении 1920-х годов жители западных предместий Москвы, как и все население страны, находились в состоянии военного напряжения. Надежда на мирный труд нередко угасала из-за политической нестабильности в СССР, обострения международной обстановки и угрозы войны.

Список литературы

1. Баранов А.В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России)// Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. с. 175-193.
2. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику». Советское общество внешняя угроза в 1920-1940-е гг. М.: Изд-во Кучково поле. 2008. 384 с.
3. Ильинский И.М. О «культуре» войны и Культуре мира. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ. 2003. – 126 с.
4. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 49.
5. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Оп.5. Д. №47.
6. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.3. Оп. 6. ДД. 70, 71, 75.
7. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 3. Оп.7. ДД. 56, 60.

8. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д. 89.
9. ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 41.
10. ЦГАМО. Ф. 261. Оп.1. Д. 104.
11. ЦГАМО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 53.
12. ЦГАМО. Ф. 4999. Оп. 1. Д. 13.

УДК 140.8

Н. БЕРДЯЕВ И М. ХАЙДЕГГЕР КАК ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ: ЛИНИИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Ревяков И.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

revyakov@yandex.ru

Введение. Под традиционалистами в настоящей работе мы понимаем не тех, кто придерживается традиционного уклада жизни, а тех, кто мыслит в рамках Традиции, но не некой традиции мышления (например, сократической или гегелевской), а Традиции как архитектурного принципа организации всего человеческого общества, Традиции как некоего изначального принципа мировоззрения.

Целью данной работы является рассмотрение философских позиций Н.А. Бердяева и М. Хайдеггера как выражений традиционалистского образа мысли.

Основная часть. Традиция, понимаемая, с одной стороны, как архитектурный принцип организации человеческого общества, а с другой – изначальный принцип мировоззрения и, соответственно, мироотношения, по сути дела, является собственно метафизическим знанием в прямом смысле этого слова, то есть знанием трансцендентного (и, тем самым, запредельного, безотносительного, абсолютного и, значит, истинного) и его знаков, то есть того, с помощью чего она обнаруживает свое проявление в этом мире [6, с. 32–33].

В «Философии свободы» Н.А. Бердяев ставит весьма категорический диагноз ситуации современного мышления и всей современной эпохе, напрочь утратившей органический характер, а именно [4, с. 6–7].

В «Царстве Духа и Царстве кесаря» он конкретизирует причины этой негативной (а, по сути дела, скверной) ситуации, когда «пошатнулась сама идея истины» [5, с. 224], и мир при этом «находится в бессмысленном состоянии» [5, с. 235].

Истина же, с точки зрения Н.А. Бердяева, – это «свет Логоса, возгоревшийся в самом бытии, если употреблять традиционную терминологию, или в глубине существования, или жизни» [5, с. 228], или

Бог [5, с. 241], а «прообразом осуществленных божественных тайн» является культ [3, с. 271], который, в свою очередь, является источником культуры [3, с. 270–271]. При этом, истоки культуры сакральны, природа культуры религиозна, а сама культура символична [3, с. 270–271].

Основанием же культуры является традиция как предание и преемственность [3, с. 271].

Традиция же сама по себе метафизична и мистична, а мистика «есть духовный путь и высшие достижения на этом пути» [1, с. 132].

Культуре, при этом, противостоит цивилизация, которая и является источником и выражением кризиса, а также формой проявления критической эпохи [3, с. 271–272].

При этом, «современный мир ввергается во все большую и большую тьму. От целостной Истины человек отпадает, и раскрывающиеся ему отдельные истины не помогают ему» [5, с. 230], поскольку «ситуация человека в мире делается абсурдной, бессмысленной. Он погружен в бессмысленность жизни, но не признает смысла, который только и может оправдать бессмысленность. Мир приходит к рационализированной тьме... Господство рационализированной техники делает ситуацию человека в мире абсурдной. Эта ситуация человека, эта выброшенность его в мир абсурда, отразилась в философии Хайдеггера» [5, с. 251], который «сейчас особенно важен» [5, с. 229].

Что же такого важного говорит М. Хайдеггер? В своем докладе «Вопрос о технике» М. Хайдеггер говорит об опасности технократизма, обезличивающего человека, превращающего последнего из человека творящего в человека потребляющего, что является диагнозом современной ситуации [7, с. 226–227].

Однако недаром данный доклад М. Хайдеггер завершает стихами Фр. Гельдерлина:

«Но где опасность, там вырастает И спасительное», поскольку: «Поэтически живет человек на этой земле» [7, с. 238], ибо именно «поэзия являет истину в сиянии» красоты [7, с. 238].

С точки зрения М. Хайдеггера, «отъятие мира и распадение мира необратимы. Творения уже не те, какими они были. Правда, они встречаются с нами, но встречаются как былые творения. Былые творения, они предстают перед нами, находясь в области традиции и в области сохранения» [8, с. 135] и именно «бытию творения принадлежит восстановление мира» [8, с. 147].

Именно подлинный поэт, по утверждению М. Хайдеггера, «видит приход того, что должно высказать его слово, – приход святого» [9, с. 217], а святое «которое “времен древнее” и “богов превыше”, обосновывает своим приходом какое-то другое начало какой-то другой истории. Святое начально и наперед решает в отношении людей и богов, есть ли они, и кто они, и когда они, и как» [9, с. 159].

И здесь М. Хайдеггер опять сопрягается с Н.А. Бердяевым, который в своей работе «Смысл творчества» писал буквально следующее: «Чаяния творческой эпохи – чаяния эпохи художественной, в которой искусство будет главенствовать в жизни. Художник – всегда творец. В искусстве есть творческая победа над тяжестью «мира сего» – никогда не приспособление к этому «миру». Акт искусства прямо противоположен всякому отяжелению, в нем есть освобождение. Сущность художественного творчества – в победе над тяжестью необходимости. В искусстве человек живет вне себя, вне своей тяжести, тяжести жизни.

Всякий творческий художественный акт есть частичное преобразование жизни. В художественном восприятии мир дан нам уже просветленным и освобожденным, в нем прорывается человек через тяготу мира» [2, с. 437–438].

Заключение. Вот к осуществлению этого прорыва как способа духовного спасения человека от тяготы и бремени повседневного мира, повседневной суеты, прорыва от быта к бытию, от относительного к абсолютному и были направлены устремления Н. Бердяева и М. Хайдеггера как традиционалистов.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения / Н. А. Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 381 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 251 – 580.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев. – М. ООО «Издательство АСТ», 2004. – 333 с.
5. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 224 – 334.
6. Ревяков И.С. Герменевтика и традиция: аспекты соотношения // Традиция и традиционализм: материалы Круглого стола (Донецк, 11 ноября 2011 г.). – Донецк: ИПИИ «Наука и образование», 2011. – С. 31 – 33.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 221 – 238.
8. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. А. В. Михайлова. – М.: Академический Проект, 2008. – 528 с.
9. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина / Пер. с нем. Г. Б. Ноткина. – СПб.: Академический проект, 2003. – 320 с.

АЛЬБЕР КАМЮ О «КОРИЧНЕВОЙ ЧУМЕ»

Роцин М.Ю.

ФГБУН «Институт востоковедения РАН», г. Москва, РФ
eastertraveller@mail.ru

Введение. Пожалуй, самым известным и вторым по счету романом, упрочившим репутацию Камю как мастера литературы, стала «Чума», опубликованная в 1947 году. Роман, в основном, писался в военные годы, хотя и вышел после войны. В этом смысле он несет явный отпечаток военных впечатлений Камю о «коричневой чуме» нацистов. Читая роман, невольно вспоминаешь слова Вячеслава Иванова, сказанные им о символе: «Он многолик, многозначущ и всегда темен в последней глубине». Роман символичен, хотя и погружен в особый мир, не лишенный тесных связей с реальностью.

Основная часть. В центре романа доктор Риэ, занимающий простую и ясную стоическую позицию во время нахлынувшей на город Оран эпидемии: «Сейчас есть больные и их надо лечить. Размышлять они будут потом, и я с ними тоже. Но самое насущное – это их лечить. Я как умею, защищаю их, и все тут». Доктор не верит в Бога и ведет постоянный спор с ученым священником Панлю: «Для меня такие слова, как спасение человека, звучат слишком громко. Так далеко я не заглядываю», но тем не менее они вместе: «Вы сами знаете, что я ненавижу зло и смерть. И хотите ли вы или нет, мы здесь вместе для того, чтобы страдать от этого и с этим бороться». Возможно, излишне скептический читатель подумает, что это звучит спорно. О том, что это не так, вспоминает в своей второй проповеди Панлю. Он рассказывает, что во время великой марсельской чумы в одной обители из 81-го монаха выжило четверо, из которых трое разбежалось, но остался один: «Братья мои, надо быть тем, который остается!» Панлю призывает следовать принципу Риэ: оставаться до конца, даже в невыносимых обстоятельствах.

В течение всей жизни Камю много и серьезно интересовался христианством, начиная еще с годов учебы в лицее и университете. Одним из его любимых философов был Николай Бердяев. Ну и, разумеется, страдания невинных детей (тема в литературном плане, пришедшая от Достоевского) играют в «Чуме» очень важную роль.

Третий по идейной значимости герой романа Тарру – близкий друг и сподвижник доктора. Он многое пережил в своей жизни и стал убежденным противником смертной казни и пацифистом. Как и доктор Риэ он не верит в Бога, но считает, что для людей важен образ святого человека, того, кого он называет, «святым без Бога». Тарру не уверен,

насколько это возможно, и сама мысль не навязывается читателю, а скорее обозначена как вопрос.

Панлю, Тарру и Риэ задают ритм идейных дискуссий в романе, наложенных на трагическую хронику чумной эпопеи в Оране. Как противостоять злу – автор старается показать художественными средствами, изложенными в богатой нюансами притче. Преодоление зла так и остается открытым вопросом. Об этом в конце романа размышляют доктор Риэ и сливающийся с ним автор: «Но вместе с тем он понимал, что эта хроника не может стать историей окончательной победы. А может она быть лишь свидетельством того, что следовало совершить и что, без сомнения, обязаны совершать все люди вопреки страху с его не знающим устали оружием, вопреки их личным терзаниям, обязаны совершать все люди, которые за невозможностью стать святыми и, отказываясь принять бедствие, пытаются быть целителями».

В качестве четвертого героя «Чумы» я бы выделил журналиста Рамбера, который оказался в зараженном городе случайно и стремится воссоединиться со своей любимой женщиной. Она находится далеко, и поехать к ней невозможно. Рамбер соглашается помогать доктору Риэ в его противостоянии чуме: борьба со смертельной угрозой объединяет антифашистов разных взглядов и разных жизненных устремлений. Рамбер уходит в тот момент, когда эпидемия побеждена и личная жизнь возвращается: «Смутное и в то же время жгучее чувство, вскормленное этим многомесячным существованием, потерянным для любви, именно оно это чувство, требовало некоего реванша — пусть часы радости тянутся вдвое медленнее, чем часы ожидания». Читая эти строки, я думал, с кем из русских авторов можно их сопоставить, и вспомнил о «Сестрах» Алексея Толстого. Там, правда, любовь играет еще более важную роль, как сила, позволяющая преодолеть хаос и разруху времен первой мировой войны и революции: «Уютный, старый, может быть слишком тесный, но дивный храм жизни содрогнулся и затрещал от ударов войны, заколебались колонны, во всю ширину треснул купол, посыпались старые камни, и вот, среди летящего праха и грохота рушащегося храма, два человека, Иван Ильич и Даша, в радостном безумии любви, наперекор всему, пожелали быть счастливыми». Любовь присутствует у Толстого как важнейший положительный императив, и этим его хроника смутного времени приближается к притче Камю.

Камю оставил открытый финал с поставленными, но не решенными вопросами. Я ясно чувствовал это с самого начала, но в тот момент, когда писал этот текст (декабрь 2013 г.), смысл послания Камю мне не был отчетливо понятен. А роман между тем заканчивается так: Риэ знал, «что микроб чумы никогда не умирает, никогда не исчезает, что он может десятилетиями спать где-нибудь в завитушках мебели или в стопке белья, что он терпеливо ждет своего часа в спальне, в подвале, в чемодане, в носовых платках и бумагах и что, возможно, придет на горе и в поучение людям в

такой день, когда чума пробудит крыс и пошлет их околевать на улицы счастливого города». И вот в наши дни «коричневая чума» в виде украинского неонацизма вернулась и накрыла своей грязной волной Донбасс.

Заключение. В конце 1950-х гг. писатель достигает не только нового уровня зрелости, но и становится заметным общественным деятелем, которого в виду его твердых нравственных принципов все чаще называют «Совестью Запада». Во многом это было обусловлено его жестким неприятием терроризма и нацистской идеологии, нечувствительность к опасности которой становится тем дальше, тем больше характерной приметной современного западного мира.

УДК 1(091)

ФИЛОСОФЕМЫ В ГОРНИЛЕ ПОЭТИКИ: АЛЕКСАНДР ГРАДСКИЙ

Савицкий В.Ю.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vsavi2010@gmail.com

3 ноября 2019 года исполняется 70 лет выдающемуся советскому и российскому певцу, поэту и композитору Александру Борисовичу Градскому.

Александр Градский – один из основоположников русского рока, мультиинструменталист, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (1997), Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1999), Народный артист Российской Федерации (1999), Народный артист Приднестровской Молдавской Республики (2014), руководитель театра «Градский Холл» (открыт в 2014-м году).

Значение Александра Градского для отечественной и мировой музыки трудно переоценить, а его достижения и заслуги тяжело сосчитать.

Основатель третьей по времени создания (после «Братьев» и «Сокола») советской рок-группы «Славяне» (1965) и принёсшей ему наибольшую популярность — «Скоморохи» (1966).

В начале 1970-х годов А. Градский стал самым молодым композитором советского фильма «Романс о влюбленных» (режиссёр А. Михалков-Кончаловский), в котором не только сочинял музыку, но и исполнял вокальные партии. После выхода фильма музыкальный журнал «Billboard» объявил Градского «Звездой года» (1974) «за выдающийся вклад в мировую музыку».

Будучи выпускником факультета академического пения ГМПИ им. Гнесиных (1974) и Московской консерватории по классу композиции у

Т. Н. Хренникова (1977), Александр Градский реализовал в полной мере не только свои исполнительский и композиторский таланты, но и поэтический дар.

В поэтике Градского поражает буквально всё – колоссальная эрудированность, грамотная речь и манера изложения, острота и символичность текста, фантастическое умение «играть словами» («Я – не поэт, хоть удачно играю словами»).

Градский всегда писал остро, точно и ёмко, сатирично и с юмором, но самое главное – философично. Его тексты, исполненные духом свободы и перманентной свежестью, раскрывают перед слушателем (или читателем) новые горизонты мышления («...И, растирая извилины на лбу сухом, Вы незаметно работаете головами»), заставляют пересматривать и, более того, менять привычные образы поведения и действия, укрепляют веру в себя, любовь к жизни и, без сомнения, любовь к Отечеству – к России.

Осознавая множественность социально-экономических, политических и просто «жилищных» трудностей, Градский никогда не стремился эмигрировать, но наоборот всячески утверждал необходимость продолжать жить и трудиться на благо Родины, а максимализм и категоричность русского человека воспринимал как имманентное всему «русскому» свойство: «Не удивляет нас нашей страны неустройство, Но восхищает, что мы продолжаем тут жить. И не желудка расстройство сулит беспокойство, А беспокоит, как лучше державе служить» («Песня об иносказательности»).

Наиболее отличительной особенностью поэтики Градского является её «укоренённость» во всём русском – истории, культуре, литературе, искусстве: «...для меня наличие корней имеет большое значение: уезжаешь, а корни из чужой почвы не подпитываются. Вот и получается, что наша жизнь, бедная и неухоженная, мне милее, чем всё, что я видел за границей» [2].

В противостоянии прогрессирующей сегодня массовой безграмотности и невежественности Градский занимает особое место на передовой в рядах деятелей отечественной культуры, призывая молодое поколение к личностному росту и самостоятельному мышлению: «Наши дети растут, возвращается все на круги и чердаки на земле, я надеюсь, не перевелись» («Чужой мотив»).

Написанные Градским тексты песен содержат множественные отсылки к произведениям или событиям из жизни русских поэтов, писателей, музыкантов, учёных: А.С. Грибоедову, Н.А. Некрасову, В.В. Маяковскому, Б.Л. Пастернаку, А.С. Пушкину, В.С. Высоцкому, А.А. Башлачеву, А.Д. Сахарову и другим.

Произведения западной культуры, творчески переработанные Градским, получали новое звучание и смысл в его песнях («All you need is Love» by The Beatles в «Ливнях на море», «Superstitious» by Stevie Wonder в «Супертише» и другие).

Заграничные поездки Градский осуществлял исключительно с целью реализации новых творческих проектов и расширение профессионального круга своей деятельности. Так, в 1988 году Градский впервые поехал за границу – в США, а затем посетил Германию, Испанию, Грецию, Швецию и Японию, где работал в совместных проектах и концертах с такими «китами» западной музыки, как Лайза Минелли, Шарль Азнавур, Джон Денвер, Крис Кристоферссон, Дайон Уорвик, Сэмми Дэвис, Грэйтфул Дед, Синди Петерс.

Автор музыки более чем к 40 художественным фильмам, нескольким десяткам документальных и мультипликационных фильмов, он выпустил более 18 долгоиграющих дисков, несколько рок-опер и рок-балетов.

Градский никогда не был равнодушен к происходящим в стране событиям и часто свои переживания, своё особое мнение виртуозно выражал в песнях. Обладая уникальным трёхоктавным голосом и шедеврально им владея, он в свойственной только одному ему манере с иронией и юмором указывал на несовершенство государственного устройства и существующих в общественном сознании идеальных представлений.

Особое место в творчестве Градского занимают «диалогичные», «вмонтированные» в песни ответы на произведения других авторов: «А мы не ждали перемен» – на «Мы ждём перемен» В. Цоя, «Наша экспедиция прёт не за туманом» – на «За туманом» Ю. Кукина и других.

Будучи всегда требовательным в своей профессиональной деятельности к себе и другим, Градский «превратился в несокрушимую скалу духа. И ему дано «не потеряться и не растеряться» и «не растереться... в пыль дороги». Это подлинный талант, стремящийся объять необъятное в рамках человеческой жизни, которая подобно легкому дуновению ветра приносит из космоса море смутных ощущений, осмыслить которые (и тем более увековечить в сочетании нот и слов) не хватит времени даже гению. У него – одному ему ведомая система координат. И особая дорога в жизни» [4, с. 32].

Единственный в своём роде Александр Градский, несомненно, является флагманом отечественной культуры, к творчеству которого неоднократно будет обращаться не одно поколение.

Список литературы:

1. Сайт о творчестве Александра Градского // <http://www.gradsky.com> (дата обращения: 19.09.2019)
2. О книге «Александр Градский. The ГОЛОС» // Издательский дом «Новый взгляд» URL: <http://www.newlookmedia.ru/?p=33384> (дата обращения: 19.09.2019)
3. Александр Градский: «Музыка существует для выражения главного и необъяснимого» // Обозреватель Дмитрий Быков «Новая газета» 27.12.2013 г. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/12/27/57826-aleksandr-gradskiy-171-muzyka-suschestvuet-dlya-vyrazheniya-glavnogo-i-neob-yasnimogo-187> (дата обращения: 19.09.2019)
4. Евгений Додолев. Александр Градский. The Голос. — М.: Рипол-классик, 2013. — 256 с.

АКСИОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Севостьянов Д.А., канд. мед. наук, доцент

ФГБОУ ВО Новосибирский государственный аграрный университет, г. Новосибирск, РФ
dimasev@ngs.ru

Введение. Война представляет собой форму конфликта, в которой важнейшую роль играют ценности, присущие представителям противоборствующих сторон. Если в мирное время ценностные ориентации людей могут быть каким-то образом завуалированы и представлены неявно, то во время боевых действий они обнажаются и проявляются в наиболее понятной, доступной, зримой форме. Ценности по своей природе социальны, и в то же время составляют важнейший компонент в структуре каждой отдельной человеческой личности. При этом ценности разнородны и в своей совокупности составляют иерархическую систему. Иерархичность ценностей признается многими авторами [1–3]. Особенности ценностей проявляются, среди прочего, и в общесистемных свойствах иерархий.

Цель исследования – выявление особенностей иерархической организации ценностей в условиях войны.

Основная часть. Одно из важнейших общесистемных свойств иерархий заключается в возможности формирования инверсивных отношений [4]. Инверсия представляет собой форму отношений в иерархии, при которой низший, подчиненный элемент приобретает в системе главенствующие черты, оставаясь при этом формально на своей прежней, подчиненной иерархической позиции. Иными словами, в системе возникает противоречие между подчиненным положением элемента и его действительной ролью в ней. Не составляет исключения и иерархия ценностей. В ней также возможно развитие инверсивных отношений. Это обусловлено прежде всего двойственностью системы ценностей, которая одновременно выступает и в социальном, и в сугубо индивидуальном, личностном качестве. Состояние системы, при которой инверсий в ней нет, то есть сохраняются изначальные, базовые иерархические отношения, получило название отношений ордера.

Инверсия в иерархической системе создает внутреннее напряжение, в результате которого данная система может быть разрушена. Примечательно, что когда инверсия развивается в производной системе (а иерархия ценностей есть производная система по отношению к системе «общество»), то угроза атомизации и распада затрагивает и породившую систему (то есть, в этом случае – социальную систему). Если в иерархии ценностей, присущей данному социальному сообществу, развились

выраженные инверсивные отношения, то такое сообщество, вероятнее всего, обречено; особенно ярко эта угроза проявляется в условиях войны. Дело в том, что даже при сильно выраженных внутренних противоречиях социальная система редко умирает, что называется, своей смертью. Данное сообщество просто становится жертвой более пассионарных соседей, у которых такой ценностной инверсии нет и сохранены отношения ордера. Так в истории происходило крушение крупнейших человеческих сообществ, таких, например, как Римская империя.

Ценность, будучи социальной, должна быть и просоциальной, то есть поддерживать существование того социума, в котором она получила развитие. Если же в обществе получают преимущественное распространение другие ценности, ценности гедонистического плана, сугубо индивидуальные (направленные на получение максимума наслаждений и на избегание боли) – такое общество обречено.

Какая же ценность является по определению основной, просоциальной, необходимой для существования данного сообщества, для идентификации с ним составляющих его индивидов? Эта ценность – прежде всего культура, в основе которой – язык.

Язык не может быть назван ценностью, просто по определению составляющей основу национальной идентичности, поскольку существует немало весьма различных народов, в силу исторических причин говорящих на одном языке. Если мексиканец говорит по-испански, это не означает, что он тем самым идентифицирует себя с народом Испании. Если житель Бразилии говорит по-португальски, это не делает его португальцем. Общность языка не мешала странам и народам вести друг с другом кровопролитные войны, такие, как парагвайско-болливийская война 1932–1935 годов или американская война за независимость. Однако в тех случаях, когда конфликтующие стороны различаются еще и языком, он безусловно становится такой ценностью:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово (А. Ахматова).

Культура включает в себя много элементов помимо языка, и при всей ее структурной сложности, будучи основой для национальной идентичности, она может рассматриваться с холистических позиций как целое. Если же культура как высшая ценность уступает свои позиции гедонистическим ценностям, возводящим в Абсолют личные удобства – перед нами инверсия, ведущая к краху. Это крах и в нравственном отношении: находится множество любителей убивать за деньги, то есть за возможность получать удовольствия, но проявлять героизм и погибать за деньги глупо, ибо мертвому деньги не нужны. Хорошо известно, что жестокость на войне становится оборотной стороной трусости.

Военный конфликт в Донбассе примечателен именно в отношении ценностей противоборствующих сторон, поскольку фактически это конфликт между русскими людьми, часть которых, однако, из соображений некоторых своеобразно понимаемых личных удобств решила отречься от русской культуры (а в итоге – и от русского языка) и стать «европейцами». В данном случае имеет место ценностная инверсия, получившая чеканное отображение в афоризме, приведенном известным журналистом и телеведущим М.В. Леонтьевым: «Свидомый украинец – это русский человек, который настолько расхотел быть русским, что перестал быть человеком».

Так, важным свойством русской национальной культуры является отношение к смерти врага. В западноевропейской культурной традиции существует обычай праздновать смерть врага. Этот, по существу, варварский обычай проник везде, где наличие собственной культуры не диктовало иного подхода. Европейцы бурно праздновали смерть Муссолини, американцы (столь же бурно) – смерть Бен Ладена, ливийские повстанцы – смерть Каддафи. Известно публичное ликование жителей Великобритании по поводу смерти Маргарет Тэтчер, которая под конец своей политической карьеры не пользовалась популярностью у своих соотечественников. Но русскому человеку данный обычай решительно чужд. Русским не приходило в голову праздновать ни смерть Басаева, ни смерть Хаттаба, ни даже смерть Гитлера. Всякая культура есть система запретов. Нельзя плясать на чужих костях, ибо завтра спляшут и на твоих. И весьма примечательно, что люди, считающие себя украинцами, легко сбрасывают с себя этот ненужный им запрет. Как и «цивилизованные» европейцы, они склонны теперь выражать бурную радость по поводу смерти людей, которых им хочется считать своими врагами. Примеров этому столько, что они у всех на слуху и упоминать их не хочется.

Заключение. Известно, что победу в войне одерживает тот, у кого имеется прежде всего духовное превосходство над противником. Этот тезис блистательно доказан многими примерами, в первую очередь из русской военной истории. С аксиологической же точки зрения, поражение в войне терпит тот, чье поведение обусловлено ценностной инверсией.

Список литературы

1. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история / В. Виндельбанд. Пер. с нем. – М.: Юрист, 1995. – С. 40.
2. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. Пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 366–368.
3. Шелер М. Избранные произведения / М. Шелер. Пер. с нем. под ред. А. В. Денежкина. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
4. Севостьянов Д. А. Противоречие и инверсия / Д. А. Севостьянов. – Новосибирск: ИЦ НГАУ Золотой колос, 2015. – 245 с.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В МИРОВУЮ ИСТОРИЮ: РУССКОЕ ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НА ПУТИ К УНИВЕРСАЛЬНОМУ ИДЕАЛУ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Трухан А.В. канд. филос. наук, доцент

Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
axioma.maxima@mail.ru

Глобальный кризис, поразивший мировое сообщество в конце XX века, имеет идеократическую природу. Он вызван разрушением общественных идеалов, определяющих высшие ценности и цели общественного единства. Европа пережила кризис либерального общественного идеала в XIX веке и выдвинула новую альтернативу – марксистский идеал, который был реализован в общественной жизни советской России. Противостояние отжившего либерального (буржуазного) идеала и прогрессивного коммунистического идеала составило главное содержание социально-исторического процесса в XX веке. Россия и Европа предложили миру два универсальных идеала совершенного общественного устройства, идеологическое противостояние между которыми стало главным условием социального развития в глобальном масштабе.

XX век показал, что идеократическое противостояние России и Европы – тот центр напряжения, который определяет ход мировой истории. Разрушение коммунистического идеала в советском общественном сознании стало главной причиной крушения советского государства и начала кризиса постсоветской идентичности. Россия попала в историческую ловушку межвременья и выпала из мирового исторического процесса. Ликвидация Советского Союза послужила началом разрушения сложившегося миропорядка, обеспечивавшего социальное развитие в мировом масштабе. Историческое поражение коммунистического идеала, завершившееся установлением мировой гегемонии отжившего либерального идеала, привело мировое сообщество к глобальному кризису. Суть этого кризиса – остановка социального развития и регресс человека. Провозглашенный Фукуямой «конец истории» означал не что иное, как конец развития. Европейский либеральный проект социального обустройства мира исчерпал себя. Оказалось, что данный проект может обеспечивать социальное развитие только за счет включения в сферу научно-технического освоения новых пространств. В XX веке это экстенсивное расширение сферы влияния западной цивилизации достигло «пределов роста». Впереди открылась перспектива нового варварства.

В связи с выпадением России из мировой истории, тема отношения России и Европы актуализирует в современной общественной мысли славянофильский подход к ее рассмотрению. Основная теза этого подхода: Европа духовно больна, спасение Европы – историческая задача России. В современных условиях этот тезис может быть сформулирован иначе. Гегемония западной цивилизации привела мировое сообщество к глобальному кризису, выход из которого возможен только через возвращение России в мировую историю. Однако, с чем Россия может вновь войти в мировую историю? Каков мировой запрос к России? – Это универсальный общественный идеал социального развития, способный преодолеть технократическую инверсию ценностей европейского идеала. Но что Россия может предложить миру в состоянии постсоветского кризиса идентичности?

Основная причина выпадения России из мировой истории – разрушение целостности общественного сознания. Советское государство пало, потому что была разрушена вера в коммунистический идеал. Крушение веры в идеал привело к потере общественного единства. Данная механика процесса говорит о том, что ликвидация Советского Союза и последовавший за этим кризис постсоветской идентичности имеет идеократическую природу. Поэтому выход из создавшегося кризиса следует искать через разрешение идеократических противоречий в общественном сознании. Это противоречия, которые задаются противоборством различных идеалов в общественном сознании. Главное противоречие, которое требуется разрешить на пути выхода из кризиса, проходит по линии противостояния советского и досоветского идеалов. Коммунистический идеал потерпел историческое поражение в России. Возможна ли реанимация его в постсоветском общественном сознании? Православный идеал воспроизводится исключительно, как нравственный идеал, и не представлен в общественном сознании какой-либо формой социального идеала общественного устройства. Возможен ли синтез православного нравственного идеала с социальной формой реализации коммунистического идеала советского периода?

Современный кризис постсоветской идентичности вызван отсутствием ответа на поставленные вопросы. Ответ этот не дается русской общественной мысли, потому что поставленные вопросы требуют, прежде всего, не теоретического, а исторического решения. Разрушение советского государства имеет нравственное измерение – это акт исторического предательства обществом своих идеалов. Тех идеалов, за которые предшествующее поколение отцов шло на смерть и лишения ради лучшей жизни своих детей. Кризис постсоветской идентичности – это нравственная расплата «иванам, не помнящим своего родства», предавших идеалы своих отцов. Историческое разрешение этого кризиса состоит в нравственном искуплении этого предательства.

Выпадение России из истории, разрыв исторического самосознания, разрыв исторического бытия, нравственный регресс, непомерное и непреодолимое возрастание социальной несправедливости – все это историческая расплата за предательство своих идеалов. Опыт русской истории показывает, что выход из межвременья дается нашему народу дорогой ценой. В настоящий момент мера народных страданий еще не достаточна для того, чтобы вопрос об искуплении двойного предательства своих идеалов в XX веке (1917 и 1991 гг.) стал предметом общественного осмысления. Значить – главное впереди!

Основное социальное противоречие постсоветской действительности выражается в несоответствии социально-политического и социально-экономического строя общественной жизни идеалам русского идеократического сознания. Это противоречие не может быть разрешено теоретически и устранено путем социально-политических преобразований. Логика сохранения России как цивилизации идеократического типа предписывает один только катастрофический путь выхода из исторического межвременья. Грядущая социально-политическая катастрофа, являя высшую меру искупительных страданий, должна стать необходимой исторической предпосылкой для выработки теоретического ответа на главный вопрос современности: по какому пути пойдет Россия и какой универсальный общественный идеал Россия может предложить миру.

УДК 341.312

КАК ВОЗМОЖЕН СПРАВЕДЛИВЫЙ ЗАХВАТ ЗЕМЛИ: КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕГО ПРОСТРАНСТВА И ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ ФРАНСИСКО ДЕ ВИТОРИИ

Чаганова Д.Н.

НИУ «Высшая школа экономики», г.Москва, РФ

d-chaganova@mail.ru

Введение. Эпоха перехода между поздним Возрождением и Новым временем дала новые поводы к переосмыслению концепта “*iustum bellum*”: после открытия Нового Света и освоения океанических вод вновь возник вопрос о легитимности захвата земель и характеристик, ей сопутствующих, в то время как в Европе велись широкие дискуссии о собственности и праве на владение (*dominium*). Кроме того, морские воды и океан в конце XV – начале XVI веков начинают осмысляться как часть пространства международного взаимодействия, для которого, следовательно, должны быть предложены обоснованные правила. Так проблема разделения до того не обнаруженного

пространства возникает с развитием современных национальных государств, вызывая широкие нововременные дискуссии в теологической, философской и правовой сферах.

Целью работы является рассмотрение вопроса о том, как возможен справедливый захват земли в концепции общего пространства в философии войны Франсиско де Виттории.

Основная часть. Доминиканский профессор теологии, основатель Саламанкской школы Франсиско де Витория (1492-1546) в контексте испанской Конкисты посвятил вопросу о справедливой войне две открытые лекции (relectiones) [2, с. 640-858]: “Об индейцах” и “О праве войны”. Витория обращается к вопросу “De Indis”, чтобы выстроить последовательную концепцию о статусе и правах владения индейцев и основаниях на законное военное вмешательство со стороны Испании, которое было уже активно развёрнуто в 30-е годы XVI века. В лекциях профессор задавался не только политико-философскими и современными ему антропологическими вопросами, но и создал юридически-стройную систему справедливой войны, в которой, как мы полагаем, его концепция пространства (территорий и акваторий) играет ключевую роль. Так, философская система Франсиско де Витории как грамотного теолога не может позволить войны или агрессивного вмешательства, поскольку они будут несправедливы без *iusta causa*. Нельзя также и предположить, что доминиканец выстраивает интервенцию испанцев в индейские земли как легитимную лишь как профессор Испанской империи. В его философии войны *bellum iustum* рассматривается в контексте божественного и естественного права, в основу чего профессор положил рассуждение об общности некоторых пространств. Так, индейцы (несмотря на их неверие) полагаются профессором не только соседями европейских держав (из чего следует, что к ним нужно относиться согласно христианским заповедям), но и “*истинными владельцами*” своих земель, в связи с чем Франсиско де Витория обосновывает несправедливость притязаний Папского престола или императора на открытые ими земли. Важно указать, что в данном контексте в теолого-юридических дискуссиях земли индейцев или любые другие территории выступали как вещь (*res*), которой можно или нельзя владеть человеку вообще; и значительную роль в этом играл спор теологов Саламанкской школы о *характере владения* и составляющих *права* владеть чем-либо. Возможный же захват земель легитимизируется Виторией в томистском ключе: при тезисе об общности пространств и возникшего повода к войне *захват благ, пленников или части земель* трактуется как необходимый шаг для восстановления справедливости/возмещения нанесённого стороне ущерба. Поэтому в обосновании теологом военного вмешательства с последующим захватом земель мы выделим четыре условных блока: концепция *общности пространства* в доктрине Франсиско де Витории, тонкости структуры *dominium*, т.е. права на

владение; доктрина справедливой войны и, наконец, вопрос реституций.

Теолог формирует свою философию войны на основе разделения истории на периоды до разделения собственности и после него. Он отмечает, что с начала мира всё носило *общий* характер (*omnia essent communia*) [2, с. 706], а разделение границ и создание государств не призваны помешать общему использованию территорий и принципу взаимности. Так, океанические и морские воды воспринимаются им как общее пространство, в котором могут взаимодействовать все акторы как равные, пользуясь *общими* благами. Концепт общих земель крепко связан в данной доктрине с аргументом к общему пользованию (но **не** владению): по-аристотелиански трактуя человека как склонного к общению и взаимодействию, Витория обосновывает право народов как открывающее возможность *передвигаться* (*ius peregrinandi*) по всем землям и взаимодействовать с народами (*ius societatis*) [3, с. 13]. На этом моменте он, во-первых, следует военному принципу ненанесения вреда, указывая, что испанцам дозволено посещать новые земли, если они *не вредят* населению и *не испытывают* сопротивления со стороны индейцев; во-вторых, приравнивает право народов к естественному, цитируя Институты: «То, что было установлено природным разумом среди всех народов, называется правом народов» [2, с. 660].

Следуя концепции общего пространства, можно заключить, что акватории и некоторые из земель не могут быть подвергнуты присвоению, но рассматриваются как пространство общего пользования (*usus*). Структура же владения новыми землями закреплена за индейцами как право, однако Витория замечает некоторые сложности в *dominium*. Его соображение опирается на то, что индейцам как менее развитым в институциональном измерении нужна помощь в фактическом *осуществлении* власти или права — то есть, у них есть *ius*, но они не могут правильно осуществить *dominium*. В это же время испанцы, как не наносящие вреда, имеют право пользоваться всеми благами общих пространств (как то золото в реках, рыба и др.) и свободно передвигаться. Правила же справедливой войны и поводов к ней начинают работать, когда индейцы проявляют агрессию, препятствуют передвижению и проходу на земли, пользованию благами, что нарушает принцип *ненанесения вреда* [1, с. 179].

Заключение. В лекции “О праве войны” Франсиско де Витория, вслед за Августином, конституирует справедливую войну как акт воздаяния за причинённую несправедливость не в качестве мести, но в качестве ответа на обиду, равного причинённому ущербу. Следовательно, принимая концепт общего пользования территориями и акваториями, можно заключить, что препятствование такому пользованию и естественному праву передвигаться и свободно общаться и взаимодействовать, что является природной человеческой склонностью, трактуется как несправедливость, то есть легитимная причина начать

войну (хотя Виторией рассматриваются и иные казусы). Захват же благ, земель и пленников по окончании войны расценивается профессором как справедливый, если понесённые нарушителем справедливого порядка убытки будут равноценны причинённому ранее ущербу (*iniuria*), согласно пассажирам Фомы Аквинского о восстановлении справедливости. Таким образом, предпосылка общих земель играет роль конституирующего элемента в философии войны Франсиско де Витории и, отчасти, объясняет военную интервенцию как легитимную.

Список литературы:

1. Truyol y Serra, A. Prémises philosophiques et historiques du “totus orbis“ de Vitoria // Anuario de la Asociación Francisco de Vitoria. Madrid, 1946–1947.
2. Vitoria F. de, OP. Relecciones teologicas. Edicion critica del texto latino, version espanola, introduccion general e introducciones con el estudio de su doctrina teologico-juridica por el padre T. Urdanoz, OP. Madrid: La Editorial catolica, 1960.
3. Иванова, Ю. В. Ad marginem socialitatis: логика войны Франсиско де Витория // Артикульт. – 2014. – № 13(1). – С. 10-25.

УДК 101.9

НАСУЩНОСТЬ РУССКОЙ МЫСЛИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДА)

Шульгин В.Н., д-р ист. наук

Калининградский филиал Академии геополитических проблем,
г. Калининград, РФ

Введение. Н.М. Карамзин учил в европейском «множестве» открывать своё, «народное». Россияне рождёны «с избытком внутренних сил» и должны быть *сами собою*. Русский человек должен оставить путеводителей «и свободный дух его, как орёл дерзновенный, уединённо воспарит в горних пространствах» [5, 145]. Эта задача ещё не решена. Мы ещё не отказались от космополитически-универсалистских предпосылок марксизма, в том числе, – от «кантизма». Это безвременье пока длится и в Калининграде. Нехватка *русизма* у интеллигенции ведёт к восполнению этой недостачи *германизмом*. Немецкая сторона, поощряет отход от национально-ориентированных установок. Представители ФРГ с конца 1980-х навязывают при помощи грантов и т.п. ненаучный взгляд о культуре как «территориальной принадлежности», считая нашу землю немецкой. Предаётся забвению определяющий фактор культуры – её *народность*.

Основная часть. Так, Й. Хакманн, представитель «Балтийской академии» Любека во введении к сборнику статей, выдержанных в

указанном духе, пишет: «жители регионов, окружающих Балтийское море, сами желают формировать своё будущее, *выступая против национал-государственных перспектив*». Они якобы опираются на представление о Балтике как регионе «единых культурных традиций», объединённых общей «идентичностью» [2, 5]. Редактор, конечно, не говорит, что он «в снятом виде» излагает известную германскую имперскую теорию «Центральной Европы» («*Mitteleuropa*»), то есть «Большой Германии», которую развивал ряд теоретиков, в частности, Фр. Науманн (Fr. Naumann).

Директор Кунсткамеры А.С. Мыльников (1929–2003) в статье с «говорящим» названием: «Балтийское море – единство в многообразии» поддержал немцев [3, с. 15-16]. Он по-немецки взирает на российский регион, говоря о не существующем «территориальном» аспекте «культурных традиций». Забыв об определяющем *духе народности* в культуре, он заявил, что в Калининграде «интерес к традициям немецкой культуры стал фактором общественного значения» [3, с. 15-16]. Не указано, правда, что этот «интерес» «конструируется» реваншистскими силами ФРГ.

В рамках ложного «географического детерминизма» в Калининграде давно навязывается почитание И. Канта, несмотря на отрицательное отношение русской мысли к модусу его духовности. Дошло и до прямой русофобии, «подкреплённой» ошибочным восприятием воззрений классиков словесности. «Пушкинист» Ф.З. Кичатов грубо отозвался о представителях патриотического крыла калининградской интеллигенции, как «доморощенных русопёрах», издающих «бешеные вопли» [6, с. 128]. Так он отозвался о критиках ангажированного отношения к И. Канту, не в состоянии оспорить их доводы. Ф.З. Кичатов даже А.С. Пушкина выдал за сторонника немецкой философии, напоминая официальных философов советского периода, умевших «откомментировать» цитаты основоположников марксизма-ленинизма «в любую сторону». Несмотря на иронию поэта, отрицавшего в «Евгении Онегине» приемлемость немецкой учёности для России («Владимир Ленской, с душою прямо геттингенской»), он говорит о «формировании прокантовских взглядов Пушкина». Литературовед пытался «притянуть к Канту» и П.Я. Чаадаева, христианского мыслителя, критика кантовской «автономной этики» для свободного гражданина [6, с. 136].

Десятилетия «кантовской пропаганды» в Калининграде внедряют «моду на Канта». Его поминают по случаю и без, придумывая всё новые «мемориальные» обыкновения. Как-то встретилась показательная газетная заметка ещё из 1999 г. Тогда уже шло «кантовское наступление». Журналистка с придыханием сообщала о выставке «Обед с Кантом» в «Музее Кёнигсберга» (Дуйсбург, ФРГ), восторгаясь: «имя И. Канта навсегда останется для Калининграда его добрым гением, ангелом, символом, в чём-то эталоном, и этот список значений *нашего великого земляка* можно... продолжать» [4]. Подобная квазирелигиозная

апологетика на тему «Кант – это наше всё» преобладает и в местных «электронных» СМИ. Таким образом, имя И. Канта служит формированию у молодых поколений русофобского менталитета. Германия не только нацелена на отъём у России Калининградской области. Она проводит и третью за сто лет операцию по захвату Малороссии и Новороссии [7].

Принцип нашего геополитического противника прост: обеспечить операцию под шифром «с глаз долой – из сердца вон». Именно поэтому некое «сетевое сообщество», сильное в сфере культуры и образования, уже давно стремится лишить калининградское студенчество «русских впечатлений». Так, местные авторитетные учёные, «сидящие на грантах», толкают гуманитариев к занятиям исключительно И. Кантом и его философскими сторонниками, а затем – и другими «кёнигсбержцами», например, ещё одной «землячкой», Ханной Арендт, школьная юность которой прошла в Кёнигсберге. Юношеству все уши прожужжали о необходимости «философской пропедевтики», отвращающей от русской мысли под предлогом всё того же лживого «географического детерминизма». Последний, повторяю, гласит: живя в Калининграде, ты непременно должен проникнуться «кёнигсбергскими» сочувствиями, то есть славить Канта, Арендт и т.п. выразителей «гения места».

Западные «планировщики» ментально-нравственного «увода» Калининграда из России и их калининградские «агенты перемен» о кое-чем существенном умалчивают. В частности, апологеты «сумрачного германского гения», зачислившего И. Канта в «ангелы», не указывают, что он был прямым предшественником К. Маркса и В.И. Ленина. Маркс ценил философию Канта как воплощение «немецкой теории Французской революции» («*die deutsche Theorie der französischen Revolution*») [1, с. 6]. Х. Арендт, клеветнически отождествляя Сталина и Гитлера, работала на американское ЦРУ в рамках задач «психологической войны» США, но об этом также ничего не скажут ни немцы, ни специалисты из БФУ им. И. Канта.

В частности, новые апологеты «сумрачного германского гения» ничего не сообщают о давней отечественной традиции научно-философской критики философии И. Канта с христианской точки зрения (П.Д. Юркевич, В.С. Соловьёв, В.Н. Эрн, В.В. Розанов, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев и т.д.). Философская кафедра, которая могла бы это сделать, сначала была обезглавлена. Речь идёт о показательном событии середины 2000-х гг., когда профессор С.В. Корнилов – представитель «русского воззрения» – был лишен заведования ею. Затем она была «раскассирована» путём «чистки» и «вливания» оставшихся в кафедру, направленную её шефом, проф. В.Н. Брюшинкиным (1953–2012), по «соросовскому» пути [8].

Вывод. Сказанное с очевидностью демонстрирует насущность национально-ориентированной философии, коей по верному заключению гениального А.Ф. Лосева должна быть «философия родины и жертвы», а не отвлечённая гносеология И. Канта.

Список литературы

1. Dumke F. Einführung // Kant I. Zum ewigen Frieden (1795). – Berlin: Verlag der Nation, 1985. S. 6.
2. Hackmann J. Editorial // MareBalticum, 1995. Mare Nostrum: Beiträge zur Geschichte, Kultur und Gegenwart des Ostseeraums. – Lübek-Travemünde: Ostsee-Akademie, 1995. – S. 5.
3. Myl'nikov A. Mare Balticum – Einheit in der Vielfalt // Mare Balticum, 1995... S. 15-16.
4. Васильева А. Обед с Кантом // Точка опоры. 5 ноября 1999
5. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. – М.: Современник, 1982. – С. 145
6. Кичатов Ф.З. «Поклонник Канта и поэт...». Из кн. «От Канта к Пушкину» // Балтика. – 2004. – № 2 (13). – С. 128.
7. Николайчук И.А. Индекс агрессивности // Литературная газета. – 2014. – № 41.
Шульгин В.Н. «Похоронивший русский народ» (январь 2016 г.) // http://ruskline.ru/opp/2016/01/20/pohoronivshij_russkij_narod/

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 376.3

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Алова М.Д.

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
Alova.mari98@gmail.com

Учебная мотивация является значимым условием формирования учебной деятельности, которая является ведущей в младшем школьном возрасте. Для успешного овладения учебной деятельностью необходимо, чтобы ученик имел внутреннее побуждение к получению новых знаний, хотел учиться. Если она оказывается не сформирована, ученик не может полностью включиться в учебный процесс, успешно решать поставленные перед ним задачи, достигать целей учения.

Учебная мотивация является частным видом мотивации, которая входит в состав учебной деятельности, о чем говорит И.А. Зимняя [4]. Многими исследователями она рассматривается через категорию учебного мотива. Это связано с тем, что по своей сути мотивация является совокупностью мотивов, определяется ими. М.В. Матюхина и С.Б. Спиридонова мотив учебной деятельности характеризуют как внутреннюю субъективную причину, которая побуждает школьников действовать [5]. Л.И. Божович учебный мотив определяет как побуждение, характеризующее личность школьника, ее основную направленность, воспитанную на протяжении предшествующей жизни семьей и школой [1].

Некоторые проблемы с формированием учебной мотивации наблюдаются у детей с задержкой психического развития. Из-за того, что у них долго преобладает игровая мотивация, учебные мотивы формируются медленно, бывают неустойчивы, подвержены влиянию ситуации.

К сожалению, в настоящее время наиболее разработаны методы диагностики и развития мотивации для детей с нормальным развитием. Вопросы развития и формирования мотивации школьников с задержкой психического развития разработаны недостаточно.

Изучением особенностей мотивации у детей с задержкой психического развития занимались Т.А. Власова, И.В. Крупенникова, В.И. Лубовский, В.Г. Петрова, У.В. Ульяновская, Н.В. Чаркина, Д.В. Черенев, Е.А. Черенева, С.Г. Шевченко и другие. Согласно результатам их

исследований, у детей данной группы учебная мотивация формируется медленнее, чем у детей с нормальным развитием. Как правило, в системе мотивации преобладает мотив избегания неудач [6].

В системе учебной мотивации у таких детей наблюдается разрозненность мотивов, что выявила в исследованиях И.В. Крупенникова [2, с. 82]. Ведущую роль могут играть два мотива, при этом при активизации одного из них, второй мотив как бы угасает. Большую роль играют внешние мотивы. Внешнее влияние учителей и родителей бывает настолько сильным, что дети с трудом могут отделить собственные потребности от требований, которые диктует общество. Поэтому они могут хотеть учиться, потому что это нужно делать. Формирование личностного смысла учебной деятельности идет с искажением. Становления прочных внутренних мотивов учения к концу младшего школьного возраста у таких детей не происходит, в отличие от их нормально развивающихся сверстников. В связи с этим особое значение приобретает изучение особенностей развития учебной мотивации у таких детей.

Для изучения учебной мотивации у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития и проведения экспериментального исследования были подобраны методики и составлена диагностическая программа. В нее вошли методики: «Анкета для оценки уровня школьной мотивации» (Н.Г. Лускановой); тест «Мотивационная готовность к школьному обучению» (Л.А. Венгера); «Беседа о школе» (Т.А. Нежной); «Определение мотивов учения» (М.Р. Гинзбург, в адаптации И.Ю. Пахомовой, Р.В. Овчаровой); «Изучение мотивационной сферы учащихся» (М.В. Матюхиной). Проведено исследование на базе ГУЗ ТО «Центр детской психоневрологии» г. Тулы. Исследовано 10 детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития в возрасте 7 лет.

Опишем полученные результаты по каждой методике.

Результаты диагностики с использованием методики «Мотивационная готовность к школьному обучению» (Л.А. Венгера) показали, что у 60 % детей (6 чел.) с задержкой психического развития на низком уровне развита мотивационная готовность к школьному обучению. У 40% детей (4 чел.) она достигает среднего уровня развития.

Результаты применения «Анкеты для оценки уровня школьной мотивации» (Н.Г. Лускановой) показали, что у 60 % детей (6 чел.) на низком уровне развита школьная мотивация. У 40 % детей (4 чел.) она развита на среднем уровне.

Результаты диагностики, полученные с помощью методики «Изучение мотивационной сферы учащихся» (М.В. Матюхиной), показали, что у 50 % детей (5 чел.) с задержкой психического развития преобладает мотив благополучия в мотивационной системе. У 30 % детей (3 чел.) доминирует мотив избегания неприятностей, у 20% (2 чел.) – мотив престижа.

Результаты проведения «Беседы о школе» (Т.А. Нежной) показывают, что у 40 % детей (4 чел.) преобладает игровая дошкольная мотивация. У 30 % детей (3 чел.) доминирует учебная мотивация разного типа, а у других 30 % детей (3 чел.) в равной степени выражена учебная и дошкольная мотивация.

Согласно результатам проведения методики «Определение мотивов учения» (М.Р. Гинзбурга в адаптации И.Ю. Пахомовой, Р.В. Овчаровой), у 30 % детей (3 чел.) доминирует игровой мотив, у 20 % детей (2 чел.) – внешний мотив, у 20 % детей (2 чел.) – учебный мотив, у 20 % детей (2 чел.) – позиционный мотив, у 10 % детей (1 чел.) – оценочный мотив. Относительно уровня развития учебной мотивации установлено, что у 40 % детей (4 чел.) учебная мотивация развита на сниженном уровне, у 30 % детей (3 чел.) она развита на низком уровне, у 30 % детей (3 чел.) – на нормальном уровне.

По итогу проведения диагностики мы выяснили, что у большинства детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития учебная мотивация находится на низком уровне развития. Их мотивационная готовность также развита на низком уровне. В мотивационной системе преобладает мотив благополучия, дети хотят учиться, чтобы получать одобрение от родителей и учителей за успехи в учебе. Доминирует игровая дошкольная мотивация, детям интереснее не учиться, а играть и общаться с одноклассниками. В соответствии с полученными результатами планируется проведение коррекционно-развивающей работы по развитию у детей данной группы учебной мотивации.

Список литературы

1. Божович Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л.И. Божович. – М.: АСТ-Пресс, 2015. – 256 с.
2. Выготский Л. С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский. – М.: Астрель, 2008. – 671 с.
3. Додонов Б. И. Эмоции как ценность: учебное пособие / Б.И. Додонов. – М.: ЧеРо, 2006.
4. Зимняя И. А. Педагогическая психология / И.А. Зимняя. – М.: Модэк, 2013. – 448 с.
5. Матюхина М. В., Спиридонова С. Б. Развитие личности и познавательных процессов в младшем школьном возрасте: учебное пособие / М.В. Матюхина, С.Б. Спиридонова. – Волгоград: Перемена, 2009.
6. Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека / П.М. Якобсон. – М.: Наука, 2015.

МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Ангелина Э.А., канд. филос. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
adjon@yandex.ru

Введение. Взгляды молодёжи о мире, о политических деятелях всё больше становятся объектом изучения в различных областях научного знания. В современных условиях интенсивного применения политических технологий, нацеленных на привлечение молодого поколения к политике, очень важно осознавать, с помощью каких механизмов взгляды о политике оказывают влияние на ценности и установки молодого поколения, а также на формирование их политической картины мира.

В настоящее время политическая картина мира подростков мало изучена, в особенности в Донецкой Народной Республике. В связи с этим возрастает актуальность нашего исследования.

Для того, чтобы человек сформировался как гражданин, в нём нужно целенаправленно формировать политическую картину мира. Политическая картина мира представляет собой уникальное отображение политической сферы в индивидуальном сознании [6].

Цель статьи – проанализировать аспекты формирования политической картины мира личности в процессе социализации.

Основная часть. Понятие «картина мира» используется многими исследователями из разных областей научного знания. Так, в психологии картину мира рассматривали такие учёные как С. Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др. В социологии картину мира рассматривали как процесс интериоризации внешних социальных норм во внутренние структуры личности (П. Лукман). Если говорить о социокультурном контексте понятия «картина мира», то это направление развивали такие учёные-социологи как В.С. Жидков и К.Б. Соколов. В антропологии – Л. Февр, Р. Шартье и др. В российской философии – А.Я. Гуревич. Российские философы считали, что картина мира определяет индивидуальное и коллективное поведение человека [7].

В картину мира человека включена сфера политики. Термин «политическая картина мира» был сформулирован И. В. Самаркиной. По ее мнению, «политическая картина мира» – это существующая в индивидуальном сознании подвижная система связанных образов и представлений о власти и политической системе, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности. Политическая картина мира «встроена» в более масштабные образования, это часть общей картины мира

человека. Также она связана с картиной социального мира: с представлениями о социальной структуре общества, его функциях [6].

Политическая картина мира – результат политической социализации. Впервые термин «политическая социализация» был впервые озвучен американским политологом и социологом Х. Хьюманом в 1959 году. В России исследованием политической социализации занимались такие учёные как Д.М. Гилязитдинов, Н.Н. Козлова, В.А. Ядов. Изучением политического сознания молодого поколения, а также изучением методов, влияющих на его формирование, занимались И.С. Кон, Г.Г. Дилигенский и др. [4].

Политические образы (образ власти, образ политика, образ функций политики) формируются ещё в детстве [2]. Ольшанский Д.В. указывает, что политическая картина мира человека формируются неравномерно на разных стадиях социализации. Так, в возрасте 11–13 лет происходит быстрое развитие политических представлений. В 11–12 лет дети считают, что необходимо соблюдать закон, они уважают правительство страны, в которой живут. В 12–14 лет человек даёт оценку политическим событиям по их последствиям. В это же время у подростков формируется система принципов, которые он использует в оценке политических событий. В 14 лет подобные представления меняются. Подросток становится критичным в отношении власти. В 16–18 лет развитие этих представлений происходит гораздо медленнее. В этом возрасте у юношей уже преобладает абстрактное, логическое мышление. Они используют такие понятия как власть, свобода, равенство [5].

Зеленков М.Ю. указывает, что «в возрасте от 13 до 18 лет формируется политическое «Я». Эмоциональные чувства по отношению к политическим институтам, символам, властям дополняются знанием специфических ролей и функций, которые выполняют те или иные институты. Он еще называется подростковым этапом социализации и характеризуется тем, что разрозненная и отрывочная политическая информация начинает складываться в определенную систему... Обычно в этом возрасте в процессе обучения в школе и в ходе общения в семье у подростка формируется представление о политической жизни, о структуре власти, о целях общества, государства. В эти годы подростки...имеют представление об общей политической ситуации в стране. В их сознании находят отражение важнейшие события, происходящие в обществе...» [1].

Необходимо воспитывать у детей, молодёжи уважение к Родине, к правительству. Сформированное уважение затем переходит в уважение к политической власти и политическому авторитету, формируя политическую картину мира [3]. В этой связи необходимо упомянуть о том, что в Донецкой Народной Республике в 2015 году была утверждена и принята Концепция патриотического воспитания детей и учащейся молодёжи Донецкой Народной Республики. Патриотическое воспитание является неотъемлемой частью формирования политической картины мира человека.

Заключение. Теоретический анализ позволяет говорить о том, что политическая картина мира – это существующая в индивидуальном сознании подвижная система связанных образов и представлений о власти и политической системе, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности. На процесс политической социализации влияют семья, ровесники, учителя (на первом этапе социализации), а также руководители, официальные представители государства (на втором этапе социализации). Именно на втором этапе политической социализации все ранее усвоенные нормы, культурные ценности становятся личными нормами, ценностными ориентациями конкретного подростка [3]. Политическая картина мира человека формируется неравномерно на разных стадиях социализации.

Список литературы

1. Зеленков М. Ю. Политология для юристов. – М. : Юридический институт МИИТа, 2003. – 563 с.
2. Зеленова Н. Г. Мы живем в России. Гражданско-патриотическое воспитание дошкольников (Средняя группа). / Н.Г. Зеленова, Л.Е. Осипова. – М. : «Издательство Скрипторий 2003», 2008. – 104 с.
3. Кудактина А. И. Образ Родины в картине мира российских дошкольников / Теория и практика общественного развития, 2011. – № 3. – С. 239.
4. Малаканова О. А. Агенты политической социализации: теоретико-методологические и исследовательские аспекты изучения / О.А. Малаканова, Ю.Н. Акифьева // Вестник СамГУ, 2006. –№ 10/1 (50). – С. 46-54.
5. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.
6. Самаркина И. В. Первое десятилетие XXI века: константы и новации в политической картине мира российских детей // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политологи, 2011. – № 3 (15). – С. 5–21.
7. Самаркина И. В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология, 2013. – № 3 (23). – С. 117–127.

УДК 159.9

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Андреева И. А., канд. психол. наук, доцент

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Irianna-andreeva@yandex.ru

Введение. Особенно актуально, на сегодняшний день, стоит вопрос воспитания ценностной основы у подрастающего поколения в процессе их

обучения. В юношеском возрасте ценностные ориентации, являются одним из центральных личностных новообразований. Они выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и в этом своем качестве демонстрируют мотивационные основы поведения человека, а также оказывают влияние на самые разные стороны его жизни. Формирование ценностных ориентаций у старшеклассников в условиях нестабильной социально-психологической ситуации в обществе требует особенного внимания со стороны специалистов.

Цель – определение характера жизненных ориентиров современных старшеклассников.

Основная часть. Жизненные ориентиры – это необходимая составляющая целостной личности. Они проявляются во всех поступках человека в мире, который его окружает, и в его отношениях к миру, составляют специфику внутреннего мира. При этом, основополагающими жизненных ориентиров являются такие характеристики личности как: направленность и ценностные ориентации.

Направленность, как одна из важнейших характеристик личности, определяет значение явлений внутреннего и внешнего мира. То есть, именно направленность «задает тон» всему «строю» личности. Направленность личности формируется прижизненно. Она становится определяющим качеством личности. Ценностные ориентации личности – это такие ее компоненты, которые выражают и демонстрируют негативную значимость для индивида предметов или явлений социальной действительности. Ценностные ориентации – это ведущая и системообразующая характеристика направленности, ее ядро, это неповторимая и уникальная. Каждый человек имеет возможность реализовать свою внутреннюю активность, целостность, человеческую сущность. Способ реализации зависит непосредственно от возможности взаимодействовать с жизненной ситуацией, непосредственно связывающей человека с окружающим миром определенным, индивидуально специфичным образом.

Некоторыми учеными в жизненных ориентациях выделяют такие базовые пары компонентов как:

- жизненная изменчивость (стремление изменяться) и стабильность (стремление оставаться прежним);
- внутренний локус контроля (принятие ответственности) и внешний локус контроля (делегирование ответственности);
- направленность на освоение внутреннего мира (стремление к самосовершенствованию) и направленность на освоение внешнего мира (стремление к практической деятельности);
- подвижность (стремление к новизне) и инертность (стремление к привычному).

Особенно важным является тот факт, что на основе жизненных ориентаций формируется жизненная позиция личности.

Сам по себе юношеский возраст является периодом поисков, периодом нестабильности во взглядах. Поэтому, особенно важно, когда в этом возрасте человек может получить помощь, поддержку в формировании своих жизненных ориентиров, а соответственно жизненной позиции. Такой подход актуален как для каждой личности в частности, так и в целом для государства.

Для проведения экспериментального исследования нами были отобраны следующие методики:

1) Тест «Смыслжизненные ориентации» Д. А. Леонтьева («СЖО»). Методика была использована для определения осмысленности жизни, наличия целей, удовлетворение, получаемое при их достижении и уверенностью в собственной способности ставить перед собой цели, выбирать задачи из наличных и добиваться результатов.

2) «Жизненные цели» Э. Дисси, Р. Райана в адаптации Н. В. Ключевой и В. И. Чиркова. Н. В. Ключева, как и многие авторы, считая, что личностные ценности связаны с целями, не проводит принципиальных различий в содержании жизненных целей и ценностей личности.

3) Для оценки факторов, влияющих на смысложизненные ориентации, нами взята «Методика оценка удовлетворенности потребностей методом парных сравнений», составитель М. А. Литвинцева.

По результатам теста СЖО соотношения трех временных локусов смысла – будущее (Цели жизни), настоящее (Процесс жизни) и прошлое (Результативность жизни) мы можем говорить о том, что старшеклассники в большей степени ориентированы в будущее, чем на настоящее (процесс) и результат жизни (прошлое). Уровень оценки локус контроля свидетельствует о том, что при достаточно большой убежденности испытуемых в возможностях, которые вообще существуют в жизни, они мало верят в свои силы контролировать события собственной жизни и не всегда берут ответственность за них на себя. Общая осмысленность жизни имеет наиболее высокие корреляции с результативностью жизни и локусом контроля – жизнь. Локус контроля – Я также наиболее тесно связан с общей осмысленностью жизни

Кроме того, жизненные цели молодые люди связывают, прежде всего, с достижением материального благополучия и высокого социального статуса. При этом цели жизни больше носят декларативный характер, так как материальное благополучие и высокий социальный статус не являются доминирующими в ценностных ориентациях, а способность достигать поставленных целей и контролировать события собственной жизни испытуемыми оценивается низко. Кроме того, отмечено расхождение между целями в жизни и доминирующими ценностными ориентациями молодежи, так как цели жизни связаны с материальным благосостоянием и высоким социальным статусом, а

доминирующие ценности относятся к полюсу сохранения и традиций, ценностный тип достижения не значимы для молодежи в целом.

Следует отметить, что нами выявлена значимая неудовлетворенность базовых потребностей у опрошенных старшеклассников. Поскольку методика построена на иерархической системе потребностей по А. Маслоу, то мы можем сказать, что неудовлетворение базовых потребностей ведет к отсутствию удовлетворенности всех остальных потребностей. Соответственно, данный факт можно рассматривать как значимый в формировании ценностных ориентаций и жизненных ориентиров.

Изучив особенности осознания современной молодежью своего потенциала и реальных возможностей строить свою жизнь, представленных жизненными ориентациями, мы делаем вывод о среднем уровне смыслового развития, адекватности и жизнеспособности планов молодых людей. При этом, обращает на себя тот факт, что девушки обладают более выраженными способностями к самоанализу, саморегуляции поведения, самостоятельности, ответственности, принятию решений, чем юноши.

Полученные результаты позволяют нам констатировать, что именно в юношеском возрасте формируются жизненные ориентации и ценностно-смысловая ориентация личности, как подтверждение ее реальных достижений.

Список литературы

1. Артемьев А. И. Социология личности / И. А. Артемьев. – [2-е изд.]. – М. : ООО «АрбаТ-XXI», 2001. – 256 с.
2. Баимбетов А. А. Молодежь в кризисном социуме [под ред. Р.Т. Насибуллина] / А. А. Баимбетов, Г. А. Кабакович, Р. Т. Насибуллин, Ф. Г. Хайруллин. – М. : Издательство ИС РАН, 1998. –105 с.
3. Гегель Л. А. Ценностное самоопределение молодёжи / Л. А. Гегель // Инф. бюл. «Молодёжная политика». – № 141-142. – М. : Социум, 1997. – С. 6–18.
4. Капранов В. А. Нравственный смысл жизни и деятельности человека / В. А. Капранов. – М., 1981. – 324 с.
5. Кон И. С. В поисках себя / И. С. Кон. – М., 1984. – 54 с.

ТРАКТОВКА ЛИЧНОСТИ В БУДДИЗМЕ НАГАРДЖУНЫ

Андриенко Е.В., д-р филос. наук, профессор, академик МСА
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
elena_andrienko8@mail.ru

Психология буддизма – это раздел буддологии, который исследует систему психологических свойств, механизмов и состояний, связанных с практикой буддизма. Важное место в данном контексте занимает концепция буддистского мыслителя II в. Нагарджуны, поскольку именно данная концепция оказала наиболее фундаментальное влияние на развитие современного махаянского буддизма. Важнейшим вопросом в концепции Нагарджуны является проблема атмана, личности, индивидуальной души. Согласно его доктрине, нет души, предшествующей действию, чувствованию или мышлению. Души как цельной вечной субстанции вообще не существует. Отрицание души является не только наиболее значимым пунктом школы мадхьямика, но и основой учения буддизма.

Душа не существует отдельно от наших чувств и состояний сознания. Если бы душа, например, могла бы существовать до, и поэтому без акта видения, то разве не могло бы тогда видение существовать независимо от души?. Душа и акт видения предполагают, друг друга и являются одновременными по отношению друг к другу. Согласно Нагарджуне, мы не знаем ничего о природе сознания как такового. Это поток, развивающаяся картина представлений, протекающих перед нами. То же самое касается и общих качеств (джати). Они зависят от индивидов, характеризующих ими. Вместо того чтобы сказать, что корова существует, мы говорим, что она не существует как лошадь или дерево. Все наши знания относительно и поддерживаются дифференциацией. Лошадь или мир – не существуют. Мы не знаем, чем они являются сами по себе. Мы не можем познать природу вещи вне ее отличия от других вещей. Мы не можем понять ее отличия от других вещей вне знания ее собственной природы. Если нет зрения, то нет и цвета; если нет цвета, нет и зрительных восприятий. Мир опыта является иллюзией, выводимой из отношений.

Таким образом, в представлениях буддизма Нагарджуны, эмпирически существуют и причинность, и время, и движение, и мир в целом. Но как только мы пытаемся рационально проанализировать эти категории, они оказываются лишь продуктами нашей ментальной деятельности, совершенно непригодными для описания реальности, как она есть. Личность – это иллюзия, поток вечно изменяющихся состояний. Тотально и вечно лишь сознание, которое носит надиндивидуальный характер.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Андрюшкова Н.П.,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
andruchkova@rambler.ru

В наше время феномен символа все чаще становится предметом исследования и обсуждения ученых различных отраслей знаний. Но в раскрытии важных характеристик, функций, ролевого нагружения и особенностей функционирования почти всеми исследователями подчеркивается нечеткость его определения. В то же время нет разногласий в понимании общественной сущности символа, его непревзойденной роли в развитии взаимоотношений и сознания, в частности в качестве составного элемента его содержания, что и становится предметом обсуждения на разных уровнях и в разных аспектах.

Слово «символ» происходит из латинского языка («symbolum»), хотя его корни тянутся еще с древнегреческого языка. Само же греческое слово происходит от «symballein», что означает «соединение». Сначала оно означало условный знак, который символизировал связь между родственниками или друзьями. В словаре это понятие определяется как "образ, имеющий определенное содержание.

Не только объяснение символа, но даже сам принцип его появления определяется неоднозначно, связываясь при этом с бессознательным порождением отношения к действительности. По-разному интерпретируется связь символа с тем, что он означает, уровень и форма его связи с восприятием и отражением мира.

В психологии и философии отсутствует единая трактовка категории «символ». Понятие «символ» включает в себя много значений: это и «аллегория», и «знак» и др. Символы являются частью общечеловеческой культуры и сохраняют значительный заряд своей первоначальной значимости. У некоторых людей они вызывают эмоциональную реакцию, которая обычно определяется как суеверность. Хотя символные представления психики и воспринимаются человечеством как суеверность, они все же имеют достаточно большое влияние как на жизнь отдельного субъекта, так и на все человечество. Вытеснение символных проявлений вызывает лишь образование специфической энергии, которая обычно имеет деструктивный характер.[1]

Общим для разных исследователей является выделение в структуре символа двух элементов, между которыми отсутствует непосредственная связь: того, что символизирует (предметный образ) и того, что символизируется (глубинный смысл), – а также вывод о том, что символ отличается многозначностью.

В символе сочетаются и одновременно выражаются сознательный и бессознательный психологический смысл. На это указывают исследования таких символических форм выражения содержания психики: сновидение, миф, ЛСД-состояние, невроз, кататимные переживания. Значение символа, которой придерживается З.Фрейд, заключается в том, что символическое изображение служит бессознательным стремлением. Его целью является проведение в сознание в замаскированной форме подобных аспектов психики, которые вытесняются из сознания вследствие действия внутренних табу. Так, в теории сновидений З.Фрейда констатируется наличие в сновидении эксплицитного и имплицитного содержания, алогичность первого и логическая упорядоченность второго, многогранность содержания, выраженного в том или ином образе сновидения, и одновременно – репрезентация определенного аспекта содержания во многих образах. [3]

Согласно взглядам К.Юнга, символ обладает способностью выразить и совместить сознательный и бессознательный смысл. Вследствие этого, символ является разрешением внутренних противоречий психики. Ученый выделяет два аспекта психологической интерпретации символики: что представляет собой символ сам по себе (объективная интерпретация) и что он означает как проекция конкретного психологического содержания (субъективная интерпретация). По мнению Юнга, человек обладает такими возможностями символизации как: сравнение по аналогии; каузальное сравнение; функциональное сравнение К. Юнг отмечает многозначительность психологического содержания символики коллективного бессознательного, а также то, что эта символика служит выражению индивидуально-неповторимого содержания психики субъекта [2].

В давние времена, когда инстинктивным представлением психики был открытый доступ к сознанию, разум человека мог легко найти им место в рациональном внутреннем мире. Современный человек не в состоянии этого достичь, поскольку сознание во многом нивелировало возможности усвоения импульсов инстинктивного и бессознательного.

На сегодня, проблема изучения символьных представлений психики является актуальной, поскольку с течением времени вытеснения архаичных образований становится все заметнее. Исследование символьных проявлений позволит определить не только изменения в личностном, но и в коллективном бессознательном.

Список литературы

1. Кулагина Н. В. Символ и символическое сознание //Культурно-историческая психология. – 2006. – Т. 2006. – №. 1. – С. 3-10.
2. Юнг К.Г. «Проблемы души нашего времени». – М., 2006. –336 с.
3. Igra, L. Unconscious phantasies, symbolic transformations and responsibility. The Scandinavian Psychoanalytic Review. – 2013. – 21(1) . – P. 2–23.

ВЛИЯНИЕ ЗРИТЕЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ НА РАЗВИТИЕ ВНИМАНИЯ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Анохина А.С., канд. биол. наук, доцент,
Богуш О.Д.

Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк, РФ
asyaship@gmail.com

Введение. Нарушение зрительных функций ведет к значительному сужению воспринимаемых ощущений, несущих в себе информацию об окружающем мире. Компенсация пробелов в чувственном опыте возможна только при активизации деятельности сохранных анализаторов. В данном процессе существенная роль принадлежит вниманию.

Цель – в ходе эксперимента установить особенности влияния зрительной патологии на развитие внимания в дошкольном возрасте.

Основная часть. Многие тифлопсихологи и педагоги отмечают большое значение внимания для компенсации дефектов зрения. Изучением развития внимания детей с нарушениями зрения занимались такие известные психологи и педагоги, как Л.П. Григорьева [2], В.П. Ермаков [3], А.Г. Литвак [4], Л.И. Солнцева [5]. Анализ их исследований позволил установить, что в старшем дошкольном возрасте у детей с нарушенным зрением показатели внимания улучшаются по сравнению с более младшим возрастом, однако отстают по сравнению с показателями нормативно развивающихся детей того же возраста. Уровень развития внимания детей с нарушенным зрением в большей степени зависит от уровня активности ребенка, методов его обучения и воспитания. Зрительный дефект лишь косвенно влияет на развитие внимания. Сокращение объема внешних воздействий, которые являются наиболее дифференцированными, эмоционально окрашенными, опредмеченными, вследствие полного или частичного выпадения зрительной афферентации, задерживает развитие внимания.

Как отмечает А.Г. Литвак [4], развитие внимания у детей с нарушениями зрения происходит по тем же закономерностям, что и у нормативно развивающихся детей, и связано с формированием волевых, аффективных, интеллектуальных свойств личности в условиях активной деятельности. В.П. Ермаков [3] делает акцент на важности активного участия детей с нарушенным зрением в различных видах деятельности для развития внимания. Именно в деятельности развиваются способности ко всем видам внимания, формируется адекватное отражение действительного мира, произвольно или непроизвольно сосредотачивая и

направляя внимание на осознание объекта действительности и формирование своего сознания.

Однако ребенок старшего дошкольного возраста с нарушенным зрением проявляет меньше активности и менее подвижен, чем его здоровые сверстники. В связи с этим внимание имеет ряд особенностей, выделенных Л.И. Солнцевой [5]. У данной категории детей особенно развито слуховое и зрительное произвольное внимание. У слабовидящих детей слуховое внимание и его концентрация не получают такого развития, как у их сверстников с тотально нарушенным зрением, поскольку, опираясь в основном на зрительный анализатор, они не развивают слуховое произвольное внимание, не учатся его концентрировать. Однако, по сравнению с нормативно развивающимися детьми, выделение и дифференциация слуховых впечатлений у таких детей происходит более успешно.

Значительное уменьшение зрительных впечатлений приводит к так называемому сенсорному голоду и отрицательно сказывается на объеме и других свойствах внимания. Л.П. Григорьева [2], исследуя объем и концентрацию внимания у детей с нарушенным зрением, отмечает их низкий уровень, однако после периода коррекционного обучения данные показатели были приближены к норме или даже превышали её. Рассматривая модально – специфические формы нарушения внимания, автор указывает на связь между слабым вниманием к зрительным объектам и нарушениями механизмов зрительной перцептивной системы. Компенсируя недостаточность информации, получаемой от зрительного анализатора, ребенок концентрирует свое внимание на раздражителях других модальностей, например, тактильных, слуховых. Однако восприятие данных характеристик весьма замедленно, что негативно сказывается на темпе переключаемости внимания.

При нарушении зрения устойчивость внимания напрямую зависит от количества раздражений. Длительное воздействие разнообразных слуховых раздражителей приводит к быстрому утомлению детей с нарушенным зрением, а, следовательно, к рассеиванию внимания. В их сознание поступает извне значительное количество сигналов различных модальностей, способных отвлекать их внимание. Неполнота, фрагментарность образов негативно сказывается на развитии устойчивости и объеме внимания.

По данным Е.И. Бережковой [1], дети с нарушением зрения имеют более низкий уровень концентрации внимания, чем их сверстники без зрительной патологии, а также более низкие показатели объема, распределения и переключения внимания.

В своем исследовании А.А. Целых и Т.В. Слюсарская [6] выявили, что у детей старшего дошкольного возраста преобладает средний уровень развития внимания, однако показатели внимания у большей части детей

находятся у границы с низким уровнем. Причем ослабление внимания может возникнуть вследствие перенапряжения или при длительной умственной нагрузке.

На основе проведенного нами эксперимента было выяснено, что высокий уровень развития внимания встречается у детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения очень редко. По результатам диагностики были выделены дети, нуждающиеся в более подробном обследовании внимания. Далее была выявлена категория детей, нуждающихся в развивающих занятиях в связи с выявлением низкого уровня развития практически всех свойств внимания. Исследование показало, что в старшем дошкольном возрасте устойчивость и концентрация внимания ребенка еще очень низкая. Детям трудно сосредоточиться на однообразной и малопривлекательной для них деятельности, в то время как в процессе эмоционально окрашенной игры они могут достаточно долго оставаться внимательными. Рекомендуется любую учебную информацию давать ребенку в игровой форме. Объем и переключаемость внимания у данной категории детей по сравнению с нормой снижены. Показатель распределения внимания является удовлетворительным.

Заключение. По полученным данным, можно отметить преобладание у детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения среднего и низкого уровней развития различных свойств внимания. При исследовании преобладающего типа внимания по сравнению с нормально развивающимися детьми слуховой и смешанный тип встречаются чаще.

Список литературы

1. Бережкова, Е.И. Восприятие, внимание, мышление, память у дошкольников с нарушением зрения [Текст] / Е.И. Бережкова. – Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2016. – № 4-1. – С. 113–122.
2. Григорьева, Л.П. Формирование механизмов внимания при сенсорно-перцептивном дефиците (часть II) [Текст] // Дефектология. – 2003. – №2. – С. 3–17.
3. Ермаков, В.П. Основы тифлопедагогики: Развитие, обучение и воспитание детей с нарушениями зрения [Текст]: учебное пособие / В.П. Ермаков, Г.А. Якунин. – Москва : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
4. Литвак, А.Г. Психология слепых и слабовидящих [Текст]: учебное пособие / А.Г. Литвак. – СПб, 2006. – 336 с.
5. Солнцева, Л.И. Психология детей с нарушениями зрения (детская тифлопсихология) [Текст] / Л.И. Солнцева. – Москва: Классикс Стиль, 2006. – 256 с.
6. Целых, А.А. Развитие произвольного внимания у детей шестого года жизни с нарушением зрения [Электронный ресурс] / А.А. Целых, Т.В. Слюсарская. – Научный альманах, 2017. – № 3-2(29). – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29113335>

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТЕ

Барышева Е.В., канд. психол. наук

ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте», г. Сергиев Посад, РФ

barisheva45@mail.ru

Введение. Сфера отношений личности, прежде всего, реализуется в общении. Общение оказывает влияние на формирование одной из составляющих структуры личности – социально-психологических особенностей. Теоретический анализ литературы по проблеме исследования показал, что Интернет – это информационное поле с противоречивыми перспективами развития, но именно здесь сосредоточены новейшие информационные технологии. Поэтому хорошее владение ими в значительной степени повышает социальную эффективность человека. Однако в процесс работы с глобальной сетью и персональным компьютером вмешивается психология человека. На Всемирную паутину в целом в той или иной форме переносятся бессознательные особенности человека. Мы предполагаем, что особенности реального общения отличаются от особенностей общения в Интернете наиболее выраженной тенденцией к доминированию. Анализ литературных источников свидетельствует, что общение в целом играет огромную роль в становлении личности человека, особенно в подростковом возрасте, и что глобальное влияние Интернета привносит в это свои коррективы.

Гипотеза исследования: особенности реального общения молодежи отличаются от особенностей общения в Интернете наиболее выраженной тенденцией к доминированию. **Эмпирическую базу** исследования составили 120 человек – учащиеся колледжа в возрасте 17–19,5 лет, в т.ч. 65 юношей и 55 девушек. С целью проведения сравнительного анализа была составлена таблица средних значений индексов коммуникативно-характерологических тенденций и показателей двух основных тенденций (1 – доминирование, 2 – дружелюбие) в выборке респондентов (см. таблицу 1), в данном исследовании применялась методика «Исследование коммуникативно-характерологических тенденций» (автор Т. Лири).

Таблица 1

Средние значения индексов коммуникативно-характерологических тенденций
и показателей основных тенденций в выборке (в баллах)

Выборка (n=20)	тенденции								Доминирование	Дружелюбие
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII		
«Я–реальный»	4,5	4,1	3,5	5,2	4,6	4,2	5,9	5,2	- 0,32	2,9
«Я–виртуальный»	3,5	4,3	3,2	4,2	3,6	4,1	4,8	5	1,01	2,07

Из таблицы 1 видно, что у юношей и девушек выявлены следующие особенности общения в Интернете:

1) В реальном общении юноши и девушки сильнее демонстрируют лидерские данные, стремление к доминированию, независимости, способности брать на себя ответственность, что говорит об их уверенности в себе, но не обязательно об упорности и настойчивости испытуемых,

2) В реальном общении для молодежи более характерно добросердечие, нежели в виртуальном общении. Это говорит о том, что молодежь в реальном общении более доброжелательна, внимательна и способна к взаимопомощи, чем в виртуальном общении.

3) В реальном общении молодые люди больше демонстрируют склонности к сотрудничеству, кооперации, гибкости и компромиссу при решении проблем и в конфликтных ситуациях с партнёрами. Это говорит об их стремлении быть в согласии с мнением окружающих, склонности к сознательной конформности, следовать правилам и принципам хорошего тона в отношении с людьми, к стремлению помогать, чувствовать себя в центре внимания, заслужить признание и любовь, склонности проявлять теплоту и дружелюбие в отношениях.

4) В общении реальном характерны такие особенности общения как скептицизм, упрямство, негативизм, чем в реальном общении.

5) Также в виртуальном общении юноши и девушки менее критичны к себе, менее скромны и стыдливы, не отличаются эмоциональной сдержанностью, меньше способны послушно и честно выполнять свои обязанности, чем в реальности.

Для оценки статистической значимости различий коммуникативно-характерологических тенденций и двух основных тенденций общения подростков был применён t-критерий Стьюдента. По результатам статистической обработки данных была составлена таблица 2 (см. табл. 2).

Таблица 2

Результаты статистического анализа особенностей коммуникативно-характерологических тенденций в реальном и виртуальном общении

Результаты расчёта t-критерия	Коммуникативно-характерологические тенденции					
	I	IV	V	VII	Доминирование	Дружелюбие
t эмп.	1.5	1.9	1.9	1.3	2.1*	0.1
t кр. при $P \leq 0,05$	2.09	2.09	2.09	2.09	2.09	2.09
t кр. при $P \leq 0,01$	2.86	2.86	2.86	2.86	2.86	2.86

В результате статистического анализа установлены: достоверные различия (при $P = 0,05$) средних значений показателя «**доминирования**», т.е. молодежь в большей степени стремится к доминированию в реальном, а не в виртуальном общении, что проявляется в независимости, большей

способности брать на себя ответственность, уверенности в себе, упорности, настойчивости, но не обязательно выражается в стремлении к лидерству; а в виртуальном общении стремятся к равноправным отношениям, которые можно охарактеризовать как дружественные. В остальных случаях достоверных различий не выявлено. Следовательно, как в реальном, так и виртуальном общении респонденты одинаково проявляются такие особенности общения как недоверчивость, подозрительность, ревность, обидчивость, злопамятность, критичность к себе, скромность, стыдливость, доверчивость, уважительность, благодарность, общительность, доброжелательность и дружелюбие.

Выводы. В данном анализе установлены статистически значимые особенности реального и виртуального общения, а именно в реальном общении молодежь отличается большим доминированием, чем в виртуальном. Это подтверждает нашу гипотезу о наличии особенностей интернет-общения у современных молодых людей. В виртуальном общении стремление к доминированию не актуально, потому что всегда есть возможность проигнорировать партнёра или просто прекратить общение, т.е. исчезнуть в бескрайних просторах Сети.

Анализ достоверно установленных фактов позволил констатировать то, что для респондентов не существует различий между реальным общением и общением в Интернете, за исключением того, что в реальном общении стремятся доминировать. Это говорит о том, что для них две реальности – виртуальная и обыденная – в ценностном плане представляют собой единое пространство их жизни: критерии, по которым производится оценка человеческих качеств в Сети и в обычной жизни, не различаются. Лишь для наблюдателя со стороны любитель сетевого общения может казаться человеком, убегающим от реальности в мир иных, «не - жизненных» отношений.

Список литературы

1. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Влияние личностных особенностей на виртуальную коммуникацию // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки/ 2010. – № 2. – С.132-139.
2. Колесник О.А. Формирование этики общения подростков в интернете // журнал. – 2015. – № 7-6 (38). – С. 30-31.
3. Котлярова М.Я. Личностные особенности подростков с разной степенью вовлеченности в интернет-общение // Личность в Природе и Обществе Материалы межвузовских психолого-педагогических чтений, посвященных 75-летию заслуж. деятеля науки РФ, д. п. н., профессора А.В. Иващенко. Сост. и науч. ред. А.В. Иващенко, Н.Б. Карабущенко, Е.Н. Полянская, 2012. - С. 115-119.
4. Яничева Т.Г., Доценко Е.В. Общение для современного подростка: интернет VS реальность // Петербургский психологический журнал. – 2014. – № 6. – С. 18-52.

ТРУДНАЯ ЖИЗНЕННАЯ СИТУАЦИЯ: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН***Барьяхтар О.Ф.***

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Oksana-neverland@mail.ru

Среди основ психологической герменевтики есть важный постулат: самопонимание – это непрерывный процесс, который является постоянной балансировкой между многообразными составляющими внутренней реальности личности: (относительно) устоявшимися идентичностями, формирующимися и стремящимися в ценностное пространство, уже теряющими значимые позиции в общей иерархии, и такими, которые возникают в ответ на неожиданный ход жизненного сценария. У личности есть отработанные стратегии и тактики понимания и интерпретации жизненного опыта, результатом являются определенные представления о собственной личности, определенные «Я», которые являются привычными, а также относительно устойчивые взаимосвязи в «сообществе» внутренних интенций. Когда внешняя реальность, в которую погружена личность, меняет очертания, человек вынужден искать резервы «Я» для решения тех проблем, которые неизбежно возникают в такие моменты. Интенсивность таких изменений, диапазон сфер жизни, которые она охватывает, продолжительность периода, который держит личность в напряжении, и обратимость/необратимость тех процессов, которые она вызывает в жизни человека – являются важными параметрами трудной жизненной ситуации.

Различные зарубежные и отечественные ученые занимались исследованием жизненного кризиса и его производных (Э. Эриксон, Д. Маттесон, Е.П. Крупник, С.К. Нартова-Бочавер, Л. И. Анциферова, А. А. Кроник, К. Н. Василевская, М. Ш. Магомед-Эминов, К. Н. Артемова, Ф. Е. Василюк), Но остаются недостаточно изученными личностные изменения человека, который преодолел трудную ситуацию.

Трудная жизненная ситуация может стать началом новой жизненной истории, иногда ценой кардинальных изменений во внутренней реальности. Необходимость самоосмысления, уточнение или даже переопределение личного проекта особенно обостряется в период переломных событий, когда человек сталкивается с ситуациями, которые условно можно назвать «прерванной идентичностью». Как отмечает В.В. Нуркова, в таких ситуациях возникает необходимость переопределения идентичности. Это события, связанные с осмыслением и переосмыслением жизни и самого себя, требуют личностных усилий для решения определенных ситуаций, а иногда даже и отказа от соблюдения

определенных социальных норм. Они предусматривают выход за пределы сложившейся идентичности и формирования новой.

Трудные жизненные ситуации возникают или в случае неуравновешенности в системе отношений личности и ее окружения; или несоответствия между целями, стремлениями и возможностями их реализации и качествами личности. Подобные ситуации предъявляют повышенные требования к способностям и возможностям человека, к его личностному потенциалу и стимулируют его активность [1, с.102].

По мнению М.Ш. Магомедминова даже ситуации максимальной степени трудности, которые могут травмировать личность или вызвать те или иные психические нарушения, осуществляют трансформационное влияние на личностные структуры. Происходит преобразующая конструктивная работа личности, проявляется ее жизнестойкость [2, с.14]. Жизнестойкость отражает психологическую адаптивность и расширенную эффективность человека, препятствует появлению острой реакции на стрессовую ситуацию и является основным личностным компонентом, который нивелирует влияние стрессогенных факторов.

Е.В. Битюцкая выделяет три вектора психологических исследований, посвященных изучению процесса совладания с трудными жизненными ситуациями:

- 1) в пределах одного типа ситуаций;
- 2) в пределах нескольких типов ситуаций;
- 3) комплексный подход, который интегрирует в себе субъективные и объективные характеристики процесса совладания [1, с.100].

В научном мире все большее распространение приобретает представление о том, что масса мелких стрессов вреднее для здоровья, чем редкие, но сильные потрясения. Многие психические состояния (депрессии, фрустрация, переутомление) возникают на фоне затяжных стрессов повседневной жизни. Такие состояния не всегда осознанны и не проявляют себя в случае выяснения настоящих причин, например: конфликтного межличностного взаимодействия, душевных и телесных расстройств, ошибок в деятельности.

Сравнительный анализ, проведенный А.Н. Воронкиным, показывает, что людям, переживающим трудную семейную ситуацию, сложно чувствовать свою активную вовлеченность в окружающие события, им сложнее контролировать свою жизнь, и они не готовы к рискованным поступкам, что, в итоге, приводит к более низкой жизнестойкости как таковой. Когда ситуация не осознается как субъективно трудная, для человека нет причин пытаться преодолеть эти тяжелые обстоятельства. С другой стороны, это может означать, что в случае осознания проблемы как субъективно трудной человеку может быть легче найти в себе силы, чтобы бороться с ней [3, с. 58].

Эмпирическое исследование жизнестойкости и религиозности как ресурса современного человека в трудных жизненных ситуациях Н.М. Волобуева, Т. А. Сережко показало, что жизнеспособные люди склонны использовать конструктивные стратегии («разрешение проблемы» и «поиск социальной поддержки») в трудных жизненных ситуациях, которые позволяют им активно задействовать как внешние, так и внутренние ресурсы для решения ситуации в свою пользу. Религиозно ориентированные люди также используют конструктивные стратегии преодоления стрессовых ситуаций и практически не применяют стратегию «избегания». Полученные данные свидетельствуют о том, что религиозность наряду с жизнестойкостью позволяет быть человеку более эффективным в своей жизнедеятельности, несмотря на трудные жизненные ситуации [4].

Таким образом, жизненные сценарии личности в периоды существенных изменений под воздействием трудных жизненных ситуаций не могут оставаться в привычных форматах, они испытывают переосмысление, переписывание, иногда «утилизации», в связи с потерей актуальности. С другой стороны – именно трудная ситуация и адресует личность к ее ценностному пространству и его составляющим: «на границе контакта с чем-то новым часто возникает внутреннее смятение, но именно оно может привести нас к творческому взаимообмену и контакту с «живой» реальностью, потому что «настоящая» реальность и собственная жизнь всегда находятся «на грани» возможного и по ту сторону от нее» [5, с. 93].

Список литературы

1. Битюцкая Е.В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями. //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14., Психология. – 2011. – № 1.– С. 100–111.
2. Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : автореф. дис. ... док. психол. наук : 19.00.01. Москва: МГУ, 2009. – 53 с.
3. Воронкин А.Н. Взаимосвязь уровня психологического здоровья и личностных характеристик у людей в трудной жизненной ситуации. – СПб.: 2016. – 64с.
4. Волобуева Н.М., Сережко Т.А. Жизнестойкость и религиозность как ресурсы современного человека в трудных жизненных ситуациях. – Белгород: Белгородский государственный университет. Научные ведомости, Серия: Гуманитарные науки.– 2015. № 24 (221). С. 151–158
5. Виртц У. Жажда смысла. Человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии. / Урсула Виртц, Йогр Цобели. – М.: КогитоЦентр, 2012. – 390 с.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕРЕНИЯ УРОВНЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К БЕЗОПАСНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Безродный В.И., канд. психол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
bezrodnuy@rambler.ru

К настоящему времени изучение психологических причин травматизма происходило путем выявления изолированных взаимосвязей конкретных личностных, типологических, психофизиологических, социально-психологических и других свойств человека с вероятностью травмирования [2, 4]. С этой целью использовались различные статистические процедуры: сравнение полярных групп по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ и т.д. [3, 5]. Однако многие результаты имеют противоречивый характер, а статистические связи, даже там, где они считались очевидными, имеют небольшую значимость, или совсем отсутствуют [1, 3].

Отсюда следует, что исследователям целесообразнее искать связь отдельных факторов не с травмами, а с психологической готовностью к безопасному поведению (ПГБП), выраженной в относительных единицах. В данном случае аппарат математической статистики позволит установить связь ПГБП с теми факторами, которые вносят существенный вклад в количественный показатель ПГБП, то есть влияют на его величину и валентность. Выделение таких факторов, установление их взаимосвязи с уровнем ПГБП позволит наметить пути целенаправленного формирования психологической готовности к безопасному поведению.

Для оценки психологической готовности к безопасному поведению испытуемому предлагается оценить вероятность несчастного случая вследствие нарушения конкретных инструкций техники безопасности.

В этой методике используются три проективные ситуации. В них приводятся нарушения правил техники безопасности (ТБ). Нарушение рассматривалось на собрании, где выступили четверо рабочих. Испытуемому предлагается отметить крестиком степень своего согласия с каждым высказыванием.

Уровень ПГБП определялся как среднее арифметическое из тех рангов, которые оценивают позицию каждого из четырех рабочих. Этот показатель варьировался от -1 до +1. Для повышения надежности показателя ПГБП использовались три ситуации. В этом случае она определялась как среднее арифметическое из показателей трех ситуаций.

Когда испытуемый оценивает взгляды, которые приводятся в анкете, встречаются два морально насыщенных мотива:

1. Нежелание наказывать товарища по работе, что вызвано состраданием, переживанием за него и мыслями о том, что испытуемый также мог бы оказаться на месте нарушителя ТБ.

2. Убеждение в том, что наказание за нарушение ТБ необходимо, основывается на принципиальном несогласии работать в потенциально опасных ситуациях, которые создаются нарушителем.

Формализуя степень своего несогласия или поддержки относительно высказываний, испытуемый обнаруживает уровень своей ПГБП. Действительно, встречаясь каждый раз при работе с ситуацией выбора между стремлением больше заработать денег и в то же время защитить себя и товарищей, шахтер выбирает конкретный способ поведения. Он зависит от многих факторов, обуславливающих определенный уровень ПГБП (индивидуальных особенностей, групповой нормы, состояния пропаганды техники безопасности).

Важным фактором данного измерения является отсутствие страха каких-либо наказаний за ответ, не согласующийся с общепринятыми нормами (а это обстоятельство невозможно ликвидировать до конца даже при полной анонимности), шахтер выражает свое согласие или несогласие с такими же рабочими, как и он, выступающими где-то на собрании одной из шахт. Понятно, что испытуемый не знает истинной цели эксперимента, что, безусловно, повышает искренность его ответов.

Эта методика проверена автором на надежность и валидность. Для оценки надежности методики использовались данные измерений 122 проходчиков шахты производственного объединения "Макеевуголь", а также результаты измерений 102 подземных горнорабочих 23 шахт того же объединения. В результате оказалось, что оценки определенных высказываний объективно тестируют тот параметр, который изучается, а существенная взаимосвязь между параметрами указывает на то, что все они измеряют одну величину - уровень психологической готовности к безопасному поведению и выступают в качестве трех равноправных приемов. Следовательно, методика измерения ПГБП является валидной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что психологическая готовность к безопасному поведению – это устойчивое личностное образование. Уровень ПГБП обуславливает отношение к производственной опасности. Определенное отношение к производственной опасности как устойчивое психологическое образование может вероятностно детерминировать несчастные случаи на производстве. Причиной "склонности" к травмированию можно считать пренебрежительное отношение к производственной опасности и правилам техники безопасности.

Выводы:

1. Исследователям целесообразнее искать связь отдельных факторов не с травмами, а с психологической готовностью к безопасному

поведению, выраженной в относительных единицах. В данном случае аппарат математической статистики позволит установить связь ПГБП с теми факторами, которые вносят существенный вклад в количественный показатель ПГБП, то есть влияют на его величину и валентность.

2. Для оценки психологической готовности к безопасному поведению следует применять метод проективных ситуаций, в котором испытуемому предлагается оценить вероятность несчастного случая вследствие нарушения конкретных инструкций техники безопасности.

3. Установлено, что психологическая готовность к безопасному поведению - это устойчивое личностное образование.

4. Уровень ПГБП обуславливает отношение к производственной опасности и может вероятностно детерминировать несчастные случаи на производстве.

Список литературы

1. Ескендилов А.А. Особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2018. – № 2 (46). – С. 135-140.
2. Ильин Е. П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012. – 267с.
3. Нацун, Л.Н. Рискованное деструктивное поведение подростков и условия его формирования [Текст] / Л.Н. Нацун, И.Н. Разварина, Е.О. Смолева // Проблемы развития территории. – 2017. – № 1. – С. 114-129.
4. Реан А.А. «Психология личности», СПб.:Питер, 2016. – 288с.
5. Ovchinnikov O.M. Professional'no znachimyye pedagogicheskiye kachestva operativnogo sotrudnika ugolovno-ispolnitel'noy sistemy kak neot'yemlemoye usloviye effektivnoy sluzhebnoy deyatel'nosti // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy.Povolzhskiy region. Gu-manitarnyye nauki. 2016. № 3 (39).

УДК 37.04

ВНЕДРЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА «ШКОЛА КАК МИР»

Бессарабов О.В.

МОУ «Школа № 150 г. Донецка», ДНР
bessarabov.o.v@gmail.com

Современные требования общества и личности учащихся ставят необходимость нового реформирования школы, что создаст благоприятные условия для учета индивидуальных особенностей, интересов, потребностей учащихся. Школа должна полностью реализовывать принцип личностно-ориентированного обучения,

значительно расширять возможности ученика в создании собственной образовательной траектории.

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Школа № 150 г. Донецка» – учебное заведение, учащиеся которого длительное время показывают высокий уровень достижений в учебе и внешкольной деятельности. Созданная образовательная система, теоретической основой которой является модель Школы успеха, осуществляет ориентацию на образование как на средство достижения каких-либо значимых целей. Но современный уровень развития рыночной экономики и построение гражданского общества предполагают другое качество образования, которое отражает стремление личности к наиболее полной самореализации, и влияние условий быстро меняющегося мира должно обеспечить подготовку человека к жизни в информационном обществе.

Итак, приоритетом становится ориентация на образование как самоценность, что предполагает предоставление человеку возможности использовать образование как гибкий инструмент расширения и реализации жизненного потенциала и построение новой модели образовательной системы. Возникает противоречие между потребностью общества в выпускнике общеобразовательной школы, адаптированном к современной жизни, и недостаточной подготовкой выпускника в школе к реалиям жизни, между потребностью в системном и комплексном видении мира молодым человеком и изолированным и дифференцированным предоставлении знаний учащимся; между естественным предназначением человека достигать своего *акме* и отсутствием ориентации на реализацию личностного потенциала в практике воспитания современной системы образования.

Выявленные противоречия обусловили проблему, над которой решил работать коллектив школы: создание образовательной системы, которая воспринималась бы учениками как целостный мир.

Цель школы: создание образовательной системы, которая обеспечит формирование личности, готовой к целостному решению жизненных задач.

Для достижения этой цели система работы школы должна претерпеть модульные, системные или локальные изменения. Поэтому возникла необходимость в создании модели обучения в Муниципальном общеобразовательном учреждении «Школа № 150 г. Донецка». Модель разработана с целью модернизации системы обучения и воспитания, основана на общечеловеческих ценностях, способствует реализации Программы развития школы и внедрению инновационной модели «Школа как мир».

Введение модели обучения предполагает ориентацию на жизненную философию «Жить обучаясь, обучаться для жизни», что обуславливает модернизацию содержания образования через интеграцию трех модулей: «Акме», «Эйдос» и «Жизненная мастерская».

«Акме» – (от греч. «Акме» – вершина, цветущая пора) – «высшая точка, период расцвета личности, высоких ее достижений». Акме – это состояние личности на грани его возможностей в данный период развития, наивысший возможный уровень развития личности ученика в любой данный момент или период жизни. Модуль «Акме» предусматривает достижение учеником личностной вершины акме через уроки, факультативные занятия, занятия в Школе самовоспитания, часы общения, воспитательные мероприятия, традиционные и нетрадиционные школьные и внешкольные праздники, экскурсии.

«Эйдос» – (от греч. «Εἶδος» – вид, вид, образ) – «конкретное представление абстрактного», в общем смысле – способ организации и бытия объекта. Эйдос – то, на что на самом деле направлены способности человека; то настоящее, что дается в умственном постижении; то, что является отражением знаний, которые помогут выйти в жизнь. Это самая высокая умственная абстракция, однако данная конкретно, наглядно и вполне самостоятельно, то есть равняется сущности. Модуль «Эйдос» обеспечивает получение учащимися качественного общего среднего образования, сформированности у них жизненных компетенций и наличия потребности учиться на протяжении жизни.

Школьное бюро «Мастерская жизни» – образовательная подсистема, в состав которой входят Школа проектов, Школа «Дивный мир», научное общество учащихся «Интеллект будущего», Школа ученического самоуправления. Школы охватывают основные направления развития личности ученика и способствуют осуществлению поставленных учреждением образовательных целей.

Реализация модуля «Акме» осуществляется во всех направлениях учебно-воспитательного процесса. Заключительная часть курса Школы самовоспитания предусматривает разнообразную подготовку юношей и девушек к вступлению в самостоятельную жизнь. Педагоги находятся в постоянном творческом поиске, создаются разработки классных часов по тематике «Школы самовоспитания».

Модуль «Эйдос» может реализовываться в организации обучения по индивидуальным учебным планам и программам. На базе школьного бюро "Мастерская жизни" осуществляется работа по направлениям Школы проектов, школы "Дивный мир", Школы ученического самоуправления, Научного общества учащихся "Интеллект будущего».

Важным компонентом реализации модели обучения является сотрудничество с высшими учебными заведениями. Партнерство реализуется через работу Школы проектов. Исследовательские проекты направлены на поисковую работу учащихся школы. Консультирование с преподавателями вузов при написании исследовательской работы приближает учащихся и преподавателей к общей цели – научно-исследовательской деятельности. Участие в конференциях, работе

творческих лабораторий, конкурсах на базе вузов делает образование учеников непрерывным.

Реализация модели обучения предусматривает приобретение навыков в научно-практической, научно-исследовательской деятельности, развитие интеллектуальных, психических, творческих, нравственных, социальных качеств, стремление к саморазвитию и самообразованию.

Будущий результат функционирования модели обучения – это естественное, свободное существование личности в современном обществе, готовности к решению социальных и личностных проблем. Это повышение качества образовательных услуг в соответствии с потребностями и способностями участников учебно-воспитательного процесса.

Список литературы

1. Бардоши И. Продуктивное учение и школы проекты. Их место и роль в школьной системе обучения // Школьные технологии. – 2008. – №2. – С.109-110.
2. Крылова Н.Б. Проектные (продуктивные) методы против классно-урочной организации образования // Школьные технологии. – 2004. – №5. – С. 59-60.
3. Родичев Н. Продуктивное образование : подходы и организация // Школьные технологии. –2008. –№2. – С.88.

УДК 316.6

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Борисов С.Г.

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», г. Рязань, РФ
s.g.bor.72@gmail.com

Выбор профессии является одним из важнейших решений в жизни человека. От него во многом зависит удовлетворенность жизнью, социальный статус, круг интересов человека [1]. Для того, чтобы осуществить выбор профессионального пути, человеку необходимо проанализировать свои способности, интересы, склонности и характер и соотнести их с требованиями, предъявляемыми к представителям различных профессий, а также оценить экономическую ситуацию [6].

Таким образом, выбор профессии является двусторонним процессом: с одной стороны, субъект выбора (то есть тот, кто выбирает), а с другой – объект выбора (или то, что выбирают).

Выбор профессии – это процесс, состоящий из нескольких этапов, продолжительность которых может варьироваться в зависимости от внешних условий и личностных особенностей субъекта выбора [2].

Профессиональное самоопределение – длительный процесс, сопровождающий всю профессиональную деятельность человека вплоть до окончания трудовой деятельности. С позиции личностного подхода выделяют несколько этапов этого процесса:

- в младшем школьном возрасте осуществляется первичный выбор профессии, характеризующийся спонтанностью и неустойчивостью. Такой выбор почти не соотносится ребенком со своими реальными способностями и требованиями, предъявляемыми выбранной профессией;

- для старшего школьного возраста характерно возникновение и формирование профессиональных намерений, а также первоначальная ориентировка в различных сферах профессиональной деятельности;

- по окончании средней школы происходит профессиональное обучение уже выбранной профессии;

- следующим этапом является включение в профессиональную деятельность, формирование в ней индивидуального стиля и профессиональная адаптация.

- самореализация в труде – следующая стадия профессионального самоопределения. В зависимости от степени реализации ожиданий, связанных с выбором профессии, и намеченного профессионального пути она может быть полной или частичной.

С точки зрения психологии развития, профессиональное самоопределение разделяется на четыре последовательных этапа. Оно начинается в тот момент, когда ребенок в игровой деятельности начинает имитировать действия представителей той или иной профессии. Чуть позже, в младшем подростковом возрасте у человека возникают фантазии и мечты, связанные с наиболее привлекательными для него профессиями и сферами деятельности. В более старшем возрасте человек начинает соотносить свои способности и интересы с требованиями, предъявляемыми к представителям различных профессий. Затем человек принимает решение и выбирает определенную профессию, выстраивая предварительный план своего будущего профессионального развития [3].

Профессиональное самоопределение не является единовременным актом принятия решения. Этот процесс можно охарактеризовать, как последовательность различных выборов на протяжении всей жизнедеятельности человека. Наиболее остро проблема выбора профессии встает перед человеком на границе старшего подросткового и младшего юношеского возрастов. Именно в этот период от человека требуется совершить выбор и наметить путь профессионального развития, который затем в течение всей последующей жизни будет периодически пересматриваться и подвергаться коррекции.

Факторы, влияющие на выбор профессии, делятся на субъективные и объективные. К субъективным относятся все личностные особенности человека, такие как: темперамент, особенности характера, интересы,

склонности, способности, жизненный опыт, ценностные ориентации и установки, самооценка, уровень притязаний и т.д. К объективным факторам можно отнести: физиологические особенности, состояние здоровья, уровень подготовки (или успеваемость в школе), информированность о мире профессий [6].

На выбор профессии также оказывают влияние различные социальные условия его совершения. К ним относят: окружение и круг общения субъекта выбора, его материальное положение, семейные предпосылки (образование родителей, принадлежность к профессиональной династии) и т.д. [7].

Еще одним фактором, влияющим на выбор профессии в подростковом возрасте, является уровень притязаний. В зависимости от него, человек определяет свои цели и оценивает перспективы развития (в том числе и профессиональные). Нередко уровень притязаний у подростков завышен, ввиду недостаточной информированности о требованиях, предъявляемых к представителям различных профессий, а также неадекватной самооценки [7].

В данном возрасте самооценка во многом зависит от школьной успеваемости. Школьные оценки не всегда являются справедливыми и адекватно отражают уровень знаний и способностей школьников. Ориентируясь на оценки, получаемые в школе, подростки не всегда могут адекватно оценить свои способности, что приводит к неадекватности уровня притязаний.

Для совершения выбора профессии необходимо обладать полной информацией о мире профессий и социально-экономических условиях. Однако, как показывают исследования, современные подростки не обладают достаточной информацией, не имеют представления об особенностях различных профессий и предметах их деятельности и нуждаются в сторонней помощи при выборе своего профессионального пути [4].

Итак, профессиональное самоопределение является сложным процессом, зависящим как от внешних, так и от внутренних факторов. Он сопровождает всю жизнь человека, особенно остро проявляясь в подростковом возрасте. Выбор профессии требует от подростка особой личностной активности и не всегда возможен без посторонней помощи.

Список литературы

1. Беспалова Т.М. К вопросу о самореализации личности курсантов военного вуза в процессе подготовки к профессиональной деятельности // Материалы Международной научно-практической конференции «Самореализация личности в межкультурном пространстве». – М. РУДН, 2012. – С. 128-132.
2. Беспалова Т.М., Верозуб А.С. Жизненный путь личности: учебно-методическое пособие. – Рязань: Изд-во «Концепция», 2016. – 84 с.

3. Беспалова Т.М., Филимошкина Е.А. К проблеме ответственного отношения к выбору профессии старшеклассниками // Материалы X Международной научно-практической конференции «Педагогика и психология как ресурс развития современного общества». – Рязань: ООО «Концепция», 2018. – С. 225-227.
4. Кострова Ю.Б. Проблемы информатизации общего образования в Рязанской области // Материалы международной научно-практической конференции «Информатизация населения и устранение цифрового неравенства как фактор социально-экономического развития региона». – Рязань: РИЭ С-ПБУУиЭ, 2015. –С. 182-186.
5. Кострова Ю.Б., Шибаршина О.Ю. Проблемы подготовки кадров для местного самоуправления // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. № 4 (20). – С. 122-128.
6. Кочетков А.В., Шибаршина О.Ю. Современная молодежь России на рынке труда // Сборник научных трудов Инженерно-экономического факультета, посвященный 50-летию Рязанской государственной радиотехнической академии. – Рязань: РГРТА, 2002. – С. 110-111.
7. Туарменский В.В., Кострова Ю.Б., Шибаршина О.Ю., Туарменская А.В. Исследование мотивов выбора высшего профессионального образования в государственном и коммерческом вузе // Материалы национальной научно-практической конференции «Приоритетные направления научно-технологического развития агропромышленного комплекса России». – Рязань: ФГБОУ ВО РГАТУ им. П.А. Костычева 2019. – С. 509-513.

УДК 159.9.172

«САМООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПТСР У ПОСТРАДАВШИХ ОТ ТЕРМИЧЕСКИХ И КОМБИНИРОВАННЫХ ТЕХНОГЕННЫХ ПОРАЖЕНИЙ»

Вильдгрубе С.А., канд. психол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
S.Vildgrube@mail.ru

Введение. Одним из важнейших отношений социального бытия человека является его отношение к себе.

Самоотношение является для психологии традиционным объектом исследования и не исчезает из ее поля зрения долгое время. Данная категория в значительной мере определяет формирование представлений о себе самом, обеспечивает прогнозирование своей социальной эффективности и отношения к себе, влияет на процессы самоактуализации, самоусовершенствования, самореализации.

Вследствие изменений социальной среды и социальных условий происходят изменения данного конструкта. Войны, природные и техногенные катастрофы, пожары, относят к группе социальных факторов, которые потенцируют развитие ПТСР. Посттравматический синдром или посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) представляет собой целостный комплекс симптомов нарушения психической деятельности,

возникший в результате единоразового или повторяющегося внешнего сверхсильного травмирующего воздействия на психику человека. Как следствие после происшествий, происходит перемена не только на соматическом уровне, а и на психическом. Такие авторы, как Александровский Ю. А., Либерман Ю.И., Мухина В.С., Ольшанский Д.В., Панченко О.А., Решетникова М.М., Румянцева Г.М., Сидорова П.И., Щукина Б.П. и многих другие, рассматривают посттравматическое стрессовое расстройство, его влияние на возможности адаптации, эмоциональные нарушения, снижение работоспособности.

Однако, существует ограниченность исследований самоотношения личности при ПТСР, которые описывали бы специфику отношения человека к себе при данном виде расстройства. Это и обусловило необходимость проведения исследования по данной теме.

Объект исследования: самоотношение личности. *Предмет исследования:* самоотношение личности при ПТСР у пострадавших от термических и комбинированных техногенных поражений.

Цель: изучить компоненты самоотношения личности при ПТСР от термических и комбинированных техногенных поражений.

Психодиагностические методы исследования: Методика «Исследование самоотношения С.Р. Пантелеев, В.В. Столин (МИС)» для изучения трех уровней самоотношения, отличающихся по степени обобщенности: 1) глобальное самоотношение; 2) самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; 3) уровень конкретных действий в отношении к своему «Я». Методика Дембо-Рубинштейн (модификация Г.М. Прихожан) для определения уровня самооценки и уровня притязаний. Методика «Шкала М. Розенберга», для измерения уровня самоуважения. Методика Будасси «Я-концепция» для диагностики самосознания, самоотношения, самооценки, оценки представления о себе. Статистические: методы описательной статистики, коэффициент корреляции Пирсона.

Данная работа была осуществлена на базе Института неотложной и восстановительной хирургии им. В.К. Гусака, в отделении термических поражений и пластической хирургии. Выборку исследования составили пациенты отделения термических поражений и пластической хирургии в количестве 25 человек, из которых женщин – 10 человек, мужчин – 15. Возрастная категория 18-40 лет. Люди данной группы пострадали от термических и комбинированных техногенных поражений. После нахождения в стационаре и выписки из отделения, спустя несколько месяцев, пациенты обратились к психологу больницы, так как были жалобы на плохой сон, ощущение чувства страха, приступы выраженной тревоги, сопровождаемой вегетативными дисфункциями.

Изучая *эмоционально-оценочный компонент*, мы получили данные, которые указывают на то, что у людей с ПТСР уровень

«удовлетворенности собой» занимает значительно низкие показатели (40 %), что может свидетельствовать о том, что самоотношение людей, подвергшихся термическим и комбинированным поражениям претерпевает изменения с негативными тенденциями; «здоровье» (52,88), свидетельствуют о том, что ПТСР является одним из факторов, который может оказывать влияние на функционирование всего организма и тем самым отражается на общей картине самочувствия; «внешность» (45,56), такие показатели можно объяснить, тем, что у людей произошла деформация внешности, это фактор, который влияет на объективную оценку своего «Я» и восприятие внешнего вида; «закрытость» (5,32), что говорит о выраженном защитном поведении личности с ПТСР. Люди, пострадавшие от термических и комбинированных поражений с ПТСР характеризуются тем, что избегают открытых отношений с самим собой; причиной может быть недостаточность навыков рефлексии, поверхностное видение себя; «саморуководство» (4,81), такие показатели отражают веру субъекта в подвластность своего «Я» внешним обстоятельствам и событиям, что характерно для пациентов с ПТСР; показатели «самообвинение» (5,4) и «внутренний конфликт» (7,44) говорят, что у пациентов с ПТСР преобладает негативный фон отношения к себе. Люди находятся в состоянии постоянного контроля над своим «Я», стремятся к глубокой оценке всего, что происходит в их внутреннем мире. Мы можем говорить о том, что результаты по данным шкалам могут иметь конструктивный аспект в виду критичности мышления субъекта. Это проявляется в адекватном видении собственных недостатков и критике своих действий. Важно чтобы «самокритика» не была чрезмерна в отношении себя. Полученные результаты изучения «самооценки» (28 % низкий адекватный уровень и 20 % низкий неадекватный уровень) подтверждают факт того, что у людей с ПТСР «Я-реальное» и «Я-идеальное» не согласованны.

Изучая *эмоционально-ценностный компонент* мы получили результаты: Данные по шкале «самоценность» (5,76) свидетельствуют о глубоких сомнениях человека с ПТСР в уникальности своей личности. Результаты по шкале «самопринятие» (6), указывают на общий негативный фон восприятия себя, на склонность воспринимать себя излишне критично. Симпатия к себе недостаточно выражена, проявляется эпизодически.

Анализ данных *эмоционально-регулятивного компонента* по шкале «самоуважение» (40% адекватно низкий уровень, 16% неадекватно низкий уровень) говорит нам о том, что люди с ПТСР оценивают себя более критично, у них отсутствует уверенность в своей ценности. В выборке преобладает низкий и средний уровень самоуважения, это может означать, что происходит баланс между самоуважением и самоуничижением. Люди с ПТСР вследствие данного отношения к себе, в большей мере склонны недооценивать свои способности и это выступает барьером в реализации себя, в какой-либо деятельности.

При помощи корреляционного анализа мы установили прямую и обратную связи, что свидетельствует о том, что в самоотношении личности при ПТСР у пострадавших от термических и комбинированных техногенных поражений неравномерно сформированы структурные компоненты самоотношения, а также существует взаимосвязь между модальностями компонентов.

Список литературы

1. Идрисов К.А. Динамика посттравматического стрессового расстройства у гражданских лиц, переживших угрозу жизни в зоне локального военного конфликта / К.А. Идрисов // Соц. и клин. психиатр. – 2002. – № 3. – С. 33-39.
2. Лафи С.Г., Лафи Н.М. Феномен боли. Боль при ожоговой болезни. Возможные пути изучения и коррекции боли при ожогах / С.Г. Лафи, Н.М. Лафи – Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 10-2. – С. 233-248.

УДК 316.62:663.5

БОСОНОЖЕСТВО КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ЭПАТАЖА

Вилюзжанина Т.А., канд. психол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vilyuzhanina@mail.ru

Введение. В современном мире широкое распространение получили некоторые субкультуры, содержащие в своей основе вызов, протест против социальных или нравственных норм. Например, субкультура панков радикально нарушает нормы и традиции в прическах и одежде; хиппи выражают протест против общепринятой морали, пропагандируя свободную любовь и пацифизм; готическую субкультуру отличают мрачный имидж, интерес к мистицизму и эзотерике, декадансу, любовь к хоррор-литературе. Сегодня всё большую популярность во всём мире, в том числе и в России, приобретает хождение босиком. В Германии, Голландии, Бельгии и Венгрии созданы специальные парки, в которых желающие могут насладиться босоногими прогулками по дорожкам с разными покрытиями, в том числе галечными. **Людей, которые не признают обуви, в мире становится все больше, они объединяются в отдельное движение под названием барефутинг.** Субкультура барефутинг получила свое название от английского слова barefooting – то есть буквально «босохождение». **Барефутеры** отрицание обуви поясняют тем, что им нравится ощущать голыми ногами земную поверхность, обувь мешает им и стесняет естественность движений, а ходить босым – полезно для стопы. Их девиз: «Босиком – везде, в обуви – только по необходимости. Барефутеры –

разнообразная и неоднородная публика. Ни пол, ни возраст, ни социальное положение, ни профессия, ни национальность, ни религиозные убеждения не коррелирует с любовью ходить босиком. Барифутинг наряду с такими формами самопрезентации, как эпатажный перфоманс, татуировки и др., приобрел статус значимого социально-психологического феномена, требующего специального изучения.

Цель – описание психологического аспекта исследования субкультуры босоножества.

Основная часть. С точки зрения социологии, субкультура – это система ценностей, моделей поведения, жизненный стиль какой-либо социальной группы, представляющий собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры. Субкультура имеет свои ценности, обычаи и стереотипы, обычно идущие вразрез с ценностными установками общепризнанной культуры (конфессиональная, профессиональная, молодежная субкультуры). Аутичная потребительская культура – разновидность массовой потребительской культуры, члены которой акцентируют внимание на отдельных элементах, объектах, правилах или видах потребления и объединяются с целью защиты правил и ценностей своего выбора. К представителям аутичной потребительской культуры можно отнести группы, проповедующие сомнительный, противоестественный или экстремальный способ потребления (например, сыроедение, нудизм и т.п., а также барифутинг) [5].

М.В. Осорина отмечает два контекста идеологии движения барифутинга: сближение с природой и социальный эпатаж. Что касается первого аспекта, то полезность прогулок босиком в центре города весьма сомнительна. Босохождение по оживленным городским улицам, в метро (вместо прогулок несколько раз в неделю в парке, специально оборудованных местах, возможности побродить босиком по лесным тропинкам, луговой траве, морскому песку, даже просто по прохладному паркету) скорее говорит не о стремлении к близости с природой, а о желании барифутеров привлечь к себе внимание, удивить, эпатировать окружающих. Эпатажный образ барифутера строится на нарушении правил повседневности. Такая демонстрация модели поведения, нарушающей общепринятые нормы, противопоставленной стандартам обыденной жизни, не проходит незамеченной.

Эпатаж (фр. *épatage*) – умышленно скандальная выходка или вызывающее, шокирующее поведение, противоречащее принятым в обществе правовым, нравственным, социальным и другим нормам, обычно рассматриваемое большинством как предосудительное, недостойное или недопустимое с целью привлечения к себе внимания [3]. Эпатаж может проявляться не только в поведении человека, но и в творчестве или общественной деятельности, которые радикально нарушают существующие обычаи, каноны, нормы. С приходом модернизма эпатаж вошел в искусство

как неотъемлемый элемент, широко используется в рекламных и PR-кампаниях по продвижению товаров и услуг.

Эпатаж – сложное и многогранное явление. В рамках социальной психологии и девиантологии эпатаж рассматривается и как деструктивный феномен, вызывающий дезадаптацию и даже открытый конфликт с системой традиционных норм морали и права, и как позитивное явление, сочетающее в себе творчество, необычность, новаторство, экстраординарность [2]. Е.А. Рогалева утверждает, что в качестве феномена социальной жизни, имеющего глубокие социокультурные основания, эпатаж до сих пор не изучался [4].

А.И. Дубских предлагает изучать эпатаж с позиций теории девиантного поведения, концепции кризиса идентификации и теории игры. Шокирование окружающих, скандализация, отклонение от нормы позволяют рассматривать эпатаж как проявление девиантного поведения. С точки зрения структурной психологии, эпатаж является следствием утраты идентификаций и проявляется как несоответствие поведения нормам социума, т.е. эпатаж – это поиск идентификации. С позиций теории игры отметим такую важную характеристику эпатажа, как игровой характер. Основная функция игры состоит в переключении с повседневного на неповседневное, в проблематизации границ обыденной жизни [1]. Эпатаж как игра, своеобразный спектакль позволяет не разрушать, а созидать, создавать новый порядок в пространстве повседневности. Важной особенностью эпатажа является открытая, публичная демонстративность. Т.е. нужны зрители, которые оценят эпатажное поведение, а элемент игры позволяет окружающим воспринять заложенные в такое поведение идеи, замысел и смысл.

Заключение. Таким образом, босоножество по своим функциям и механизмам проявления можно отнести к явной форме социального эпатажа. Необходимые признаки эпатажа – демонстративность и публичность, игровой элемент, эффект неожиданности.

Барифутинг как форма социального эпатажа определяем как запланированное, экстраординарное, самодостаточное нарушение общепринятых норм за рамками традиционного восприятия, имеющее своей целью привлечение внимания. Дискредитация общественных норм, пренебрежительное отношение к правилам и требованиям, запретам и ограничениям, демонстрация собственной раскрепощенности, личности, неординарности являются достаточно мощным социально-психологическим провоцирующим механизмом, изменяющим сознание, установки и поведение людей, социальных групп и общества в целом.

Список литературы

1. Дубских А.И. Тактика эпатирования как инструмент провокационной саморекламы в «звездных» интервью / А.И. Дубских // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика», выпуск 15. – 2012. – № 25. – С. 109-112.

2. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. Монография / Ю.А. Клейберг – 2-е изд. – М.: НОУ ВПО «МПСУ», 2017. – 240 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – М.: Азбуковник, 1999. – С. 911.
4. Рогалева Е.А. Эпатаж в XX веке: теория игры в анализе эпатажа / Е.А. Рогалева // Вестник Самарского государственного университета. Социология. – 2001. – № 3. – С. 37–39.
5. Экономическая социология: учебное пособие, электронное издание сетевого распространения / под ред. В.И. Верховина. – М.: «КДУ», «Добросвет», 2018. – 736 с.

УДК 159.9

СОСТРАДАНИЕ КАК ВЫСШЕЕ ПРАВСТВЕННОЕ ЧУВСТВО И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГОВ

Голышева Н.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
golysheva-nadya@mail.ru

В современной отечественной психологии понятие «сострадание», «сопереживание» определяется как высшее этическое чувство, сложное переживание, реакция на страдания другого, которая проявляется в словах утешения, помощи и завершении страданий другого человека. При этом важно отметить, что понятие «сострадание» является отражением исконно русской культурной реальности. Понятие несправедливо заменено западным понятием «эмпатия», лишенным подлинной сострадательности, и подменяющим отчужденность людей друг от друга в реальной жизни видимостью сочувствия и сострадания (посредством эмпатических техник, ролевого поведения и т.п.) [1].

Поэтому необходим анализ понятия «сострадания» с учетом особенностей специфики этического компонента русской культуры и ментальности. Проблема сострадания, сопереживания в отечественной науке связывается с этическим понятием «симпатия». Рассмотрим основные взгляды на развитие понятия «сострадание» в трудах отечественных психологов Н.Я. Грота, Г.И. Челпанова, К.Д. Ушинского.

Н.Я. Грот относит симпатию к высшим нравственным чувствам. Симпатия – это способность сочувствования, сочувственного переживания удовольствий и страданий других людей. Благодаря этой способности человек одобряет или не одобряет то, что сам делает, и что другие люди делают для своего блага. По мнению Н.Я. Грота, человек и сам постепенно проявляет неодобрительное отношение к своим поступкам, которые

приносят другим страдания и заставляют его за них сочувственно страдать, а на этой основе постепенно развивается нравственное чувство или совесть [2].

Идея высших чувств имеет свое продолжение и в трудах Г.И. Челпанова. Описывая «чувство симпатии» он говорит о «симпатическом подражании», вследствие которого при восприятии проявления чувства другого, человек сам начинает испытывать это чувство и действовать так, как будто это его чувство. Он отмечает, что созерцание или восприятие проявлений чувств влечет за собой переживание этих чувств. Сочувствовать, по мнению ученого, значит переживать те же самые чувства, которые пережил другой человек [4].

Также Г.И. Челпанов прослеживает связь симпатии с эгоистическим чувством. Стараясь облегчить страдания другого, человек стремится избавиться от своего собственного страдания, потому что для него самого невыносим вид страдания [4].

Важная роль отводится зависимости чувства симпатии от опыта, т.е. для того, чтобы подражать тем или иным чувствам другого, необходимо пережить их самому. Однако некоторые чувства человек может понять не только в случае переживаний, но и воображая их или через описания чувств другими людьми. Поэтому для развития «чувства симпатии» необходимо накапливать жизненный опыт, в котором должны присутствовать самые разные чувства [4].

К.Д. Ушинский также относит сострадание к высшим нравственным чувствам. Он подчеркивает, что важно различать «нервное сочувствие» от «сочувствия душевного». Под «сочувствием душевным» ученый понимает сострадание, а под «нервным сочувствием» – сочувственное подражание. Так, сострадание в отличие от сочувственного подражания, опосредовано мышлением [3].

Сравнивая сочувственное подражание и сострадание, ученый отмечает, что «нервное сочувствие» не выступает условием «сочувствия душевного» (сострадания). Сострадание душевное, духовное, по мнению ученого, возникает из идеи общности человеческой природы [3].

Симпатия включает в себя две составляющие: чувство страдания другого и стремление удалить или облегчить его [3].

Таким образом, по итогам анализа представлений отечественных психологов можем отметить, что сострадание – это высшее нравственное чувство, способность к сочувственному переживанию страданий другого человека, проявляющееся в стремлении облегчить страдания или избавиться от них. И, несомненно, важным условием его развития выступает опыт переживания самим человеком разнообразных чувств и эмоций.

Список литературы

1. Бондаренко А.Ф. Язык. Культура. Психотерапия: сборник научных статей. – К.: Кафедра, 2012. – 416 с.

2. Грот Н.Я. Сочинения: в 4 т. / ред. Мозговая Н.Г., Волков А.Г. – Мелитополь: Издательский дом Мелитопольской городской типографии, 2013. – 458 с.
3. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 9. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том второй. – Москва: АПН РСФСР, 1950. – 626 с.
4. Челпанов Г.И. Учебник психологии (для гимназий и самообразования). 12-е изд. – М., 1915. – 222 с.

УДК 159.9

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДОНБАССА

Гордеева А.В., канд. психол. наук, доцент,
Анисимова И.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.valer@mail.ru

Актуальность проблемы. В многонациональном Донбассе отношения между этносами складывались и развивались в поликультурной среде, без острых конфликтов и кризисов. Однако события 2014 года, приведшие к созданию молодых республик, заставило ее граждан по-иному взглянуть на этнические отношения, задуматься о своей этнической идентичности. На протяжении пяти лет донецкие психологи проводят исследования этнического самосознания наших жителей, отслеживают изменения этнической идентичности, этнических стереотипов. В прошлом нашем исследовании мы проследили, как формируется этническая идентичность донецких учеников 4-х, 8-х и 11-х классов [1]. Отметим, что процесс формирования идентичности у младших школьников и младших подростков проходит более спокойно, чем у старших подростков, именно у них чаще наблюдается высокий уровень этнической неопределенности.

Последние исследования показывают, что в настоящее время наблюдается «кризис идентичности» всего общества в целом, сложившаяся социальная ситуация способствует негативной трансформации этнической идентичности, в особенности данной тенденции подвержена молодежь [2].

В этом возрасте наблюдаются изменения в сфере этнической идентичности как образовании, обеспечивающем отождествление индивидом себя с той или иной группой людей. В психологии этническая идентичность понимается как результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и отделения от других этносов [3]. На фоне резкой смены социального окружения наступает кризис идентичности и формирование отношения к иным социальным группам.

Именно поэтому в настоящем исследовании, посвященном изучению связи этнических стереотипов и этнической идентичности, в качестве испытуемых были взяты представители студенческой молодежи, а именно студенты филологического и физико-технического факультетов Донецкого национального университета (65 человек – 32 юноши и 33 девушки, возрастом 17-18 лет).

Результаты исследования.

1. С помощью методики «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой были изучены ведущие типы этнической идентичности студентов. Наиболее выраженным типом идентичности оказалась норма – 24 %. Но и другие типы этнической идентичности представлены в довольно большой степени: этноизоляционизм – 17 %, этническая индифферентность – 17 %, этноэгоизм – 16 %, этнофанатизм – 14 %, этнонигилизм – 12 %. Эти результаты говорят о том, что так называемая норма – сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам – характерна лишь для четверти испытуемых. Подобная представленность негативных типов этнической идентичности подтверждает то, для большого числа испытуемых характерен кризис этнической идентичности.

2. Методика исследования этнической идентичности и стереотипов жителей ДНР («Приписывание качеств») позволила получить взаимосвязи между «Я-образом» и образами типичных представителей своей и чужих этнических групп. По мнению испытуемых, для русских характерны такие качества, как индивидуалистичность, предприимчивость, отзывчивость, энергичность. Для украинцев – гостеприимство, патриотизм, выносливость, импульсивность. Некоторые качества испытуемые приписывают и украинцам, и русским, например, индивидуалистичность, предпочтение материальных ценностей, обладание чувством юмора, жестокость. Молодые люди, помимо того, что отмечают сходство русских и украинцев, вместе с тем, отделяют собственную личность от этих двух народов, что говорит о более высокой степени развития этнической идентичности испытуемых. Среди качеств, которыми они наделяют себя: гостеприимство, отзывчивость, щедрость, оптимистичность, доброта и дружелюбие. В более ранних наших исследованиях мы наблюдали ассимиляцию респондентов с русским народом, полное отождествление себя с ним. Сейчас получены несколько иные результаты: укрепление этнической идентичности респондентов, формирование восприятия себя как части отдельного от других народа.

3. Методика «Психологический портрет» типичного жителя ДНР, русского и украинца дала возможность получить свободный неструктурированный материал, позволяющий оценить с помощью контент-анализа степень и содержание этнических стереотипов респондентов. Испытуемые должны были в свободной форме описать все, что приходит в голову при упоминании типичного жителя ДНР, русского

и украинца. Результаты показали, что наиболее близкими народами оказались русские и сами испытуемые, то есть жители ДНР. Также можно отметить, что большое количество респондентов указывает на их принадлежность к русскому народу. Так мы нередко встречали фразу: «...Донбасс всегда был частью России, но мы немного другие, отдельные от всех». Таким образом, психологической проблемой на сегодняшний день является трудность определения границ «мы», осознания типичных и наиболее характерных черт для этой группы людей.

4. Корреляционный анализ позволил выявить ряд значимых связей между типами этнической идентичности и этническими стереотипами. Так полученная связь между этноэгоизмом и стереотипом отношения к труду ($r=-0,29$; $p\leq 0,05$) говорит о том, что у испытуемых с высоким уровнем этноэгоизма наблюдается склонность приписывать окружающим такие черты как лень, неспособность к работе, тунеядство. Значимая обратная связь получена между этнонигилизмом и общей направленность личности ($r=-0,27$; $p\leq 0,05$), то есть испытуемые, у которых наблюдается отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию, склонны принижать направленность других людей, считать, что окружающие ни к чему не стремятся, не имеют целей. Значимая обратная связь между этнофанатизмом и отношением к людям ($r=-0,36$; $p\leq 0,01$) и малым группам ($r=-0,27$; $p\leq 0,01$) говорит о том, что у испытуемых с высоким уровнем готовности идти на любые действия, во имя так или иначе понятых этнических интересов, наблюдается резко негативное отношение к малым этническим группам, а так же негативное эмоциональное отношение к людям не своего народа.

Таким образом, вопрос связи этнической идентичности и этнических стереотипов заслуживает пристального внимания со стороны психологической науки и требует разработки программы работы по устранению негативных этнических стереотипов среди студенческой молодежи.

Список литературы

1. Гордеева А.В., Анисимова И.А. О формировании этической идентичности донецких школьников / Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения: Материалы Международной научно-практической конференции (Донецк, 24 октября 2018 г.) / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ. – С. 68-71.
2. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. статей / Ред.: А.В. Малашенко, В.А. Тишков, Москва: Московский. – 1997. – 488 с.
3. Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М. – 2011. – 191 с.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИТИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Есипова Д.В.,

Кацера А.А. канд. психол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого», г. Тула, РФ

esipovada@mail.ru, katsero@list.ru

В современном образовании умственное развитие детей является одним из важнейших показателей при оценке психического развития ребенка. И в то же время с каждым годом отмечается увеличение числа детей с ЗПР не только в России, но и во всем мире. Развитие мыслительных операций у детей с задержкой психического развития является актуальной психолого-педагогической проблемой, так как от становления и организации мышления зависят качество и благополучность представления и овладения учебным материалом.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что «мыслительные операции» можно определить как некий способ деятельности мозга, в процессе которого человек решает мыслительные задачи. В качестве основных мыслительных операций выделяют: анализ, синтез, сравнение и обобщение. К завершению начального школьного обучения у детей с нормальным темпом психического развития должны быть сформированы выделенные мыслительные операции.

Констатирующий этап нашего исследования, проведенный на базе МБУ ДО МО Плавский район «ЦППМСР «Доверие», показал, что у младших школьников с ЗПР они имеют свои отличительные особенности [3]: наблюдаются затруднения в понимании, связанные с нарушением аналитико-синтетической деятельности; сложности при сравнении объектов, предметов и явлений, а также при выполнении операций обобщения и абстрагирования. Школьникам сложно решать мыслительные задачи, им необходима помощь в осуществлении логических операций.

По результатам, полученным на констатирующем этапе, была создана **примерная коррекционно-развивающая программа**, направленная на исправление выявленных нарушений в развитии мыслительной деятельности. Программа состоит из специально организованных коррекционно-развивающих занятий (табл. 1). Цель – повышение уровня общего развития обучающихся, восполнение пробелов предшествующего развития и обучения, коррекция отклонений в развитии мыслительной деятельности детей 8-10 лет с ЗПР.

Содержание коррекционных занятий

Тема	Цели и задачи занятия	Основное содержание занятия
1	2	3
Знакомство	Знакомство участников, создание положительного эмоционального фона, развитие мыслительных операций.	Приветствие. Упражнение «Имя». Упражнение «Назови одним словом» (картинки) [2] Упражнение «Что не так?» [1] Физминутка Упражнение «Конкретизация понятий». Завершение занятия
Помощники	Развитие мыслительной деятельности.	Приветствие Упражнение «Четвертый лишний» (картинки) [1] Упражнение «Где ошибся Буратино?» Физминутка Упражнение «Зашифрованное слово». [6] Завершение занятия
Обобщение	Повышение способности к обобщению, умению понимать связь событий и строить последовательные умозаключения.	Приветствие Упражнение «Подбери картинки» [4] Физминутка Упражнение «Вспомни сказку» Игра «Вордбол». Завершение занятия
Подключаем внимание	Повышение уровня развития образного мышления и формирование словесно-логического мышления посредством развития мыслительных операций.	Приветствие Упражнение «Цветная сказка» «Четвертый лишний» (словесный вариант) [5] «Водопад» (релаксационное упражнение) Игра «Запретное движение». Завершение занятия
Группы	Повышение рефлексивности мыслительных операций, развитие основных мыслительных операций.	Приветствие Упражнение «Найди одинаковые» [1] Упражнение «Общие и частные понятия». Релаксационное упражнение «Сотвори себе солнце». Упражнение «Раздели на группы». Завершение занятия
Эстафета	Развитие степени владения приемами и операциями мыслительной деятельности.	Приветствие Упражнение «Назови одним словом» (словесный вариант) Упражнение-игра «Найди отличия» Физминутка Упражнение «Закончи фразу» Завершение занятия
Мыслим рисуя	Развитие основных операций мыслительной деятельности, развитие мелкой моторики.	Приветствие Упражнение «Дорисуй недостающие детали» [4] Упражнение «Отгадай слова» Физминутка Упражнение «Поезд» Завершение занятия

1	2	3
Наблюдаем	Развитие степени владения приемами и операциями мыслительной деятельности.	Приветствие Упражнение «Составление предложений» Физминутка Упражнение «Пятый лишний» [1] Завершение занятия
Называем и объединяем	Развитие обратимости и гибкости мыслительных операций.	Приветствие Упражнение «Назови характеристики предмета» Упражнение «Объедини слова» [1] Физминутка «Угадай по описанию» Завершение занятия
Сравниваем и выбираем	Развитие способности к воспроизводству целого на основе зрительного соотнесения	Приветствие Упражнение «Сравни предметы» [4] Упражнение «Выбери главное» Физминутка Упражнение «Залатай коврик» Завершение занятия
Будем внимательны	Развитие умения классифицировать и сравнивать предметы; развитие способности устанавливать связи между понятиями.	Приветствие Упражнение «Летает – не летает» <i>Игра «Лото геометрических фигур»</i> Физминутка «Найди пару» Завершение занятия
Подводим итоги	Развитие гибкости мыслительных операций. Развитие рефлексивности.	Приветствие Упражнение «Что здесь изображено?» Упражнение «Поиск общего» Физминутка Игра «Вордбол» Завершение занятия

Структура программы. Ориентация содержания – практическая. Характер освоения – развивающий. Возраст обучающихся – 8-10 лет. Форма проведения – групповая. Периодичность – 2 раза в неделю. Продолжительного одного занятия – 30 минут. Всего часов – 6 часов. Всего занятий – 12 занятий (см. табл. 1). В структуру каждого занятия были включены 3 основные части: 1. Вводная часть – организационный момент, поднятие общего положительного фона настроения, приветствие. Задача это этапа – создать определенный настрой участников на предстоящую совместную работу. Для этого используются специальные подвижные игры, игры-разминки типа «Знакомство», помогающие наладить позитивный контакт, разнообразные варианты приветствия. 2. Основная часть – упражнения, задания на развитие мыслительных операций. В ходе этого этапа реализуются цели и задачи коррекционной работы. 3. Заключительная часть – обсуждения со школьниками итогов занятия, прощание. При оценке работы с младшими школьниками с ЗПР учитывается: наличие у детей взаимодействия между основными

мыслительными операциями; способность учеников выполнять противоположное предыдущему мыслительное действие; способность сравнивать результат с требованиями и задачами заданий; умение контролировать ход мыслительной деятельности; умение оценивать ход мыслительной деятельности; способность варьирования способов действия с одним объектом; умение преодолевать барьер прошлого опыта.

Данная программа, включающая описание специально организованных коррекционно-развивающих занятий, составленных с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей с ЗПР, легла в основу формирующего эксперимента. Мы предположили, что представленные в ней упражнения и игры, разработанная система коррекционно-развивающей работы будут способствовать развитию у младших школьников основных мыслительных операций, повышая результативность мыслительной деятельности. Контрольный этап эксперимента подтвердил ее эффективность.

Список литературы

1. Анисимова Н.П., Винакова Е.Д. Обучающие и развивающие игры: 1-4 классы. – М.: Первое сентября, 2004. – 44 с.
2. Бабкина Н.В. Интеллектуальное развитие младших школьников с задержкой психического развития. Пособие для школьного психолога. – М.: Школьная Пресса, 2006. – 80 с.
3. Есипова Д.В., Кацера А.А. Особенности мыслительной деятельности младших школьников с ЗПР: теоретические основы исследования. Colloquium-journal – №8 (32), 2019. – Część 4 – 87 с.
4. Истратова О.Н. Практикум по детской психокоррекции: игры, упражнения, техники. – Изд. 2-е. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 349 с.
5. Стребелева Е.А. Формирование мышления у детей с отклонениями в развитии. – М.: Владос, 2004. – 184с.
6. Холодова О. Юным умникам и умницам: Задания по развитию познавательных способностей (8-9 лет). Методическое пособие, 3 класс. - 5-е изд., перераб. – М.: Росткнига, 2007. – 270 с.

УДК 159.99

«ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИОННОГО ПЕРИОДА»

*Ещенко К.А.,
Коньшева М.Г.*

ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР
info@donvoku.com

Введение. В связи с событиями, которые происходили на Донбассе с 2014 года, молодое государство было вынуждено формировать

вооруженные силы. Основой этого формирования стало народное ополчение, которое первое стало на защиту своей Родины. В ходе формирования ВС государство столкнулось с рядом трудностей, такими как отсутствие законодательной базы, опыта структурирования вооруженных формирований, и в первую очередь с отсутствием кадрового резерва. Республике не хватало кадровых офицеров всех звеньев управления. Выходом из сложившейся ситуации стало создание собственной базы по подготовке офицеров. В 2015 году было открыто Донецкое военное училище.

Однако в ходе подготовки будущих офицеров для молодой Республики, были выявлены ряд определенных трудностей, которые были вызваны в большей степени отсутствием опыта организации подобных заведений. Одной из таких трудностей стало, отсутствие понимания того, как организовать правильную психологическую подготовку курсантов и как ввести бывших выпускников школ в военную среду.

Цели. Рассмотреть проблемы психологического обеспечения, личного состава, проблемы с которыми сталкиваются курсанты при поступлении и обучении в военном училище. Предложить ряд решений, которые позволят оптимизировать морально-психологическую обстановку в коллективах курсантов.

Основная часть: В данной работе рассматривается адаптационный период курсанта военного училища в коллективе. За наблюдаемый период взяты первые полгода обучения, с момента прибытия на курс молодого бойца (далее КМБ), до первого каникулярного отпуска. За данный период курсант проходит основные этапы становления, как военнослужащий.

Следует выделить несколько этапов, как психологического, так и профессионального становления. Первым этапом адаптации курсантов является КМБ. Он направлен на подготовку курсантов к дальнейшей службе, первичному обучению военно-прикладным предметам, подготовку к принятию воинской присяги, и что немаловажно вторичному отбору и распределению курсантов по подразделениям. При прибытии курсанта на КМБ он попадает в крайне не привычную для себя обстановку. Курсантов распределяют в достаточно произвольном порядке, не учитывая дальнейшую специализацию, по результатам наблюдений кураторов абитуриентов из числа курсантов назначается младший командный состав (обычно это лица, проходившие ранее военную службу, либо выпускники различных спец лицеев и т.д.), в течение КМБ он может изменяться.

Первым стресс фактором, с которым сталкиваются на данном этапе курсанты, является изъятие гражданской одежды, переодевания в военную форму, обязательная стрижка, запрет на использование мобильных телефонов.

Второй этап – это процесс адаптации к новому коллективу. На этом этапе начинается формирование неформальных групп, лидеров и

оппозиции. Если формальный и неформальный лидер это не одно и то же лицо, то зачастую в коллективе начинают возникать различные конфликтные ситуации, в отличие от гражданского коллектива они обостряются тем, что коллектив находится вместе круглосуточно, а также принципами единоначалия. Командир в армии даже из числа младшего командного состава имеет больше прав, чем его подчиненные, вчерашним выпускникам школ (которые и составляют большую часть курсантов). Помимо расширенных прав командир/начальник имеет еще и большую степень ответственности по сравнению со своим подчиненными. Как пишет современный исследователь Ю.И. Прохоров, руководитель должен разбираться в психологических типах своих подчиненных, учитывать особенности темперамента, поскольку «овладение руководителем психологией стимулирования служебной деятельности и психологическим анализом дисциплинарной практики – важнейший аспект в индивидуальной работе с подчиненным» [2, с. 107].

Из-за того, что руководитель не учитывает психологические особенности своих подчиненных со стороны рядовых курсантов, часто возникают случаи саботажа команд и приказов, прений с командирами, а со стороны сержантского состава случаи откровенных перегибов и превышений своих полномочий. Нередко основой конфликта становятся дружественные отношения курсантов, в случае, когда один из них становится командиром, а второй его подчиненным, отсутствие опыта приводит к неумению разделять личные и служебные отношения. На данном этапе курсовые офицеры выступают в роли арбитров, решая спорные вопросы, также их наблюдения послужат одним из аргументов при распределении по специальностям. Проблема состоит в том, что офицер зачастую не имеет навыков психоанализа, и при решении проблем в коллективе руководствуется своим личным жизненным опытом.

Третьим этапом является повторное распределение личного состава после присяги, оно проводится уже с учетом дальнейшей специальности. На данном этапе опять возникает проблема становления целостного коллектива, хотя она и не стоит так остро, как в первом этапе. В основном из-за того, что общие принципы повседневной военной жизни курсанты уже усвоили. При этом остаются нюансы, характерные для каждого отдельного коллектива. Данный этап в среднем длится от месяца до двух индивидуально в каждом взводе, и может сопровождаться как конфликтными ситуациями, так и установлением нейтральных отношений.

Заключаящим этапом можно считать этап равновесия, он длится с момента окончания второго периода и до зимнего отпуска. Он характерен тем, что командир взвода в основном старается минимизировать вмешательство в коллектив. Сильное влияние на морально-психологическое состояние в это время оказывает регулярность увольнений. Чем меньше личный состав выходит за пределы училища, тем

более эмоционально нестабильным становится коллектив, учащаются случаи нарушения правил, уставных взаимоотношений и т.д. Поэтому важно формировать у своих подчиненных эмоциональный интеллект как «способность осознавать свои эмоции и эмоции других, чтобы мотивировать себя и других и чтобы управлять эмоциями наедине с собой и при взаимодействии с другими» [1, с. 121]

Также можно выделить два краткосрочных периода: период сессии и предотпускной период, в результате постоянной загруженности, как учебной, так и подготовкой к отпуску, нарастает напряженность в коллективе, нервозность. Решением этой проблемы должна стать оптимизация графика сессии и чередования физического и умственного труда.

Список литературы

1. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 301 с.
2. Прохоров Ю.И. Психологические аспекты индивидуальной воспитательной работы руководителя с личным составом // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1995. – № 1. – С. 105-110.

УДК 159.923

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДОВ СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ МОТОКРОССА)

Иванова Е.М.,

Устинова Н.В., канд. психол. наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
katyusha.katy.ivanova@mail.ru

Введение. В последнее время в обществе наблюдается значительный рост интереса и увлечения экстремальными видами спорта. Это может быть связано с рядом факторов. Во-первых, ускоряющийся темп жизни, повышение требований и увеличение времени выполнения профессиональной деятельности сокращает досуговое время и провоцирует общество к состоянию стрессовой активности. Во-вторых, нарушение в социальном и психологическом балансе групп и отдельных личностей требует активного восстановления работоспособности. А осуществление экстремальных практик является сильным средством разрыва повседневности, помогающим отвлечься от сверхнормативной погруженности в работу и получить предельно максимальные ощущения

[2]. Также некоторые виды экстремального спорта являются групповыми и способствуют единению людей разных социальных групп, сконцентрированных на общей идее преодоления какого-то страха, стихии, препятствия, фобии и.т.д [1].

Согласно международным данным, популярность экстремальных видов спорта быстрее всего растет в подростковой среде, но на сегодняшний момент большинство спортсменов-экстремалов составляют люди зрелого возраста, которые, в общем, не склонны к необдуманным и импульсивным поступкам [3]. Одним из видов экстремального спорта является мотокросс. Его отличительная особенность - использование мотоцикла на бездорожье. Впервые соревнования по мотокроссу провели вблизи Лондона еще в 1908 году.

Мотокросс сегодня – спорт для настоящих любителей острых ощущений и экстрима. Он не только позволяет посоревноваться гонщикам в своих умениях, но и показать навыки преодоления резких поворотов, различных препятствий и трамплинов. При этом спортсмен-экстремал сталкивается с необходимостью быть особенно внимательным, быстро реагировать, иметь отменную физическую подготовку, чтобы избежать травм или тем более смертельного исхода [4].

С учетом этого нами было проведено исследование, **целью** которого было выявление личностных качеств и особенностей мотивации участников экстремальных видов спорта на примере мотокросса. Была выдвинута гипотеза о существовании различий личностных особенностей и мотивационной сферы у людей, занимающихся и не занимающихся экстремальными видами спорта.

Для реализации целей исследования использовались следующие психологические методики: 16-факторный личностный опросник Р.Б.Кеттелла для определения личностных характеристик участников исследования; методика «Потребность в достижении» Ю.М. Орлова для измерения потребности в достижении цели; методики диагностики мотивов занятия спортом А.В. Шаболтаса и В.И. Тропникова. С целью статистической проверки полученных данных использовались t-критерий Стьюдента, r-коэффициент линейной корреляции Пирсона.

Выборка испытуемых составила 62 человека, из них 30 спортсменов-экстремалов в возрасте от 23 до 47 лет (27 мужчин и 3 женщины) и 32 человека, которые не увлекаются спортом (27 мужчин и 5 женщин).

В ходе исследования были выявлены статистически значимые различия между спортсменами и людьми, не занимающимися спортом:

- по фактору G «Инициативность, избегание традиций – Добросовестная исполнительность, надежность» ($t=2,426$; $p<0,05$), что говорит о том, что спортсмены-экстремалы не всегда выполняют социально-культурные требования и склонны к избеганию правил по

сравнению со второй группой, для которой такие особенности не характерны;

- различия по фактору I «Реальность, полагается на себя - Недостаточная самостоятельность, зависимость» ($t=2,334$; $p<0,05$). У спортсменов оценки по данной шкале значительно ниже, чем у испытуемых, не занимающихся спортом. Таким образом, можно сказать, что спортсмены, в основном, являются самоуверенными людьми со своим собственным мнением по большинству вопросов. Возможно, экстремальный спорт, являясь индивидуальным, а не массовым, как раз отвечает этой личностной характеристике испытуемых данной группы;

- различия по показателям методики «Потребность в достижении» Ю.М. Орлова ($t=2,495$; $p<0,05$), что говорит о том, что спортсмены имеют более высокую потребность в достижениях, реализации поставленной цели.

Таким образом, можно сделать вывод, что спортсмены исследуемой выборки чаще избегают традиций, чем подчиняются им, больше полагаются на себя и имеют более высокий уровень потребности в достижениях.

Анализ связей личностных особенностей и мотивов занятия спортом в группе спортсменов-экстремалов показал:

- связь между Фактором Q1 «Стремление к новаторству, эксперименту» и показателями шкалы «Материальное благо». Таким образом, стремление к экспериментам спортсменов может мотивироваться потенциальным доходом;

- между Фактором L «Предпочтение своего мнения, подозрительность» и показателями шкалы «Улучшение здоровья и самочувствия», что говорит о том, что чем более подозрительны спортсмены, тем сильнее они переживают о своем здоровье. Возможно, это помогает им уменьшать риски во время соревнований;

- связь между Фактором A «Обращенность вовне, легкость в общении», Фактором E «Доминирование, упрямство, напористость» и показателями шкалы «Эстетическое удовольствие и острота ощущений». То есть, чем больше острых ощущений приносит спортсменам их деятельность, тем активнее они общаются и становятся более упрямыми в достижении своих целей;

- обратная связь между шкалой «Потребность в одобрении» и шкалой «Социального самоутверждения». То есть, чем больше спортсмен стремится к самоутверждению, тем меньше он нуждается в одобрении. Возможно, такое противоречие объясняется тем, что признание в экстремальном спорте всегда связано с уникальностью и неповторимостью как самого спортсмена, так и тех спортивных приемов, которые он использует. Из-за своей уникальности они не могут быть одобрены, так как

могут быть очень рискованными, но это может привести к социальному признанию.

Таким образом, проведенное исследование показало существование различий личностных особенностей и мотивационной сферы у людей, занимающихся и не занимающихся экстремальными видами спорта. Результаты исследования могут использоваться тренерами, спортивными психологами для подготовки спортсменов к тренировкам или участию в соревнованиях.

Список литературы

1. Горбунов Г.Д. Мотивация спортсмена в тренировочном процессе // Практические занятия по психологии. Учебное пособие для институтов физической культуры. – М., 1989.
2. Ильин Е.П. Психология физического воспитания. – М.: Просвещение, 1987. – 287 с.
3. Тропников В.И. Структура и динамика мотивов спортивной деятельности: Авторефер. дис. канд. психол. наук. – Л., 1989.
4. Трофимец Ю.И. Мотокросс: подготовка гонщиков. – М.: Патриот, 1990. – 141 с.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Ильина Т.Б., канд. психол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kafedra.ilynaUMO@yandex.ru

В нынешней сложной военно-политической обстановке в Донецкой Народной Республике, когда остро стоит вопрос о государственной обороне, Вооруженные силы имеют важное значение. Вместе с тем нехватка квалифицированных военно-профессиональных кадров обусловила восполнение штатного дефицита, во-первых, военнослужащими из числа командного и технического состава без соответствующего образования, и, во-вторых, женщинами, призываемыми на военную службу.

Женщины служат в различных видах и родах войск, занимают рядовые и офицерские должности, носят различные звания. Они не хуже, а в некоторых случаях и лучше мужчин выполняют свои обязанности. Анализ дисциплинарной практики показывает, что женщины более дисциплинированы, а также способствуют укреплению этических норм общения в воинском коллективе. Однако в настоящее время отсутствует ясное, научно подтвержденное представление о степени соответствия

психологических особенностей женщин требованиям военно-профессиональной деятельности, особенностях их личности по сравнению с военнослужащими мужчинами. Психологами установлено, что имеются существенные различия в поведении мужчин и женщин. В ряде исследований показано, что мужчины прежде всего ориентируются на решение задачи, женщины - на отношения между людьми; женщины в 2 раза чаще страдают от стресса, тревожности и депрессии, зато в 3 раза реже совершают самоубийства и в 5 раз реже страдают от алкогольной зависимости; женщины более эмпатичны; мужчины более агрессивны, у женщин лучше развито обоняние и др. [4]. Эти и другие различия не могут не сказаться на специфике восприятия боевой обстановки, мотивации участия в боевых действиях, ценностных ориентациях, реагировании на боевые события, функциональных состояниях, структуре и содержании отношений и др.

Гармоничность жизненных отношений человека зависит не только от степени осознания их проблемности и умения использовать в целях саморазвития рефлексивность, но и от внутреннего умения направлять свое развитие по прогрессивному пути, активно выстраивать свою жизнь, продуктивно разрешая возникающие противоречия, достигая высокого уровня внутренней целостности, проявляющейся в согласованности жизненных отношений и связей человека с миром [2].

Для определения базовых элементов жизненных отношений нами был проведен опрос 52 военнослужащих армии Донецкой Народной Республики в результате которого выделили 22 наиболее значимых понятия: Я, семья, отец, мать, муж/жена, ребенок, воинский коллектив, непосредственный командир, командование, сослуживцы, гражданская профессия, воинская служба, долг перед Отечеством, война, боевые действия, мирное население, здоровье, жизнь, смерть, прошлое, настоящее, будущее. Для исследования использовали следующий инструментарий: ОСО (В. Столин), ЦТО(А.М.Эткинд), МИРП(Ю.В.Александрова), метод незаконченных предложений[3]. По принципу добровольности в исследовании приняли участие 71 военнослужащий (33 женщины и 38 мужчин). Возраст испытуемых от 20 до 50 лет включительно. Обобщая эмпирические данные, отмечаем отсутствие статистически значимых различий, однако по структуре и на уровне тенденций различия имеются [1]. Так у мужчин иерархичность отношений следующая: отношение к деятельности, отношение к себе, отношение к другому. У женщин: отношение к другому, отношение к деятельности, отношение к себе. Рамки публикации не позволяют представить подробный анализ. Поэтому остановимся на содержании субъект-субъектных отношений (отношении к другому).

Военнослужащие, независимо от пола, демонстрируют позитивное отношение к родителям. Однако, у мужчин выявляются протестные

реакции, подавление потребности в общении в отношениях с отцом. Женщины ожидают от матери активности по отношению к себе и помощи в решении проблем. В супружеских отношениях мужчины чувствуют собственное превосходство над женой, желание навязать свои взгляды на жизнь. Женщины, в свою очередь, имеют желание «реформаторства» в отношении мужа.

В детско-родительских отношениях мужчины военнослужащие пытаются навязать ребенку свою точку зрения и стараются как можно меньше вникать в дела ребенка, оправдывая это «приучением ребенка к самостоятельной жизни». Отношение женщин характеризуется глубокой привязанностью, вовлеченностью в процесс эмоционально насыщенного личностного взаимодействия с ребенком, беспокойством, потребностью в окружении заботой, стремлением быть в постоянном согласии и гармонии с ребенком. Для мужчин в семейных отношениях наиболее значимое лицо - жена, для женщин - ребенок.

От коллектива и сослуживцев военнослужащие ждут позитивного эмоционального состояния, приятного общения, желают произвести впечатление. Женщины испытывают неудовлетворенность из-за недостаточного признания их заслуг. При напряженно отрицательном отношении к командованию у мужчин выявляется позитивное отношение к командиру. Мужчинам необходимо внимание со стороны командира, его ценят за самостоятельные действия и преодоление преград. Командование при этом характеризуется как враждебное, упрямое, слабое, нерешительное, несамостоятельное. Женщины стремятся более произвести впечатление и добиться влияния.

При негативном отношении к войне, мужчины видят в ней возможность стать сильнее и обрести товарищей. В боевых действиях они опасаются постановки нереальных задач и аффективных поступков, потери друзей.

Отношение к мирному населению характеризуется настороженностью. С одной стороны, это люди, которых нужно защищать, они страдают и погибают от войны, а с другой мирное население – черствое, слабое, несправедливое, неискреннее.

Отношение к долгу перед Отечеством женщины связывают с решительностью, энергичностью, напряженностью, чувством удовлетворенности, силой и стремлением к достижению цели, мужчины – оптимизмом, готовностью отдать за Отечество здоровье и жизнь.

На сегодняшний день актуальным становится изучение психологических изменений, которые принесла война участвовавшим в ней людям. Пребывание человека в зоне военных действий зачастую вносят существенные изменения в ценностно- смысловую сферу личности, систему отношений, координат ее существования, восприятия и действия. С психологической точки зрения сформировавшийся на

войне особый тип личности нуждается в реадaptации, т.е. обратной личностной перестройке. Оптимальное построение жизненных отношений, может явиться эффективным средством включения бывшего воина в социум. Теоретико-методологическое осмысление особенностей жизненных отношений, характерных для военнослужащих, позволит разработать технологии как работы с личным составом, так и оказания им практической помощи в оптимизации, адаптации, восстановлении и последующем развитии в жизни «вне армии».

Список литературы

1. Зобков В.А. Психологическая структура отношения человека к жизнедеятельности [Текст] / В.А.Зобков // Вестник Костромского госуниверситета.- Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2016. – Т.22. – №3. – С.31-34.
2. Селезнева В.Е. Жизненные отношения личности как мера ее субъектности [Текст] / Е.В.Селезнева // Мир психологии. – 2012. – №2. – С.260-270.
3. Кандзюба Е.В. Жизненные отношения военнослужащих: обоснование психодиагностических процедур / Е.В.Кандзюба // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: Материалы III международной научно-практической конференции 16 мая 2019 года. – В 3-х т. – Т.3: Секция 5: Социально-психологические проблемы развития личности. – ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия» / Отв. ред.: Л.А. Остапец. – Донецк, «Цифровая типография», 2019. – С.232-236.
4. Худайназарова Д.Р. Барьеры на пути становления профессиональной идентичности женщин-военнослужащих, обучающихся в военных вузах / Д.Р. Худайназарова // Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник». – 2015. – №1(4). – С.129-144.

УДК 159.9.075

ДОМИНИРУЮЩИЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Калинина С.Б., канд. психол. наук

МВОКУ «Московское высшее общевойсковое командное училище», г. Москва, РФ
klenova_s@mail.ru

Введение. Взаимоотношения между различными поколениями могут быть позитивными только при условии схожести основных ценностных ориентаций. Национальная безопасность страны в том числе базируется и на стабильности, доверии и взаимопонимании в межличностных и межгрупповых отношениях между различными возрастными группами российского общества. Особенно важным, на наш взгляд, является взаимное доверие и ценностное единство различных поколений военнослужащих.

Цель исследования – провести анализ и выявить общие ценностные ориентации старшего и младшего поколения военнослужащих.

Материалы и методы. Решение задач исследования было основано на результатах анализа психологической литературы, данных социологических исследований, а также выводах по результатам проведенного исследования в двух группах военнослужащих МВОКУ с использованием разработанной анкеты, содержащей перечень значимых для человека ценностей и средств их достижения. Для оценки достоверности выявленных различий использовался критерий Фишера. Коэффициенты корреляции между выбранными в группах ценностями были выявлены с помощью метода ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и выводы. На первом этапе исследования были выявлены доминирующие ценности в старшей и младшей группе военнослужащих. Анализ различий в двух группах показал наличие общих базовых ценностей, таких, как работа, семья, достаток. Несмотря на выявленные возрастные различия, можно сделать вывод, что определенные ценности являются основой интеграции разных поколений российских военнослужащих.

Во всех сферах общественной жизни России в настоящий момент происходят многочисленные трансформации, меняется отношение к прошлому страны, вырабатываются новые цели и смыслы жизни для всех поколений россиян. В среде военнослужащих, где в прошлый период жизни нашей страны особо ценились традиционность и преемственность в ценностно-нравственной сфере, также происходят серьезные преобразования [2]. Разные взгляды на жизнь и ценности Служения могут стать причиной серьезных межпоколенческих конфликтов, поэтому так важно искать нравственную основу для сближения и понимания в среде военнослужащих.

Система ценностей каждого поколения сформировалась под влиянием общих политических, экономических, общественных событий. В связи с серьезными политическими событиями и преобразованиями в России конца 20-го века сформировались, как минимум, две системы ценностных ориентаций, одна из которых сформировалась в советский период, а другая – в постперестроечный период.

С целью выявления ценностных различий старшего и младшего поколения военнослужащих мы провели исследование в Московском высшем общевойсковом командном училище. Всего в исследовании приняли участие 48 офицеров (младшая группа до 35 лет – 28 человек, старшая группа – 20 человек). Самыми важными ценностями для младшей и старшей группы офицеров стали следующие:

- иметь стабильное материальное положение (86 % и 72%);
- иметь хорошую семью (54,4 % и 68%);
- иметь стабильную работу (52 % и 78%).

Как мы видим, в младшей группе офицеров материальный достаток имеет несколько более важное значение. В старшей группе офицеров чуть больше ценится наличие хорошей семьи и стабильной работы, но в целом выделенные ценности являются доминирующими в обеих группах.

Интересными являются также результаты, показывающие более существенные различия между группами. Использование критерия Фишера показало значимость различий между группами по параметрам «уважение людей» (более значимым он является для старшей группы), «чувство свободы» (более значимым является для молодых респондентов).

Для того чтобы достичь значимых целей, каждое поколение выбирает определенные средства, которые также вырабатываются и считаются приемлемыми в определенный исторический период жизни общества.

В каждой возрастной группе мы выявили перечень средств, которые считаются необходимыми для достижения жизненных целей. Значимыми средствами в старшей и младшей группе офицеров являются:

- предприимчивость (48 % и 23% соответственно);
- сохранение традиций (22% и 3,3%);
- собственная активность (9% и 22%).

По параметру средств достижения значимых целей с использованием метода ранговой корреляции Спирмена была оценена степень корреляции между двумя группами респондентов, которая оказалась значимой.

Можно сделать вывод о том, что офицеры обеих групп считают важными для достижения значимых целей такие проявления, как активность, инициативность, поддержка семьи. Уважение к традициям для младшей группы имеет меньшее значение, а вот офицеры, воспитанные в советский период отводят традициям и преемственности в воспитании военнослужащих более значимую роль. Офицеры старшей группы уже находятся на пороге завершения карьеры, многие вопросы для них уже решены, они могут более взвешенно и глубоко анализировать роль и значение традиций, оглядываясь на свой немалый профессиональный путь. Офицеры младшей группы еще недавно пережили трудности, связанные с адаптацией и трудоустройством, поэтому придают большее значение собственной активности и независимости для достижения жизненных целей.

Заключение. Современный этап развития российского общества характеризуется серьезными изменениями в системе ценностных ориентаций. Проявляются также признаки нарушений в передаче социокультурного опыта по сравнению с предшествующими поколениями [1]. Традиционализм как принцип организации общественной жизни уступает место модернизму, который опирается на ценности предприимчивости, активности, инициативности. Под влиянием изменившихся социально-экономических условий происходит

формирование нового поколения россиян, в том числе и военнослужащих, готовых к активной адаптации в быстро изменяющемся мире.

Люди старшего поколения вместе со всей страной прошли несколько серьезных кризисов, последствиями которых стали повышение критичности в оценке происходящих изменений, страх новых перемен. Поэтому доминирующей ценностью для старшего поколения военнослужащих в нашем исследовании стала стабильность в политической и экономической сфере страны [2]. В свою очередь, военнослужащие младшей группы стремятся активнее выступать на рынке труда, получить качественное образование, которое повысило бы их конкурентоспособность в условиях рыночной экономики. Также важными для молодого поколения военнослужащих являются возможности проявления личностного потенциала, свобода самовыражения. Стремление к личному успеху молодых офицеров может приводить к нарушениям внутригрупповых отношений в военных учебных заведениях, нарушениям в процессе передачи военно-профессионального и социального опыта.

В сложившихся условиях необходима разработка идеологических основ общества с опорой на единую для всех поколений систему доминирующих ценностей, учитывающую реалии современной действительности и исторические традиции систему ценностей населения.

Список литературы

1. Корж Н.В., Щанина Е.В. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 143-152.
2. Якушина Н.В. Ценности и ценностные ориентации военнослужащих российской армии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. – 2008. – Вып.3. – С.325-336.

УДК 159.9

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ

Картузова Н.А.,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kri-dae@mail.ru

Сложность и многообразие внешних факторов, влияющих на жизненный путь личности, определяет возникновение потребностей в контексте нахождения общей поведенческой стратегии, которая определила бы адаптацию и ощущение человеком психологической защищенности. Построение собственной жизни, способность управлять ею

или зависеть от обстоятельств выступает проблемой, связанной с личностным преодолением и устойчивостью к внешним или внутренним дестабилизирующим факторам. Жизнестойкость выступает тем ресурсом, который способен создать основу внутренней целостности и повысить активность личности, тем самым определив возможности для обеспечения совладания с жизненными трудностями.

Вопросами жизнестойкости занимались как зарубежные (С. Мадди), так и отечественные исследователи (Д.А. Леонтьев, Л.А. Александрова, С.В. Книжникова, Е.И. Рассказова, С.А. Богомаз, М.В. Логинова и др.).

Жизнестойкость, с их точки зрения определяется как трехкомпонентный ресурс, включающий в себя три уровня функционирования:

1 уровень – поведенческий, включающий различные психологические свойства, востребованные ситуацией.

2 уровень – когнитивный, включающий установки активного взаимодействия с жизненными ситуациями.

3 уровень – смысловой, включающий компоненты социально-психологической адаптации, основой которых выступает динамика смысловой саморегуляции [3].

Д.А. Леонтьев раскрывает понятие жизнестойкости в контексте личностного потенциала, определяя ее как стержневой личностный ресурс [3]. Соответственно компонентами жизнестойкости как личностного ресурса выступают: вовлеченность, контроль и принятие риска, которые в свою очередь функционируют на разных уровнях. Высокий уровень вовлеченности предполагает потребность в контакте с другими людьми; контроль определяет старания влиять на окружающие события, а не активизировать беспомощность; принятие риска характеризуется стремлением личности обучаться на собственном жизненном опыте, имеющего как положительный так и негативный аспекты. Т.е. жизнестойкость связана с реальной деятельностной средой и определяет установки и навыки, позволяющие превратить изменения среды в возможности [2].

Жизнестойкость, как было рассмотрено выше, представлена на разных уровнях функционирования психики и определяет основополагающие характеристики деятельности. Проанализировав работы отечественных исследователей по вопросам определения структуры жизнестойкости, представим психологические уровни функционирования жизнестойкости в следующей форме (табл.1).

Следует отметить, что происходит взаимовлияние всех перечисленных уровней проявления жизнестойкости. Психофизиологическая, эмоциональная и поведенческая саморегуляция, ориентирующаяся на сформированную ценностно-смысловую систему, определяет позитивное мироощущение и высокую адаптированность.

Таблица 1

Психологические основы функционирования жизнестойкости

Уровни функционирования психики	Подуровни/психологические составляющие	Высокая жизнестойкость	Низкая жизнестойкость
Психофизиологический	Темпераментальные характеристики (скорость переработки информации, устойчивость и уравновешенность)	Проявление оптимальности реакций в стрессовых ситуациях, готовность выдерживать ситуацию стресса, при этом сохранять внутренний баланс и успешно осуществлять деятельность	Появление неврозов и психосоматических болезней
Социально-психологический	Поведенческий и когнитивный/ - эффективные модели поведения, стили мышления	Высокая адаптированность к социуму, успешная эмоциональная и поведенческая саморегуляция, самореализация	Неадаптированность, низкий уровень навыков саморегуляции и коммуникации, появление выученной беспомощности, пассивное и зависимое поведение
Личностно-смысловой	Ценности, личностные смыслы, мотивационные установки и воля	Позитивное самовосприятие и мироощущение, Установка на повышение качества жизни	Пассивное подчинение обстоятельствам, низкий уровень осознанности и активности по отношению к жизни, вследствие риск возникновения суицидальных тенденций

Жизнестойкий человек вовлечен в систему отношений окружающих его субъектов: умеет поддерживать «обратную связь», находится в процессе накопления личного и профессионального опыта, ориентирован на активность и самостоятельность поведения, что в свою очередь ориентирует весь жизненный процесс в конструктивное русло [1].

Недостаточная развитость жизнестойкости приводит к психическому и умственному истощению. Это может проявиться посредством чувства опустошенности, недостатка энергетического потенциала, формирования отрицательной жизненной установки. Неспособность принимать вызовы жизненных ситуаций, посредством вовлеченности, контроля и принятия риска, могут привести к общему психологическому неблагополучию,

снижению психоэмоционального самочувствия и истощению регулятивных процессов, что в той или иной форме будет проявляться в процессе совладания с жизненными трудностями [4].

Таким образом, развитость жизнестойкости определяется на нескольких психологических уровнях, включающих психофизиологические, социально-психологические и личностно-смысловые аспекты. Жизнестойкость функционирует как личностный ресурс преодоления, определяет систему установок и убеждений, которые ориентирует личность на вовлеченное активное поведение, личностную и профессиональную рефлексию, открытость новому опыту, личностную готовность к деятельности на основе сформированной эффективной жизненной позиции, бесконфликтного общения с окружающими, адекватного выражения эмоций согласно ситуациям, выраженности умения сохранять психологическую устойчивость.

Список литературы

1. Борисенко О.В. Особенности формирования жизнестойкости и совладания с трудными жизненными и стрессовыми ситуациями несовершеннолетних в образовании / О.В. Борисенко, Т.А. Матерова, О.А. Ховалкина – Барнаул, 2014. – 184 с.
2. Конюхова Т. В. Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства. // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 322. – № 6. – С. 110-114
3. Личностный потенциал: структура и диагностика – М.: Смысл, 2011. – 675 с.
4. Фоминова А.Н. Развитие жизнестойкости учащегося в школе – М.: Сентябрь, 2014 – 160 с.

УДК 159.9

Я-КОНЦЕПЦИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ПЕРИОД СТУДЕНЧЕСТВА: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кацера А.А., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
katsero@list.ru

Современные университеты дают возможность людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) получить высшее образование, учитывая при этом индивидуальные способности каждого. Нормой жизни российских университетов является построение общения и взаимодействия с позиции гуманизма и взаимного уважения между студентами с разными физическими возможностями. В Тульском

государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого созданы и постоянно совершенствуются условия для обучения инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья: существует инклюзивная система обучения в общих группах по индивидуальному учебному плану с применением современных образовательных технологий, решаются задачи социально-средовой и социально-бытовой ориентации и интеграции, создана безбарьерная архитектурная среда, и многое другое. Инклюзия рассматривается не как идея или формальный пункт отчета, а как процесс развития университетского образования. И в таком процессе в последнее время в поле значимых задач все чаще включаются задачи психологического и социально-психологического плана: анализируется опыт социально-психологической адаптации данной категории студентов в вузе, изучаются реабилитационные возможности инклюзивного образования [1,3].

Инклюзивная политика не может не опираться на результаты комплексного изучения личностных особенностей молодых людей с ОВЗ, понимание их затруднений и возможностей обучения в интегрированной вузовской среде. Ответ на вопрос о том, какие риски и какие ресурсы имеются в инклюзии в определенной степени находится в плоскости понимания особенностей формирования и развития личности, самосознания человека с ОВЗ, так как наличие хронических заболеваний связано с серьезными функциональными ограничениями возможностей выстраивать взаимоотношения с миром, с социумом. Это приводит к вторичным изменениям личности, к которым можно отнести и специфику формирования Я-концепции, Я-образа, что служит проблемообразующим фактором.

Гибкость социальной координации действий каждой зрелой личности основывается на способности формировать образ Я, а относительная устойчивость его поведения психологически обеспечивается весомым влиянием Я-концепции на мироощущение человека. Обобщая современные научные взгляды (Л. Божович, М. Боришевского, А. Бодалева, А. Прихожан, С. Рубинштейна, О. Скрипченка, И. Слободянюк, Э. Шильштейн и др.), приходим к выводу, что Я-концепция, как результат психического отражения внутренних смыслов жизни и влияний окружения, образует целостную систему. Эта система является развитой и сложноструктурированной. На уровне самоощущений она представляет то, что человек стремится осуществить, то есть определенное целостное состояние, а на уровне поведенческих установок – актуальные задачи развития Я. На глубинном уровне образы самого себя человека цельные, постоянные, а на поверхностном (вербализованные) – более динамичны и представляют отдельные качества, в частности те, благодаря которым человек отличает себя от окружения. Ведущие функции Я-концепции: конструктивная,

регулятивная, прогностическая и эталонно-оценочная, то есть главное назначение – обеспечение личностного становления и роста (регуляция, адаптация, защита, репрезентация, притязания) [2].

Картина особенностей компонентов Я-концепции лиц с ОВЗ весьма разнородна. Так у ребят с нарушением слуха уровень самооценки ниже, чем у сверстников, не имеющих таких проблем со здоровьем; существуют трудности в сфере притязаний (исследование В. П. Лихошва). Ребятам с нарушениями зрения (исследование Л. В. Никитиной, Д. Н. Сюкаева, Г. Л. Дронова) характерна неадекватная самооценка (ее уровень занижен или завышен), низкий уровень самоуважения (когнитивный компонент); низкий уровень самопринятия и концентрация на негативных переживаниях (аффективный компонент); сниженный интерес к жизни в целом, размытые представления о собственном будущем, неуверенность в себе (конативный компонент). Своеобразием ребят, страдающих ДЦП (исследования Д. В. Юшкова) является наличие в целом конфликтного строения Я-концепции, склонность к самообвинению и самообнажению.

Психологическое исследование особенностей формирования и развития Я-концепции студентов с ОВЗ, студентов-инвалидов осуществляется по нескольким направлениям. Изучаются изменения в содержании компонентов Я-концепции, как за период пребывания в вузе меняются уровень притязаний, критерии самооценки. Также исследуется степень объективности образа Я, его дифференцированность, когнитивная сложность, цельность, устойчивость, значимость, фиксируются изменения, происходящие с уровнем самоуважения. У студентов с ОВЗ изменения идут по линии большей субъективизации, психологизации описаний самого себя. Следует отметить, что специфика развития Я-концепции, неадекватность самовосприятия, самооценки, нарушение представлений о собственных возможностях, проблемы с самоуважением, находятся в тесной связи с неудовлетворенностью отношениями в вузе и с окружающим миром в целом, а также с нарушением социально-психологической адаптации у студентов с функциональными нарушениями разного плана. Я-концепция студентов вырастает одной из центральных установок личности с которой чаще всего соотносится поведение.

Понятие профессионального самосознания пересекается с понятиями «Я-концепция», «самоопределение» и «профессионализм» [4]. Учет специфических особенностей Я-концепции студентов-инвалидов, студентов с ОВЗ в процессе качественной психологической поддержки, индивидуально-ориентированного и системно-ориентированного сопровождения является весомым фактором решения вопросов их личностного и профессионального самоопределения. Результатом такой работы становится ориентация выпускника с ограниченными возможностями здоровья на активность в соответствии с полученным

образованием и позитивное отношение к себе как к субъекту определенной сферы профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Инклюзивное образование студентов с инвалидностью и ОВЗ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий / под ред. Б.Б. Айсмонтаса. – М. : МГППУ, 2015. – 334 с.
2. Кацера А.А. К вопросу о личностных диспозициях: содержательно-функциональные параметры образа Я. Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека. Монография. Под общей редакцией А.В. Гордеевой, А.А. Кацера, М.И. Яновского. – Ростов-на-Дону, 2017. – С. 39–48
3. Палхаева Е.Н., Жукова Н.Е. Проблемы инклюзии в высшем образовании: обзор современных гуманитарных исследований // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 5.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26954> (дата обращения: 19.09.2019).
4. Пряжникова Е.Ю., Чистовский Д.И. Самосознание студентов с ОВЗ на этапе профессионального развития // Психологическая наука и образование. – 2014. – Том 19. – № 4. – С. 81–91.

УДК 378.134:378.147

ГОРОДСКОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК НОВЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Киселева А.В.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет», г. Екатеринбург, РФ
kav.7311@mail.ru

Введение. Города – это развивающиеся экосистемы, и мы все еще учимся управлять ими для достижения желаемых общественных результатов, прежде всего – создание комфортной городской среды. Городское экологическое образование, которое можно рассматривать как часть глобальной системы образования, связанной с мировыми проблемами экологии, помогает в реализации этой задачи [1].

Цель. Современное городское пространство невероятно сложный механизм. Оно является двигателем технических и технологических инноваций, потребителем природных ресурсов, лабораторией для решения экологических проблем. Его долгосрочная устойчивость зависит от творческого потенциала человека, живущего в нем, адаптационных возможностей для сообществ и групп, от понимания взаимодействия биофизических и социальных систем, человеческого и социального капитала, участия общества в городском планировании и охране

окружающей среды. Все эти факторы требуют определенного уровня образования [3].

Основная часть. Городская среда, как трансформированные ландшафты, кажется, не является идеальным контекстом для экологического образования. Тем не менее, учеными, педагогами, экологами были разработаны программы экологического образования, ориентированные не только на природоведческие аспекты, но и на охрану окружающей среды, сохранение в городе «дикой» природы, восстановление городской зеленой инфраструктуры, экологическое искусство, ландшафтный дизайн [2]. Такие понятия, как водоразделы, изменение климата, устойчивость и др., являются сегодня частью аудиторных и внеклассных занятий в наших учебных заведениях. Некоторые школы, гимназии, лицеи и колледжи даже сделали экологию центром своего обучения. Несмотря на разнообразие таких программ, большинство из них способствуют сохранению окружающей среды и благополучию людей в городах.

По мнению М.В. Сальникова, целевые группы для экологического образования должны включать в себя все социальные группы, проживающие в городском пространстве [5]. Важная роль в этом процессе отводится информационным технологиям, печатным изданиям и социальным сетям, поэтому использование газетных статей, блогов и постов в Facebook, твитов в Твиттере будет наилучшим средством объединения сообществ для совместной работы.

Так, например, студенты во многих городах создают в рамках учебных проектов информационные щиты о деревьях и растениях в городских парках, которые оснащены кодами быстрого реагирования или метками связи ближнего поля, чтобы любой гражданин, желающий получить дополнительную информацию о месте, мог легко получить ее с помощью своего iPhone или смартфона.

Городское экологическое образование это совершенно другой подход к организации учебного процесса, который коренным образом отличается от традиционного. Оно не имеет отношения к классным комнатам, расписанию или сдаче экзаменов. Городское экологическое образование предполагает, что обучающиеся делают преобразующие вещи в своей среде обитания и обучаются на практике, оно включает в себя не столько сохранение и защиту природы, сколько сотрудничество с природой. Такой подход приводит к росту интереса к социально-экологической системе, в котором живет человек. Он начинает замечать экологические нарушения, и как следствие этого понимания - формулировать проблемы, которые необходимо решать для поддержания жизнедеятельности людей в городском пространстве, (например, как восстановить функционирование экосистемы в поддержку здоровья и благополучия человека) [3].

В отличие от традиционного образования, где знания первичны, в городском экологическом образовании человеческий фактор является определяющим, способствуя тем самым развитию и поддержанию зеленой инфраструктуры, что полезно для города в целом. Учитывая, что городская среда характеризуется сложностью и подвержена частым изменениями, важно, чтобы люди в целом действовали и учились вместе, а роль молодежи подчеркивалась и усиливалась. Последние будут все чаще призывать к созданию новых и адаптивных систем существования для себя и будущих поколений [4].

Таким образом, целью экологического образования в городах должно стать развитие системной перспективы окружающего пространства, адаптационного потенциала общества и социального капитала, для создания комфортной среды проживания. Для этого необходимо глубокое понимание работы тех социально-экологических систем, частью которых является человек; широкий спектр умений и навыков, чтобы осуществлять значимые изменения [4]. Это форма образования, основана на процессах коллективных действий, она позволяет производить позитивные социально-экологические преобразования, которые, в свою очередь, влияют на социально-общественную атмосферу города.

Городское экологическое образование растет в масштабах и усложняется с каждым годом. Летние лагеря, природные центры, музеи естествознания и другие подобные программы знакомят обучающихся с миром природы. Эти программы создали возможность изучать окружающую среду и понимать проблематику экологической науки.

Одна из таких программ вовлекает старшеклассников Екатеринбурга в стажировки, которые предоставляют опыт работы с оранжереями, аквапоникой, дождевым водосбором и др. Другая популярная программа – «обучение на местах». Она реализуется, где доступны ресурсы и средства. Так, например, проект кораблестроение, экологическое кинопроизводство (создание роликов, поднимающих проблемы городской экосистемы), сохранение культуры, пропаганда здорового образа жизни.

В школьном учебном процессе в рамках городского экологического образования с учащимися выращивают растения по таким темам, как пищевые, лекарственные растения, а декоративные растения выращивают для создания зеленой инфраструктуры вокруг школы или для восстановления зеленых зон, где это возможно или необходимо.

Активно внедряется программа под броским названием «Будь ученым на день». Данная программа поощряет участие горожан в ежемесячных исследованиях биоразнообразия данной экосистемы, проводимых в парках, скверах, садах города, отправляя данные о местных наблюдениях с помощью мобильного приложения в городской экологический центр, что становится частью общей проектной работы для создания комфортной среды города.

Заключение. Подводя итог, важно отметить, что городское экологическое образование должно развивать компетенции граждан, чтобы они активно были вовлечены в процесс создания комфортной среды проживания и устойчивых экосистем, чтобы они могли внести свой вклад в улучшение инфраструктуры, окружающей среды и городское планирование. Наши города трансформируются, и перед нами появляется возможность сформировать комфортную среду для проживания самим, в которой наши дети будут любить свой город и взаимодействовать с ним.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
2. Дэнлап, Р.Э., Д.Г. Гэллап, Гэллап А.М. Здоровье планеты / Р.Э. Дэнлап, Д.Г. Гэллап, А.М. Гэллап // Социс. – 1992. – № 12. – С. 11-32.
3. Касимов, Н.С. От экологического образования к образованию для устойчивого развития / Н.С. Касимов // Экология и жизнь. – 2006. – № 9 (58). – С. 30-34.
4. Колесников, С.И. Экология: учебное пособие / С.И. Колесников. – 3-е издание. – Москва: Дашков и Ко; Ростов-на-Дону: Академцентр, 2008. – 384 с.
5. Сальникова М.В. Экологическое образование и воспитание обучающихся / М.В. Сальникова // Молодой ученый. – 2016. – № 11. – С. 1543-1546.

УДК 159.923

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Киселёва И.В., Ищук В.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
irema.psy@yandex.ru

Индивидуальные особенности сотрудников органов внутренних дел имеют большое значение для их успешной профессиональной деятельности и сохранения психологического благополучия. Неэффективные стилевые стратегии поведения могут приводить к серьезным последствиям [2]. Именно поэтому так важно изучать факторы и условия, с которыми связано их проявление в повседневной работе данных специалистов.

Наиболее эффективным понятием, отражающим всю совокупность уникальных психологических особенностей человека, является индивидуальность. Вслед за В.С. Мерлиным, мы понимаем ее как саморазвивающуюся и саморегулирующуюся автономную, уникальную и неповторимую биосоциальную систему. Она имеет иерархическую

структуру, каждый уровень которой подчинен следующему. На вершине индивидуальности располагаются стилевые особенности, подчиняя себе и личностные, и индивидуальные. Соответственно, именно данные особенности являются отражением уникальных и неповторимых характеристик конкретного человека [1]. В понятие психологического стиля входят следующие компоненты: жизненный стиль, стиль поведения, стиль совладания со стрессовой ситуацией, когнитивный стиль, стиль общения и т. п.

Целью нашей работы мы поставили изучение таких стилевых особенностей индивидуальности, как стиль совладания со стрессовой ситуацией и стиль реагирования в конфликте у сотрудников ОВД. Именно эти характеристики, согласно теоретическим и практическим научным данным, сильнее всего связаны с эффективностью профессиональной деятельности специалистов профессий, направленных на взаимодействие с людьми [3]. Объектом исследования выступили стилевые особенности индивидуальности. Предметом – связь стиля совладания со стрессом и стиля реагирования в конфликтной ситуации у сотрудников ОВД. Также была выдвинута гипотеза о существовании связи между стилем совладания и реагирования в конфликтной ситуации у данной категории специалистов.

С февраля по апрель 2019 года нами было проведено эмпирическое исследование с участием сотрудников районных отделов органов внутренних дел г. Донецка. Выборка испытуемых состояла из 60 человек, из них 25 женщин и 35 мужчин. Все они работали в разных подразделениях, имели различные звания, должности и стаж работы. Учитывая специфику деятельности сотрудников ОВД, исследование проводилось полностью анонимно.

В нашем исследовании были использованы следующие методики:

- анкета для изучения социально-психологических данных;
- методика «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкмана в адаптации Л.И. Вассермана и соавторов;
- методика «Типы поведения в конфликте» К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной;
- опросник «Преодоление трудных жизненных ситуаций» В. Янке, Г. Эрдманна в адаптации Н.Е. Водопьяновой.

В результате эмпирического исследования были получены следующие результаты:

- 1) среди опрошенных сотрудников ОВД преобладали такие стили реагирования в конфликтной ситуации, как соперничество (38,3% респондентов, 23 человека), сотрудничество (19,2% выборки, 12 человек), компромисс (19,2% выборки, 12 человек);
- 2) такие стили реагирования в конфликте, как избегание и приспособление, оказались нетипичными для данной категории специалистов;

- 3) по классификации Р. Лазаруса, наиболее распространенными способами совладания у сотрудников ОВД стали самоконтроль, дистанцирование, поиск социальной поддержки;
- 4) по классификации Н.Е. Водопьяновой, были выявлены такие типичные способы совладания со стрессом, как «Заезженная пластинка» (ригидность, застревание в ситуации), самообвинение и антиципирующее избегание;
- 5) с помощью корреляционного анализа была выявлена значимая прямая связь между рядом стилей поведения в конфликте и стилями совладания со стрессом: соперничеством в конфликте и принятием ответственности в ситуации стресса ($r=0,35$; $p \leq 0,01$), сотрудничеством в конфликте и дистанцированием в ситуации стресса ($r=0,32$; $p \leq 0,05$), компромиссом в конфликте и поиском социальной поддержки в ситуации стресса ($r=0,25$; $p \leq 0,05$).

Выводы. В данном исследовании изучались такие стилевые особенности индивидуальности, как стиль реагирования в конфликтной ситуации и стиль совладания со стрессом. Среди опрошенных сотрудников органов внутренних дел были выделены три типичных связанных стилевых паттерна индивидуальности, присутствующих у испытуемых.

Первый паттерн поведения: применение стиля соперничества в конфликте и стиля принятия ответственности в стрессе. Мы можем предположить, что соперничество в конфликтных рабочих ситуациях, предполагающее стремление добиться своих интересов любыми способами, обусловлено сложным контингентом граждан, с которыми приходится работать, а также сознательным выбором, т.к. в стрессовой ситуации преобладает стиль принятия ответственности за свои поступки и решения.

Второй паттерн индивидуальности сочетает в себе сотрудничество в конфликтной ситуации и дистанцирование для преодоления стресса. Дистанцирование предполагает стратегию преодоления стрессовой ситуации с помощью снижения ее субъективной значимости и степени эмоциональной вовлеченности в неё. Сотрудничество основано на рациональном подходе избегания прямой конфронтации путем учета интересов обеих сторон без значительных взаимных уступок. Мы можем предположить, что снижение эмоциональной нагрузки в ситуации стресса и некоторой «черствости» и позволяет трезво, логически подходить к конфликту, уметь «не терять голову», договариваться.

Третий стилевой паттерн предполагает использование стратегии компромисса в конфликте и поиск социальной поддержки в преодолении стрессовой ситуации. Это достаточно мягкая позиция, предполагающая уступки в конфликте с целью предотвращения развития конфронтационной ситуации и снижения агрессии противной стороны. Стиль поиска социальной поддержки заключается в привлечении внешних

ресурсов, помощи со стороны. Это может быть зависимой позицией, неэффективной в данной сфере деятельности.

Таким образом, выявив индивидуальные стилевые особенности сотрудников органов внутренних дел, мы пришли к выводу о существовании трех типичных паттернов поведения данных специалистов в профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я. Теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина: история и современность / Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман // Образование и наука. – Т. 19. – №2. – 2017. – С. 145-160.
2. Гольцева Т.П. Особенности профессиональной деятельности сотрудников полиции, влияющие на возникновение негативных психических состояний / Т.П. Гольцева // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 6. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-deyatelnosti-sotrudnikov-politsii-vliyayushchie-na-vozniknovenie-negativnyh-psihicheskikh-sostoyaniy> (дата обращения: 19.09.2019).
3. Закерничная О.Ю. Стили поведения сотрудников ОВД в конфликтных ситуациях / О.Ю. Закерничная // Психопедагогика в правоохранительных органах. – № 1 (60). – 2015. – С. 45-47.

УДК 159.922.8

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

Киселева Д.Е.¹,

Кацера А.А.², канд. психол. наук, доцент

¹ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
darja-kiseleva@rambler.ru, katsero@list.ru

Проблема психологической готовности к самостоятельной жизни (ПГСЖ) старшеклассников с ОВЗ является одной из актуальных и вместе с тем недостаточно разработанных в современной специальной психологии. Завершая школьное обучение, старшеклассник должен быть социально и психологически готовым к вступлению во взрослую жизнь.

Цель данного исследования – выявить особенности психологической готовности к самостоятельной жизни старшеклассников с нарушением слуха. На основе анализа литературы нами были изучены особенности психологической готовности к самостоятельной жизни подростков, составлена и апробирована диагностическая программа для изучения психологической готовности к самостоятельной жизни старших

подростков с нарушением слуха; обработаны полученные результаты констатирующего этапа эксперимента [2]. Исследование старшеклассников с нарушением слуха проводилось на базе ГОУ ТО «Тульский областной центр образования» отделение №3.

Методики и результаты их применения.

1. Методика диагностика самооценки (Дембо-Рубинштейн, модификация А.М. Прихожан) [1] позволила выявить уровень самооценки и уровня притязаний. Анализ результатов показал, что у старших подростков с нарушением слуха имеются проблемы с адекватностью оценки самого себя, а также с уровнем притязаний: общий уровень притязаний у старших подростков с нарушением слуха неадекватно высокий – 100 %; уровень самооценки завышен – 100 %.

2. Тест Дж. Гилфорда «Социальный интеллект» позволил изучить отдельные составляющие структуры социального интеллекта: познание классов, систем, преобразований и результатов поведения. Полученные данные свидетельствуют о том, что старшие подростки с нарушением слуха имеют значительные трудности в развитии социального интеллекта. По мнению автора методики, способности, отражающиеся на уровне композитной оценки, «вероятно, перекрывают собой традиционные понятия социальной чувствительности, эмпатии, восприятия другого и то, что можно назвать социальной интуицией» [3]. Уровень развития социального интеллекта в большей степени определяет успешность адаптации при поступлении на работу, чем уровень развития общего интеллекта. В нашем исследовании было выявлено, что 80% испытуемых имеют «среднеслабый уровень», то есть уровень социального интеллекта ниже среднего, и только у 20 % – значение, приближенное к средневыборочному уровню.

3. Опросник временной перспективы Зимбардо (англ. ZTPI) [5] использовался для диагностики системы отношений старшеклассников с нарушением слуха к временному континууму. Результаты распространенности временных перспектив, стойких временных пристрастий: фактор «Настоящее Гедонистическое» – 60 %, «фактор позитивного прошлого» – 40 %, «фактор негативного прошлого» – 20 %, фактор «Настоящее Фаталистическое» – 20 %.

4. Опросник «Стиль саморегуляции поведения (ССП-98)» В.И. Моросановой [4] позволил диагностировать особенности саморегуляции, ее индивидуального профиля, включающего показатели планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств – гибкости и самостоятельности. Результаты: старшеклассники с нарушением слуха имеют низкий уровень саморегуляции поведения. Это значит, что потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения не сформирована, они более зависимы от ситуации и мнения

окружающих людей. Возможность компенсации неблагоприятных для достижения поставленной цели личностных особенностей у старших подростков с нарушением слуха снижена (по сравнению с испытуемыми с высоким уровнем регуляции). Соответственно, успешность овладения новыми видами деятельности в большой степени зависит от соответствия стилевых особенностей регуляции и требований осваиваемого вида активности.

5. Опросник для выявления готовности к выбору профессии (В.Б. Успенского) [6]. Проведенная диагностическая работа с помощью этого опросника позволила нам сделать вывод о том, что уровень готовности к выбору профессии у большинства старших подростков с нарушением слуха находится на низком уровне (80 %). Лишь у 20 % старшеклассников с нарушением слуха имеют достаточный уровень готовности к выбору профессии. Стоит также отметить, что все испытуемые плохо представляют и понимают особенности выбранной ими профессии. Опрос показал, что старшеклассники мало знают о необходимых умениях, знаниях и обязанностях будущей профессии, также некоторые выбранные ими профессии совсем не соответствуют возможностям старших подростков с нарушением слуха, ребята упускают из виду особенности своего дефекта и его влияние на выбранную профессию.

Таким образом, говоря о формировании психологической готовности к самостоятельной жизни старшеклассников с нарушением слуха, следует учитывать, что этим ребятам присущи: неадекватная оценка себя, своих возможности; у некоторых наблюдается отрицание или непонимание своего дефекта и влияния его на дальнейшую жизнь человека, неадекватное представление о будущем; затруднено определение с профессиональной сферой (требования выбираемой профессии не совпадают с возможностями), у них нарушены – способность понимать и прогнозировать поведение людей в жизни, рефлексия своих действий и поступков, их адекватная оценка. Следовательно, существует объективная необходимость в разработке и реализации программы коррекционно-развивающей работы со старшеклассниками, имеющими нарушения слуха, которая должна учитывать выявленные у них особенности психологической готовности к самостоятельной жизни. Такая работа и выступает задачей нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Дубровина И.В. Психологическая готовность к личностному самоопределению – основное новообразование ранней юности / И.В. Дубровина. – Москва // Сост. И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, В.В. Зацепин. – Москва : Академия, 2001. – С. 229-232.
2. Киселева Д.Е., Кацера А.А. Коррекция психологической готовности к самостоятельной жизни старших подростков с нарушением слуха. *Colloquium-journal* №8 (32), 2019 Część 4 – 87 с.

3. Михайлова Е.С. Тест Дж. Гилфорда и М. Салливена. Диагностика социального интеллекта. Методическое руководство. – СПб.: ИМАТОН, 2006. – 56 с.
4. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Диагностика саморегуляции человека.: – М.: Когито-Центр, 2015. – 304 с.
5. Сырцова А., Соколова Е., Митина О. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. №1 – 2007. – с. 85–105.
6. Успенский В.Б., Чернявская А.П. Введение в психолого-педагогическую деятельность: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений.— М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 176 с.

УДК316.37

ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Кононенко И.А., Rogozina M.Ю., канд. пед. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kaf_donnu@mail.ru

Воздействие сложных жизненных ситуаций нарушает функционирование семейной системы, что неизбежно влияет на благополучие членов семьи и их взаимоотношения. Адаптационные возможности членов семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации, изучены в настоящее время недостаточно и требуют проведения дальнейших исследований. В частности, остается дискуссионным вопрос о психологических ресурсах семьи как системы. Данная проблематика теоретически и практически изучалась такими исследователями как: Е.Хорошева, Е.Куфтяк; Т.Крюкова, М.Сапоровская [2].

Применение теории системного подхода позволяет рассмотреть, как семейная система справляется с длительными трудностями. Согласно Ф.Уолш, жизнеспособность семьи, включает три основные сферы: систему семейных верований, организационную модель семейной системы и процессы решения проблем (копинги) [1,3]. Изучение взаимодействия этих трех компонентов является значимым для решения вопроса факторов стабильности семейной системы в трудной жизненной ситуации.

Целью данной работы является изучение факторов стабильности семейной системы в трудной жизненной ситуации. В исследовании приняли участие семьи, проживающие в условиях военно-политического конфликта на Донбассе (30 семей, проживающих в прифронтовых районах г.Донецка, и 27 семей переселенцев в соседние области Украины).

На первом этапе изучалась стабильность семейных систем, находящихся в разных трудных жизненных ситуациях (методика Д.Олсона «Шкала семейной адаптации и сплоченности»). Следует отметить, что семьи переселенцев являются более сбалансированными (31,5%), тогда как

среди семей, проживающих в прифронтовой зоне, преобладают среднесбалансированные (21%), и несбалансированные (10,5%) типы. Можно предположить, что условия трудной жизненной ситуации сказываются на адаптации семейной системы.

На втором этапе исследования было изучено применение копингов партнерами из семей с разным уровнем сбалансированности. В сбалансированных семьях партнеры достоверно чаще используют следующие копинги: принятие ответственности ($p \leq 0,01$) и решение ($p \leq 0,05$). Члены семей среднесбалансированного и несбалансированного типов преимущественно используют копинги: конфронтация ($p \leq 0,05$) – разрешения проблемы происходит за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности; дистанцирование ($p \leq 0,05$) – предполагает попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости. Таким образом, если в среднесбалансированных и несбалансированных типах семейных систем партнеры пытаются найти эмоциональную разрядку, полностью эмоционально отреагировать и прожить проблему, то в сбалансированных семьях за счет рационализации, переключения внимания, обесценивания, пытаются снизить эмоциональный накал, возникший с проблемой.

При изучении копинг-стратегий партнеров из семей, находящихся в разных условиях, были выявлены следующие особенности. Партнеры сбалансированного типа семей прифронтовых районов в большей мере используют конфронтацию ($p \leq 0,05$) и дистанцирование ($p \leq 0,05$), и в меньшей степени используют копинг ответственность ($p \leq 0,01$). Партнеры сбалансированных семейных систем переселенцев, используют копинг избегание ($p \leq 0,01$) и положительную переоценку ($p \leq 0,01$). Члены семей переселенцев среднесбалансированного типа ориентированы на принятие ответственности ($p \leq 0,05$), а прифронтовые семьи того же типа на уход от проблемы ($p \leq 0,01$). Также обнаружены различия в выборе копингов у членов семей прифронтовой зоны и переселенцев в несбалансированном типе. Семьи переселенцев используют дистанцирование ($p \leq 0,05$) и ответственность ($p \leq 0,05$). Это объясняется тем, что в таких семьях стараются эмоционально не вовлекаться в проблему, а найти другие способы ее разрешения.

Важно рассмотреть не только стратегии совладающего поведения отдельных членов семьи, но и то, как копинги сочетаются в диаде. В сбалансированном типе партнеры в диаде используют идентичные (совпадающие) копинги – 53,3%, и комплементарные – 30%. Мужья и жены в этом случае выбирают либо сходные способы совладающего поведения, либо или взаимодополняющие, что обеспечивает стабильность семейной системы. У партнеров среднесбалансированного типа семейной системы наблюдаются различающиеся копинги – 40%, и идентичные копинги – 33,3%. Несбалансированный тип семейной системы при своей

несогласованности и отсутствии эмоциональной близости характеризуется различающимися копингами в паре – 50% и комплементарными копингами – 33,3%. Внешний фактор трудной жизненной ситуации не влияет на диадическое совладающее поведение членов семей прифронтальной зоны и переселенцев.

Анализ особенностей семейного общения позволил обнаружить различия по параметру «понимание» ($p \leq 0,01$) – в этом случае члены семьи сбалансированного типа не затрудняются в интерпретации поведения, партнера. Тогда как партнерам среднесбалансированного и несбалансированного свойственно отсутствие ясной и четкой картины личности партнера. Отмечены особенности «эмоционального принятия» ($p \leq 0,01$) у членов семей разных типов. Если супруги сбалансированного типа отмечают привлекательность партнера, то супруги среднесбалансированного и несбалансированного типа семей характеризуются сложностями в общении. Сложные внешние условия проживания не сказываются на внутреннем общении и взаимодействии изучаемых семей.

Анализ компонента «Системы семейных верований» подтвердил значимые различия по следующим, стабилизирующим семейную систему мифам. В сбалансированных и среднесбалансированных семьях партнеры в основном используют миф «вечная любовь», «сила любви», «благополучие». Члены семей данных типов ориентированы в основном на положительное эмоциональное общение. Супруги несбалансированного типа преимущественно используют миф «абсолютизации», то есть при появлении жизненной проблемы возникают стереотипные ответные реакции партнеров, которые нецелесообразны данной ситуации.

Изучая особенности использования мифов семьями проживающих в разных условиях трудной жизненной ситуации, было отмечено, что партнеры сбалансированного типа семей прифронтальных районов в большей мере используют миф «вечная любовь». Партнеры сбалансированных семейных систем переселенцев используют миф «жертвенность» предполагая, что фрустрация собственных потребностей, интересов будет приводить к поддержанию функционирования семейной системы. Также обнаружены различия в выборе мифов у членов семей прифронтальной зоны и переселенцев в среднесбалансированном и несбалансированном типе. Семьи прифронтальной зоны используют «жертвенность» и «абсолютизацию».

Таким образом, стабильность семейной системы в трудной жизненной ситуации обеспечивается оптимальным соотношением ее гибкости и сплоченности. Кроме того, определенный тип сбалансированности семьи связан с выбором конкретных копингов членами семьи. Более конструктивными в этом случае будут такие стратегии совладающего поведения как: принятие ответственности, решения проблем и дистанцирование. Важным является диадическое

совладающее поведение в рамках семейной системы в трудной жизненной ситуации. Первостепенно адаптироваться к сложностям помогают идентичные, согласованные копинги парьненров. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практической деятельности психолога, при организации консультативной помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Список литературы

1. Катунин, А.П. Жизнестойкость как психологический феномен / Молодой ученый. – 2012. – № 9. – С. 243-246
2. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяг Е.В. Психология семьи: Жизненные трудности и совладение с ними. – СПб.: Речь, 2005. – 240 с.
3. Куфтяг Е.В. Психология семейного совладания. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 320с.

УДК.159.9

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ И ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Король Н.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lizaanna@mail.ru

В последнее время достаточно большое внимание уделяется такому личностному конструкту как временная перспектива. Восприятие своего прошлого, настоящего и будущего как единой системы, компоненты которой постоянно взаимодействуют друг с другом, и есть временная перспектива личности. Люди живут в настоящем, но их нынешнее жизненное пространство включает в себя элементы, как собственного прошлого, так и ожидаемого будущего. Временная перспектива в некоторой степени обеспечивает психологическую безопасность личности, так как нередко поведение и психическое состояние человека зависит от его надежд и воспоминаний, а не от текущей ситуации. Способность предвидеть, прогнозировать свое будущее на основании происходящих событий является показателем психологической зрелости личности. Таким образом, временная перспектива влияет как на поведение человека, его жизнь, мироощущение, так и на развитие, формирование зрелой личности. Что особенно важно в студенческие годы, когда происходит профессиональное самоопределение, являющееся значимым для самореализации и самоактуализации личности. Поэтому большое значение имеет изучение временной перспективы именно данной категории лиц.

Стоит учесть, что на формирование временной перспективы влияет множество факторов, в том числе различные ситуации, отличающиеся своей новизной, неожиданностью, не связанностью с системой ценностей и мировоззрением личности, которые могут трактоваться как ситуации неопределенности, представляющие угрозу ожидаемого будущего и приводящие к деформации временной перспективы. В связи с этим изучать временную перспективу студентов необходимо во взаимосвязи с таким свойством как толерантность к неопределенности, что и является целью данного исследования.

Изучением временной перспективы занимались К. Левин, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, А.А. Кроник, К.А. Абульханова-Славская и др. В соответствии с теорией К. Левина прошлое, настоящее, будущее являются частями поля, которые переживаются как одновременные и в равной мере определяющие поведение человека[2]. Ф. Зимбардо определяет временную перспективу как основной аспект конструирования психологического времени, которое возникает из когнитивных процессов, разделяющих жизненный опыт человека на временные рамки прошлого, настоящего и будущего. Он так же выделяет сбалансированную временную перспективу, определяющуюся как гибкое переключение между прошлым, настоящим и будущим в зависимости от ситуации, личностных ресурсов и т.д.[1] Ж. Нюттен связывает данное понятие с мотивацией и выделяет три ее аспекта: собственно временная перспектива, характеризующаяся глубиной, протяженностью, насыщенностью, степенью структурированности и реалистичностью. Временная установка – позитивная или негативная настроенность к своему настоящему, будущему или прошлому. А так же временная ориентация – доминирующая направленность поведения на события и объекты трех временных измерений[3]. К.А. Абульханова-Славская говорит о трех различных понятиях: психологической, личностной и жизненной перспективе (собственно временной перспективе). Каждая из которых в той или иной мере связана с прогнозированием будущего.

Поскольку представление о времени конструируется социально, огромное значение для формирования временной перспективы имеют культурные и семейные ценности, религиозные взгляды, образование, статус. Не меньшее влияние имеют такие факторы, как экономическая и политическая нестабильность, травмирующие события, личные неудачи. Именно они создают своего рода ситуации неопределенности, когда нет возможности прогнозировать свое будущее, нет сформированного поведения, знаний, умений для того, чтобы действовать в подобных ситуациях, появляется ощущение потери смысла, ощущение невозможности жить в навязанных условиях. Тогда и происходит деформация временной перспективы: образ будущего отсутствует, настоящее хаотично, а прошлое перестает быть ресурсом.

Однако неопределенность не всегда вызывает тревогу и страх, она может сопровождаться и некоторым любопытством, интересом, стимулировать умственную и поведенческую активность, быть стимулом к развитию. То есть, индивиды могут отличаться друг от друга разным восприятием ситуации неопределенности. Что хорошо иллюстрируется таким понятием как толерантность к неопределенности.

Толерантность к неопределенности – это «личностная черта, определяющая отношение индивида к неоднозначным, неопределенным, тревожащим ситуациям вне зависимости от эмоционального знака этой неопределенности»[4]. Согласно Т.В. Корниловой, толерантность к неопределенности – это готовность принимать решения в условиях новизны, противоречивости, недостатка информации, неизвестности последствий выбора. Толерантная личность рассматривает любую подобную ситуацию как возможность для саморазвития, приобретения нового опыта, интолерантная – как источник угрозы, тревоги и дискомфорта. Поэтому интересным является изучение временной перспективы личности студентов в соотношении с таким личностным свойством как толерантность к неопределенности.

Выборку исследования составили 30 студентов 2 курса специальности «Психология» Донецкого национального университета. Для исследования были использованы следующие методики: Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, Шкала толерантности к неопределенности МакЛейна в адаптации Е.Н.Осина.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Студенты в большей степени ориентированы на свое фаталистическое настоящее, которое не зависит от воли человека, и так же, как и будущее изначально предопределено. Что подтверждается низкими показателями по фактору «степень ориентации на будущее». Средние значения были получены по таким факторам, как восприятие негативного и позитивного прошлого, а так же гедонистического настоящего.

2. Низкий показатель по фактору толерантность к неопределенности позволяет говорить о том, что студенты проявляют себя в большей степени как интолерантные личности, которые тяжело воспринимают ситуации новизны, сложные ситуации, а так же неопределенные ситуации, связанные как с выбором, так и с различного рода нестабильностью, что характеризуется низкими показателями по шкалам опросника.

3. Выявленные корреляционные связи показывают, что при толерантном отношении к новизне, индивид в большей степени ориентируется на гедонистическое настоящее ($p < 0,05$), рассматривая новые возможности как источник удовольствия, наслаждения, не задумываясь о будущих последствиях. Позитивное отношение к сложным ситуациям позволяет в меньшей степени ориентироваться на негативное прошлое ($p < 0,01$) и фаталистическое настоящее ($p < 0,05$). Позитивное

отношение к неопределенным ситуациям, предпочтение неопределенности так же уменьшают ориентацию на фаталистическое настоящее ($p < 0,05$). Толерантность к неопределенности позволяет в меньшей степени воспринимать свое прошлое в негативном свете ($p < 0,05$).

Таким образом, обобщая результаты исследования, можно сказать, что временная перспектива и толерантность к неопределенности являются связанными между собой характеристиками личности. Интолерантное отношение к различного рода неопределенным ситуациям, их новизне, сложности прямо отражается на временной перспективе студентов, формируя их восприятие настоящего, как не зависящего от воли человека, predetermined судьбой и не поддающегося прогнозированию. Что в свою очередь значительно деформирует и сокращает саму временную перспективу, влияя на становление зрелой личности.

Список литературы

1. Зимбардо, Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.
2. Нуркова В.В. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены / В.В. Нуркова, К.Н. Василевская // Вопр. психологии. – 2003. – № 5. – С. 93-102.
3. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
4. Осин Е.А. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна / Е.А. Осин // Психологическая диагностика. – 2010. – № 2. – С. 65–86.

УДК 159.942

«ДОНБАССКИЙ СИНДРОМ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-СТРЕССОВЫХ РАССТРОЙСТВ

Мазина Н.Е., канд. политических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
mazina_nataliya@mail.ru

Продолжающийся внутригосударственный вооружённый конфликт, начавшийся в апреле 2014 года на юго-востоке Украины, негативные тенденции в экономике, рост инфляции, разрыв экономических связей, отсутствие реальной возможности для внедрения альтернативных видов экономической деятельности привели к формированию критической по своим последствиям совокупности кризисных явлений и сфер их проявления, в очередной раз создав прецедент, когда значительные массы людей одновременно вынуждены адаптироваться к скоротечной и жестокой реальности, балансируя на грани экономического и физического

выживания. В ситуации, когда украинская власть развернула против Донецкой и Луганской Народных Республик военную кампанию и экономическую блокаду, после того, как ДНР и ЛНР объявили о своей независимости, не приняв государственного переворота, мирное население ДНР и ЛНР оказалось в эпицентре вооруженного конфликта. Важно отметить, что с начала боевых действий в ДНР погибли 4 тыс. 728 человек. Среди них - 4 тыс. 113 мужчин, 615 женщин, 81 ребенок. За четыре года вооруженного конфликта, по данным ООН, в Донбассе погибли свыше 10 тысяч человек.

Социально-психологическая ситуация, сложившаяся в Донбассе с начала вооруженного противостояния, привела к ломке общественного сознания и ценностных ориентаций населения региона, вызвала у массы людей состояние дезадаптации. По факту мы имеем дело с коллективной психоэмоциональной травмой под воздействием растянутой во времени стрессогенной ситуации – «донбасским синдромом» (ДС), который можно отнести к группе социально-стрессовых расстройств (ССР). Следует отметить, что украинские врачи, а следом за ними психологи и журналисты, используют понятие «донбасским синдромом», в узком смысле по аналогии с «вьетнамским» и «афганским» синдромами. ДС рассматривается как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), возникающее у военнослужащих при непосредственном участии в боевых действиях и после возвращения из зоны АТО (ООС). Так же в ряде работ акцентируется внимание на том, что без реабилитации украинские комбатанты проявляют склонность к немотивированной агрессии, преступлениям, убийствам, суицидам. В научных кругах и средствах массовой информации формируется мнение, о том, что «донбасский синдром» в силу специфики вооруженного противостояния в Донбассе, может оказаться «жестче» и масштабнее в сравнении с «вьетнамским» и «афганским». Исходя из выше изложенного, цель представленной работы заключается в анализе научных подходов к пониманию социально-стрессовых расстройств, определении сущности данного понятия для его дальнейшего изучения в динамике (в том числе после прекращения военных действий).

Следует отметить, что в научном дискурсе, доля исследований социально-стрессовых расстройств и расстройств адаптации, возникающих у мирного населения в условиях вооруженного конфликта незначительна. Основной акцент делается на изучение психологической травматизации комбатантов, особенностях протекания боевого стресса, разработке реабилитационных программ и профилактических мероприятий для военнослужащих. Исследования проявления социально-стрессовых расстройств у мирного населения в период боевых действий представлены в работах украинских ученых О. А. Панченко, Л. В. Панченко, И.И. Кутько, Н. А. Зайцевой [1].

По мнению отечественных ученых А. Н. Алехина, Н. Н. Вертячих, характер социально-стрессового расстройства и степень его интенсивности зависят от силы воздействия экстремальных социально-стрессовых обстоятельств и обусловлены личностными особенностями такими, как самооценка, система жизненных целей и ценностей, уровень тревожности, адаптационные возможности психики, опыт преодоления проблемных и кризисных ситуаций [2].

В работах Ю.А. Александровского, отмечено, что основными факторами, обуславливающими возникновение социально-стрессовых расстройств, являются: макросоциальные патогенно-значимые стрессовые факторы, изменяющие стереотип жизнедеятельности больших контингентов населения; хронические социально-стрессовые обстоятельства, имеющие хронический, характер; их динамика непосредственно определяет компенсацию и декомпенсацию невротических нарушений; комплексное изменение общественных отношений, несовместимое с обычным опытом; изменение ценностно-нормативной сферы, которая оставалась неизменной в течении жизни предыдущих поколений; изменение социальных связей и жизненных стратегий; социальная неопределенность; ухудшение соматического здоровья [2, с. 4].

Под воздействием совокупности всех вышеперечисленных факторов, усугубившихся отсутствием политического признания, военной угрозой, военными действиями и лишением жителей Донбасса со стороны государства Украина всех гражданских прав, свобод и социальных гарантий, сформировалась длительная психотравмирующая ситуация, в которой вынужденно пребывать все население ДНР.

В своих исследованиях социально-стрессовых расстройств, Ю. А. Александровский акцентировал внимание на том, что длительность ССР зависит от состояния и личностных особенностей индивида, а также – интенсивности и длительности психотравмирующей ситуации, выделив следующие стадии развития ССР:

1 стадия – несколько дней (непатологические (психофизиологические) реакции).

2 стадия – до 6 месяцев (формование психогенных адаптивных реакций).

3 стадия – до 3 – 5 лет (невротические и соматоформные расстройства, имеющие общую «психогенную» этиологию).

4 стадия – более 5 лет (формирование стабильных невротических расстройств – патохарактерологическое развитие личности) [2, с.10].

В заключении следует отметить, что исходя из продолжительности вооруженного противостояния и отсутствия реальных механизмов разрешения ситуации в Донбассе в ближайшем будущем, можно говорить о высокой степени риска развития «донбасского синдрома» и

необходимости его исследования. Среди исследовательских задач можно выделить: изучение феноменологии ДС; формирования критериев для выявления групп риска развития ДС, подбор методик психологической диагностики; изучения роли социально-политических, социально-экономических, социально-демографических факторов и личностных особенностей в генезе ДС; изучение стратегий преодоления ДС в зависимости от степени вовлеченности в психотравмирующую ситуацию и возможностей социально-психологической адаптации.

Список литературы

1. Панченко О.А Социально-стрессовые расстройства у мирного населения в период боевых действий / О.А.Панченко, Л. В.Панченко, Н. А. Зайцева [электронный ресурс] // Наука і освіта. – 2015. – №1. – С.136–140. URL: [http:// nbuv.gov.ua // UJRN/NiO_2015_1_27](http://nbuv.gov.ua/UJRN/NiO_2015_1_27) (дата обращения: 10.09.2019).
2. Алехин А. Н. Социально-стрессовые расстройства трудоспособного населения. (Клинико-психологическое исследование) / А. Н. Алехин, Н. Н. Вертячих [электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн., 2011. №3. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения : 10.09.2019).
3. Александровский Ю. А. Социально-стрессовые расстройства / Обозрение психиатрии и мед. психологии им. В. М. Бехтерева С. Петербург. – 1992. – № 2. – С. 3-12.

УДК 159.922:159.98

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Максименко Е.Г., д-р психол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
emaksimenkodon@gmail.com

Трансформация современного общества в сторону человекоцентризма, происходящая в последние десятилетия, свидетельствует об актуализации гуманистических тенденций в потребностно-мотивационной сфере личности, прежде всего, молодого поколения. Критика и отказ от тоталитарных систем управления успешно способствуют данному процессу. Первыми почувствовали новый социальный запрос педагоги, психологи, преподаватели психологии, именно те, кто непосредственно соприкасается с современными молодежными течениями, субкультурами, социальными трендами современности.

Понимая гуманистически-антропологические задачи общества, психологическое образование выступает фарватером этих изменений, в основе которого не только объективные знания о человеке, как индивиде, личности, субъекте деятельности и общения, но, что становится более существенным,

знания о специфике оказываемой психологической поддержки, помощи, сопровождении на пути жизненных изменений.

Наши размышления касаются тех аспектов психологической образовательной среды, которые непосредственно влияют на становление психолога как профессионала, способного решать задачи и проблемы современного клиента.

Небольшой экскурс в историю психологического образования обращает внимание на важную составляющую учебного процесса, а именно наличие практической базы. Учебные курсы, факультеты образовывались в прежние времена при клиниках, детских отделениях больниц, детских домах, дошкольных учреждениях. Будущий психолог-психотерапевт был обязан не только вести социальную или педагогическую деятельность параллельно с обучением, но и регулярно наблюдать, присутствовать при клинических беседах врача с психиатрическими больными. Анализ практической работы студентов проводился на научных семинарах, под руководством мастера (преподавателя) психологии [2].

Настоящие учебные планы и стандарты предполагают достаточно большой объем часов на студенческую практику. Однако, частичное погружение в профессиональную среду, с узким кругом задач конкретной практики, чрезмерно формализует идею практики. Студент не чувствует себя субъектом этого процесса, что создает предпосылки формального отношения к результатам собственного труда.

Ситуация подкрепляется мотивами студентов, поступающих на психологические факультеты, а именно поиском ответов на вопрос «Кто Я». Психодиагностические интересы на протяжении первых курсов обучения преобладают, порой замещая вопросы психологической коррекции и самокоррекции, в основе которых лежат «скучные и абстрактные» теоретические концепты. Однако в профессиональной деятельности, как известно, клиент приходит к психологу не за оценкой его личности, а с вопросами, что мне делать, каким я должен стать, чтобы быть счастливым?

Каждая профессия выдвигает определенные требования к когнитивно-личностным характеристикам субъекта. Практическая психология является специфической областью профессиональной деятельности, в которой без достаточной зрелости психики субъекта, коррекции стереотипов, личностных деструкций и проработки психотравм, дорога к профессиональному успеху будет закрыта. Кроме того, специфика профессии предполагает приобщение студентов к живому взаимодействию с клиентом, умению общаться, безоценочному принятию, уважению, эмпатии, активному слушанию и т.д. на фоне постоянного привычного самоанализа собственных чувств и представлений.

Психологическая работа по самостановлению как личности и профессионала становится необходимым элементом учебной программы будущих психологов.

По нашему мнению, профессиональная подготовка будущих психологов-практиков нуждается в особом внимании к методологии познания психики, как целостной системы, проявляющейся в асимметричности функций и задач сфер сознательного и бессознательного [3].

В действительности, психика воспринимается среднестатистическим студентом как некая абстрактная реальность, вмещающая психических явлений, разрозненных и не связанных между собой. Еще более разрозненным воспринимается психодиагностический инструментарий, огромное количество методов и методик, направленных на изучение различных процессов, свойств и состояний. Полученный в результате диагностического обследования обширный материал также остается разрозненным и часто оторванным от реальных проблем клиента [1].

Очерченная проблема может быть решена методологически, а именно внедрением в образовательный процесс модели психологического консультирования и психотерапии, содержание которой включает обязательную постоянную практическую деятельность студентов на специально организованной базе. Данную задачу могут решать: 1) научно-исследовательские центры практической психологии, ориентированные на поиск современных методов практической психологической помощи, апробирующие и внедряющие широко известные методы определенных психологических концепций (психоаналитической, когнитивно-поведенческой, клиент-центрированной и др.); 2) детские социальные учреждения (детские дома, дома-интернаты, летние оздоровительные лагеря, профилактории, детские отделения больниц); 3) медицинские учреждения психиатрического и неврологического профиля, договоренность с которыми производится на высшем административном уровне; 4) институты супервизии и интернатуры, которые обеспечивают безопасность клиента и психолога, профилактику профессионального выгорания и постоянный рост психологической компетентности.

Каждый студент готовит собственный ежегодный (или семестровый) отчет о проведенном *в течение года* наблюдении, консультировании, коррекции, терапии и представляет его на специально организованных научно-практических семинарах. Формальные отчеты о проведенной практике, которые сегодня готовят студенты, не отвечают главной задаче – анализу и осмыслению глубинных психических процессов, их влиянию на поведение и общение индивида. Студенты не имеют сегодня возможности понимать собственный вклад в личностное изменение субъекта и вклад самого клиента в меняющуюся личность будущего профессионала. По окончании института, молодой специалист остается один-на-один с сложными профессиональными задачами, культивирующими страхи, неуверенность, тревожность и, как результат, уход с профессиональной арены.

Психологическое профессиональное сообщество, ассоциации психологов, психотерапевтов любой страны ставят перед собой задачи

мониторинга качества психологических услуг, что осуществляется инструментом лицензирования, сертификации психологической деятельности. Данный формат эффективен и в процессе сопровождения профессиональной деятельности молодого специалиста, что обеспечивает устойчивость профессиональной самооценки, осознание границ возможностей и поддержание стабильности эмоционального состояния.

Таким образом, специально организованное взаимодействие будущих специалистов-психологов с клиентами под руководством профессионалов на протяжении всего процесса обучения и на первых этапах профессионального пути молодого специалиста будет способствовать как глубокому пониманию теоретических аспектов психологии, так и развитию профессионально важных для психолога качеств.

Список литературы

1. Абрамова Г.С. Практическая психология. Изд.третье, стереотипное. – Екатеринбург : «Деловая книга», 1998. – 368 с.
2. Энциклопедия глубинной психологии. Т. III. Последователи Фрейда / пер. с нем. — М. : Когито-Центр, МГМ, 2002. — 410 с.
3. Яценко Т.С. Методология глубинно-коррекционной подготовки психолога / Т.С.Яценко, А.В.Глузман. – Днепропетровск : Изд-во «Инновация», 2015. – 396 с.

УДК 159.923:316.61-057.87

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Марусенко Е. А., канд. мед. наук, доцент,

Ковалева А. В., канд. пед. наук, доцент

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР

emarusenko@yandex.ru; tosikkov@yandex.ru

Введение. В условиях современности крайне важным является не только подготовка будущих профессионалов, но и всестороннее развитие личности студентов, ее качественный прирост в социокультурном плане. Это справедливо для будущих специалистов различных профилей, но в первую очередь – в отношении студентов гуманитарного направления, и, в частности – будущих психологов, поскольку основным инструментом их эффективной деятельности являются профессионально значимые личностные качества, сформированные в контексте широкого социокультурного диапазона.

В период социальных кризисов социокультурный портрет студента формируется в условиях крайней нестабильности социальных структур,

что проявляется в неуверенности в завтрашнем дне, пессимистическом отношении к профессиональному будущему, а также в ценностной и социальной дезориентации личности [3].

Часто также встречается и компромиссный выбор профессии, что приводит к выпуску специалистов среднего уровня, либо к ситуации, в которой приобретенная профессия оказывается невостребованной, а молодые специалисты ищут свое призвание в совершенно иных сферах деятельности. И этот факт акцентирует проблему личностного и профессионального развития будущего специалиста особенно остро.

Учитывая вышеизложенное, **целью** настоящего исследования является разработка и внедрение программ психологического сопровождения студентов психологических специальностей, способствующих эффективному социокультурному развитию личности студентов.

Основная часть. По мнению Н. Макаровой, Н. Зыбиной (2005), на эффективность социокультурного развития студентов большое влияние оказывают процессы их адаптации к условиям образовательной среды вуза, а социокультурное развитие их личности приобретает положительный вектор только в случае своевременной адаптации первокурсников [1; 2].

Именно поэтому сегодня так важна работа по своевременной и эффективной адаптации студентов, в частности, психологического профиля, к обучению в высшей школе, что будет способствовать повышению их социокультурной компетентности, успешной выработке профессиональных умений и навыков, а также – развитию и реализации их креативного потенциала.

Эти и многие другие сопряженные задачи позволяет разрешить грамотное психологическое сопровождение социокультурного развития личности студентов психологических специальностей в период их профессионального становления.

Нами разрабатываются и апробируются программы психологического сопровождения будущих психологов, где в качестве важнейшего их компонента выступает практическая, тренинговая работа.

В качестве основных задач психологического сопровождения мы видим:

1. Разработку и внедрение комплекса психолого-педагогических мероприятий по адаптации первокурсников к условиям обучения в высшей школе. Эти мероприятия включают в себя несколько важнейших структурных компонентов, таких, как: диагностический, позволяющий изучить актуальное психоэмоциональное состояние студента и наметить пути дальнейшей индивидуальной работы по повышению его адаптационного потенциала; развивающие-коррекционный: проведение тренингов, интерактивных занятий, работа в фокус-группах; образовательно-психопрофилактический, который позволяет личности овладеть навыками саморегуляции и психологической самопомощи.

2. Создание экологичных условий в вузе и в отдельно взятой академической группе, адекватных задачам становления профессионала как всесторонне развитой личности с выраженной мотивацией саморазвития и самосовершенствования.

3. Стимуляция самостоятельности и креативности студенческой молодежи, в том числе и в ходе занятий психолого-педагогического цикла.

4. Обучение навыкам саморегуляции, а также – выработка проблемно-разрешающих поведенческих копинг-стратегий, повышение стрессоустойчивости и адаптационного личностного резерва.

5. Развитие ценностно-смысловой сферы студентов, с доминантой общечеловеческих духовно-нравственных ценностей и смыслов.

6. Формирование навыков эффективного общения, повышение коммуникативной компетентности личности.

Заключение. Таким образом, процесс социокультурного развития студентов-психологов в период их профессионального обучения видится нам как комплексный, многогранный феномен, требующий пристального внимания со стороны профессорско-преподавательского состава, а также предусматривающий проведение комплекса психолого-педагогических мероприятий, позволяющих оптимизировать процесс профессионального и социокультурного становления личности студента.

Список литературы

1. Зыбина Н. Е. Социокультурное развитие первокурсников в образовательной среде вуза на основе интенционального подхода : Дис. ... канд. пед. наук . – Ростов н/Д. – 2005. – 193 с.
2. Макарова Н.С. Социокультурное пространство в профессиональном образовании: историко-педагогический аспект / Н. С. Макарова / <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk2/o59.htm>.
3. Уляев С. И. Мовчанюк С. В. Социокультурные компоненты университетского образования / С. И. Уляев, С. В. Мовчанюк // Сборник научных трудов СевКав ГТУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2003.

УДК 159.9.072.432

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вилюжанина Т.А., канд. психол. наук, доцент,

Мирза М.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

tatyana.anatol@mail.ru, mirzamadia@mail.ua

Введение. Бурные события последних лет в Донбассе отразились на состоянии людей разных возрастов. Пребывание в зоне военного

конфликта – более чем веская причина стресса, который ведёт к ухудшению здоровья, работоспособности, разбалансировке психических процессов (мышления, внимания, памяти и др.).

Цель исследования заключается в изучении защитных механизмов старшеклассников Донбасса в условиях военного стресса.

Основная часть. В стрессовой ситуации психологическое приспособление человека осуществляется с помощью механизмов психологической защиты и копинг-стратегий. Стратегии копинг-поведения имеют специфику, связанную с возможностью альтернативного выбора способа поведения при стрессе. Копинг-стратегии направлены на активное изменение, преобразование ситуации или на приспособление к ней, если ситуация не поддаётся контролю. Копинг-стратегии – это элементы *сознательного* социального поведения, с помощью которых человек справляется с жизненными трудностями [2]. Совладание с негативными жизненными обстоятельствами заключается в том, чтобы либо преодолеть трудности, либо уменьшить их отрицательные последствия, либо избежать этих трудностей, либо вытерпеть их. В тех случаях, когда человек не может совладать со стрессовыми обстоятельствами, когда копинг-стратегии оказываются неэффективными, а проблема не осознаётся самим человеком, включаются механизмы психологической защиты, цель которых – свести до минимума негативные, травмирующие личность переживания, связанные с состояниями тревоги или дискомфорта. Защитные механизмы позволяют человеку сохранить стабильную самооценку, не допустить слишком сильные разочарования, справиться с угрозами нашей безопасности, которые приносит нам жизнь. Если человек не справляется с тревогой или страхом, защитные механизмы искажают реальную действительность с целью сохранения психологического здоровья [1].

По мнению многих авторов, совладающее поведение и психологическая защита близки по содержанию [4]. Так, Е.В. Лапкиной выявлена связь между защитными механизмами и стилями совладания: эмоционально-ориентированный копинг положительно связан с такими механизмами, как регрессия, реактивное образование; проблемно-ориентированный копинг, за исключением интеллектуализации, отрицательно связан с механизмами психологической защиты [5].

На основании обзора исследований защитного и совладающего поведения личности отметим, что остаются пробелы в их изучении в разных группах испытуемых: профессиональных, этнических, возрастных.

Мы предположили, что стрессовые условия военных действий найдут своё отражение как в преимущественном выборе старшеклассниками таких стратегий совладания, как конфронтация, бегство-избегание, так и в использовании ими механизмов психологической защиты вытеснения, регрессии, компенсации.

В эмпирическом исследовании, проведённом М. Мирзой в 2017 году под руководством канд. пед. наук З.В. Трофимовой, приняли участие 40 учащихся 10-11 классов Республиканского многопрофильного лицея-интерната при ДонНУ.

На первом этапе исследования был использован опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, предназначенный для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности [3]. Анализ полученных данных позволил узнать, какими копинг-стратегиями и как часто пользуются испытуемые в стрессовой ситуации. Общий вывод по результатам данной методики: гипотеза о повышенном показателе конфронтации старшеклассников в условиях военного стресса не подтвердилась. Напротив, тестируемые обоих полов не склонны к риску и агрессии в трудной ситуации; гендерные различия отсутствуют по показателю самоконтроля, принятию ответственности и положительной переоценке; у юношей доминирует выраженная выше среднего модель поведения в виде планирования решения проблемы, у девушек – в равной степени представлены поиск социальной поддержки и планирование решения проблемы; объективная оценка проблемной ситуации у юношей и девушек на низком уровне, у юношей чуть выше; модель избегания трудностей слабо выражена, но данный показатель выше у девушек. В целом, способы преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности у старшеклассников проявились в адекватных формах, более свойственных взрослым людям.

Для исследования механизмов защиты была использована методика «Индекс жизненного стиля» Келлермана-Плутчика-Конте, позволяющая диагностировать всю систему МПЗ (механизмы психологической защиты), выявить как ведущие механизмы, так и оценить степень напряженности каждого из них. Анализ результатов, полученных с помощью данной методики, позволяет сделать следующий вывод: у юношей и девушек отмечается уровень проекции выше среднего и низкий уровень замещения; ранговые места выраженности МПЗ распределились следующим образом.

Таблица 1

Ранговые места механизмов психологической защиты

Ранг	Механизмы психологической защиты	
	у девушек	у юношей
1	Проекция	Проекция
2	Рационализация	Вытеснение
3	Отрицание, компенсация	Рационализация
4	Регрессия	Компенсация, отрицание
5	Гиперкомпенсация, вытеснение	Гиперкомпенсация, регрессия
6	Замещение	Замещение

Заключение. Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что у большинства старшеклассников в качестве базовой копинг-стратегии присутствует ориентация на разрешение проблемы, т.е. субъект при столкновении с проблемой сосредотачивается на ней, старается вникнуть в ситуацию, проанализировать её, разработать пути решения. Также определено, что в юношеском возрасте присутствуют все механизмы психологической защиты, однако степень выраженности их неодинакова. Преобладающим механизмом выступает проекция, позволяющая старшеклассникам преодолевать страх и тревогу военного стресса, минимизировать отрицательные и травматичные переживания, тем самым способствуя адаптации учащихся к условиям военного конфликта.

Список литературы

1. Демина Л.Д. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности / Л.Д. Демина, И.А. Ральникова. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – 132 с.
2. Исаева Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. / Е.Р. Исаева – СПб.: Издательство СПбГМУ, 2009. – 136 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.medpsy.ru/library/library132.pdf>.
3. Крюкова Т.Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк // Журнал практического психолога. – 2007. – № 3. – С. 93-112.
4. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии [Текст] / А.А. Налчаджян. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.
5. Лапкина Е.В. Психологическая защита и совладание человека в разные периоды взрослости / Е.В. Лапкина // Ярославский педагогический вестник. Т. II: Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 4. – С. 201-205.

УДК 159.9

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЛАДАНИЮ С КРИТИЧЕСКИМИ СИТУАЦИЯМИ

Мороз Т.С., канд. психол.наук, доцент,

Кучина Т.И., канд. пед. наук, доцент

АНО ДПО «Национальный институт повышения квалификации

и профессиональной переподготовки», г. Тула, РФ

info-nipkipp@yandex.ru

Жизненный путь человека связан с прохождением различных критических ситуаций, которые, по словам Э.Берна, «могут быть обозначены как этапы разрушения, когда есть распад, смерть или

«положительный распад» некоторых наших естественных путей, видеть мир, зная себя и отношение к окружающей среде» [1].

Цель – выявить личностные ресурсы, способствующие совладанию с критическими ситуациями испытуемых в зависимости от гендерных особенностей.

В современной психологии содержание понятия «ресурсы» развивается в рамках развития теории психологического стресса. В. А. Бодров определяет его так: «Ресурсы – это физические и духовные возможности человека, мобилизация которых обеспечивает реализацию его программы и способов (стратегий) поведения для предотвращения стресса» [2]. Существует два класса ресурсов: личностные и экологические (в противном случае – психологические или социальные). Личностные ресурсы (психологические, профессиональные, физические) представляют человеческие навыки и способности, экологические ресурсы отражают доступность помощи (инструментальной, моральной, эмоциональной) в социальной среде (членами семьи, друзьями, коллегами), а также материальная поддержка людей, которые переживают стресс или находятся в стрессовых условиях [3].

В центре внимания исследователей находятся не только жизненные трудности, стрессы, кризисы и конфликты, но и те психологические резервы и личностные ресурсы, которые помогают человеку успешно преодолеть их. Интерпретация термина «жизненный сценарий» неоднозначна и имеет множество интерпретаций в зависимости от психологического подхода. Вообще говоря, сценарий жизни – это установленная единая модель поведения. Жизненный сценарий формируется ребенком с целью выживания в мире, который часто кажется враждебным, а иногда и опасным для жизни, в то время как сценарные решения принимаются в соответствии с эмоциями ребенка и его способом проверки реальности. Люди могут избавиться от жизненных сценариев и действовать в соответствии с их убеждениями, но жизненный путь определяется наследственностью, влиянием родителей и внешними факторами. Сценарий не всегда четко понимается даже самим человеком и может быть довольно размытым, ориентировочным, но у любого человека всегда есть, по крайней мере, приблизительный сценарий. Эти воздействия преломляются в человеческой психике и сопровождаются ситуационными реакциями. Человек, в свою очередь, проявляет различные формы ответа, взаимодействует с ним. Одним из вариантов критической ситуации является кризис. Это острое эмоциональное состояние возникает в ситуации столкновения человека с препятствием на пути удовлетворения ее жизненных потребностей, которые не могут быть удовлетворены с помощью предыдущего опыта. Легкость справляться со сложными жизненными ситуациями определяет личные ресурсы.

Ресурсы – это человеческие возможности, мобилизация которых обеспечивает выбор поведения для предотвращения или остановки

стресса. Жизнеспособность является основным ресурсом личности в преодолении стресса. В процессе переживания, преодоления критической ситуации, необходимо подчеркнуть феномен совладающего поведения. Это выражается в выборе стратегий преодоления. В отличие от защитных механизмов, справляясь с активным взаимодействием со сложной жизненной ситуацией или стрессом, он позволяет субъекту сознательно справляться с ними без травматических эффектов. В критической ситуации человек выбирает комплексный подход, то есть он использует ряд методов и методов проблемно-ориентированного и эмоционально-ориентированного преодоления.

По результатам эксперимента мы увидели взаимосвязи между глубинными сценариями женщин и их внутренними ресурсами, также увидели взаимосвязи между глубинными сценариями и внутренними ресурсами мужчин, а так же связь со способами совладания в критических ситуациях. Стало ясно, что половой признак играет немалую роль в этих взаимосвязях.

Мужчины с типом гендерной идентичности Царь-сатья, Возлюбленный-сатья, Маг-сатья и женщины с типом гендерной идентичности Мария-сатья, София-сатья, Ева-сатья, имеющие позитивные установки на жизнь, стремящиеся не только получать, а любящие сам процесс жизни, как способ приобретения опыта, стремящиеся к созиданию, гармонии, имеют высокие личностные ресурсы, позволяющие выходить из любой ситуации легко, без травмирующих личность последствий. Они обладают высоким уровнем жизнестойкости, экзистенциальной исполненности, высокими показателями смысловых ориентаций, демонстрируют в основном продуктивное копинг-поведение, в противном случае их поведение легко поддается коррекции. Это объясняется действием положительной энергии созидания и доброты сатья.

Энергия страсти, деятельности, неутомности смятения раджас, носителями которой являются мужские архетипы Царь-раджас, Воин-раджас, Возлюбленный-раджас, Маг-раджас и женские архетипы Мария-раджас, София-раджас, Елена-раджас, Ева-раджас, при этом может проявляться и позитивно, и негативно по отношению к личностным ресурсам в зависимости от сложившейся ситуации.

Мужчины с типом гендерной идентичности Царь-тамас, Воин-тамас, Возлюбленный-тамас, Маг-тамас и женщины с типом гендерной идентичности Мария-тамас, София-тамас, Елена-самас, Ева-тамас, имеющие деструктивные установки на жизнь, стремящиеся к получению благ за счет других, инертные, стремящиеся не к созиданию, а к разрушению и дисгармонии, пассивные по отношению к жизни, имеют низкие личностные ресурсы. У них низкие показатели жизнестойкости, они легко поддаются стрессам, впадают в панику, высокочувствительны к

травмирующим действиям критических ситуаций. Не строят цели на будущее, живут прошлым или настоящим, имеют низкие показатели смысловых ориентаций, прибегают к непродуктивным копинг-стратегиям, причем такое поведение корректируется с трудом. Все это объясняется разрушающей энергией тамас, энергией невежества, тьмы, смерти, разрушения, лени и безумия.

Таким образом, личностные ресурсы, способствующие преодолению критических ситуаций взаимосвязаны с глубинными сценариями мужчин и женщин.

Список литературы

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди ; Люди, которые играют в игры / Пер. с англ. А. Грузберга – Мн. : Фирма «Соврем. литератор», 2002. – 447 с.
2. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.
3. Вассерман Л.И. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: учебно-методическое пособие / Под. ред. Абабкова В.А., Трифионовой Е.А. – СПб.: Речь, 2010. – 192 с.

УДК 159.9

КАРТИНА МИРА: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ И КОНЦЕПЦИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Набатова С.В., Устинова Н.В., канд. психол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
sofya.nabatova@yandex.ru

В философии и психологии существует множество точек зрения на соотношение таких категорий как «мир», «реальность», «действительность» и «восприятие мира» или «отображение реальности в сознании». Однако с уверенностью можно констатировать, что мир и восприятие мира – понятия нетождественные. В процессе восприятия мира каждый человек создаёт субъективную картину мира, которая в разной степени может быть адекватна миру объективному. Картина мира – это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об устройстве окружающего мира в виде представлений и/или образов, «уложенных» в соответствии с определённой «архитектурой». Обычно человек думает, что существует «единственный, самостоятельный и вечный мир», на самом деле «существует столько же миров, сколько людей и культур».

Целью данного исследования является анализ картины мира личности как философско-психологической категории в отечественной и зарубежной литературе.

Изучение картины мира личности позволяет лучше понять природу центрального образования человеческой реальности – субъектности. В психологии понятие «субъект» является особой категорией, описывающей человека как источник познания и преобразования действительности. Данная категория отражает активное отношение человека к миру, который его окружает и к самому себе. Субъектность возникает на определённом уровне развития личности и представляет её новое системное качество.

Феномен картины мира субъекта достаточно разносторонне и подробно начали изучать В. И. Вернадский, Л. Ф. Кузнецова, И. Лакатос, В. А. Лекторский, Т. Г. Лешкевич. Исследовали эту проблему Л. А. Микешина, Т. Нагель, М. Планк, К. Поппер, В. С. Степина и др. В качестве одного из положений ими выдвигался тезис о том, что целостный образ мира формируется на базе всех типов картины мира.

Понятие «образ мира» было введено в научный обиход с публикацией работы С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание. Человек и мир». В отечественной научно-психологической литературе данное понятие было предложено А. Н. Леонтьевым. Под этим термином он понимал сложное многоуровневое образование, обладающее полем смысла и системой значений.

Впервые термин «world-view» был использован американским социальным антропологом Р. Редфилдом в 50-х гг. XX в. для обозначения видения мироздания, представлений о себе, о своих действиях, активности в мире представителями того или иного народа, сообщества [6]. В середине прошлого столетия понятие «картина мира» применялось в исследованиях естественнонаучного направления. В современной науке данное понятие является неотъемлемой частью научного лексикона гуманитарных дисциплин, таких как философия, психология, социология, лингвистика и этнология [3]. Так, в философии картина мира понимается как совокупность знаний о мире, а в лингвистике – как исторически сложившиеся в обыденном сознании того или иного языкового коллектива, имеющие своё отражение в языке представления о мире, определённая концептуализация действительности.

В различных научных трудах можно встретить множество типов картины мира: художественная, научная, наивная, языковая, концептуальная, причинно-механистическая, биологическая, чувственно-пространственная, духовно-нравственная, философская, метафизическая, этническая и т.д. Не смотря на то, что данные типологии картины мира имеют разные основания, они в некоторой степени пересекаются и дополняют друг друга.

В психологической науке различные направления, школы использовали разные термины для обозначения совокупности представлений человека о себе, о других людях и взаимодействии с ними, об окружающем мире и своём месте в нём. Среди таких терминов можно

назвать «картину сознания» (Ж. Пиаже), «модель мира» (Дж. Брунер), «семантическое пространство» (Ч. Осгуд), «систему личностных конструкторов» (Дж. Келли), «образ мира» (А. Н. Леонтьев), «внутренний мир человека» (Б. Г. Ананьев), «структура субъективного опыта» (Е. Ю. Артемьева) [2].

«Картина мира» и «образ мира» указываются в качестве тождественных понятий в философской и психологической литературе, в работах Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, О. В. Пыжовой, Н. Е. Сулименко, А. Т. Хроленко, В. П. Яссмана [1; 5; 7]. Так, О. В. Пыжова пишет: «в различных современных гуманитарных науках они (категории «образ мира» и «картина мира») очень часто используются как тождественные, равноценные, синонимичные, и выбор употребления обусловлен, в большинстве своём, лишь их коннотативными и стилистическими особенностями» [4].

Учитывая произведённый анализ различных научных источников на тему картины мира личности как философско-психологической категории, можно заключить, что, во-первых, в зарубежных исследованиях встречается множество различных терминов, обозначающих картину мира личности. Общим для их авторов является стремление описать область психического, отвечающую за организацию опыта взаимодействия человека с окружающим миром, являющуюся фундаментальным основанием сознания личности, помогающую строить перспективу, предсказывать и контролировать события, поведение и взаимодействие с другими людьми.

Во-вторых, в отечественной литературе тема представлений и отношения человека к действительности разработана в трудах С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и их последователей.

В-третьих, в современной отечественной науке существуют два подхода к пониманию соотношения понятий «образ мира» и «картина мира»: одни исследователи их разделяют, другие – считают их взаимозаменяемыми.

Список литературы

1. Гришаева Л. И., Попова М. К. Картина мира как проблема гуманитарных наук // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (г. Курск, 21-24 апреля 2003 г.). – Воронеж: ВГУ. – 2003. – Вып. 2. – 326 с.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2008. – 488 с.
3. Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание / отв. ред. И. П. Меркулов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 15–41.
4. Пыжова О.В. Образ мира versus картина мира: ступени культурфилософской концептуализации // Исторические, философские, политические и юридические

- науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2015. – № 12 (62). – С. 165-168.
5. Сулименко Н.Е. Мир образов и образ мира в лексической структуре текста // Критика и семиотика. – 2005. – Вып. 8. – С. 79-88.
 6. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
 7. Яссман В.П. Образ мира личности: этническая картина мира: монография. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. – 104 с.

УДК 159.9.07

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Некрасова И.Н., канд. психол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
inn1769@mail.ru

Введение. Методологическая сложность современных социально-психологических исследований обусловлена необходимостью проводить научный поиск в области изучения сложных самодетерминированных явлений психики, характеризующихся комплексной природой, что выходит за рамки классической парадигмы. Предметы изучения (социокультурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъекты социальных взаимодействий соотносят изучаемую психическую реальность), имеют самоорганизующийся характер и междисциплинарный статус (менталитет, динамика образа и качества жизни, жизненный мир и пр.) и требуют привлечения законов нелинейной математики для своей разработки.

Кроме того, человеческое бытие и порождаемый им экзистенциальный контент анализа («обобществленное значение»↔«личностный смысл») невозможно понять, не будучи интегрированным в его феноменальную ткань, по причине чего позитивизм (линейный принцип) лишается монистического статуса и рассматривается как методология константных феноменов малой длительности и периодичности [1]. Позитивизм теперь продуктивен для объяснения лишь малого числа линейных процессов в пределах локальных ситуаций: краткосрочные прогнозы в стабильных ситуациях. Необходима методологическая альтернатива, что создает предпосылки для синтеза базовых представлений гуманитарных, естественных и технических наук и порождает новый междисциплинарный формат исследовательской практики. Методологическая модернизация требует использовать единый язык научного описания (метаязык), обеспечивающий взаимосвязанное соотнесение различных психологических концепций и взаимодействие различных отраслей

знания, научных направлений и школ. Так, представляется, что вектор методологической модернизации исследовательской практики должен ориентироваться в русло синергетической парадигмы, вследствие чего, целесообразно использовать синергетическое моделирование социально-психологических процессов как подход к исследованию и объяснению проявлений социально-психологической реальности.

Цель статьи – проанализировать возможность использования синергетической методологии в сфере социально-психологических исследований. Задачи, решаемые в статье: проанализировать возможность использования синергетических принципов в исследовательской практике и на основе синергетической рациональности сформировать объяснительные принципы, структурирующие современное социально-психологическое исследование.

Основная часть. Развитие социальной психологии характеризуется ростом междисциплинарных исследований. Предметом научного поиска все чаще выступают неравновесные, сложно иерархически организованные с точки зрения описательной математики биопсихосоциальные феномены, обладающие свойствами открытости и саморазвития (например: социальные процессы, культурные трансформации, образ и качество жизни, картина мира, массовое сознание, ментальные субкультуры и т.п.). Изучение подобных феноменов невозможно без применения синергетической методологии и кибернетической теории метасистем [2].

Отметим, что ключевыми теоретическими положениями для понимания того, как использовать синергетические принципы для анализа функционирования указанных выше феноменов выступают положения теории детерминированного хаоса и новой интегральной рациональности как новых объяснительных принципов в науке. Так как предметы социально-психологического исследования обладают нелинейной природой, поэтому при их изучении недопустимо пользоваться только линейными объяснительными принципами [3], что требует особого понимания.

Так, результат суммы воздействий факторов различных сред (ментальной, социальной, природной, психологической) на исследуемый феномен не может быть приравнен к сумме результатов этих воздействий по отдельности. На практике это означает, что усвоенный жизненный опыт индивида, линейно экстраполируемый в будущее, не принесет ценных прогностических результатов. Подобные исследования не выходят за рамки дескриптивного статуса и не проясняют психологический механизм коррекции, который в контексте принципов синергетики должен опираться не столько на понятие самой апперцепции, сколько на анализ механизма трансформации апперцептивного опыта, основанного на понимании принципиальной разомкнутости и дискретности жизненного мира субъекта. Концепция динамического хаоса предлагает новую рациональность для объяснения отношений человека с миром [1]. Она включает в себя три

основных принципа: вероятностный взгляд на стохастическую структуру социально-психологической реальности, детерминистский принцип и исторически транспективный подход. На практике это требует выполнения следующих условий исследовательской работы: допускается использовать в качестве диагностического массива ментальные операторы (культурные артефакты, мифы, легенды, приметы, народную мудрость и т.п.), одновременно применять локальные матстатистические процедуры с ограниченной перспективой описания (описательные статистики, корреляции, критериальные сравнения), а также учитывать культурно-историческую специфику предмета изучения. Сложность статистической обработки в таком случае обусловлена необходимостью применять прогностическое моделирование (нейронное, регрессионное и т.п.), а свойства человека как субъекта социальных взаимодействий рассматриваются не как внутренние диспозиционные признаки, а как очевидное только во взаимодействии человека с окружающим миром. Измерение отдельных подструктур личности (самооценка, интеллект, мотивация, смыслы и т.п.) методом одномоментных срезов (опросники или тесты) не раскрывает необходимой диагностико-прогностической «трехмерности» исследования.

Также отметим, что с точки зрения синергетики все социально-психологические феномены потенциально анализируются только в контексте их иерархического (метасистемного) формата интерпретации. В каждой системе существуют взаимосвязанные уровни иерархии (организационные структуры), проходящие в своем развитии циклы от управляемых структур к управляющим. Этот процесс осуществляется через точки системного кризиса (бифуркации) в момент утраты системного равновесия. Согласно теории метасистем это путь эволюции любой психобиосоциальной системы, в контексте чего любое развитие возможно только через кризис.

Синергетический взгляд на кризис обнуляет дескриптивные исследования, так как чем больше разбалансированы в момент кризиса все жизненные циклы личности, тем более непредсказуем ее жизненный выбор. В условиях кризиса новая программа жизненного решения моделируется с учетом содержимого глубинных ментальных структур сознания и апперцептивного опыта личности. Данные структуры обладают разной сопротивляемостью в процессе коррекции, так как согласно метасистемной иерархии в любой системе верхние структуры более подвижны по сравнению с инертными нижними уровнями.

Заключение. Синергетический подход обеспечивает нахождение адекватных ответов на глобальные вызовы современной цивилизации, обеспечивая генетическую связь математики и социально-психологического знания. Синергетика обеспечивает междисциплинарный диалог в исследовательской практике, обогащает методологический аппарат психологии и расширяет масштабы научного поиска. Это требует от исследователя использования новых категорий научного метаязыка, отражающих нелинейную природу понимания человека как метасистемы.

Список литературы

1. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В.Г.Буданов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2009. – 240 с.
2. Гусельцева М.С. Постмодернистские перспективы развития психологии / М.С.Гусельцева // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 528 с.
3. Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структуры психики / А.В.Карпов. – М.: ИП РАН, 2004. – 562 с.

УДК 159.923.33

ВЗАИМОСВЯЗЬ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА ПОДРОСТКОВ СО ВЗАИМООТНОШЕНИЯМИ В ГРУППЕ СВЕРСТНИКОВ

Оплетина Ю.В.,

Лучшева Л.М., канд. психол. наук, доцент

Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк, РФ
root@nbikemsu.ru

Введение. Подростковый этап – это время перемен, как в физиологии человека, так и в его личности. Среди новообразований подросткового возраста Л. С. Выготский выделял чувство взрослости, становление рефлексии и самосознания. Одним из важнейших факторов полноценного развития личности в этот период является интимно-личностное общение со сверстниками. Д. Б. Эльконин выделял процесс общения, как ведущий вид деятельности подросткового возраста. Для подростка считается актуально важным отыскать свое место среди сверстников [1]. На то, как подросток выстраивает взаимоотношения со сверстниками, как чувствует себя в коллективе, оказывают влияние его личностные особенности, такие как акцентуации характера. Чаще всего именно индивидуальные особенности акцентуированных черт характера подростка мешают ему занять высокое статусное место, социализироваться в социальной группе и выстроить здоровые взаимоотношения со сверстниками [2]. Зачастую это связано с тем, что подросток не может правильно себя оценить, осознать свои индивидуальные свойства и качества характера, и скорректировать на основании этого свое поведение.

Основная часть. Исследование проводилось на базе школы МБОУ СОШ № 35 города Осинники, Кемеровской области. В нем приняли участие 60 учеников в возрасте от 15 до 17 лет.

Также были использованы следующие методики: Модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков

А. Е. Личко; Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири; Методика «Социометрия» Дж. Морено.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Подростки с гипертимным типом акцентуации характера (37%) любят быть в центре внимания и командовать группой. Также они почти всегда в хорошем настроении, очень общительны, активны в работе, очень подвижны, и таким образом они дружелюбно настроены к окружающим.

Также были подростки с шизоидным типом акцентуации характера (16%), которые замкнуты, неспособны и не желают устанавливать контакты с людьми, как дружеские, так и доминирующие. Зачастую они не способны к общению, сопереживанию.

А подростки с сенситивным типом акцентуации характера (16%), несмотря на склонность избегать больших компаний, а также некоторую боязливость, обладают высокой чувствительностью к событиям, как к радостным, так и к грустным. Эти качества вызывают симпатию со стороны остальных учащихся группы, они чувствуют, что на этих людей можно положиться.

Подростки с неустойчивым типом акцентуации характера (16%) обладают высокой общительностью, они открыты и услужливы, хорошо умеют анализировать поведение окружающих, что не может не располагать к ним других учащихся группы. В отличие от подростков с сенситивным типом акцентуации характера (16%), подростки с неустойчивым типом акцентуации (16%) не склонны к учебной деятельности, зато имеют ярко выраженную тягу к развлечениям, что делает их незаменимыми в совместном досуге всей группы [3].

Заключение. Таким образом, в ходе исследования с помощью корреляции Пирсона установлено, что существует взаимосвязь акцентуации характера со взаимоотношениями в группе сверстников, а именно: сенситивный (16%) и неустойчивый (16%) типы акцентуации характера напрямую связаны с социометрическим статусом в группе сверстников. При такой взаимосвязи учащиеся с сенситивным или неустойчивым типом акцентуации характера склонны обладать более высоким социометрическим статусом в группе сверстников. Также была выявлена прямая взаимосвязь между гипертимным типом акцентуации характера (37%) и фактором доминирования, а также обратная взаимосвязь между шизоидным типом акцентуации характера (16%) и фактором доминирования.

Преобладающие типы акцентуации характера в чистом виде встречаются редко, поскольку в одной личности могут сочетаться характеристики различных типов. Полученные результаты могут быть применены в развитии взаимоотношений в группе, поскольку подросткам необходимо учитывать характерные особенности характера друг друга.

Список литературы

1. Эльконин, Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах [Текст] : Избранные труды / Д. Б. Эльконин. – Воронеж: НПО "МОДЭК", 2001. – 417 с.
2. Белорусова, А. В. Изучение влияния акцентуаций характера на социальную адаптацию в юношеском возрасте [Электронный ресурс] / А. В. Белорусова. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/95155.htm>. Дата обращения: 26.07.2019.
3. Личко, А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков [Текст] / А. Е. Личко. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 304 с.

УДК 376.58

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Пазухина С.В., д-р психол. наук, доцент,
Брешиковская К.Ю., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
pazuhina@mail.ru, *karine_br@mail.ru*

Введение. Проблема девиантного поведения подростков, рассматриваемая в связи с осмыслением новых подходов к современному образованию как средству совершенствования личности и общества, продолжает сохранять свою значимость и в новом культурно-историческом контексте. В рамках модернизации практики школьного образования происходят изменения, вызванные глубокими социально-экономическими преобразованиями, которые актуализируют проблему подготовки будущего педагога-психолога к работе с несовершеннолетними, имеющими различные девиации, и выдвигают новые требования к его профессиональной деятельности, одной из главных задач которого становится поиск условий для развития личности воспитанника с отклоняющимся поведением на основе гуманистических принципов.

Согласно культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, социокультурный фон является предиктором, определяющим процессы становления и развития психики человека в целом и личности человека в частности. Следовательно, формирующаяся в процессе социализации личность несет на себе отпечаток политических, экономических, социальных процессов прошлого, определяет тенденции и направления развития человечества в будущем. Таким образом, отклоняющееся от общепринятых норм поведение может возникать на фоне биологических,

социальных и социально-психологических проблем. Факторы девиаций носят внутренний и внешний характер. Влияние, как правило, оказывают сразу несколько факторов, что затрудняет классификацию и подбор эффективных способов коррекции девиантного поведения.

Цель – рассмотреть возможности психолого-педагогической поддержки как условия успешной реабилитации подростков с девиантным поведением в гуманистической парадигме современного образования.

Основная часть. Понятие «девиация» происходит от латинской основы *deviatio*, и в буквальном переводе означает «отклонение». Первоначально определение девиантного поведения как социальной девиации характеризует его как поведение, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространённых и устоявшихся норм в определённых сообществах в конкретно-исторический период их развития [1, с. 119-121]. Девиации отличаются по масштабу (в рамках семьи или страны), силе воздействия на личность, специфике воздействия (разрушают или развивают) и сфере деформации личности.

В отдельную категорию исследователи выделяют детские и подростковые девиации, которые нередко обусловлены спецификой самих возрастов. Так, в подростковом и детском возрасте девиантное поведение чаще проявляется агрессией, уклонением от учебы, побегами из дома, наркоманией и пьянством, суицидальными попытками, асоциальными поступками. Наиболее популярной девиацией подросткового возраста является зависимое поведение. Частой причиной возникновения зависимостей является желание подростка утвердиться в кругу сверстников, получить авторитет и доверие, что непосредственно связано с их ведущим видом деятельности.

В условиях развития современного образования психолого-педагогическая поддержка может рассматриваться в качестве важного направления профессиональной деятельности педагога-психолога в предупреждении и решении проблем социальных отклонений среди детей и подростков. Термин «психолого-педагогическая поддержка» представляет собой систему совместной деятельности педагога-психолога и ученика, направленную на сохранение самости последнего, и ставящую целью поддержать его в процессах «само» (О. С. Газман). В современной психолого-педагогической литературе под «психолого-педагогической поддержкой» понимается, во-первых, деятельность профессиональных педагогов и психологов по оказанию превентивной и оперативной помощи несовершеннолетним в решении их индивидуальных проблем, связанных с психологическим здоровьем, деловой и межличностной коммуникацией, с успешным продвижением в обучении, с жизненным и профессиональным самоопределением; во-вторых, - система педагогической деятельности, раскрывающая личностный потенциал человека, включающая помощь ученикам, учителям, родителям (или их законным представителям) в

преодолении социальных, психологических и личностных трудностей; в-третьих, – процесс совместного с ребёнком определения его собственных интересов, целей, возможностей и путей преодоления препятствий (проблем), мешающих ему сохранить своё человеческое достоинство и самостоятельно достигать желаемых результатов в обучении, самовоспитании, общении и образе жизни [2, с. 255].

Поддержка носит комплексный характер, выступает частью образования как целого и проявляется как особая область деятельности педагога. В систему психолого-педагогической поддержки О. С. Газман, один из основоположников теории о психолого-педагогической поддержке, включал собственно педагогическую, психологическую, социальную и медицинскую поддержку как необходимые элементы учебно-воспитательной деятельности. Психолого-педагогическая поддержка относится к культуре воспитания, основанной на действительном демократизме и гуманизме взаимоотношений взрослого и ребенка. Главная цель психолого-педагогической поддержки - дать возможность ребенку преодолеть очередное препятствие, развив при этом интеллектуальный, нравственный, эмоциональный, волевой потенциал, почувствовать себя человеком, способным на поступок и самостоятельное решение. Основными функциями психолого-педагогической поддержки являются следующие: возможность выйти на проблемы ребенка, возникающие от педагогических воздействий; помощь ребенку в решении создавшихся проблем и приобретении опыта деятельности; обретение собственного смысла во взаимодействии со взрослым; построение индивидуальной линии поведения, которая признается ребенком как значимая и необходимая для него.

Частные задачи по реализации психолого-педагогической поддержки находят решение в конкретных тактиках или технологиях. В качестве основных тактик психолого-педагогической поддержки ученые выделяют тактики защиты, помощи, содействия и взаимодействия. Умение пользоваться тактиками позволяет педагогу быть гибким и мобильным, оказывая поддержку ребенку в конкретной ситуации. Каждая из тактик требует от педагога умения занимать определенные позиции и осуществлять определенные действия.

Заключение. Таким образом, в проблемное поле, которые решает психолого-педагогическая поддержка, попадают вопросы из разных сфер жизнедеятельности подростка с девиантным поведением – это и здоровье, и учеба, и общение, и творчество, и досуг. Необходимо научить несовершеннолетних анализировать собственную деятельность, находить пути преодоления негативных последствий своих поступков. Оказывая психолого-педагогическую поддержку, педагог-психолог старается избавить подростка от боязни быть неуспешным и пробудить в нем стремление добиться успеха, подсказав ведущие к этому социально

приемлемые пути. Следовательно, педагог-психолог целенаправленно формирует у ребёнка потребность в самоанализе, проектировании собственных действий и рефлексии.

Список литературы

1. Апинян Г.В. О понятиях «девиация», «девиантность», «девиантное поведение» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 118.
2. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Словарь по педагогике. – Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – 448 с.

УДК 159.9

КОМПЬЮТЕРНОЕ БЕЗМЕДИКАМЕНТОЗНОЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ДИАГНОСТИРОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ

Пигуз В.Н., Ивашко К.С., Изосимова С.А.

ГУ «Институт проблем искусственного интеллекта», г. Донецк, ДНР
maxpvn77@gmail.com

Введение. Современная система обучения все более ориентируется на личностный индивидуальный подход. Психофизиологические тесты широко используются и в системе школьного обучения. Школа особенно остро нуждается в действующих методиках для объективного распределения детей по знаниям, умениям, способностям и навыкам. Таким образом была создана шкала Бине-Симона (авторы: психологи Альфред Бине и Теодор Симон), состоящая из 55 заданий и позволяющая выявить случаи отставания умственного развития у детей различных возрастных групп. Тогда же было разработано понятие «умственный возраст», определяемое по формуле:

$$IQ = \frac{IQ \text{ фактич.}}{IQ \text{ нормат. [1]}} \times 100$$

Таким образом, впервые определилась методика количественной оценки мыслительных способностей. Впоследствии известная как определение коэффициента интеллекта – IQ (англ. Intelligence quotient). Традиционный состав данного комплекса тестов следующий:

- оценка абстрактного мышления личности;
- умение решать логические задачи;
- возможность осуществлять буквенные манипуляции в словах.

Основная часть. Центральным понятием психофизиологии является ПФС личности. На сегодняшний день объективного единичного определения того, что собой являет ПФС личности, не существует. Хотя попытки сделать это осуществлялись исследователями прошлого и современности неоднократно. Наиболее приемлемым в данном плане является определение ПФС, данное Н.Д. Левитовым: «Психофизиологическое состояние – это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности» [2]. Исходя из данного определения, ученый выдвинул следующую классификацию состояний:

- состояние, в котором выражаются индивидуальные свойства личности, называется личностным. Ситуации, вызывающие нетипичные для человека реакции, называются ситуативными;

- разделение состояний на глубокие и поверхностные напрямую зависит от силы их воздействия на переживание и поведение человека. Например, страсть, как психическое состояние, оценивается гораздо глубже, нежели настроение;

- состояния с положительной или отрицательной степенью воздействия на человека. Эта классификация обладает большой значимостью с практической точки зрения. Например, апатия отрицательно воздействует как на трудовой процесс, так и на возможности личности в сфере обучения, в отличие от вдохновения;

- состояния продолжительные и кратковременные, обладающие разной временной продолжительностью: от нескольких часов до нескольких дней и более;

- различные состояния по степени сознательности. Например, рассеянность – несознательное психическое состояние; решимость (решительность) – исключительная прерогатива сознания, а вот утомляемость может иметь по данной шкале прямо противоположные вариации [2].

Е.П. Ильин подходит к определению ПФС человека с несколько иной точки зрения. Согласно его определению «Психофизиологическое состояние – это целостная реакция личности на внешние и внутренние стимулы, направленная на достижение полезного результата» [3]. Таким образом ПФС – явление причинно-обусловленное, реакция не отдельной системы или органа человеческого организма, а личности в целом.

При этом немаловажной деталью является оперативность диагностики ПФС. В настоящее время тестирование ПФС, особенно большой (более 10) группы людей, в основном происходит при помощи бумажных бланков опроса. Обработка результатов теста в этом случае – результат очень кропотливого и трудоемкого процесса. В большинстве

случаев она по времени занимает гораздо больше времени, нежели проведение самого теста. Поэтому компьютеризация методик психофизиологического тестирования личности, которые позволяют объективно оценить ПФС и в случае необходимости принять меры по его коррекции, является одной из важнейших проблем современности.

Наряду с существующими компьютерными системами подобного плана, разработанными российскими учеными-исследователями: «ValeoTest», «DROMEAS», «Омега-Медицина», научная разработка компьютерной системы психофизиологического диагностирования, интеллектуально-духовной реабилитации и безмедикаментозной терапии, разрабатываемая сотрудниками Государственного учреждения «Институт проблем искусственного интеллекта», обладает рядом преимуществ и позволяет:

- в оптимальные сроки сформировать предварительно обработанную базу предприятия либо учреждения;
- создать программное обеспечение, обладающее возможностью реального применения простых и малозатратных способов модернизации существующей системы методик. Например, подключение дополнительных компьютерных диагностирующих функционалов [4];
- обеспечение одновременного тестирования большой (более 10) группы человек;
- создание «клиентского приложения для анализа статистики, графического представления результатов и формирования отчетов» [4].

Вывод. Таким образом, круг потенциальных пользователей достаточно широк: начиная от школьников, студентов и преподавателей, спортсменов, включая специалистов медицинского профиля: медсестер, психологов и т.д. Что способствует процессу компьютеризации широких масс населения, вне зависимости от возрастных групп и профессиональной ориентации [5].

Список литературы

1. Бобровский С. И. Технологии C++ Builder [Текст] / С.И. Бобровский. – СПб.: Питер, 2007. – 340 с.
2. Щегряев Н. А. Лекции по дисциплине «Информационное обеспечение систем управления» [Текст] / Н.А. Щегряев. – М.: Кварсит, 2005. – 326 с.
3. Microsoft SQL Server 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.microsoft.com/sqlserver/en/us/product-info/overview-capabilities.aspx>.
4. Сальников И. С. Проблемы и перспективы глубокой автоматизации и роботизации компьютерных технологий / И.С. Сальников, С.Б. Иванова, Р.И. Сальников // Международный рецензируемый научно-теоретический журнал «Проблемы искусственного интеллекта». – 2018. – № 1 (8). – С. 33–40.
5. Ходырев В. В. Программирование на языке Си: учеб. пособие [Текст].

ОДИНОЧЕСТВО И ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Покотилов Е.Г.,

Рогозина М.Ю., канд. пед. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Проблема одиночества в современном обществе стоит достаточно остро. Большинство людей воспринимают одиночество, как крайне негативное состояние духа, не способствующее эмоциональному комфорту и чувству удовлетворенности, однако анализ различных исследований свидетельствует о том, что одиночество непосредственно связано с развитием личности [1].

Конечно, одиночество вызывает эмоциональный дискомфорт, но имеет непосредственную связь с личностной активностью, влияет на социализацию и индивидуализацию. Данная активность, направленная на самого себя и свой внутренний мир, является определенной формой деятельности собственного «Я», которая начинается тогда, когда «Я» подвержено чрезмерному влиянию побуждений, защищает себя от аффектов, представляющих для него опасность. Подобное функционирование системы соподчинения мотивов с эмоционально-волевым компонентом одиночества запускает определенные защитные механизмы, которые функционируют автоматически, не согласуясь с сознанием [2].

В настоящее время существуют различные подходы к пониманию сути феномена одиночества. Основными исследователями данной области являлись, такие психологи и философы, как Р.Вейс, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Л.Э. Пепло, К. Роджерс, Ж.-П. Сартр, Б. Торащ, Э. Фромм, М. Хайдеггер, И. Ялом. Структуру и особенности защитного механизма подробно в своих работах рассматривали В. Вунд. П. Цапффе, А Фрейд, З. Фрейд и др. Вопросы взаимосвязи одиночества и защитных механизмов в литературе рассмотрены недостаточно [5].

Целью настоящего исследования является определение сущностных особенностей переживания одиночества творчески активной личностью.

Теоретический анализ литературы, посвященной изучению проблемы одиночества позволяет сделать следующие обобщения:

Одиночество – это субъективное переживание, которое проявляется в добровольной или вынужденной невозможности человека удовлетворить потребность во взаимодействии, общении, интимности и сопровождается широким спектром эмоциональных проявлений. Такое переживание относительно не зависит от присутствия других людей, поскольку человек может переживать одиночество даже в тех ситуациях, когда рядом с ним есть значимые объекты [4].

В рамках системного подхода, одиночество выступает, как единая, целостная система; целостность, которой обеспечивается тем, что переживание одиночества функционирует на основе взаимодействия таких компонентов, как когнитивный, эмоциональный, поведенческий и мотивационно-волевой.

Переживание одиночества можно рассматривать как элемент эмоциональной сферы, так и как сущностную личностную характеристику. С этой точки зрения, переживание одиночества представляет собой тот механизм реагирования личности на непосредственное (уединение, изоляция) или опосредованное изменение характеристик социального пространства-времени, который определяет степень и форму индивидуальной психологической адаптации к этим изменениям [3].

В данном эмпирическом исследовании приняло участие 60 испытуемых, 30 из которых имели творческую направленность личности, творческую активность, 30 человек – не проявляли творческую активность.

Анализ полученных результатов исследования позволяет сделать вывод об отсутствии различий в переживании одиночества различными группами испытуемых. Также не выявлены значимые различия в типах одиночества, переживаемых испытуемыми. Показатели одиночества в группах имеют средний уровень выраженности, можно говорить, о возможной позитивной форме одиночества, а именно, способности человека к уединению, которую еще называют субъективно желаемая уединенность. Она характеризуется оптимальным соотношением процессов идентификации и обособления в индивидуальном психическом пространстве человека. Опираясь на структурно-функциональную модель переживания одиночества, можно утверждать, что как творчески активные личности, так и не творчески активные, переживают одиночество, по одному и тому же механизму.

Однако, в ходе исследования были выявлены значимые различия в защитных механизмах у испытуемых с разным уровнем творческой активности и высоким уровнем одиночества. Значимые различия между двумя выборками испытуемых получены по фактору регрессии ($t=1,86$, $p \leq 0,05$). При этой форме защитной реакции личность, подвергающаяся действию фрустрирующих факторов, заменяет решение субъективно более сложных задач на относительно более простые и доступные в сложившихся ситуациях. Использование более простых и привычных поведенческих стереотипов существенно обедняет общий (потенциально возможный) арсенал преобладания конфликтных ситуаций. Как видно из полученных данных, творческие личности более склонны прибегать к данному виду психологических защит, в отличие от не творческих. Импульсивность и слабость эмоционально-волевого контроля, свойственная творческим личностям, определяются актуализацией именно

этого механизма защиты на общем фоне изменения мотивационно-потребностной сферы в сторону их большей упрощенности и доступности.

Также значимые различия ($t=1,99$, $p\leq 0,05$) получены по проявлению такого механизма как «компенсация». Как показывают результаты исследования, чаще этой защитой пользуются творческие личности, пытающиеся найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, нестерпимого чувства другим качеством, чаще всего с помощью фантазирования или присвоения себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности. При этом заимствованные ценности, установки или мысли принимаются без анализа и переструктурирования и поэтому не становятся частью самой личности.

Что касается такого защитного механизма как «интеллектуализация», то творчески активные личности используют данный механизм в моменты столкновения с фрустрирующей ситуацией достаточно редко ($t=3,96$, $p\leq 0,01$). В отличие от них, испытуемые с низким уровнем творческой активности, пресекают переживания, вызванные неприятной или субъективно неприемлемой ситуацией при помощи логических установок и манипуляций.

Таким образом, позитивный потенциал одиночества реализуется в таких функциях: функция самопознания; становление саморегуляции; творчества и самосовершенствования; стабилизации психофизического состояния; защиты «я» человека от деструктивных внешних воздействий.

Основное практическое значение данной работы заключается в возможности создания условий для психологического просвещения в области психологии одиночества, а также психологии творчества.

Список литературы

1. Василюк Ф. Е. Современные представления о переживании / Ф. Е. Василюк // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. – М. : АСТ : Астрель, 2009. – С. 362-372.
2. Корчагина С. Г. Генезис, виды и проявления одиночества: монография / С. Г. Корчагина. – М.: МПСИ, 2005. – 196 с.
3. Марцинковская Т. Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – N 3(5). URL: <http://psystudy.ru>.
4. Рассел Д. Измерение одиночества // Лабиринты одиночества: Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 192-226.
5. Яковлева Е.Л. Эмоциональные механизмы личностного и творческого развития. // Вопросы психологии. – 1997. – №4. – С. 32-33.

СТАТУСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ДРУЗЕЙ-ПСИХОЛОГОВ В ФОРМАЛЬНОМ И НЕФОРМАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ДЕГРАДАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Пряжников Н.С., д-р пед. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»,
г. Москва, РФ
nsp-22@mail.ru

Проблема, цель и методы: по мере развития специалистов и их погружения в проблематику своей деятельности, у многих все больше формируется и проявляется собственный взгляд (позиция) по отношению к существенным вопросам своей деятельности. Причем, чем квалифицированнее специалист, тем более «контекстно» видит он эту проблематику, т.е. готов рассматривать ее в увязке с вопросами организации науки, образования, производства, общественной жизни, а также – в контексте взаимоотношений со своими коллегами, руководством, заказчиками, клиентами, студентами.... Соответственно, на фоне различных взглядов таких специалистов, между ними все больше могут возникать разногласия, дискуссии и даже разрыв отношений. Усугубляется все это в условиях кризиса конкретных научных направлений, всей науки и образования в целом [1; 3].

Все больше появляется людей, которых относят к «прекариату» – специалистам высокой квалификации, которым приходится работать не на постоянной основе, а по так называемым «проектам», что делает для них карьерную и жизненную ситуацию очень нестабильной, постоянно провоцируя не только стрессы, но и ситуации соглашательства, вынужденных компромиссов, а то, и личностной деградации [2]. Все это остро ставит проблему идентичности работников науки и образования, когда человек мог бы сказать себе, что он был в тех или иных ситуациях самим собой, был «истинным» и не отказывался от своих убеждений. К сожалению, ради собственной карьеры или ради «интересов дела», далеко не всегда удается сохранить свою идентичность... Деликатность данной проблемы определяет статус нашего исследования как теоретико-методологический и пока не предполагает прямых опросов и тестирования работников науки и образования. Поэтому, основным нашим методом было обобщение опыта рефлексии своей профессиональной идентичности, полученного из частных бесед с нашими коллегами, а также – рефлексия собственного опыта.

Условно можно выделить *модель*, отражающую отношение к коллегам-оппонентам и соответствующие им статусы. Модель строится на пересечении двух координат (с крайними позициями на полюсах):

1) внутреннее отношение к позиции коллеги (одобрительное – не одобрительное); 2) внешняя демонстрация своего отношения к позиции коллеги (одобрительное – не одобрительное). Соответственно, можно выделить следующие статусы: 1 – «согласие», когда идентичность не страдает (на пересечении внутреннего и внешнего одобрения); 2 – статус «игры и доброжелательной хитрости», повышающий риски утраты идентичности (например, при внутреннем согласии, но внешней демонстрации несогласия, что иногда случается под давлением страха потерять уважение в глазах других коллег и даже начальства, выражающих свое несогласие, или в случаях «проверки» убежденности коллеги в своей позиции...); 3 – статус «обмана и манипуляции», также повышающий риски утраты идентичности данного человека (на пересечении внутреннего не согласия, но внешней демонстрации одобрения позиции коллеги); 4 – статус «осуждения» позиции коллеги, что позволяет сохранить идентичность данного человека (на пересечении внутреннего и внешнего не одобрения позиции коллеги).

Остается, лишь уточнить, какова распространенность данных статусов. Вероятно, во многом это зависит от того, какие позиции оцениваются в конкретных случаях формального (делового) и неформального общения, и насколько эти позиции значимы для современного состояния российской науки и образования в целом, и для конкретного человека, оценивающего эти позиции, в частности. По нашим предварительным оценкам, мы считаем, что в формальном общении все чаще проявляются статусы «обмана и манипуляции», и чуть реже – статус «игры и доброжелательной хитрости», хотя в неформальном общении – чаще проявляются статус «согласия». И очень редко проявляется статус «осуждения», как боязнь испортить отношения как в деловом, так и в неформальном общении... Но для науки и образования это означает также и страх перед любыми дискуссиями, без чего сложно представить себе развитие этих (творческих, дискуссионных, по своей сути) сфер деятельности...

Основные факторы, провоцирующие сложности, связанные с изменением статусов идентичности специалистов в формальных и неформальных взаимоотношениях в научной и образовательной среде:

1. Факторы профессиональной среды: 1) разногласия по поводу соотношения старых (традиционных) и новых подходов в науке и образовании, а также – по поводу оценки эффективности реформ в науке и образовании в целом; 2) разногласия по поводу распределения работ, соответствующих нагрузок и вознаграждений на разных уровнях (между рядовыми работниками, между рядовыми работниками и руководством и др.); 3) разногласия по поводу использования «рыночных механизмов» в образовании и науке (проблемы платного обучения, проблемы «подстраивания» и «заигрывания» с заказчиками и клиентами, проблемы рассмотрения образования как «сферы услуг» и т.п.); 4) межличностные

проблемы взаимоотношений в коллективах преподавателей и ученых (вопросы доносительства, домогательства и вымогательства, плагиата, склок, зависти, мелочных придирок друг к другу и т.п.); 5) проблемы ответственности ученого и преподавателя за карьерное благополучие и научную репутацию самого себя, своих учеников и подчиненных и др.

2. Факторы внепрофессиональной среды: 1) участие или неучастие коллеги в неформальном общении за рамками работы, что также может влиять и на профессиональное общение, т.к. одной из важных особенностей научно-преподавательской деятельности является ее «глобальный» характер, когда самые интересные идеи могут приходить не на «рабочем месте», а в самых неожиданных местах, включая и неформальное общение; 2) отношение к личной жизни (осуждение, зависть или, наоборот, одобрение образа жизни своих коллег, их романтических приключений, разводов, пренебрежения к детям и т.п.); 3) общественная деятельность и общая политическая активность.

Заметим, что последний фактор очень неоднозначный, что связано с сильной дезориентацией многих людей в окружающем мире, включая и очень-очень образованных и даже очень порядочных в быту людей. Но, учитывая особенности переживаемой страной периода (развал СССР и последовавшие за этим войны, преступления и жертвы, размежевание народов, неудачные реформы практически во всех сферах, и как следствие, – деградация российской науки и образования), отношение к людям, которые не понимают первопричину многих проблем. Все это может во многом испортить и собственно деловые отношения и даже привести к «нестоявшейся дружбе» ученых, преподавателей, студентов..., особенно, в образовании и в науке, которые пострадали от неудачного высшего менеджмента более всего... Усугубляется «сила» и «значимость» данного фактора тем, что немалая часть ученых и преподавателей считают, что должны быть «аполитичными» и заниматься лишь «чистой» наукой и «чистым» образованием, т.е. «пофигизм» сейчас в моде и даже поощряется начальством...

И все же, мы рекомендуем по возможности, искать любые точки соприкосновения даже с самыми непримиримыми нашими оппонентами. Многие, действительно, запутались и сильно запуганы... И лишь в случаях особой моральной неприемлемости поведения наших коллег быть бескомпромиссными...

Список литературы

1. Балацкий Е.В. Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе// Журнал Новой экономической ассоциации, № 2 (26), 2015, с. 124–149.
2. Гай Ст. Прекариат: новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.
3. Собкин В.С. Научный сотрудник в сфере образования: жизненные перспективы, ценностные ориентации. Материалы к круглому столу (14 ноября 2017 г.). – М.: РАО, Информационно-аналитический центр, 2017. – 35 с.

ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Ревуцкая И.В., канд. психол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

irina.revutskaja@yandex.ua

Факторы влияющие на возникновение негативных психических состояний у детей дошкольного возраста следует изучать, придерживаясь системного подхода к обоснованию причин возникновения деструктивных психических состояний личности дошкольника, рассматривая их как компонент большой многомерной системы - психики.

Рассмотрим факторы, обуславливающие негативные психические состояния дошкольников, опираясь на системный подход, исходя из трех базовых составляющих: эмоциональной, поведенческой и физиологической.

Р.Н. Досаева считает, что *эмоциональные* нарушения у детей дошкольного возраста развиваются в онтогенезе и проявляются в личностной и социальной сферах.

В личностной плоскости эмоциональные деформации характеризуют особенности внутреннего мира ребенка, а в социальной сфере негативные психические состояния проявляются в трудностях общения со сверстниками и взрослыми. Во многом формирование эмоционального компонента зависит от взрослых потому, что ребенок в этом возрасте открыт к восприятию и влиянию эмоций своего окружения [4]. Рассматривая, что именно влияет на личностную сферу эмоционального развития ребенка, отметим, что В.К. Котырло особое значение придает чувствам, их влиянию на нравственное развитие подрастающей личности дошкольника [6].

В.П. Вахтерев, И.А. Сикорский, В.А. Сухомлинский считали подражание, методом нравственного воспитания. Ребенок впитывает в себя все человеческое, через наблюдение, эмпирические выводы, подражание, умозаключение. В этом возрасте ребенок умеет распознавать собственные и чужие эмоциональные состояния: интерес, удивление, радость, горе, стыд, вину, отвращение, презрение, гнев, страх, капризы, упрямство, негативизм, а также способен рассказывать о них, связывать свои внутренние эмоции с внешними событиями, именно это и является признаком эмоциональной компетентности в дошкольном возрасте. Поэтому те моральные качества, которыми обладают родители, и будут заложены в ребенке, как личностные [1; 8].

По исследованиям ученых Л.А. Абрамян, А.И. Захарова, А.Д. Кошелевой, Г.В. Овчаровой, Т.А. Смолевой, Т.А. Хвиужовой и др. эмоциональные нарушения возникают именно под влиянием неблагоприятных факторов социальной среды, таких как: семейная дезадаптация (эмоционально неблагоприятная обстановка в семье, конфликтные отношения между близкими родственниками, отсутствие согласованности между родителями, развод); социальная дезадаптация (миграция) и т. п. [4]. А также, психосоматические расстройства – перенесенные болезни, госпитализация, частые ОРЗ, аллергия [4]. На возникновение соматических проблем и мироощущение ребенка влияет социально-экономическое положение семьи. По исследованиям Ц. Дамянова, М. Desseilles-Lawalree, А. Gortmaker, В. Gustin, R. Huenemann, R. Maaser, Q. Monti, Н. Stolley, А. Stunkard у детей, семьи которых имеют низкий социально-экономический уровень, чаще, чем в обеспеченных семьях, возникает ожирение. Эти исследования были проведены в США, Великобритании, Болгарии, Франции, Италии. Ожирение в детском возрасте распространено между 2-мя и 6-ю годами [5]. Исследованиями R. Schwartz, в США, Скандинавии и ФРГ выявлено, что психосоциальные факторы влияют на возникновение сахарного диабета, и в дошкольном возрасте, до 5-ти лет, составляют 1:1430 детей [5].

А.Н. Попова, описывая *поведенческий* компонент негативных психических состояний, обращает внимание на сходство и ряд общих факторов, к которым она относит: позицию родителей и воспитателей, комплекс неполноценности, фрустрацию потребности в признании со стороны ближайшего окружения; непреодолимые барьеры, стоящие на пути к достижению цели; неблагоприятное отношение окружающих; расхождение оценки и самооценки, феномен ролевой идентификации; восприятие угрозы Я-концепции – стремление сопротивляться контролю со стороны других в сочетании с бессознательным чувством определенной неполноценности; хроническая неуспеваемость, возникающая под влиянием завышенных противоречивых требований в детском саду и дома, когда ребенок пытается совместить в своем поведении несовместимые правила и идеалы. Эти факторы вызывают жестокость, агрессивность в поведении, потому что именно в этот период происходит первоначальное формирование личности ребенка [6].

С другой стороны, С.В. Велиева утверждает, что реплики и поведение взрослых часто служат ребенку источником понимания любой ситуации, определяя характер реакции на нее [2, с. 39]. Обогащаясь и насыщаясь, психические состояния начинают опосредовать связь ребенка с окружающей обстановкой, задавая характер отношения к миру в целом [2].

К *физиологическому* компоненту – базовой составляющей негативных психических состояний, относят самочувствие ребенка, отражающее изменения в различных функциональных системах

организма. Физическое развитие детей тесно связано с психическим. Психическое напряжение вызывает мышечный тонус и, наоборот, мышечное напряжение приводит к эмоциональной реакции.

Чрезмерная интенсивность и длительность негативных психических состояний у детей могут вызывать изменения в организме (В.М. Головки). Психические состояния определяют фон психического и физического здоровья ребенка, и сами зависимы от него (Н.Ф. Дорохова, А.Л. Желтухина, В.М. Касаткин, С.М. Чечельницкий) [2; 7]. Факторами, которые определяют самочувствие ребенка, являются: здоровье, отношения с окружающими, генная память (чувства и эмоции пренатального периода, факторы наследственности). На духовное, психоэмоциональное и физическое здоровье ребенка влияют частые стрессовые ситуации, которые, по исследованиям В. Bailey, М. Garralda, приводят к соматическим заболеваниям у детей. В перечне заболеваний, которые зафиксировали и в определенной степени исследовали ученые, обнаружены: а) больные энурезом; б) бронхиальной астмой; в) кожными поражениями; г) обмороками и головными болями. Реже в дошкольном возрасте наблюдается вегето-сосудистая дистония [5].

Все перечисленные факторы влияют на самочувствие детей дошкольного возраста, но и самочувствие в свою очередь влияет на многомерную систему здоровья ребенка, его долголетие, на отношения с людьми, на способность быстро адаптироваться к различным обстоятельствам, успешно коммуницировать, сохранять эмоциональную стабильность, привлекательность и успешность. Все это у ребенка взаимосвязано между собой [9].

Таким образом, придерживаясь системного подхода, нами были обобщены факторы, обуславливающие возникновение негативных психических состояний у детей дошкольного возраста с учетом *эмоционального* (развивается в онтогенезе и проявляются в личностной и социальной сферах), *поведенческого* (деструктивная, неблагоприятная позиция родителей и воспитателей, и др.), *физиологического* (самочувствие ребенка, отношения с окружающими, чувства и эмоции пренатального периода, факторы наследственности) компонентов.

Список литературы

1. Беляева О. Поговоримо про дитячі ревності // Психолог. – 2009. – № 22–23. – С. 44–45.
2. Велиева С.В. Диагностика психических состояний и отношений дошкольников в семье. // Вестник психиатрии и психолог. – Чувашии, 2014. – № 10. –С. 38 – 59.
3. Вітенко І.С. Медична психологія. – Київ: Здоров'я, 2007. – 208 с.
4. Досаева Р.Н. Психолого-педагогическая коррекция эмоциональных состояний различной этиологии у дошкольников средствами музыкального фольклора: автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. психолог. наук: спец. 19.00.07. Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2011. – 27 с.
5. Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматические расстройства у детей. – СПб.: Речь, 2005. – 400 с.

6. Пісарєва О.В. Особливості взаємодії дитини-дошкільника з однолітками // Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г.С. Костюка НАПН України. Психологія розвитку дошкільника. Т. 4. Вип. 7. Київ, 2011. 332 с.
7. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2006. 1096 с.
8. Социально-нравственное воспитание детей дошкольного возраста: учебное пособие / С.М. Зірянова, Н.А. Каратаєва, Г.М. Киселєва, Л.Л. Лашкова; 2-е изд., испр. и доп. Шадринск: Шадр. гос. пед. ин-т, 2011. 217 с.
9. Самопочуття дитини дошкільного віку як відображення її психічного і фізичного здоров'я / Сухорукова Г., Хміль І. // Вісник Інституту розвитку дитини. Серія: Філософія, педагогіка, психологія: зб. наук. пр. Київ: Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2011. № 19. 157 с.

УДК 159.92+37.03

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИИ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Руденко С.В., канд. психол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Rudenko_SV@mail.ru

Постановка проблемы. Проблема детского чтения, несмотря на достаточную изученность, остается актуальной по сегодняшний день. Меняются основные характеристики детского чтения: его статус, характер, продолжительность, способы работы с печатными и электронными текстами, репертуар чтения детей, читательские предпочтения. Иногда может показаться, что время собственно чтения как такового ушло в прошлое. Однако оно неуклонно продолжает играть важнейшую роль в развитии психики ребенка. В данной статье речь пойдет именно о психологических аспектах детского чтения.

Основная часть. Чтение – одна из сложных и значимых форм психической деятельности человека. В настоящее время чтение рассматривается как целенаправленная деятельность, которая может изменять взгляды, углублять понимание, воссоздавать опыт, стимулировать интеллектуальный и эмоциональный рост, изменять поведение и через все это способствовать развитию богатой и устойчивой личности [5].

Многие исследователи рассматривали чтение с точки зрения его структуры и функций, его роли в обучении и воспитании детей в школе, а также формировании их личности и поведения. А.Н. Соколов отмечает, что чтение одновременно является и процессом чувственного познания, и представляет собой опосредование речью отражения действительности, поскольку объектом восприятия является письменное речевое сообщение. А.Р. Лурия рассматривает чтение как процесс перешифровки символов

одной системы – зрительных (графических) в другую систему символов – устную речевую (артикуляторную). На основе этих сложных перешифровок и происходит процесс декодирования, понимания сообщения. С точки зрения С.Л. Рубинштейна, любой текст является лишь условием мыслительной деятельности: то, что объективно содержится в тексте, может обрести и субъективную форму в голове читателя, и эта субъективная форма существования есть результат собственной мыслительной деятельности читателя [2, 5].

Перейдем к психологическим аспектам детского чтения.

Роль чтения в развитии ребенка трудно переоценить. Чтение активизирует развитие когнитивной сферы ребенка – речи, воображения, памяти и мышления, тренирует произвольное внимание. Чтение способствует становлению эмоциональной сферы, приобретению опыта проживания и эмоционального реагирования. В процессе и результате чтения происходит развитие мотивации, становление иерархии ценностных ориентаций, открытие личностных смыслов. Можно сказать, что чтение и развитие личности в целом неразрывны [4].

Чтение способствует социализации ребенка. Идентифицируя, уподобляя себя героям, ребенок учится понимать и других людей, и себя самого, открывает для себя мир взаимоотношений. По мнению Е.А. Колосовой, социализация ребенка посредством чтения охватывает все процессы приобщения к культуре, коммуникации и образованию, во многом определяет развитие личности и последующее участие в общественной жизни. Чтение как один из механизмов социализации, выполняет ряд функций. Так, А.А. Леонтьев отмечает важность коммуникативной, релаксационной, творческой, самовоспитательной, самообразовательной, регуляционной социально-психологических функций чтения. Автор подчеркивает, что социально-психологические функции чтения, непосредственно связанные с потребностями, мотивами, целями, увлечениями ребенка, обуславливают круг его предпочтений и интересов, влияющих на процесс формирования личности в целом [2].

Проанализируем психологическое пространство чтения. Необходимо обеспечить уютное место для чтения, с хорошим освещением, без отвлечений и навязывания. Книги должны быть доступны ребенку, должна быть обеспечена возможность подойти и взять/достать издание. Конечно, психологическое пространство чтения сложно представить только в виде помещения, без учета той атмосферы, которую могут создать только люди. Важны традиции чтения, в том числе – и семейные [1, 3].

Всевозможные гаджеты основательно заполнили наш быт, однако роль бумажной книги остается весомой. Она дает ребенку спектр важнейших ощущений: зрительных, тактильных, обонятельных и пр. Ее можно нюхать, перелистывать страницы, возвращаться к понравившейся, можно открыть на любом месте и, прочитав несколько строк,

фантазировать, что будет дальше. Приятно держать в руках и интересно рассматривать книги с качественными иллюстрациями. При этом книги без картинок в большей мере способствуют развитию воображения, не ограничивая представления ребенка фантазией художника.

Представим краткие рекомендации по детскому чтению.

Чтение должно быть в удовольствие. Важно учитывать потребности ребенка, задачи возраста. Интересна будет книга, в которой поднимаются актуальные проблемы для ребенка. Соответственно, и героями должны быть такие персонажи, с которыми ребенок может себя отождествить. Это даст возможность наполнить текст своими переживаниями, чувствами, мыслями, образами, картинками воображения.

Важно чтение сказок. Сказка в метафоричной форме доносит основную идею, которую взрослые могут «прямым текстом» безуспешно пытаться «втолковать» ребенку. Сказка же может быть помощником при работе с детскими страхами.

Чем младше ребенок, тем больше должно быть чтения вместе. Это и сказка на ночь, и чтение по ролям, и обязательно обсуждение прочитанного. Причем обсуждение не в форме пересказа, а с попыткой задуматься. Взрослый может дать и свою оценку ситуации в книге, расставить акценты, но главное – подвести ребенка, помочь ему раскрыть себя через прочитанную историю. Чтение вместе должно быть регулярным.

Важно качество чтения. Слова необходимо произносить четко, читать – выразительно, меняя интонации и делая паузы. Дети мыслят образами, соответственно, у ребенка должно быть достаточно времени, чтоб образ услышанного успел возникнуть. Объяснять каждое слово не нужно, что не снимает учета возрастных возможностей.

Прерывание чтения на интересном месте дает возможность придумать, что будет дальше, и только после появления разных вариантов продолжений – дочитать до конца. Таким образом, появляется желание услышать продолжение, завершить незавершенное действие. Это способствует развитию воображения, способности к прогнозированию, предвосхищению событий. Сочинение же продолжения истории вообще создает широчайшее поле для фантазии ребенка.

Положительное подкрепление чтения, безусловно, важно. Только оно должно быть не материальным, а, скорее, быть признанием – достижений ребенка, его сил, прогресса в развитии и т.п.

Заключение. Чтение занимает одно из важных мест в социализации и становлении личности. И ключевой задачей детского чтения является, прежде всего, появление интереса, тяги к чтению, овладение навыками проживания и осмысления историй жизни, навыками раскрытия себя через книги.

Список литературы

1. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии. – СПб.: ООО «Речь», 2000. – 310 с.
2. Колосова Е.А. Практики детского чтения: результаты комплексного исследования. – М.: РГДБ, 2011. – 118 с.
3. Лабиринт души. Терапевтические сказки / под ред. Хухлаевой О.В., Хухлаева О.Е. – М.: Академический проект, 2001. – 224 с.
4. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 456 с.
5. Цветкова Л.С. Нейропсихология счета, письма и чтения: нарушение и восстановление. – М.: «Юристъ», 1997. – 256 с.

УДК 159.9

НЕКОТОРЫЕ СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ

Рядинская Е.Н., канд. психол. наук, доцент,
Бондарь Л.С., д-р мед. наук, профессор,
Богрова К.Б., канд. психол. наук, доцент
Мощенская А.М.

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия», г. Макеевка, ДНР
Lambert2112@yandex.ua

Введение. Цель образования в современном мире совпадает с целью жизни человека – это самореализация, создание условий реализации его возможностей в этом мире. Этим целям созвучна природа творческого развития личности в системе эстетического воспитания и художественного образования. В настоящее время развитие и совершенствование личности студента невозможно представить себе без реализации ее эстетических и творческих тенденций.

Цель. Раскрыть суть системных аспектов педагогического творчества преподавания психологии.

Основная часть. С точки зрения диалектико-системного подхода - обучение студентов-психологов – процесс творческий, выражающийся в самосознании, самоуважении и саморазвитии сложноорганизованной динамической обучающей системы, направленной на формирование у студентов-психологов определенной степени зрелости сознания, самосознания, социальных установок, ценностей, мотиваций [3; 6].

Профессиональное самосознание отвечает за реализацию профессионального пути личности: выбор профессии, постановку и реализацию профессиональных целей, актуализацию собственных возможностей в процессе профессиональной самореализации.

Саморазвитие личности направлено на потенциальные возможности человека и их реализацию в ходе образовательного процесса.

Самоуважение – степень саморазвития личности – доверие и запас терпения к самому себе, одобрение своих поступков, способность уважать собственную жизнь и чувствовать свой вес в обществе. Человек, обладающий достаточной степенью самоуважения способен преодолеть жизненные трудности и достойно реализоваться в обществе.

Параметры обучающей системы включают постановку целей обучения, выбор соответствующих методов психологической диагностики и оценки, предполагающих психологическое воздействие, направленное на получение положительного для человека результата. В этой связи параметры обучающей системы лежат в основе оптимизации учебного процесса [1; 2; 4; 5].

Оптимизация обучения – процесс творческий, характеризуется выбором. Поскольку выбор есть вероятный переход сложной системы в новое состояние, то его принципиальным признаком выступает творчество. Обучение – это совместная деятельность педагога-психолога и студентов, порождающая качественно новое, и поэтому это сотворчество. Творчество и сотворчество направлены на получение студентами психологических знаний и их практическое применение.

В сложном психологическом комплексе отношений между преподавателем и студентами ведущее место занимают психофизиологические аспекты преподавания психологии. Это касается, прежде всего, этической ответственности преподавателя, его социально-ролевого поведения, «психофизиологической дистанции» между преподавателем и студентами. Из области психофизиологии, психотерапии известно, что оптимальность психофизиологического контакта зависит от формы эмоционально-ролевого взаимодействия между ними (руководство, партнерство, руководство – партнерство). В различные периоды обучения различные формы бывают предпочтительнее.

В начальной фразе обучения, на первом занятии, более эффективной формой взаимодействия является руководство. Преподаватель стимулирует активность группы, задает наводящие вопросы, способствует выработке в группе общих «норм» и общегрупповой цели с учетом исходного уровня знаний, определяемого по тестам. При этом следует избегать директивных высказываний, стимулировать, а не подавлять критическими замечаниями самостоятельность студентов – каждого и группы в целом. На последующих занятиях преподаватель снижает свою активно-направляющую роль, передавая эту роль самим студентам, осуществляя тем самым психологический контакт со студентами в форме руководства – партнерства.

На последнем занятии при подведении итогов вновь повышается директивность со стороны преподавателя, формой психофизиологического

взаимодействия становится руководство, хотя некоторые формы соперничающего партнерства сохраняются.

Сам же переход студента, как сложноорганизованной динамической обучающейся подсистемы в качественно новое состояние, зависит исключительно от самого студента, его желания и определенной системы зрелости, чтобы усвоенные им психологические знания и приобретенные умения способствовали качественному росту, то есть готовности к обучению.

Совершенствовать методику обучения реально возможно лишь в дидактическом и развивающем аспектах. Как известно, арсенал методов и методик обучения постоянно расширяется, благодаря рационализации учебного процесса в силу творческого развития психологической науки и практики. Дидактическое творчество педагога-психолога является научно-методическим, включающим систему моделей, алгоритмов, графосхем, деловых игр, тестов и т.д., способствующих пониманию общих принципов и закономерностей изучаемого материала, положительно влияющих на конечный результат – получение соответствующих психологических знаний. Развивающее творчество педагога-психолога является технико-методическим. Поскольку реальное творчество – методическая деятельность преподавателя-психолога едина в дидактическом и развивающем аспектах, то ее можно рассматривать как существенную разновидность научно-технического творчества.

Рассмотрим научно-техническое творчество педагога-психолога на следующих примерах. Пример первый: для оптимизации учебного процесса, создания внутренней мотивации у студентов-психологов используется деловая игра, позволяющая глубже изучить многие психологические процессы. Деловая игра позволяет одновременно вовлечь максимальное число студентов в обсуждение проблемы, развивает мышление, активность личности, лидерские способности. Пример второй: дидактические материалы, в частности тесты (текущий, рубежный и итоговый контроль), широко используются для оценки эффективности программно-целевого метода обучения психологов. Дидактическое и развивающее творчество педагога-психолога оказывает положительное влияние на воспитательный процесс, способствующий формированию у студентов научного мировоззрения путем выработки целостного взгляда на изучаемую проблему и методологические принципы ее решения.

Таким образом, системный подход к процессу обучения студентов-психологов включает различные аспекты педагогического творчества преподавания психологии: психофизиологический, дидактический, развивающий и воспитательный. Системный подход способствует совершенствованию процесса обучения, повышению уровня теоретической подготовки и практическому применению приобретенных психологических знаний.

Заключение. Системный подход позволяет углубить представления о сущности процесса обучения, наметить пути дальнейшего творческого поиска. Результатом обучения являются полное достижение взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодействия педагога-психолога и студентов, а также предмет и средства обучения.

Список литературы

1. Введенский В.Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога / В.Н.Введенский // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 51-55.
2. Вялых В.В. Анализ профессионального саморазвития личности с позиции синергетического подхода / В.В. Вялых, В.В. Неволина // Дискуссия. – 2015. – № 9. – С. 125-129.
3. Донцов А.И. Профессиональные представления студентов психологов / А.И.Донцов, Г.М. Белокрылова // Вопросы психологии. – 1999, №2. – С. 42-49.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития: учебник для академического бакалавриата; 2-е изд., испр. и доп. / Э.Ф. Зеер. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 395 с.
5. Психология и педагогика: учебное пособие / Под ред. В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева, А.И. Подольской, В.А. Слостенина. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004. – 585 с.
6. Селихова Т.В. Формирование имиджа психолога в условиях личностной ориентации / Т.В.Селихова // Мир психологии. – 1998, № 4. – С. 313- 318.

УДК 159.9

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К ВОЕННО- ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Светличная Н.В.,

Рогозина М.Ю, канд. пед. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

svetlichnaya_nata@inbox.ru

На сегодняшний момент, в контексте реформирования Вооружённых сил Донецкой Народной Республики актуальным становится вопрос социально-психологической адаптации военнослужащих к новым условиям военной службы.

Социально-психологическая адаптация военнослужащих разработана в психологической литературе в различных аспектах. Кравцов И.А. под социально-психологической адаптацией понимает процесс вхождения военнослужащих в систему психологических связей новой социальной среды посредством активного поиска и выбора линии поведения, которые

приводят к оптимальному соотношению целей и ценностей личности и воинского коллектива [3, с. 43].

Следует отметить, что военно-профессиональная деятельность имеет ряд особенностей, затрудняющих адаптацию военнослужащих. Так, Ю.И. Погодин выделяет несколько особенностей, относящихся к военной службе: социальная изоляция, авторитаризм командования, неуставные взаимоотношения, агрессивность, экстремальные условия деятельности [3]. Ряд особенностей при этом определяется текущим состоянием общества и культуры. Среди сложностей военной службы, характерных для государства в переходный период, можно выделить такие: отсутствие социального статуса военнослужащего (в т.ч. отсутствие стажа службы, льгот семье, отсутствие свидетельств об участии в боевых действиях), недостаток социальных программ по лечению и реабилитации военнослужащих, неясность актуальной политической картины.

Военный психолог А.Г. Маклаков выделяет ряд ключевых психологических характеристик личности, которые во многом определяют успешность адаптации военнослужащего. Одной из них является нервно-психическая устойчивость, которая также выступает критерием пригодности к военно-профессиональной службе на этапе профотбора.

Целью данной работы является изучение особенностей и факторов адаптации военнослужащих к военно-профессиональной деятельности. Исследование проводилось на базе подразделения войск НМ ДНР. Выборку составили 40 военнослужащих в возрасте от 18 до 45 лет со сроком службы до одного года. Для выявления возрастных особенностей адаптации выборка была равномерно распределена на 2 группы: 1 группа – возраст испытуемых до 25 лет, 2 группа – возраст старше 25 лет.

Для достижения поставленных целей исследования были использованы: опросник оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз-2» В.Ю. Рыбникова и анкета социально-психологической адаптации работника Р.Х. Исмаилова, адаптированная в рамках исследования к профессиональной деятельности военнослужащих с учётом особенностей военно-профессиональной сферы.

На первом этапе исследования изучались возрастные особенности адаптации военнослужащих. Выявлены значимые различия ($t=2,2$; $p\leq 0,05$) в уровне адаптации комбатантов разных возрастных групп. В первой группе (возраст до 25 лет) у 55% испытуемых преобладает высокий уровень адаптации к военно-профессиональной деятельности, у 40% – выраженный уровень. В группе военнослужащих после 25 лет только у 25% выявлен высокий уровень. Следовательно, молодые военнослужащие лучше адаптируются к условиям военно-профессиональной деятельности, чем те, которые приходят на военную службу после 25 лет.

Целью второго этапа исследования являлось изучение нервно-психической устойчивости как ведущего фактора адаптации военнослужащих к военной деятельности в разных возрастных группах.

В группе комбатантов до 25 лет отмечаются следующие особенности: лица с первой и третьей группой нервно-психической устойчивости легко адаптируются к военной службе (более 60% из них имеют высокие показатели адаптации), у испытуемых со второй группой НПУ существуют сложности с адаптацией. Однако, достоверных связей между изучаемыми параметрами не выявлено, следовательно, для комбатантов до 25 лет показатель нервно-психической устойчивости не является ведущим фактором успешности адаптации к военной службе.

В группе военнослужащих возрастом старше 25 лет получены такие результаты: наиболее успешно адаптируются к военно-профессиональной деятельности комбатанты с первой группой НПУ (у 80% преобладает высокий уровень адаптации), у военнослужащих со второй и третьей группой отмечаются более низкие показатели включенности в военную среду. Для проверки существования связи между НПУ и адаптацией применен χ^2 -критерий Пирсона. В результате анализа получена значимая связь между исследуемыми параметрами в исследуемой группе ($p \leq 0,01$). Можем говорить о том, что чем выше показатели нервно-психической устойчивости, тем более успешной является адаптация военнослужащего к службе. Соответственно, если комбатант после 25 лет обладает первой и второй группой НПУ (высокий и хороший уровень НПУ, срывы деятельности в экстремальных условиях маловероятны), то его адаптация в к военно-профессиональной деятельности будет проходить более успешно.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) военнослужащие старше 25 лет сложнее адаптируются к военно-профессиональной деятельности и требуют повышенного психолого-педагогического внимания. Соответственно, в практической работе следует учесть необходимость проведения для комбатантов этой возрастной группы тренингов сплочения, упражнений для снятия эмоционального напряжения, организации совместных досуговых мероприятий;

2) существует связь между нервно-психической устойчивостью и успешностью адаптации военнослужащих старше 25 лет: чем выше показатели нервно-психической комбатантов, тем успешнее они адаптируются к военно-профессиональной деятельности. Соответственно, необходимо учитывать возрастные особенности НПУ при профотборе: для военнослужащих младше 25 лет этот показатель не связан с успешностью адаптации к службе и следует обратить внимания на другие личностные адаптационные возможности кандидата (например, возможно определение замкнутости-общительности, нормативности поведения с помощью 16-ти факторного личностного опросника Кэтелла и др.).

Список литературы

1. Маклаков А.Г. Психология и педагогика. Военная психология. Учебник для вузов / Под ред. А. Г. Маклакова. — СПб.: Питер, 2005. — 464 с.

2. Кравцов И.А. Дидактический аспект социально-психологической адаптации курсантов к учебе и службе в военной академии // Психологический журнал. – 2004. – № 3 – С. 43–50.
3. Погодин Ю.И., Новиков В.С., Боченков А.А. Психофизиологическое обеспечение профессиональной деятельности военнослужащих // Военный медицинский журнал.– 1998. – № 11. – С. 27–36.

УДК 37.015.31

СИТУАЦИЯ УСПЕХА РЕБЕНКА И ПРИЁМЫ ЕЁ СОЗДАНИЯ

Сизова В.С.,

Захарова И.В., канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет

имени И.Н.Ульянова», г. Ульяновск, РФ

vika.sizova.2014@mail.ru

Основой учебной мотивации является потребность в учении, когда интерес подкрепляется успехом. Успех является источником внутренних сил ребенка, рождающий энергию для преодоления трудностей. К.Д. Ушинский первой заповедью воспитания называл необходимость дать детям радость труда, успеха в учении, пробудить в их сердцах чувство гордости и собственного достоинства за свои достижения. Возможность почувствовать себя уверенно, укрепить чувство собственного достоинства поможет ситуация успеха.

Цель данной статьи – рассмотреть средства создания ситуации успеха, наиболее эффективные в начальной школе.

С педагогической точки зрения ситуация успеха – это целенаправленное, организованное сочетание условий, при которых создается возможность достичь значительных результатов в деятельности как отдельно взятой личности, так и коллектива в целом. Задача учителя заключается в том, чтобы дать каждому из своих воспитанников возможность пережить радость достижения, осознать свои возможности, поверить в себя [1]. Если ребенку удастся добиться успеха в школе, то у него есть все шансы на успех в жизни. Если ребенка лишить веры в себя, трудно надеяться на его «светлое будущее». Неосторожное слово учителя может надломить ребенка так, что потом не помогут никакие воспитательные ухищрения [2, с. 81]. Убеждение ребёнка в том, что он не способен решать стоящее перед ним проблемы, снижение самоуважения приводит не только к уходу в себя, но может и стать почвой для альтернативного самовыражения – правонарушений. И напротив, создание ситуации успеха стимулирует активность и самоуважение школьника, что

отмечалось в исследованиях В.А. Сластёнина, С.А. Смирнова, И.Ф. Харламова, Г.А. Цукерман. Исследователи выделяют два основных пути формирования у школьника уверенности в себе и ощущения успеха:

- доброжелательные отношения между учителями и учащимися, основанные на уважении и требовательности, справедливое отношение педагога ко всем учащимся и оценке их учебных достижений;

- дифференцированный подход к определению содержания деятельности и характера помощи учащимся при ее осуществлении.

Для каждого возраста существует свой арсенал педагогических средств создания ситуации успеха. В начальной школе педагог является значимым близким ребёнком, чей авторитет может превосходить и авторитет родителей. Мнение педагога о ребёнке, его оценка и поддержка являются основанием самооценки школьника. Создание ситуации успеха приводит к сотрудничеству учителя и ученика. Такое сотрудничество ребёнка, педагогическая поддержка и ощущение успеха особенно значимы на начальных этапах обучения.

Однажды получив радость от ситуации успеха, ребёнок стремится повторить её. Возникает потребность в успехе – исходная форма активности живых существ, динамическое образование, организующее и направляющее поведение; в ней проявляется связь человека с окружающим миром и его зависимость от него [3, с. 21]. Чтобы удовлетворить эту потребность, школьник стремится к активности в учёбе.

В начальной школе используются несколько типов ситуаций успеха.

«Неожиданная радость», обусловленная удовлетворением школьника, что результаты его усилий превзошли ожидания. Для создания такой ситуации применяют приём «Лестница» (рис.1).

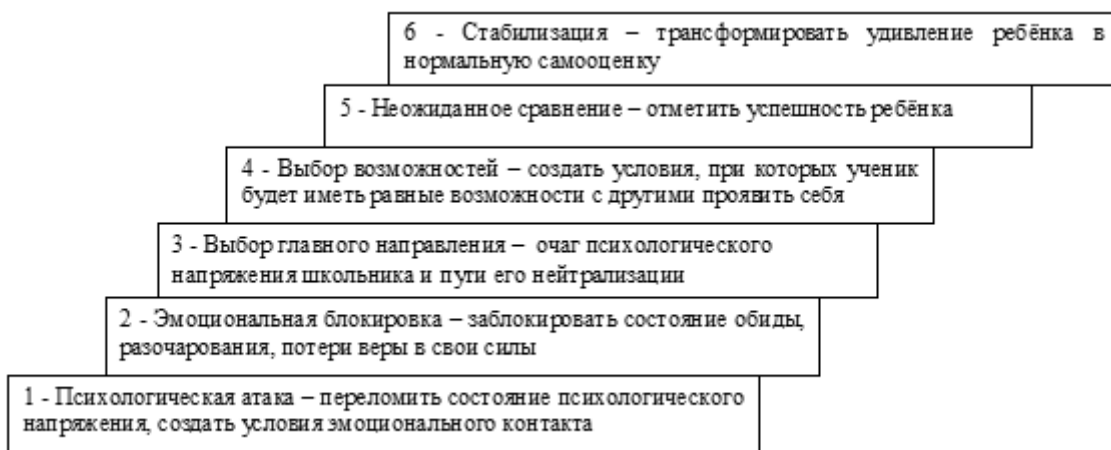


Рис.1. Алгоритм педагогического приёма «Лестница»

«Общая радость» – это ситуация эмоционального отклика класса, группы ребят на успех отдельного школьника, это те реакции коллектива, которые дают возможность ребенку почувствовать себя комфортно.

«Радость познания» – ситуация, в которой проявляются потребности личности; интеллектуальные мотивы при этом неразрывно связаны с мотивами социальными с потребностью школьника к общению и самореализации. Учебный труд доставляет школьнику радость, если сопровождается чувством открытия. Педагог не только ставит проблемные задачи, но и должен заметить «открытие» и поддержать ребёнка.

Наиболее распространённые методы создания ситуации успеха для учеников начальной школы являются:

- Снятие страха («Мы все учимся на своих ошибках»);
- Мобилизация активности через педагогическое внушение («Так хочется поскорее увидеть...»);
- Задания, связанные с психологической разгрузкой (шутки, скороговорки, ребусы);
- Персональные поручения («Только ты с этим справишься»);
- Доверие «авансом» («У тебя это обязательно получится»);
- Высокая оценка отдельной детали работы;
- «Подсказка» через план ответа, схему, опорный конспект;
- Ролевые ситуации (роль наблюдателя, мудреца и пр.);
- Выбор заданий самими учениками, исходя из их интересов.

Универсальный путь формирования у ребёнка чувства собственной успешности – педагогическая поддержка. Различные её методы, описанные исследователями [4], обеспечивают психоэмоциональный комфорт ребёнка и его учебные достижения, а также имеют воспитательное значение.

Для достижения данного эффекта значимы ряд условий:

- 1) не наказывать отрицательной отметкой, не высказывать грубой критики в адрес ученика;
- 2) одобрять достижения, подбадривать, важно делать это публично, чтобы все знали о поощрении именно данного ученика;
- 3) использовать дифференцированную систему оценок: поощрительная оценка за старание, за усилия, прилежание, за неожиданный, хотя и слабый ответ слабоуспевающего ученика;
- 4) применять на уроках задания, предполагающие соревновательность, развивающие сообразительность и догадку, содержащие творческие элементы;
- 5) благодарить за помощь другим, чтобы радость победы была воспитывающей и не разобщала, а сплачивала класс.

При этих условиях ситуация успеха становится мотивирующим фактором и для текущей учебной работы, и создаёт предпосылки для достижений школьника на последующих этапах обучения. В этом случае школа превратится для ребёнка в школу радости и побед, учёба в которой подготовит его к победам во взрослой жизни.

Список литературы

1. Бондаревская Е. В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания // Педагогика. – 1996. – № 4. – С. 29-36.
2. Белкин А. С. Ситуация успеха. Как ее создать? – М.: Просвещение, 1991. – 169 с.
3. Захарова И. В. Социальная психология [Электронный ресурс]: учебное пособие. – Саратов: Ай Пи Ар Мелиа, 2019. – 154 с.
4. Захарова И. В. Классификация форм педагогической поддержки школьников // Средства педагогической поддержки: сборник научно-методических статей. – Ульяновск: УИПК ПРО, 2004. – С.26-30.

УДК 159.9

ТРЕНИНГ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГРУППОВОМУ ДАВЛЕНИЮ В ГРУППЕ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ

Ситнова И.В.¹, канд. соц. наук,
Панина Е.А.²,

¹ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», г. Донецк, ДНР

²ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, ДНР
i.sitnova2016@yandex.ru, elenapanina2009@mail.ru

Введение. Боевые действия всегда сопровождают страх и тревога. Социально-психологический тренинг противостояния групповому давлению является психологической подготовкой военнослужащих к боевым действиям и способствует формированию у курсантов военных училищ смелости и бесстрашия, что составляет главную задачу любого командира. Сущность тренинга проявляется в заблаговременном создании у отдельных военнослужащих такого психологического ресурса, который позволил бы им действовать в бою, как в знакомой, привычной среде: быстро обнаруживать и понимать происходящие события, выявлять угрожающие тенденции, своевременно и правильно реагировать на них, сохранять необходимый уровень боеспособности и активности в обстановке действия психотравмирующих факторов.

Цель работы – рассмотреть механизмы группового давления в группе курсантов военных училищ; рассмотреть методологию формирования устойчивости к стрессу в социально-психологическом тренинге.

Основная часть. Цель *стрессовых воздействий* в социально-психологическом тренинге – формирование психологической устойчивости – *знание* о различных видах опасности, характерных для современного боя, о закономерностях реагирования человека на них, *адаптированность* к визуальным, аудиальным, кинестетическим стимулам в боевой обстановке, формировать *способность* управлять стрессами и энергетикой организма.

Техники противостояния групповому давлению включают в себя четыре типа: манипулирование посредством влияния (прямое воздействие); манипулирование путём изменения отношения (между индивидами в группе); манипулирование порядком значимости; воздействие на бессознательное. Стратегией проведения тренинга противостояния групповому давлению в группе является конфликтно-агрессивные и манипуляторные формы взаимодействия, которые включают: во-первых, работу с состояниями: страхом, вины, стыдом, обидой, во-вторых, работу по формированию устойчивости к стрессу; в-третьих, работу с манипулятивными техниками и противостояние чужому влиянию [1].

Процесс адаптации воина к изменяющимся условиям боевой обстановки, по-разному воспринимается участниками тренинга. Один человек, пережив погружение и проживание стресса, улучшает результаты своей деятельности, другой, наоборот, снижает показатели, даже при незначительном волнении. Можно утверждать, что в основе этого различия лежит разный уровень психологической устойчивости людей. Компонентами психологической устойчивости действий являются: мотивационный, когнитивный, эмоционально-волевой и регулятивный факторы [2].

При организации психологической подготовки необходимо учитывать особенности стрессового воздействия: оценку типа нервной системы и уровня стрессоустойчивости; отбор военнослужащих с равной стрессовой устойчивостью для проведения специальных тренировок; анализ причин различных видов страха и стресс-факторов для каждой группы воинов; обеспечение эффективности адаптации воинов к различным видам стресса; моделирование стрессовых ситуаций современного боя и его элементов; активное убеждение и внушение в целях уяснения причин страха, его симптомов и способов борьбы; создание в процессе психологической подготовки таких условий, в которых коллектив поверил бы в реальную угрозу и был в полной безопасности независимо от силы стресс-фактора.

Методологию формирования психологической устойчивости к стрессовым воздействиям в группе курсантов военных училищ можно разделить на несколько уровней: общую, специальную и целевую [3].

Общая психологическая подготовка проводится с военнослужащими на протяжении всей воинской службы на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях и направлена на формирование психологической устойчивости военнослужащего к стресс-факторам. Стресс-факторами являются комплексные качества личности, включающие компоненты когнитивного, мотивационного, эмоционально-волевого, оперативного и регулятивного уровня.

Специальная психологическая подготовка осуществляется в целях развития системы специальных знаний, умений, навыков, привычек поведения в экстремальных ситуациях, обуславливающих эффективность боевой деятельности. Это позволяет воинам воспринимать любые факторы

боевой обстановки как естественные, соответствующие жизненной миссии. Целевая психологическая деятельность направлена на формирование у военнослужащих установок на решение конкретной боевой задачи, активизацию, настрой психики, выработку психологической готовности на ее безусловное и качественное решение. Результатом целевой подготовки должна явиться максимальная мобилизованность психических и психофизиологических возможностей человека и их сосредоточение на достижение цели боевой деятельности, включение регуляторов поведения из подсознательного слоя психики человека и синергетических эффектов группы. Успех формирования устойчивости к стрессу как негативному явлению в бою зависит от того, в какой мере в процессе образования воина удастся сформировать основные нравственные ориентиры. Их формированию способствуют знания о нравственных нормах и принципах, целях и способах их достижения, образующие в сознании курсантов «нравственные образцы».

Основным методом совладения со стрессом является социально-психологический тренинг. Методами формирования устойчивости к стрессу в социально-психологическом тренинге в группе курсантов являются следующие.

1. Метод стрессовых воздействий – это комплекс приемов и средств, с помощью которых преподаватель создает у воинов эмоциональную и физическую напряженность различной степени в целях формирования сильной воли. Он расширяет возможности психологической подготовки личности и коллектива. Данный метод предполагает формирование у воинов волевых качеств в условиях постепенного увеличения напряжения от гипо-стресса до гипер-стресса. Метод стрессового воздействия в социально-психологическом тренинге является сильнейшим фактором повышения психологической надёжности воинского коллектива в том случае, если преподаватель-тренер соблюдает условия: знает уровень стрессоустойчивости каждого воина, умело организует специальные занятия; создаёт эмоциональное напряжение, постепенно повышая уровень стресса – от гипостресса до гиперстресса; организует тщательную страховку воинов, подвергающихся особой опасности; включает в метод различные приемы и элементы стрессового воздействия, которые могут встретиться в современном бою; в процессе занятия предусматривает возможность появления негативных межличностных влияний и не допускает их распространения в коллективе [4].

2. Методы создания психологической и физической напряжённости в процессе боевой учёбы включают: 1) моделирование факторов неопределённости, внезапности, которые являются формой психологической подготовки с целью систематически формировать аппарат стрессового реагирования курсанта на неблагоприятные факторы боевой обстановки; 2) закрепление полученных способов действия; 3)

формирование гибкости при выборе альтернативных моделей поведения в ситуации эмоционального напряжения.

Иногда стресс снимается громким проговариванием (комментированием) и криком. Проговаривания (комментирования) вслух военнослужащими своих действий необходимо осуществлять параллельно с их выполнением, поскольку речь при стрессе служит источником информации о том, как воин адаптируется к стрессу, служит важным средством повышения психологической надёжности, способствует улучшению самоконтроля и отвлечения внимания воина от источника страха.

3. Метод аварийных ситуаций – система приемов и средств, моделирующих деятельность коллектива в сложных ситуациях (отказы технических устройств, неисправности средств связи и электропитания, аварии и предпосылки к авариям).

4. Моделирование аварии осуществляется с помощью технических и физических устройств, а также вычислительной техники. Этот процесс позволяет представить любую реальную ситуацию и определить оптимальные способы действий в ней отдельных специалистов и воинских коллективов.

5. Ролевая игра – это фрагмент метода социально-психологического тренинга, где каждому из участвующих предлагается исполнить роль в соответствии с его собственными представлениями о характере и манере поведения персонажа, а также о ситуации, которую предлагается разыграть.

В методе варварского воздействия на партнёра используются техники, повышающие напряжение: перебивание партнёра, игнорирование эмоционального состояния партнёра; подчёркивание различий между собой и партнёром; преуменьшение вклада в общее дело и преувеличение своего; демонстрация незаинтересованности в проблеме партнёра; принижение партнёра; негативная оценка личности партнёра; оттягивание момента признания своей неправоты или отрицание ее; поиск виноватых и обвинение партнёра; переход на «личности»; обострение темпа речи.

Мягкое нарушение - нарушитель придвигается к субъекту ближе, чем это удобно для субъекта; чувствительное нарушение - нарушитель берет какой либо предмет, принадлежащий субъекту, и начинает рассматривать его, разбирать и собирать, использовать его или «играть» с ним (например, писать его ручкой или вертеть ее в руках); жёсткое нарушение - нарушитель занимает место субъекта за столом, начинает работать за компьютером хозяина и др.; нестерпимое нарушение - нарушитель садится на стол субъекта, складывает свои грязные вещи на его стол, пачкает вещи, лежащие на столе и др.

Психологические техники выхода из конфликтной ситуации: мониторинг эмоций, психологическое самбо, информационный диалог, конструктивная критика, цивилизационная конфронтация, разрыв

отношений и переход к цивилизационному взаимодействию или к сознательной капитуляции.

Алгоритм психологической самообороны: 1) пауза, выдержка и совладение с эмоциями; 2) взгляд, установление позитивного контакта глаз; 3) согласие; 4) вопрос, формулирование проблемы; 5) сообщение или предложение; 6) переход к цивилизационному обсуждению по существу.

Техники «психологического самбо»: техника бесконечного уточнения; техника внешнего согласия («наведение тумана»); техника испорченной пластинки; техника английского профессора; техника информационного диалога; цивилизационная конфронтация; энергетическая мобилизация; творчество; уклонение.

Заключение. Таким образом, психологическая готовность курсанта к стрессовым воздействиям представляет собой систему взаимосвязанных мероприятий, направленных на формирование психологических качеств, обеспечивающих их психологическую готовность к активным и эффективным действиям в условиях стресса и их устойчивость к воздействию современных средств борьбы.

Список литературы

1. Барабанщиков А.В. Основы военной психологии и педагогики: учебное пособие для студентов пед. институтов по специальности № 21 / В.П. Давыдов, Н.Ф. Феденко. – М.: Посвящение, 1988. – С.7.
2. Иванов В.П. Формирование личности офицера / В.П. Иванов. – М.: Воен-издат, 1986. – С. 97.
3. Культура взаимоотношений военнослужащих. Учебно-методическое пособие / под редакцией Н.В. Карасёва. – М.: Военное издательство, 1990. – С. 112.
4. Снедков Е.В. Боевая психологическая травма: автореферат дис. д-ра мед наук / Снедков Е.В. – СПб, 1997. – С. 32.

УДК: 159.9.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЛИЧНОСТИ, ДЛИТЕЛЬНО ПРОЖИВАЮЩЕЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СОЦИОГЕННОЙ СИТУАЦИИ

Скляренко О.Н.

ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
smagolga@yandex.ru

Введение. В экстремальных условиях жизненный мир личности претерпевает изменения, однако при этом одни люди используют продуктивные стратегии жизнепостроения, сохраняя свою самость, а другие утрачивают ее. Жизнетворчество – высшее проявление жизни и творческого

потенциала человека, духовная и практическая деятельность человека, которая направлена на осознанное, независимое и творческое определение, проектирование и реализацию своей жизни как индивидуального, личного проекта. В процессе развития личности создаются предпосылки для формирования и актуализации целого ряда сложных по содержанию способностей (способности осуществлять выбор, планировать собственную жизнь, осознавать ответственность, проявлять жизнотворчество и др.), что является условием при решении жизненных проблем [1–3].

Способность к жизнотворчеству выражается в способе регуляции времени жизни, в выборе определенной жизненной стратегии или варианта жизни, в свободном определении своих позиций. Способность к жизнотворчеству включает в себя: способность к построению жизненных планов и целей (личностный уровень регуляции), способность к открытому, свободному восприятию и мышлению (индивидуальный уровень регуляции), способность к организации регуляции времени, к актуализации своих возможностей, ресурсов (субъектный уровень), способность к трансценденции и рефлексии (индивидуальный) [2; 4]. В самом широком смысле способность к жизнотворчеству представляет собой способность человека организовывать условия жизни так, чтобы они способствовали развитию его индивидуальности [4].

Целью данного исследования было изучение особенностей жизненного мира людей, длительно проживающих в экстремальной социогенной ситуации. В качестве респондентов выступили жители Донецкой области, которые на протяжении всего периода военных событий на Донбассе не покидали территорию, на которой осуществлялись боевые действия. Данные были получены при помощи методик: «Шкала социальной адаптации Холмса и Раге», «Тест самоактуализации (САТ)», «Исследования самоотношения С. Р. Пантелеева (МИС)», «Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)» Д. Крамбо и Л. Махолик, адаптация Д. А. Леонтьева, биографический метод.

Основная часть. Анализируя результаты исследования, можем отметить, что стрессоустойчивость большинства испытуемых находится на среднем уровне, и снижается с ростом стрессовых ситуаций в жизни, люди вынуждены тратить большую часть своей энергии и ресурсов на борьбу с негативными психическими состояниями, возникающими из-за длительной ситуации войны, в которой они проживают на протяжении пяти лет.

Большинство испытуемых по всем шкалам методики «Тест самоактуализации (САТ)» выявили высокие и предельные баллы, что говорит о «псевдосамоактуализации», желании испытуемых выглядеть в наиболее благоприятном свете. В связи с тем, что выборка была разнородной, исследование проводилось анонимно, в различных местах, в разное время, без нашего непосредственного участия во время заполнения анкет, мы исключаем влияние экспериментатора на испытуемых.

Методика «Исследования самоотношения С. Р. Пантелеева (МИС)» показывает, что большинство участников исследования обладает достаточно высоким уровнем саморегуляции, при котором главным источником развития личности является сам человек. Самопринятие находится на среднем уровне, также у них преобладает высокий уровень внутренней конфликтности, то есть большинство испытуемых склонны контролировать события внутреннего мира, однако этот показатель зачастую зависит от ситуации, в которой они пребывают.

Результаты, полученные по методике «Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)» позволяют говорить о том, что большинство испытуемых имеют высокий уровень целеустремленности, соотносит цели с будущим, прошлым и настоящим, воспринимают свою жизнь осмысленно, видят себя личностью, обладающей свободой выбора, контролирующей свою жизнь, свободно принимающей решения и осуществляющей их, также они удовлетворены результатами своей жизни.

Биографический метод показал, что счастливыми событиями жизни считаются (в порядке значимости): период учебы; рождение детей; факт своего собственного рождения; создание семьи; начало трудовой деятельности; новые знакомства. Несчастливыми - смерть близких; война; несчастная любовь; болезнь близких. В качестве значимых событий, повлиявших на жизнь, названы: обучение; рождение детей, внуков; свадьба; профессиональная деятельность. В отношении своего будущего преобладают негативные мысли и страхи, связанные с неопределенностью: страх думать о будущем; мысли о войне и страх, связанный с нею; мысли о переезде; мысли о здоровье. Позитивное будущее представлено немногочисленными высказываниями, среди которых мысли о работе, об отдыхе и мире.

Заключение. Таким образом, мы видим, что большинство испытуемых в основном демонстрирует высокие показатели компонентов жизнестроительства по методикам, которые вступают в некоторое противоречие с данными, полученными при использовании биографического метода. При сопоставлении данных, можно заметить, что стрессоустойчивость находится на среднем уровне с тенденцией к снижению. Также респонденты продемонстрировали пограничный уровень внутренней конфликтности и самопринятия, наравне с завышенным общим показателем по тесту самореализации. При этом они видят себя личностями, обладающими свободой выбора, контролирующими свою жизнь, удовлетворенными результатами своей жизни, но неуверенными в своем будущем и опасющимися негативных событий.

Мы предполагаем, что длительное пребывание в экстремальных условиях вынудило людей искать способы адаптации и вызвало необходимость удерживать свое психическое состояние в рамках нормы, вопреки длительному воздействию стрессогенной ситуации. Постоянное внутреннее напряжение, с одной стороны, и желание привести свою жизнь

в стабильное русло, контролируя события, с другой, актуализируют в качестве компенсации некий идеализированный образ жизненного мира, на который человек мог бы опираться, чтобы справляться со сложными жизненными обстоятельствами. Таким образом, высокие показатели жизнотворчества, которые демонстрирует большинство респондентов, могут послужить как основой для выстраивания продуктивной жизненной стратегии и позитивной перспективы будущего, так и проявлением защитного механизма в ситуации, когда человек вынужден, спасаясь от тяжелых жизненных реалий, использовать идеализированный образ жизнеосуществления в качестве ухода от имеющегося наличного образа.

Список литературы

1. Богданова Н. Г. Культура життєтворчості особистості. Філософсько-світоглядний аналіз. – Київ., 2011. – 302 с.
2. Леонтьев Д. А. Жизнотворчество как практика расширения жизненного мира / Д. А. Леонтьев // 1-я Всерос. Науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии: матер. сообщ. : Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. С. Мазур, А. И. Сосланда. – М. : Смысл, 2001. – С.100-109.
3. Сохань Л. В. Искусство Жизнотворчества. Предназначение. Жизнотворчество. Судьба. Социологические очерки, социально-психологические эссе, интервью, глоссарий / Л. В. Сохань. – К. : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2010. – 576 с.
4. Яновська Л. В. Динаміка здатності до життєтворчості особистості у дорослому віці: Автореф. дис..канд. психол. наук 19.00.07 / Л. В. Яновська. – Південноукр. держ. ун-т ім. К. Д. Ушинського. – Одеса, 2006. – 19 с.

УДК 615.849

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРАТЕГИЙ ВЫХОДА ИЗ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ С АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА В ПУБЕРТАТНОМ ВОЗРАСТЕ

Соловей В.Д.,

Лучшева Л.М., канд. психол. наук, доцент

Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк, РФ

bondaruck.vic@yandex.ru

Введение. Период пубертатного возраста является одним из самых непростых и неоднозначных из всех возрастных периодов. Подросток находится на специфической стадии развития главнейших черт и качеств. Данная стадия находится на границе детства и взрослого возраста. Личность ребенка в это время еще недостаточно сформирована, для того, чтобы быть взрослой. Но вместе с тем до такой степени развита, что способна, осознанно вступать во взаимоотношения с окружающими

людьми и обуславливать свои поступки и действия нормами и правилами, имеющимися в обществе. Подросток способен принимать четко проанализированные решения, совершать здравые, целесообразные поступки и нести за них моральную и юридическую ответственность. Собственно в подростковом возрасте происходит формирование акцентуаций черт характера.

Акцентуации характера – это что-то промежуточное непосредственно между психопатией и нормой. Они могут способствовать появлению отклоняющегося поведения подростков, увеличению уровня тревожности, неврастеничности, эмоциональной неуравновешенности. В подростковом возрасте вид акцентуации характера существенно обуславливает специфику поведения в разнообразных условиях, в том числе и в конфликтных ситуациях. Переломные моменты в жизни подросткового возраста часто сопровождаются конфликтами и конфликтными ситуациями, что не всегда зависит от высокого уровня конфликтности ребенка. Поэтому ему просто необходимо знать способы выхода из конфликтных ситуаций, чтобы успешнее реализовать себя в дальнейшей жизни и деятельности. В зависимости от того какие из акцентуаций характера преобладают у подростка, так он и будет вести себя в конфликтной ситуации.

Цель: исследование взаимосвязи стратегий выхода из конфликтных ситуаций с акцентуациями характера в пубертатном возрасте.

Основная часть. Акцентуации характера по А. Е. Личко – временные изменения характера, которые меняются или исчезают в процессе роста и развития человека. При этом многие из них могут переходить в психопатии или сохраняться на всю жизнь. Путь развития акцентуации определяется её выраженностью, видом и социальным окружением [1].

Б. И. Хасан, один из известных отечественных исследователей конфликта, предлагает следующее понимание конфликта. Конфликт – это такая характеристика взаимодействия, в которой не могущие сосуществовать в неизменном виде действия взаимодействуют и взаимозаменяют друг друга, требуя для этого специальной организации [2].

Пубертатный период начинается после сигнала гормональной системы. В среднем возраст пубертатного периода у мальчиков — 9-18 лет. Основной пик приходится на 12-14 лет, когда идет активное физическое развитие мальчика, связанное с бурной выработкой гормонов [3].

Для выявления взаимосвязи стратегий выхода из конфликтных ситуаций с акцентуациями характера в пубертатном возрасте была сформулирована и охарактеризована выборка, состоявшая из 22 подростков, из них 15 девочек и 7 мальчиков в возрасте от 13 до 14 лет.

Исследование проводилось на базе МБОУ «Лицей № 57» города Прокопьевска, Кемеровской области. В исследовании взаимосвязи

акцентуаций характера со стратегией выхода из конфликтных ситуаций у подростков приняли участие 22 обучающихся 8 класса «А», где 15 девочек и 7 мальчиков. Возраст респондентов варьировал от 13 до 14 лет.

Методы, используемые в данном исследовании: теоретический анализ литературы, психодиагностическое тестирование, математически-статистический метод обработки данных (вычисление коэффициента корреляции Пирсона).

Теоретический анализ литературы. Данный метод помогает определить актуальность и методологическую основу исследования.

Психодиагностическое тестирование. Данный метод направлен на исследование взаимосвязи акцентуаций характера стратегии выхода из конфликтной ситуации с помощью кратких стандартизированных опросников.

Математически-статистический метод обработки данных предполагал вычисление первичных статистик, а также вычисление коэффициента корреляции Пирсона, который характеризует существование линейной связи между двумя величинами.

В данном исследовании использовались методики для определения акцентуаций характера и выбора стратегий выхода из конфликтных ситуаций.

Исследование акцентуаций характера с помощью «Методики диагностик акцентуаций характера (К. Леонгард и Г. Шмишек)» показало, что для 40 % подростков характерен гипертимный тип, для 20 % подростков характерен педантичный тип, для 20 % подростков характерен демонстративный тип, для 10 % подростков характерен экзальтированный тип, для 5 % подростков характерен эмотивный тип, для 5 % подростков характерен тревожный тип. Застревающий, циклотимный и неуравновешенные типы акцентуаций характера не выявлены.

Исследование акцентуаций характера с помощью методики «Чертова дюжина» (А. С. Прутченков и А. А. Сиялов) показало, что для 25 % подростков характерен эпилептоидный тип, для 15 % характерен гипертимный тип, для 20 % характерен шизоидный тип, для 5 % характерен психастенический тип, для 20 % характерен гипотимный тип, для 15 % характерен конформный тип. Параноидальный, истероидный, сензитивный, неустойчивый, астенический, лабильный, циклоидный типы акцентуаций характера не выявлены.

Исследование стратегий выхода из конфликтных ситуаций с помощью «Методики оценки способов реагирования в конфликте» (К. Томаса, адаптированная Н. В. Гришиной) показало, что для 30 % подростков характерно соперничество, для 30 % подростков характерно уклонение, для 20 % подростков характерен компромисс, для 10 % подростков характерно приспособление, для 10 % подростков характерно сотрудничество.

Заключение. В результате проведенного корреляционного анализа были выявлены статистически значимые положительные связи между гипертимическим типом акцентуаций характера с такой стратегией выхода из конфликтной ситуации как соперничество, демонстративным типом акцентуаций характера с такой стратегией выхода из конфликтной ситуации как соперничество, эпилептоидным типом акцентуаций характера с такой стратегией выхода из конфликтной ситуации как соперничество, шизоидного типа акцентуаций характера с такой стратегией выхода из конфликтной ситуации как уклонение, конформного типа акцентуаций характера с такой стратегией выхода из конфликтной ситуации как приспособление, педантичного типа акцентуаций характера с такой стратегией выхода из конфликтной ситуации как приспособление, тревожного типа акцентуаций характера с такой стратегией выхода из конфликтной ситуации как уклонение.

Список литературы

1. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков [Текст] / А. Е. Личко. – Питер: СПб, 2019. – 304 с.
2. Хасан Б. И. Конструктивная психология конфликта [Текст]: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Б. И. Хасан. – 2-е изд., стер. – Москва: Юрайт, 2018. – 204 с.
3. Хухлаева О. В. Психология развития и возрастная психология: учебник для бакалавров, студентов вузов по спец. 031000 «Педагогика и психология» [Текст]: О. В. Хухлаева, Е. В. Зыков, Г. В. Бубнова. – Москва: Юрайт, 2013. – 367 с.

УДК 159.972

ОХРАНА ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ВЬЕТНАМЕ

Ставропольский Ю. В., канд. социол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, РФ
abcdoc@yandex.ru

Введение. После окончания в 1975 году долгой разрушительной войны, Вьетнам оказался перед лицом серьёзных экономических и социальных трудностей. В целях преодоления хозяйственной неэффективности, связанной с централизованным управлением экономикой, в 1986 году Вьетнам перешел к более смешанной рыночной экономике. К сожалению, быстрый экономический рост оказался чреват определёнными социальными издержками, которые проявились через психологический стресс, связанный с уменьшением готовности традиционных вьетнамских семей к успешной социализации детей. В

частности, воспользовавшись расширившимися хозяйственно-экономическими возможностями, родители зачастую подолгу работают, оставляя своих маленьких детей без присмотра. Это особенно актуально для сельских жителей, переехавших из своей родной деревни, где члены семьи знают друг друга из поколения в поколение, в городские районы, где ощущается дефицит социальной поддержки.

Цель. Подобные перемены подвергают вьетнамских детей повышенному риску развития проблем, связанных с психическим здоровьем. Вьетнамские дети сталкиваются с широким спектром стрессоров, таких как детский труд, и других, связанных с бедностью, стрессоров, причём среди примерно 20 % из них, отмечается превышение пороговых значений психического здоровья по скрининговым показателям.

Основная часть. В южном Вьетнаме 16 % студенческой молодёжи испытывают значительные аффективные проблемы, 19 % имеют проблемы, связанные с социальными отношениями, и 24 % проблемы с поведением. В средних школах северного Вьетнама, около 25 % детей в Ханое оказываются выше клинического отсечения по одной или нескольким поведенческим шкалам [1, с. 953].

Подобно большинству развивающихся стран, на ранних этапах модернизации, вьетнамское правительство приняло чёткое решение сконцентрировать свои ограниченные финансовые ресурсы на непосредственном экономическом развитии, уделяя мало внимания социальным услугам, образованию и здравоохранению, в частности психическому здоровью. Соответственно, ресурсы для решения проблем в сфере психического здоровья, совершенно ограничены, особенно применительно детям. В частности, в настоящее время во Вьетнаме практикуют лишь около 20 детских психиатров [2, с. 29].

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, оценивающим состояние развития системы психического здоровья во Вьетнаме, общая численность персонала, работающего в области психического здоровья в стране, весьма незначительны. В общей сложности, насчитываются 286 практикующих психологов и психиатров, что эквивалентно ответственности каждого консультирующего специалиста примерно за 300 тыс. человек [3, с. 1849]. В последнее время всё шире признаётся необходимость изменения социальной политики, выдвигаются требования сосредоточить внимание и ресурсы на таких социальных областях, как психическое здоровье. Однако, во Вьетнаме не просто мало ресурсов для охраны психического здоровья, но и мало ресурсов для подготовки исследователей и практиков в области психического здоровья детей.

Вьетнамские специалисты в области психического здоровья и образования смотрят на проблемы психического здоровья детей широко, относя к ним злоупотребление психоактивными веществами, преступность, депрессию и т. д. Непрофессионалы в сфере психологии и

психиатрии, в частности, политики и широкая общественность, тем не менее, придерживаются более традиционных взглядов, которые ограничивают понимание расстройств психического здоровья шизофренией, умственной отсталостью и припадочными расстройствами, не особенно представляя себе то, каким образом злоупотребление психоактивными веществами связано с психическим здоровьем.

Среди различных вопросов, ключевые специалисты перечисляют проблемы эмоционального и поведенческого характера, например, тревогу, депрессию, злоупотребление психоактивными веществами. В различных регионах страны различные проблемы психического здоровья детей рассматриваются в качестве наиболее проблемных. Например, в Ханое, в качестве наиболее серьезных проблем, ассоциированных с психическим здоровьем подростков, специалисты называют злоупотребление наркотиками и делинквентность, в то время, как в Хюэ, в качестве наиболее проблематичных рассматриваются связанные со школой стресс и самоубийство [4, с. 1756].

Заключение. Большинство вьетнамских специалистов в области психологии и психиатрии прошли курс обучения либо во Франции, либо в России (в СССР). Сегодня профессионалы из Канады, США, Австралии проводят тренинговые обучающие семинары для своих вьетнамских коллег, посвященные таким вопросам, как планирование и методология исследований, статистический анализ, лечение обсессивно-компульсивных расстройств. В процессе подобного обучения, студенты и преподаватели обсуждают то, каким образом различные интервенции могут или не могут применяться в культурных условиях Вьетнама, как они могут быть адаптированы, каковы различные возможные модели интервенций на школьном уровне и т.д. Эти дискуссии полезны не только в учебных целях, но и в плане разработки программ психолого-педагогических исследований. Разумеется, краткосрочные семинары абсолютно не в состоянии удовлетворить фундаментальной потребности в подготовке новых специалистов.

Список литературы

1. Dang H. M., Weiss B., Lam T., Ho H. Mental health literacy and intervention program adaptation in the internationalization of school psychology for Vietnam // *Psychology in the Schools*, 2018. Volume 55. Issue 8. P. 951 – 954.
2. Dang H. M., Weiss B., Nguyen C. M., Tran M., Pollack A. Vietnam as a case example of school-based mental health services in low and middle income countries: Efficacy and effects of risk status // *School Psychology International*. – 2017. – Vol. 38, Issue 1. – P. 22–41.
3. Rempel L. A., Rempel J. K., Khuc T. N., Vui L. T. Influence of father–infant relationship on infant development: A father-involvement intervention in Vietnam // *Developmental Psychology*. – 2017. – Vol. 53, Issue 10. – P. 1844 – 1858.
4. Rogoza R., Thi K. H. T., Ròzycka-Tran J., Piotrowski J., Żemojtel-Piotrowska M. Psychometric properties of the MHC-SF: An integration of the existing measurement approaches // *Journal of Clinical Psychology*. – 2018. – Vol. 74. Issue 10. – P. 1742–1758.

ПСИХОЛОГИЯ СЛУХОВ В РАБОТЕ КУРАТОРА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Тимошко Г.В., канд. психол. наук, доцент,

Тимошко А.А.

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,

г. Макеевка, ДНР

galyna_tymoshko@mail.ru

Введение. Когда люди сталкиваются с чем-то непонятным или неопределенным, они стараются найти информацию, разъясняющую эти вопросы и удовлетворяющую их. Однако, если не хватает официальной информации или она не успокаивает людей, люди сами объясняют ситуацию в рамках привычных им представлений. Так появляются слухи. К ним присоединяется все больше тех людей, кто услышал их и согласен.

Итак, слух – это сообщение, исходящее от одного или нескольких людей, о некоторых событиях, еще ничем не подтвержденных, или подтвержденных так, как людей не удовлетворяет, и распространяющееся в массе людей от одного человека к другому.

Мы часто встречаемся в такими слухами:

1. Слух-желание (советские вклады людей в банк будут восстановлены и индексированы);
2. Слух-пугало (коммунальные тарифы вырастут в два раза);
3. Агрессивный слух (такого-то числа начнется военное наступление). Все виды слухов могут распространяться преднамеренно или непреднамеренно.

Как правило, слухи разрушают официальную суггестию, создавая собственную, внутреннюю суггестивную зависимость психологии масс именно от слухов [5].

Цель. В тезисах проанализированы труды Д.В. Ольшанского, М. Гладуэлла., Н. Ильиной, С.А. Беззубцева, Н.Я. Лепёшкина, В.Г. Василина, А.И. Обирина, В.Е Талынёва с целью выделить в них информацию для работы куратора.

Основная часть. Как работать со слухами, бороться с неправдивой информацией? Прежде всего, выделяют профилактические меры. Это эффективное руководство и управление, а также постоянное и полное информирование работников. Чем больше разнообразных методов информирования студентов, преподавателей, сотрудников мы будем применять, тем меньше будет оставаться лазеек для возникновения слухов [5]. Какие методы, способы информирования исследовали ученые?

Д.В. Ольшанский указывает, что эффективным способом активного противодействия слухам является их быстрое подавление фактами, доказательствами, не упоминая о самом факте существования слуха [5].

М. Гладуэлл советует **избегать категоричного отрицания слухов**. Паника и категоричное отрицание слухов смогут лишь усугубить состояние и подогреть аудиторию, которая подумает, что нет дыма без огня, и слух правдив [2]. Еще один его совет – полностью опровергнуть ложную информацию, предоставив документы, проведя демонстрацию или пригласив свидетелей.

Н. Ильина считает, что порой помогает использование юмора – высмеивание нелепой информации в процессе яркого и богатого метафорами выступления [3].

С.А. Беззубцев пишет: распространять можно лишь позитивные новости. Сообщать негативную информацию (об осложнении обстановки, мерах по борьбе с терроризмом и т.д.) необходимо лишь через официальные коммуникационные каналы. Прежде чем приступать к каким-либо действиям, официальным лицам следует проанализировать масштабы распространения и причины появления слухов, а также степень их влияния. Возможно, слухи неактуальны и быстро исчезнут сами [1].

Кураторы в своей работе могут использовать не простое информирование, а неформальные беседы с теми студентами, на которых подействовали слухи или которые пострадали вследствие их распространения, совместно с ребятами обсудив пути выхода из сложившейся ситуации.

Хорошо, когда студент переспрашивает информацию, полученную через слухи, у преподавателя. Надо предоставить информацию по интересующему студентов вопросу. В случае, если мы некомпетентны в данном вопросе – помочь студентам организовать встречу с компетентными людьми. Куратору, преподавателю не нужно стесняться обращаться за помощью к коллегам, к формальным и неформальным лидерам организации, чтобы обсудить и прояснить ситуацию, заручиться их поддержкой. Сообщая правдивую информацию, следует избегать ссылок на слухи. Нет необходимости самому повторять слухи.

Авторы [4] указывают, что труднее принимать решение, когда слухи частично достоверные, когда ложь и правда, истина и фантазия переплетаются. В подобных ситуациях могут оказаться эффективными меры, направленные на разъяснение и отделение достоверных фактов от ложных. Как свидетельствует практика, слухи прекращаются даже при однократной публикации документальных фактов либо путем ответов компетентных лиц на интересующие студентов вопросы.

Основной метод работы преподавателя со студентами по преодолению слухов – это метод убеждения. Убедить – значит, добиться с помощью логического обоснования согласия студента или группы студентов со своим суждением. Что способствует убеждению?

1. Наличие косвенных доказательств: путь от обратного, указание на слабые места слуха (кто источник информации? Люди в автобусе. Чем еще подтверждаются названные ими даты? Ничем).

2. Обилие фактов, подтверждающих истину, может насторожить аудиторию, вызвать эффект бумеранга. Действенными часто являются не только научные и логические аргументы, но и обращение к настроению и чувствам аудитории. Обращаться лучше к положительным чувствам.

4. Подготовка почвы для общения со студентами в группе по поводу событий сегодняшнего дня может происходить вначале через индивидуальное общение с лидерами, ребятами, авторитетными в данной группе.

5. Наличие четко очерченных преподавателем выводов по факту существования тех или иных слухов может быть позитивно воспринято первокурсниками, и то не всегда. Магистранты могут воспринимать их как навязанные, при этом возникает эффект сопротивления выводам. Чем образованнее человек, тем меньше он доверяет чужим выводам. В этом случае лучше сделать вывод вместе со своей образованной аудиторией.

6. В беседе по теме следует обращать внимание на личный опыт студентов, а не только на свои суждения, факты, аргументы. К личному опыту человека нужно относиться уважительно.

Заключение. Убеждение действует на сознательном уровне, а воздействие слухов на человека основывается во многом на подсознательных механизмах внушения, подражания, эмоционального заражения. Преподаватель, куратор может влиять на эти механизмы. Если он является авторитетной фигурой для своих студентов, то его слова, суждения будут иметь не только убеждающее, но и внушающее воздействие, студенты захотят скорее подражать ему, чем бабушкам в автобусе. А эмоциональная заразительность зависит от силы нашего Я, от эмоциональности нашей речи и искренности слов.

Список литературы

1. Беззубцев С.А. Управление слухами: как промывают мозги [Текст] / С.А. Беззубцев. – М.: Спорт и культура 2000, 2011. – 358 с.
2. Гладуэлл М. Переломный момент [Текст]/ Малкольм Гладуэлл – М.: Альпина Паблишер, 2010. – 256 с.
3. Ильина Н. Применение слухов/ Н.Ильина. – Пиар Менеджер, 2006. – с.56.
4. Лепёшкин Н.Я. Психологические основы терроризма и антитеррористической деятельности в современных условиях [Текст]/ Н.Я. Лепешкин, В.Г. Василин, А.И. Обирин, В.Е. Талынев. – Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2008. – 348 с.
5. Ольшанский Д. В. Психология масс [Текст]/ Д.В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – С. 274-290.

ПСИХОЛОГО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ НЕЧЕТКАЯ ИЕРАРХИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИНДЕКСА ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ КРИМИНОГЕННОСТИ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Устинов Д.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

d-ustin.80@mail.ru

Введение и актуальность рассматриваемой проблемы. Углубленный последовательный анализ комплекса социально-психологических факторов, определяющих потенциальную склонность, предрасположенность несовершеннолетних подросткового возраста к противоправным действиям, является крайне актуальной задачей современных исследований в области общей, возрастной и юридической психологии, акмеологии [2]. Сложность данной проблемы в первую очередь обусловлена ее многофакторностью и разнообразием неконтрастных критериев оценивания показателя потенциальной криминогенности. В этой связи, в качестве одного из подходов к определению индекса потенциальной предрасположенности к совершению противоправных действий в подростковой среде с учетом разнотипности, неопределенности и неконтрастности экзогенной информации, может быть использована методология оценивания многофакторных социально-экономических процессов на основе синтеза и анализа нечетких разветвленных иерархических моделей с ранжированными частными критериями [1].

Результаты исследования. Предлагаемая модель имеет представляемую усложненную топологическую структуру в связи с задачей детализированного учета весьма большого числа факторов оценки объекта исследования. Модель включает в общей сложности 188 нечетких частных критериев семи иерархических уровней с высшим уровнем, представленным глобальным критерием качества в виде нечеткого обобщенного индикативного показателя F меры предрасположенности несовершеннолетнего к противоправным действиям.

Нечеткими частными критериями предшествующего иерархического уровня являются совокупные показатели парциальной степени: влияния социально-психологических факторов семейного окружения (F_1); влияния информационно-воспитательного фактора (F_2); выраженности фактора товарищеско-дружеских связей (F_3). На рис. 1–3 представлены ветви дерева модели, определяющие эндогенный фактор F и частные факторы F_1, F_2 .

Наиболее важными для получения основных представлений об особенностях рассматриваемой модели являются следующие ее характерис-

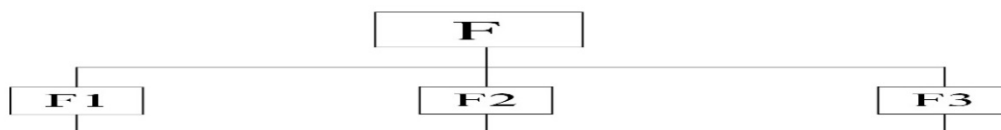


Рис. 1

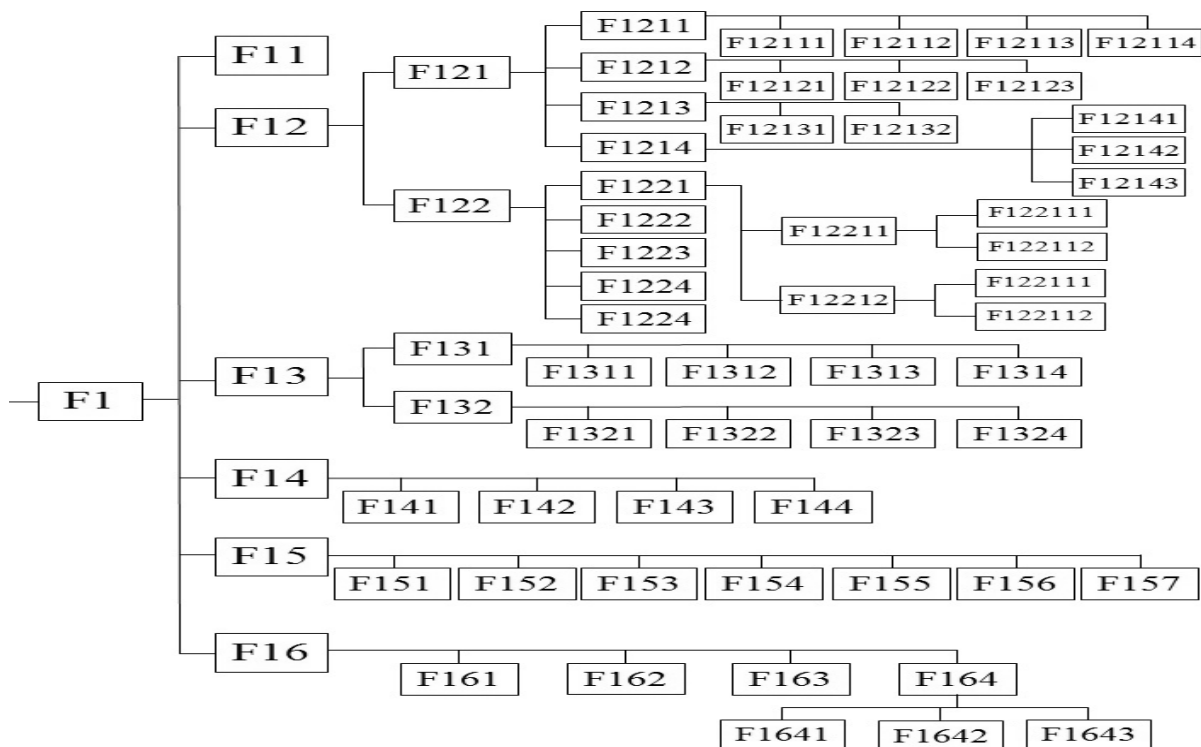


Рис. 2

тики. В модели вводится 127 нечетких частных критериев исходных иерархических уровней, из которых пять вводятся как критерии количественной природы, а оставшиеся 122 критерия описываются нечеткими множествами вербальной лингвистической природы. Функции принадлежности для всех нечетких частных критериев исходного иерархического уровня, имеющих вербальную лингвистическую природу, описываются экспертно выстраиваемыми кривыми степени позитивной выраженности интерпретируемого эффекта. Матрицы парных сравнений для замкнутых групп частных критериев также формируются на основе экспертных заключений специалистов в области воспитательно-правовой работы с подростками и специалистов-психологов. В качестве примера природы вводимых частных критериев исходного уровня можно привести критерии, характеризующие фактор влияния социальных сетей F26 и включаемые в замкнутую группу F26j, в число которых включены относительные показатели: меры общения через социальные сети со знакомыми реальными собеседниками-друзьями (F261); меры общения через социальные сети с виртуальными субъектами общения (F262); степени использования социальных сетей для поиска новых друзей (F263);

степени включенности в формируемые в социальных сетях группы виртуальных сообществ (F263).

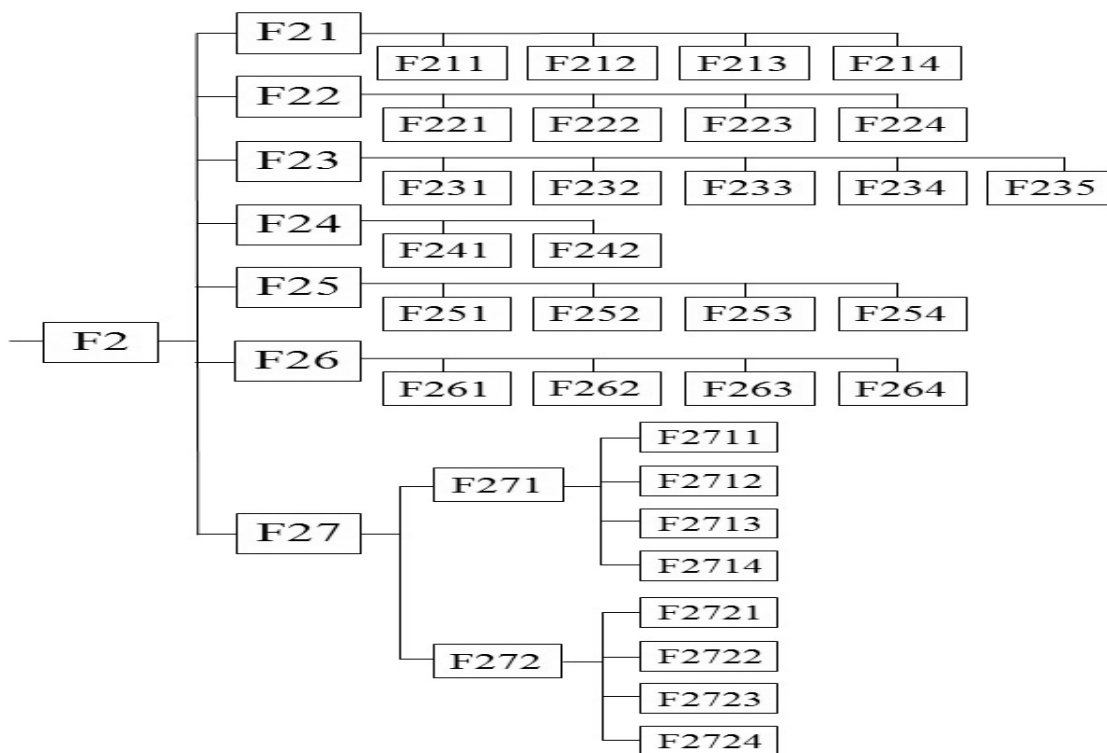


Рис. 3

Анализ модели рассматриваемого вида реализуется с использованием алгоритмов последовательной свертки ранжированных нечетких частных критериев [1]. Большое число уровней иерархии в данной модели, а также большое число вводимых в рассмотрение частных критериев, также диктует целесообразность применения ряда альтернативных вариантов агрегирования нечетких частных критериев [1] для получения мягких и жестких оценок значений индикативного показателя F.

Заключение. В работе дана характеристика предлагаемого варианта модели обобщенного иерархического оценивания психологического фактора предрасположенности к совершению противоправных действий (потенциальной криминогенности) в подростковой среде, допускающей анализ методами принятия решений в нечетких условиях.

Список литературы

1. Алтунин А.Е. Модели и алгоритмы принятия решений в нечетких условиях. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2000. – 352с.
2. Сафуанов Ф.С., Васькэ Е.В. Психологический анализ мотивации преступных действий несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных деликтов // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 2. – С. 123-135.

НЕЧЕТКАЯ ИЕРАРХИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ ИНТУИТИВНОГО КОМПОНЕНТА КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ

Устинова Н.В., канд. психол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
d-ustin.80@mail.ru

Введение. Проблема идентификации и систематизации когнитивных стилей как индивидуальных особенностей восприятия, анализа, категоризации и воспроизведения информации, несмотря на достаточно длительные и интенсивные исследования сохраняет высокую степень актуальности [3]. Причинами этого являются недостаточный уровень сформированности теоретических воззрений в данной предметной области, а также широкий круг современных важных приложений результатов этих исследований в теории искусственного интеллекта, при совершенствовании технологий обучения в условиях лавинообразного роста объемов информации, и в ряде других перспективных научно-образовательных отраслей. На сегодняшний день основные результаты исследований заключаются, в частности, в описании около двух десятков различных когнитивных стилей как индивидуальных различий, проявляющихся в характерных для индивида устойчивых способах переработки информации. В базовых представлениях выраженность когнитивного стиля определяется конструктом – биполярной субъективной шкалой, в рамках которой каждый когнитивный стиль описывается за счет обращения к двум крайним формам интеллектуального поведения (в виде полезависимости-полenezависимости, импульсивности-рефлексивности и т.д.). Однако по мере накопления эмпирических данных исследований в этой области обозначается целый ряд противоречий, подвергающих сомнению очевидность некоторых первоначальных положений. В частности, не находит однозначного подтверждения концепция равноценности полюсов когнитивного стиля. Как отмечается в [2], острой является проблема возможного пересмотра традиционного, то есть безоценочного подхода к интерпретации стилей. Они, согласно принятому подходу, рассматриваются как равноценные в результативном плане. Данные исследований показывают, однако, что, как правило, один из полюсов практически любого стиля является более конструктивным в результативном аспекте. Проблема, связанная с биполярной трактовкой стилей, наименее разработана, а внимание исследователей к ней непропорционально ее значимости. В этой связи, одним из системных выводов относительно тактики дальнейших исследований является

соображение о нечеткости конструкта выраженность когнитивного стиля и целесообразности разработки подходов к идентификации степени выраженности компонентов когнитивных стилей, в основу которых положены методы синтеза и анализа моделей нечеткого иерархического оценивания [1]. Примером реализации такого подхода является представляемый в данной работе синтез и анализ варианта нечеткой разветвленной иерархической модели идентификации степени выраженности интуитивного компонента когнитивного стиля при выработке решений.

Результаты исследования. Топологическая структура синтезируемого варианта нечеткой иерархической модели индекса степени выраженности интуитивного когнитивного стиля при выработке решений (ИИД – Index of Intuition Decision) представлена на рис.1. Модель включает нечеткие частные критерии четырех иерархических уровней с высшим уровнем, представленным глобальным критерием качества в виде нечеткого обобщенного индекса ИИД. Нечеткими частными критериями предшествующего иерархического уровня являются факторы парциальной степени выраженности интуитивного компонента когнитивного стиля при принятии решений в задачах практической профессиональной деятельности (F1); при решении учебных задач естественнонаучного профиля (F2); при решении учебных задач экономико-гуманитарного профиля (F3); при принятии решений в творческих задачах профессиональной деятельности (F4); при принятии решений в жизненных ситуациях, не связанных с социальными коммуникациями (F5); при принятии решений в жизненных ситуациях, связанных с социальными коммуникациями (F6).

Частными критериями второго иерархического уровня для всех вышеперечисленных факторов F_j являются: мера восприятия неопределенности как фактора, затрудняющего выбор решения (F_{j1}); мера предпочтения в характере эмоционального состояния в момент выработки решения (F_{j2}); мера уверенности в правильности предвосхищения при выработке решения (F_{j3}); мера выраженности быстроты принятия решения (F_{j4}); мера потребности в осознаваемой базе знаний для принятия решения (F_{j5}); мера ощущения потребностей в коммуникациях в процессе принятия решения (F_{j6}); мера ощущения потребностей в последовательных логических рассуждениях и умозаключениях в процессе принятия решения (F_{j7}). Помимо указанных, для частных критериев F_{j2} вводятся частные критерии предшествующего иерархического уровня – мера выраженности потребностей в атмосфере покоя и отрешенности для принятия решения (F_{j21}) и мера выраженности потребностей в атмосфере эмоционального подъема и душевного равновесия для принятия решения (F_{j22}); для частных критериев F_{16} , F_{26} , F_{36} , F_{46} вводятся частные критерии предшествующего иерархического уровня – мера выраженности потребностей в фиксации хода последовательных рассуждений и

умозаключений в виде записей в процессе принятия решения (Fj61) и мера выраженности потребностей в советах либо подсказках в процессе принятия решения (Fj62). Все нечеткие частные критерии исходного уровня имеют вербальную лингвистическую природу с функциями принадлежности, описываемыми кривыми степени позитивной выраженности интерпретируемого эффекта [1]. Матрицы парных сравнений для замкнутых групп частных критериев [1] формируются на основе экспертных заключений специалистов. При анализе модели целесообразно применять ряд вариантов агрегирования нечетких частных критериев для получения мягких и жестких оценок значений индекса IID.

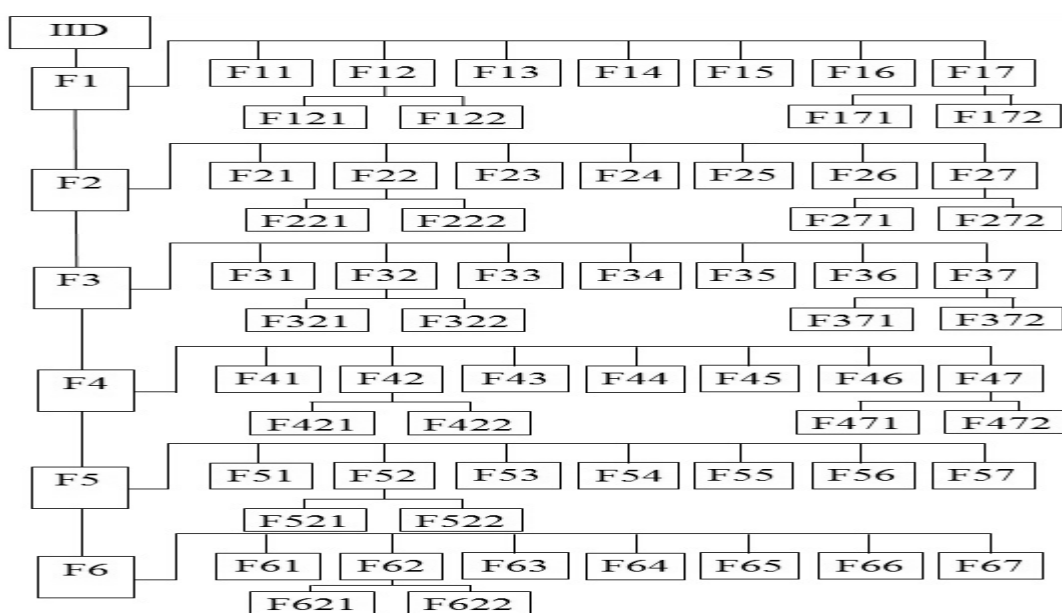


Рис. 1

Заключение. В результате выполненных исследований предложен вариант модели нечеткого иерархического оценивания степени выраженности интуитивного компонента когнитивного стиля при выработке решений, допускающей анализ методами принятия решений в нечетких условиях.

Список литературы

1. Алтунин А.Е. Модели и алгоритмы принятия решений в нечетких условиях. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2000. – 352 с.
2. Карпова Е.В., Яблокова А.В. Когнитивные стили: история вопроса и новые проблемы // Ярославский педагогический вестник – 2016. – № 6. – С. 220 – 226.
3. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304с.

ПРОБЛЕМА РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Фархутдинова Ю.Н., канд. психол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

julia82.06@mail.ru

В современных теориях развития отечественной системы образования отмечается переориентирование на самостоятельное приобретение школьниками знаний, формирование умений применять полученные знания в практической деятельности. Реализация этих целей невозможна без внедрения развивающего обучения, использования активных приемов и методов обучения.

Развивающее обучение – это система в теории и практике личностно-ориентированного образования, которая направлена на развитие и саморазвитие личности обучающегося, его физической, познавательной и нравственной сфер благодаря использованию потенциальных резервов ученика [3].

Существует несколько подходов к проблеме развивающего обучения.

По мнению А. Гезелла, Ж. Пиаже, З. Фрейда, развитие человека не зависит от обучения: к обучению ребенка можно приступать по достижении им определенного уровня развития. В работах У. Джеймса, Э. Торндайка активно доказывается мысль о совпадении обучения и развития: развитие рассматривается как приобретение новых навыков в процессе обучения, следовательно, любое обучение – развивающее.

Л.С. Выготский сформулировал собственную теорию о соотношении обучения и развития. Он считает, что «с одной стороны, развитие подготавливает и делает возможным процесс обучения, с другой стороны, обучение стимулирует процесс развития. Данная теория разводит процессы обучения и развития и вместе с тем устанавливает их взаимосвязь» [2, с. 376].

На современном этапе разработаны модели развивающего обучения. Рассмотрим основные из них.

Модель обучения Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова построена на «содержательных обогащениях», куда могут входить наиболее общие понятия науки, выражающие глубинные причинно-следственные связи и закономерности, фундаментальные генетически исходные представления (число, слово, энергия, материал), понятия, в которых выделены внутренние связи, теоретические образы, полученные путем абстракции. Акцент целей авторов указанной технологии сводится к следующему: формированию теоретического сознания и мышления; формированию не столько знаний,

умений и навыков, сколько способов умственной деятельности; воспроизведению в учебной деятельности логики научного мышления [6].

Модель развивающего обучения Л.В. Занкова направлена на выявление разных форм сочетания слова и наглядности, исследование объективной закономерной связи между обучением и общим развитием детей. В ней обоснована ведущая роль обучения в развитии и роль внутренних факторов, обуславливающих индивидуальные варианты развития учащихся в одних и тех же условиях обучения. Дидактические принципы, разработанные Л.В. Занковым, ставят перед учителем сложнейшие задачи: развить теоретическое мышление и сохранить у ребенка эмоциональное заинтересованное отношение к предмету; обеспечить обучение на высоком уровне сложности и осознание ребенком процесса учения (понимание своего движения в предмете, своих достижений и проблем), помочь ребенку осознать субъектность [4].

Среди отечественных систем обучения выделяют педагогические системы развития личности (авторские школы И.П. Волкова, Т.И. Гончаровой, Е.Н. Ильина, С.Н. Лысенковой, В.А. Сухомлинского, А.Н. Тубельского, В.Ф. Шаталова).

Идея развивающего обучения И.П. Волкова заключается в том, что он создал механизм выявления творческих способностей учащихся и их развития посредством введения с четвертого класса «творческой книжки школьника». Она вмещает записи содержания самостоятельных и творческих работ ученика (углубленное изучение программных и непрограммных предметов, опытная и исследовательская работа, участие в олимпиадах, соревнованиях, конкурсах) [3].

Перспективно-опережающее обучение младших школьников С.Н. Лысенковой базируется на комментируемом управлении учением, опорных схемах и перспективной подготовке учеников. Следует отметить, что важным принципом и одним из элементов обратной связи на уроках является обучение детей мыслить вслух. В результате опережающего обучения школьники легко и сознательно усваивают сложную тему [3].

Среди моделей развивающего обучения выделяется личностно-ориентированное обучение, которое возникло как альтернатива когнитивно-ориентированному, традиционному обучению. Так, Н.А. Алексеев личностно-ориентированное обучение рассматривает «как специфическую педагогическую деятельность по созданию учащимся оптимальных условий для развития их способностей, духовного начала, формирования самостоятельности, стремления к самообразованию, самореализации» [1, с. 3].

И.С. Якиманская подчеркивает, что целью такого обучения является раскрытие индивидуальности каждого ребенка через учение как самостоятельную и значимую для него деятельность в школьный период его возрастного развития [3].

Большое значение для развивающего обучения придается развитию креативности, которая связана с развитием личностных качеств человека. Исследователями выявлена связь личностных черт, влияющих на уровень проявления креативности в процессе деятельности. Так, Т. Любарт к таким чертам относит настойчивость, толерантность к неопределенности, открытость новому опыту, индивидуализм, склонность к риску, психотизм. Н.С. Лейтес обращает внимание на такие черты личности как независимость суждений, высокий уровень познавательной потребности, потребность в ярких впечатлениях, удовлетворение от умственного напряжения [5].

Другими исследователями добавляются открытость ума, восприимчивость к новому, необычному, развитое эстетическое чувство, поглощенность своими идеями, собранность и энергичность, сензитивность, оригинальность и нестандартность, готовность приходить на помощь, оптимизм, юмор.

Однако, с позиции развивающего обучения, важным является выделение и тех черт личности, на которые влияет креативность. Педагогический аспект развития креативности должен быть обозначен теми качествами и свойствами личности, которые активизируются, формируются при развитии креативных способностей учащегося.

Следовательно, главными задачами рассмотренных моделей обучения в начальной школе, способствующими развитию интеллектуальной сферы младших школьников являются создание специально организованных условий, направленных на развитие и саморазвитие личности учащихся; формирование теоретического сознания и мышления, творческой рефлексии.

Список литературы

1. Алексеев Н.А. Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики: [монография] / Н.А. Алексеев. — Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1996. — 216 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь: собр. соч.: в 6 т. / Л.С. Выготский. — Т.2. — М.: Педагогика, 1982. — 504 с.
3. Загвязинский В.И. Теория обучения: современная интерпретация: [учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений], 3 изд., испр / В.И. Загвязинский. — М.: Академия, 2006. — 192 с.
4. Занков Л.В. Избранные педагогические труды. / Л.В. Занков. — М.: Новая школа, 1996. — 432 с.
5. Лейтес Н.С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия / Н.С. Лейтес. — М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 448 с.
6. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин — М.: Педагогика, 1989. — 560 с.

РЕСУРСНЫЕ ФУНКЦИИ ЭМОЦИИ СТРАХА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Филатова Д.С.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР» г. Донецк, ДНР
DariaFilatova@yandex.ru

Страх включен в основу человеческого существования, он естественен и имеет непосредственное отношение к так называемому инстинкту самосохранения, он позволяет человеку избегать опасностей, угрожающих жизни и, таким образом, полезен. Вместе с тем, страх может существенно понизить качество жизни и даже повредить ей.

Хотя страх переживается человеком, как и любая эмоция, в реальном времени и сопровождается комплексом психосоматических проявлений, он относится к группе эмоций «ожидания и прогноза», наряду с волнением, тревогой, отчаянием [3], потому что человек переживает о будущем событии, о том, что вероятно с ним произойдет. В результате чего, в организме происходит мобилизация необходимых органов и систем с целью защиты и спасения самого человека или значимых для него людей.

Негативные ассоциации связанные с переживанием эмоции страха (чувством абсолютной незащищенности и неуверенности в собственной безопасности, мучительными переживаниями) имеет обоснованное психологическое и эволюционно-биологическое объяснение: человек стремится исключить из своей жизни подобные переживания, следовательно, избежать опасных ситуаций, сохранить физическое и психическое здоровье.

Основное значение эмоции страха для человека содержится в ее защитной функции. С.Г. Фрайанберг говорит: «Нам необходим рациональный страх — позитивная сила, биологическая функция, необходимая для выживания» [5]. Он может выполнять адаптивную и мобилизующую роль в жизни человека. Вся совокупность психофизиологических, мыслительных, поведенческих реакций направлены на мобилизацию организма для предотвращения угрозы, в чем бы она ни заключалась.

Восприятие ситуации как угрожающей заставляет человека сосредоточить все внимание на данной ситуации, активизирует познавательные процессы в организме. Вспоминание прошлого опыта, анализ существующей ситуации, предположения о будущем развитии событий – в данный процесс включены память, восприятие, внимание, воображение. Если угроза переживается как очень значимая, сильная, то может проявиться эффект «туннельного восприятия», внимание и все мысли человека будут сосредоточены только на угрожающем объекте. Но, в современном мире, человек чаще подвергается не смертельным угрозам,

а умеренным, без чрезмерной перегрузки психических сил, благодаря чему мозг сосредотачивается на задаче и обрабатывает стратегии ее решения.

Многие исследователи отмечают, что страх может побуждать к научению [1, 3]. Непосредственно опасная ситуация побуждает человека детально запоминать все обстоятельства, условия; в работу включаются все сенсорные системы организма, происходит ассоциативное запоминание и долгосрочное хранение пережитого опыта. Согласно данным из детской психологии, именно «страшные» события часто становятся первыми яркими воспоминаниями в жизни человека.

Страх мобилизует физические силы организма. В результате активации соматической нервной систем, перераспределения кровотока в организме человек готовится к реакции «бей или беги». По мнению Ж. Нюттена, Г. Н. Геннинга и П. Фресса, страх (особенно в умеренной степени его переживания) является активатором деятельности индивида, в ряде случаев приводя даже к улучшению результатов его деятельности [6].

Важная функция эмоции страха состоит в его очень быстрой активации всего организма. Когда информации недостаточно, чтобы принять всесторонне продуманное решение, страх диктует стратегию поведения. Существует множество примеров, когда человек в экстремальной ситуации способен предпринять то, что без страха ему кажется невозможным.

М. Кляйн рассматривался страх в качестве главной мотивации, стимулирующей развитие индивидуума [7]. Это положение подтверждают сторонники мотивационной теории эмоций [2]. Е.А. Пыриев [4] в статье «Эмоциональная мотивация личности как многоуровневая система» (2012) говорит о том, что эмоция, вызывая дисбаланс на физиологическом и психологическом уровнях, не только активирует существующие биологические потребности, но и на их основе создает новые социальные потребности. Так, потребности в безопасности или защищенности обрастает все новым предметным содержанием, обеспечивающим эту безопасность. А желание преодолеть страх побуждает человека к личностному развитию, преодолению внутренних границ и представлений о собственных возможностях, познанию нового.

Совокупность психосоматических реакций организма сопутствующих эмоции страха направлены на мобилизацию и адаптацию организма с целью предотвращения угрозы. Соответственно, активизируются все познавательные функции и физические силы организма.

У человека есть возможность управлять собственным страхом, превратить его в ресурс. Преодолевая страх, человек способен проявить такие социально значимые качества как отвага, храбрость, героизм.

Список литературы

1. Акопян Л. С. Психология эмоциональных состояний и их регуляция у детей младшего школьного возраста (на материале детских страхов) : автореф. дис. ... докт. психол. наук : 19.00.07 / Л. С. Акопян. – Самара, 2011. – 51 с.
2. Гиппенрейтер Ю.Б. Психология мотивации и эмоций / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман. – М : ЧеРо, 2002. – 787с.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с. (Серия "Мастера психологии").
4. Пырьев Е. А. Эмоциональная мотивация личности как многоуровневая система / Е. А. Пырьев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 2 – С. 973 – 978.
5. Файнберг С. Г. О предупреждении детских нервных заболеваний // Очерки психоневролога. М. : Знание, 1964.
6. Фресс П. Экспериментальная психология. Вып. V / П. Фресс, Ж. Пиаже. – М. : Прогресс, 1975.
7. Хиншелвуд Р. Словарь Кляйнианского психоанализа / Р. Хиншелвуд. – М. : Когито – Центр, 2007. – 219 с.

УДК 373.7

ВИЗУАЛЬНАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОФИЦЕРА

Чеботарева А. И., канд. психол. наук,
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк, ДНР
alinachebotareva@yandex.ru

Введение. Современный этап развития Вооруженных сил характеризуется значительным усилением внимания к проблеме надежного и эффективного функционирования человека в условиях воинской деятельности. Необходимость укрепления морально-психологического состояния и психологической устойчивости военнослужащих, повышения их готовности и способности к выполнению задач в любых условиях обстановки обуславливает поиск новых методов изучения личного состава [1]. Научно-психологической основой деятельности военных кадров в данной области является военная психология.

В работах военных психологов (Власов В.Ф., 1990; Дзамгаров Т.Т., 1954; Ковалев В.И., 1968; Круглеевский Н.В., 1967; Луков Г.Д., 1961 и др.), написанных в своем большинстве тридцать и более лет назад, вопросы комплексного выявления и оценки личностных качеств с помощью визуальных диагностических средств, как правило, не обсуждаются.

В настоящее время военная психология располагает большим арсеналом средств, позволяющих определять устойчивые индивидуально-психологические особенности человека.

Традиционно в психодиагностических целях используются такие методы как анкетирование, беседа, тесты, личностные опросники. Вместе с тем существуют определенные ограничения, связанные с применением подобных методов [3].

Визуальная психодиагностика – это отрасль психологии, изучающая взаимосвязь внешних физиологических признаков и внутреннего содержания личности.

В основе содержит адаптированные под современного человека системы знаний по физиогномике, хиромантии, графологии, анализа особенностей телосложения, формы рук, пальцев, мимики, жестикуляции, других признаков.

Визуальная психодиагностика основана на изучении внешних характеристик и облика человека для проникновения во внутреннее психологическое содержание личности. Помимо общекультурного значения, она имеет и сугубо прикладной характер, являясь отраслью психологии кадрового менеджмента, что разрабатывает методы изучения персонала в целях его рационального подбора, расстановки и эффективного использования.

Наработки визуальной психодиагностики используются в ряде профессий типа человек-человек.

Так, например, в профессиональной деятельности спортсменов выделяется спортивная психодиагностика – как раздел психологии спорта, основной задачей которого являются измерение и контроль психических особенностей спортсменов, ориентированные на решение текущих прикладных задач. Практическое использование психодиагностики позволяет сократить время и затраты на спортивную подготовку, повысить ее эффективность, снизить бесконтрольный отсев спортсменов, поднять уровень и стабильность спортивных результатов.

В правоохранительной деятельности сотрудников ОВД визуальная психодиагностика является ведущим методом в получении оперативной информации о личности гражданина. Несмотря на субъективность наблюдения, опытные сотрудники метко определяют некоторые личностные свойства граждан, в частности причастность к криминальному миру и виктимологические признаки.

Перед оперативными сотрудниками стоит задача понять индивидуальные особенности личности неизвестного преступника для того, чтобы сузить ареал поиска и, в конце концов, поймать виновного человека. Такие возможности предоставляет визуальная диагностика, основанная на непосредственном наблюдении и интерпретации внешнего облика человека и его невербального поведения.

Визуальная психодиагностика – это отрасль психодиагностики, основанная на изучении внешних характеристик и облика человека для проникновения во внутреннее психологическое содержание личности.

Существует взаимосвязь внешнего и внутреннего, и психологические особенности человека можно определить путем анализа физического тела человека и его внешних проявлений [2].

Существуют различные приемы и методики визуальной психодиагностики, позволяющие на основании внешних признаков сделать вывод о внутренних свойствах и качествах личности.

В качестве основного объекта визуальной диагностики мы специалисты рекомендуем изучать лицо человека. В условиях повседневного общения лицо человека является самым доступным для наблюдения и наиболее информативным элементом внешности. Кроме того, лицо человека несет в себе наибольшее количество опознавательных признаков, позволяющих сформировать психологический портрет личности, морфологических (черты лица) и функциональных (выражение лица).

Изучение индивидуально-психологических особенностей человека можно проводить и с помощью других методик невербального тестирования, таких как оценка конституциональных особенностей, анализ цветовых и геометрических предпочтений, анализ предпочитаемой одежды, графологическая экспертиза, интерпретация рисунков и т. д. Наиболее целесообразным является комплексное использование методов визуальной психодиагностики. Анализ лица человека, интерпретация его жестов, высказываний и поведенческих реакций взаимно дополняют и подтверждают друг друга, позволяя сформировать целостный психологический портрет [4].

Заключение. Чтобы эффективно организовать военно-педагогический процесс, офицеры должны быть хорошо подготовленными не только в военно-техническом аспекте, но и иметь глубокие и всесторонние знания в области психологической науки. Это помогает при выполнении поставленных боевых задач эффективно разрешать проблемы управления и минимизировать возможные потери.

Психологические знания, умения и навыки дают возможность офицеру достичь оптимального строя и ритма, службы, своевременно заметить и устранить негативные психические явления среди солдат: психофизиологических и физических возможностей, тревожности, страха, напряженности в условиях боя.

Список литературы

1. Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Прикладная военная психология. Серия «Учебное пособие» / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.
2. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. / Д. Я. Райгородский. – М.: Бахрах-М, 2016. – 672 с.
3. Ратанова Т., Шляхта Н. Психодиагностические методы изучения личности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 264 с.
4. Щёкин Г. В. Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешности и поведению / Г. В. Щёкин. – Киев.: МАУП, 2011. – 611 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И РЕФЛЕКСИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Черкевич Е.А., канд. психол. наук, доцент

ФБГОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, РФ
cherkevich_elen@mail.ru

Введение. В современном этапе развития общества остро встает проблема недовольства населения качеством жизни. Уровень качества жизни определяется условиями, в которых живет человек, следовательно, условия жизни в обществе, недовольном ее качеством, оставляют желать лучшего. Также, немаловажную роль в росте негативных настроений в отношении вопроса качества жизни играет способность человека к адаптации в критической жизненной ситуации, а также его стрессоустойчивость, жизнестойкость. Исследователь Ю.Д. Черткова в статье «Взаимосвязь жизнестойкости с удовлетворенностью жизнью» указывает на то, «преодоление стрессовых ситуаций, достижение поставленных целей, готовность к переменам» оказывают значительное влияние на видение человеком качества его жизни [4, с. 109-110]. Специфика осознания личностью собственной жизни в большой степени обуславливают ее субъективную картину мира. Исходя из анализа психологической литературы (М. Аргайл, Н.В. Андреевкова, Е.В. Балацкий, Р.М. Шамионов и др.), удовлетворенность жизнью личности является сопоставлением личностью собственного безупречного представления о жизни и настоящей ситуации, другими словами - оценка своей жизни [3]. Данное понятие следует рассматривать как сложное, постоянно изменяющееся социально-психологическое образование, основанное на единении познавательных и эмоционально-волевых процессов, характеризующееся субъективным эмоционально-оценочным отношением и обладающее побудительной силой к действию, поиску, управлению внутренними и внешними объектами [1, 2, 5, 6, 7].

Цель. Целью исследования – эмпирическим путем выявить взаимосвязь удовлетворенности жизнью и рефлексивности личности в раннем юношеском возрасте. Исследование проводилось на базе одной из омских школ, в котором приняли участие 60 учащихся 9-х классов, использовались следующие методики: опросник «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера; опросник «Индекс жизненной удовлетворенности», переведенный и адаптированный Н.В. Паниной; методика «Индивидуальная мера рефлексивности» А.В. Карпова [4].

Основная часть. Было установлено, что среди опрошенных раннего юношеского возраста обучающихся с высоким уровнем развития

рефлексивности отсутствуют. Этим личностям характерно слабовыраженное умение соотносить цели, мотивы, эмоции и настрой в конкретной ситуации, и на основании этого создавать внутренний план дальнейших действий, учитывая прошлые ошибки, а также они не задействуют все проявления рефлексии (ретроспективное, будущего, настоящего, общения), как это делает человек с высоким уровнем рефлексивности. При этом мы выявили, что среди представителей данного возрастного периода доминирует число тех, кто обладает средним уровнем удовлетворенности жизнью, и установили, что удовлетворенность жизнью личности в раннем юношеском возрасте связана с ее способностью к последовательному достижению целей, к положительной оценке себя и своих действий и общим фоном настроения. Считаем необходимым в дальнейшем использование метода параметрической статистики – коэффициента корреляции Пирсона для осуществления корреляционного анализа. Наиболее тесная корреляционная связь показателей удовлетворенности жизнью с такими показателями рефлексивности личности как рефлексивность будущего, рефлексивность общения и общая рефлексивность. Кроме того, установлены слабые корреляционные связи показателей интереса к жизни со всеми представленными показателями рефлексивности, при этом в случае с рефлексией общения корреляция значима на уровне $p < 0,05$, а в случае с общей рефлексией – на уровне $p < 0,01$. Также можно отметить среднюю корреляционную связь последовательности в достижении целей со всеми показателями рефлексивности. Что касается рефлексии будущего и общей рефлексии, в данном случае корреляция значима на уровне $p < 0,01$. Таким образом, исследуя взаимосвязь удовлетворенности жизнью и рефлексивности личности в раннем юношеском возрасте, мы выявили сильную корреляционную связь между показателями согласованности целей и рефлексивности будущего и общей рефлексивности, корреляция значима на уровне $p < 0,01$. Это говорит о том, что направленность рефлексивности личности в раннем юношеском возрасте напрямую связана с развитием в данном возрастном периоде целеполагания и создания жизненного плана, определяющего выбор или мотивацию человека. Также значимую корреляционную связь можно заметить между показателями положительной самооценки и рефлексивности общения. Это связано с тем, что в раннем юношеском возрасте человек анализирует собственные поступки не только с точки зрения собственных убеждений, но и основываясь на мыслях и поступках людей, с которыми он взаимодействует. При этом сильная корреляционная связь, а также значимость на уровне $p < 0,01$ прослеживаются у показателя общего фона настроения с показателем рефлексивности общения и взаимодействия. На наш взгляд, это объясняется повышенной значимостью межличностного общения в раннем юношеском возрасте, а связь показателя общего фона

настроения с показателем общей рефлексивности характеризует большое влияние уровня общей рефлексивности на общий фон удовлетворенности качеством жизни.

Заключение. Общий показатель удовлетворенности жизнью личности в раннем юношеском возрасте имеет сильную корреляционную связь со значимостью на уровне $p < 0,01$ со всеми представленными показателями ее рефлексивности. Мы предполагаем, что связь общего показателя удовлетворенности жизнью и рефлексивности будущего ($r=0,733^{**}$, $p < 0,01$) объясняется тем, что ориентированность на будущее, уверенность в его успешности, позволяет личности чувствовать удовлетворенность жизнью и в настоящем. Связь общего показателя удовлетворенности жизнью в раннем юношеском возрасте с рефлексивностью общения ($r=0,729^{**}$, $p < 0,01$) можно объяснить аналогично связи ее с показателем общего фона настроения. Высокий уровень значимости ($p < 0,01$) и наличие сильной корреляции между общим показателем удовлетворенности жизнью и общим показателем рефлексивности личности ($r=0,830^{**}$, $p < 0,01$) доказывает существование тесной взаимосвязи удовлетворенности жизнью и рефлексивности личности в раннем юношеском возрасте. Таким образом, результаты корреляционного анализа подтвердили существование значимой взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью и рефлексивностью личности в раннем юношеском возрасте.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
2. Андрееенкова Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов / Н.В. Андрееенкова // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – №5 (99). – С. 189–215.
3. Аргайл М. Психология счастья / М. Аргайл. – СПб.: Питер, 2003. – 271 с.
4. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004. – 424 с.
5. Черткова Ю.Д. Взаимосвязь жизнестойкости с удовлетворенностью жизнью. В кн.: Международная междисциплинарная конференция "Стыки модерности: жизнестойкость личности и сообществ", Екатеринбург, 2016: материалы. Екатеринбург. – 2016. – С. 109–114.
6. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. – Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 180 с.
7. Фролова П. И. Психология и педагогика : учебное пособие / П.И. Фролова, А.В. Горина, М.Г. Дубынина. – Омск : СибАДИ, 2015. – 429 с.

К ПРОБЛЕМЕ АСОЦИАЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Чикова И.В., канд. психол. наук, доцент

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Орск, РФ
dasset1@rambler.ru

В настоящее время, не смотря на ряд инициатив государства в плане стабилизации социально-экономической ситуации, обозначаются все же показатели неблагополучия общества, ведущие к размыванию границ ответственности между семьей и обществом в аспектах воспитания и социализации детей.

В настоящее время в результате экономической нестабильности, утраты духовно-нравственных ориентиров появился ряд опасных тенденций, прежде всего, – возрастание асоциального поведения в детской, подростковой и молодежной среде (бродяжничество, ранняя алкоголизация, наркомания, нарушение норм морали, рост самоубийств и др.) [4].

Одним из самых злободневных вопросов современного общества является криминализация молодежи, увеличение количества детей и подростков с девиантным поведением, а также «омолаживание» категории трудных, делинквентных личностей.

Следовательно, обозначаемые вопросы сигнализируют об актуальности и значимости данной проблемы в реалиях нашего времени и социокультурной среды.

Подростковый возраст – это этап онтогенетического развития, имеющий достаточно сложное содержание, характеризующийся неординарностью в плане взаимодействия с зреющей личностью.

В силу возраста подростка увлекает полная свобода действий, безнаказанность, безнадзорность. Все чаще согласно статистике проявляется со стороны подростков безжалостность и стремление к насилию. Обозначаемые модели поведения соотносятся с понятиями «трудные подростки», «дети группы риска» [2].

Исходя из толкования в «Педагогическом словаре» Г.М. Коджаспирова, «группа риска – категории населения, в том числе дети и подростки, более других склонные совершать аморальные или уголовно наказуемые поступки» [3].

В научной психолого-педагогической литературе (Ю.В. Василькова, Е.В. Змановская, Н.В. Перешеин) понятие дети «группы риска» имеет ряд синонимических определений: «дети в трудной жизненной ситуации», «дети в особо трудных жизненных обстоятельствах», «дети, оставшиеся без попечения родителей», «дети в социально опасных условиях», «дети, нуждающиеся в общественном воспитании», «дети, нуждающиеся в помощи государства» и др..

Несмотря на вариативность понятия, неоспоримым является тот факт, что дети данной категории создают условия риска для социума, его нормального функционирования, так же риск сопряжен с возможностью утраты субъектами личностного развития, здоровья и жизни.

В общеобразовательном учреждении, как правило, дети «группы риска» - это учащиеся испытывающие сложности в обучении, в общении с педагогическим коллективом, сверстниками, социально незащищенные дети с педагогической запущенностью (М.В. Маслоva). У них отсутствуют психические и физические отклонения, их риск заключен в процессе воспитания или его полном отсутствии.

В «группу риска» входят подростки и из-за самых разнообразных показателей, это могут быть:

- генотипические особенности и врожденные травмы;
- социальное положение;
- особенности развития личности и др..

По мнению Е.И. Казаковой, можно выделить три основные группы факторов риска, создающих вероятностную опасность для ребенка, в числе которых психофизические, социальные и педагогические [1].

В данном ключе близка позиция В.Е. Летуновой, которая выделяет медико-биологические, социально-экономические, психологические, педагогические факторы риска [4-5].

В условиях образовательного учреждения важно выявить детей «группы риска», рассмотреть причиннообусловленность их поведения, организовать работу по реабилитации их в социальном, психологическом, педагогическом и других отношениях. Благоприятный результат можно прогнозировать, если данная задача будет решаться комплексно и в тесном взаимодействии всех участников образовательного процесса.

Однако на сегодняшний день существует ряд проблем на пути решения выше обозначенной проблемы: дефицит знания в области педагогического взаимодействия с детьми девиантного поведения и «группы риска», более того недостаточна научно-методическая база для выбора стратегии действий и поведения психолога и педагога.

Для решения проблемы конкретного ребенка и перевода его из «группы риска» в группу «норма», необходимо его социально-педагогическое сопровождение [10].

В психолого-педагогическом аспекте сопровождение рассматривается как метод, обеспечивающий создание условий для принятия субъектом оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора, целенаправленный, активный процесс, имеющий свои цели, предмет, функции, критерии, средства, результаты.

В.А. Лазарев сущность психологического сопровождения определяет, как усиление позитивных факторов развития и имеющихся способностей и нейтрализацию действия негативных факторов [25].

Психологическое сопровождение, таким образом, не предусматривает облегчения, гиперопеки сопровождаемого, а напротив, направлено на стимулирование его осознанной, целенаправленной активности в самопроявлении при возникновении проблем, трудностей.

Сущность психолого-педагогического сопровождения заключается в создании необходимых условий для проявления субъектности личности, в готовности оказать необходимую форму содействия (помощь, поддержка, консультация и т.п.) при возникновении трудности.

Итак, психолого-педагогическое сопровождение выступает важным условием, стимулирующим целесообразное и успешное поведение и самопроявление воспитанника в различных жизненных ситуациях.

Список литературы

1. Деветьярова И. Развитие способности саморегуляции поведения у трудных подростков / И. Деветьярова, Е. Абызова // Беспризорник. – 2013. – № 3. – С. 16–22.
2. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.И. Змановская. – Москва: Академия, 2006. – 290 с.
3. Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – Москва: Академия, 2001. – 176 с.
4. Прудникова Т.А. Психолого-педагогическое сопровождение детей группы риска в образовательном пространстве / Т.А. Прудникова // Беспризорник. – 2006. – № 6. – С. 45 – 51.
5. Точиева Л.И. Психолого-педагогическое сопровождение учащихся группы риска развития кризисных ситуаций/ Л.И. Точиева // Известия Южного федерального университета. – 2015. – № 8. – С. 117-122.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ МОНЕТАРНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ

Чуканов Е.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
chukanove.v@gmail.com

Динамичность и интенсивность социально-политических трансформации отображается в сдвигах экономических, социальных, культурных норм и ценностей, а также поиска приоритетности между материальными благами и морально-этическими нормами. Молодежь, являющаяся субъектом экономических отношений, оказывается в системе постоянно растущих конкурентных отношений по отношению к ним, что создает неустойчивый и непостоянный характер условий протекания экономической социализации и формирования экономического сознания.

Наряду с отношением к богатству и бедности, собственности и конкуренции отношение к деньгам является одним из ключевых компонентов экономического сознания. Исследователями отмечается, что монетарные установки влияют на качество жизни, самооценку, выполнение профессиональных и экономических ролей, адаптацию к изменениям в профессиональной и экономической сферах, влияют на временную перспективу молодежи и динамику развития социально-экономических отношений в обществе. К сожалению, необходимо отметить дисфункциональность институтов социализации, оказание информационной поддержки в области экономического просвещения, что в свою очередь приводит к низкому уровню монетарной грамотности молодежи, что оказывает негативное влияние на понимание природы социально-экономических изменений, деятельности в новых социально-экономических и профессиональных условиях.

На данный момент, монетарные отношения определяются, как компонент целостной системы отношений личности, отражающий ее индивидуальный, субъективно-оценочный, избирательный подход к деньгам как объекту действительности и представляющий собой интериоризированный опыт обращения с деньгами и взаимодействия с другими людьми по поводу денег в специфической социокультурной ситуации [2].

В монетарных отношениях, можно выделить отдельные компоненты: когнитивный (на уровне представлений о деньгах), аффективный (эмоциональная оценка денег) и конативный (мотивационно-волевые усилия). Монетарные отношения личности характеризуются относительной устойчивостью и обобщенностью представлений, характеризуют жизненную позицию человека к деньгам. Однако система отношений к деньгам включает в себя и подкомпоненты, такие как отношение к одалживанию, кредитованию, отношению к валюте и валютным операциям и др. Отмечается, что для молодежи деньги являются символическим воплощением престижа и власти. В поведенческом ракурсе данное явление приводит к быстрорастущим и не нужным тратам для поддержания имиджа. Субъективная переоценка денежных средств характерна для всего юношеского возраста, который охватывает диапазон 15-25 лет.

Старшие школьники отмечают важность денег, однако, данное отношение внутренне противоречиво. С одной стороны деньги рассматриваются как способ воплощения в жизни мечты, достижения независимости и способ обретения уверенности в будущем, но в меньшей степени как самоцель в жизни. С другой стороны, наравне с удовлетворением в семейной жизни, обретении интересной работы – деньги выступают терминальной ценностью. Трудовая деятельность не рассматривается с позиции самореализации, творческого потенциала или создания общественно полезных благ, она выступает инструментом получения материальных благ, компонентом которых являются также деньги.

Главное расхождение в монетарных установках между студентами и выпускниками школ заключается в видении способов получения денег и достижении успеха. Основными условиями для достижения успеха, среди школьников, являются настойчивость, инициативность и целенаправленность. Студенты же считают, что на успех будущей деятельности влияют талант, способности и трудолюбие. В отличие от выпускников у студентов сформировано представление ожидаемого дохода, а карьерные перспективы более реалистичны.

На монетарные установки также влияет образ богатого и бедного человека. Самоощущение как богатого или бедного влияет на профессиональные ориентации, что в дальнейшем приводит к формированию профессионального самоопределения личности. Дефицит денежных средств у молодых людей из семей с низким уровнем дохода является мотиватором к выбору профессии с высокими доходами, организации частного предприятия.

Студентам свойственно высоко оценивать взаимосвязь между социальным капиталом личности, личными связями и деньгами. У молодежи, которая позитивно оценивает деньги, формируется значимость личных социальных контактов не только с целью материального благополучия, но и с целью экономии времени за счет разрешения проблем при помощи личных контактов. Данная связь, по их мнению, приводит к экономии денег.

Также наблюдается противоречие между разнообразием желаний и возможностью их реализации. Данное противоречие в молодежной среде может разрешаться путем поиска дополнительного заработка, что может препятствовать основной (учебной) деятельности. Совмещение работы с обучением приводит к дефициту времени, что отражается на качестве трудовой деятельности, образования, семейных взаимоотношениях. Результатом такого совмещения является снижение качества эмоциональных, культурных и интеллектуальных переживаний.

Таким образом, необходимо отметить, что монетарные установки являются важным компонентом экономической социализации. Монетарные установки молодежи могут быть обусловлены стремлением к финансово-экономической независимости, началом трудовой деятельности и др. В структуре монетарных установок можно выделить несколько основных компонентов: общая оценка денежных средств; отношение к деньгам, как способу удовлетворения основных потребностей личности; отношение к способам получения денежных средств и отношений к различным видам деятельности с целью обогащения.

Список литературы

1. Белицкая Г. Э. Особенности отношения деньгам: деньги как предмет личностного осмысления // Ежегодник РПО : м-лы III 149 Всероссийского съезда психологов (25–28 июня 2003 г.) : в 8 т. Т. I. СПбГУ, 2005. — С 379–382.

2. Журавлев А. Л. Отношение личности к деньгам как фактор ее ориентации на культурные ценности: программа исследования // Современная психология: Состояние и перспективы исследования. – М. : Ин-т психологии РАН, 2002. – С. 42–63.
3. Семенов М.Ю. Исследование понятия "деньги" методом ассоциативного эксперимента // Вестник Омского университета. 2003. № 3.- С. 139-142.
4. Семенов М.Ю. Представленность денег в образе мира// Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 12.- С. 66-67.

УДК 316.6

НЕКОТОРЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИЗМЕНЕНИЮ МНЕНИЯ ЛЮДЕЙ ПРИ РАБОТЕ С МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ

Шайкина Е.А., канд. пед. наук, доцент
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко», г. Луганск, ЛНР
lugelenalug@gmail.com

Введение. Информационное пространство в современном мире является значимой составляющей в жизни любого общества и каждой личности. Без преувеличения можно сказать, что человек постоянно находится под влиянием прямого или косвенного воздействия информационного потока. Идет борьба идеологий за влияние на массовое сознание. В этой связи специалистам, работающим с массовым сознанием, следует учитывать тот факт, что идеология может быть какой угодно: консервативной и радикальной, светской и религиозной, агрессивной и пацифистской, патриотической и космополитической, массовой и элитарной и т.п. Однако она не может быть научной, т.к. у науки и у идеологии разный предмет: наука всегда ищет истину, а основная цель любой идеологии – выгода для своих носителей. Научную истину идеология признает лишь тогда, когда эта истина совпадает с ее догмами. Научной в некотором смысле можно назвать ту идеологию, которая использует научные знания для более эффективного воздействия на сознание людей.

Цель нашей работы – дать некоторые рекомендации по технологии изменения чьего-либо мнения, а, возможно, и мировоззрения.

Основная часть. Когда вы ставите своей задачей изменение чьего-либо мнения или даже мировоззрения следует учитывать социальные мифы, общественные догмы и другие иллюзии, а так же вполне резонные убеждения, основанные на здравом обобщении конкретного опыта.

С этой целью при работе с массовым сознанием могут быть использованы нижеизложенные психологические рекомендации.

Никогда не следует атаковать по всем направлениям, не трогайте того, что вам не нужно для достижения вашей цели в данный момент.

Выделите утверждаемую или опровергаемую вами идею из круга сопряженных идей и четко доводите ее до массового сознания. Не следует сразу ставить слишком большие цели. В данном случае надо правильно рассчитывать свои силы.

Помните, что, переубеждая человека, вы вторгаетесь в его сознание, что для этого человека весьма болезненно. Поэтому следует подумать над тем, как причинить ему поменьше боли. В противном случае вы можете столкнуться с агрессивным противостоянием и неприятием вашей позиции без объяснений объективных причин. Постарайтесь выделить в атакуемой идее ее ценностное ядро в сознании данной аудитории. Спросите, почему им так близка эта идея, принцип, политический деятель и т.д.

Определите, можно ли противостоящую вам идею или хотя бы какую-либо ее часть обратить в вашу пользу, найти и развить какой-то общий элемент в старом и новом. На этом этапе постарайтесь показать и доказать, что этот элемент лучше работает в предлагаемой вами новой мировоззренческой схеме. Так Китай продолжает строительство социализма, но уже с элементами капиталистического строя.

Всегда помните, что чем абсурднее социальный миф, тем крепче люди держатся за него, т.к. недостаток фактов и логики приходится компенсировать слепой верой, отклоняющей все возражения с первых слов. Любая вера имеет под собой крепкую иррациональную основу и когда все логические доводы исчерпаны, а ситуация не разрешается, человек склонен обращаться именно к вере.

Постарайтесь присоединить к непротиворечащей вашему убеждению свою идею и продолжайте ее развивать. Так коммунистический лозунг «Кто был ничем, тот станет всем» был взят из христианской идеологии.

Специалист по работе с массовым сознанием должен хорошо уметь разграничивать в идее ее словесную, лозунговую форму от реального культурного, профессионального или социально-политического содержания. Зачастую содержание какой-либо идеи и ее форма расходятся, старая словесная форма наполняется новым содержанием, умело приспособленным к чьим-то нуждам, а старая идея как обретает новую словесную оболочку и продолжает существовать дальше. Так в разные исторические периоды одно и то же явление перехода собственности называлось экспроприацией и реприватизацией. Социалистический коллективизм приобрел форму соборности.

Все это – типичные явления логики стереотипов, присущие эпохам социально-политических и духовных кризисов. В конце каждой такой эпохи выясняется, заменился ли данный стереотип другим или выжил, а возможно и усилился, обретая новую форму, позволяющий ему успешно функционировать в новых условиях.

В меняющихся социально-политических и информационно-культурных условиях надлежит заниматься серьезным анализом

соотношения содержания и формы стереотипов, их изменений и перестановок.

Нельзя отнять у человека веру, не дав ничего взамен. Вместо идеи, которая опровергается, надо непременно дать иную, лучшую. Критики, способные лишь опровергать, могут иметь успех только в относительно короткий период великой ломки идеалов. В поиске новых идей – общенародных или групповых – победит тот, кто наиболее органично задействует глубинную сферу стереотипов данного сообщества и, прежде всего, коренных матриц общественного сознания – архетипов, по К.Г. Юнгу.

Именно в период социальной нестабильности появляется большое количество идеологий и верований, т.к. у людей есть потребность заполнить внутреннюю пустоту, образовавшуюся после утраты веры. И именно в этот период человек как никогда готов к восприятию новой идеи.

Заключение. Таким образом, предложенные нами рекомендации по изменению мнения людей при работе с массовым сознанием могут быть использованы соответствующими специалистами как для оказания влияния на определенные группы населения, так и для блокирования аналогичного влияния со стороны идеологических оппонентов.

Список литературы

1. Черная риторика: Власть и магия слова / Карстен Бредемайер; Пер. с нем. –2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. –224 с.
2. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика коммуникации. 3-е изд. – М.: Дело, 2001. – 480с.
3. Леммерман Х. Уроки риторики и дебатов: пер. с нем. – М.: Уникум-пресс, 2002. – 336 с.

УДК 159.913

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ

Шелиспанская Э.В., канд. пед. наук

ГОУ ВО «Тульский государственный педуниверситет им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
shel.ell@inbox.ru

В научных дискуссиях последних лет всё чаще идёт речь о сохранении психологического здоровья детей, о методах и средствах сохранения устойчивости их психики и эмоционального благополучия. Дети всегда были и являются приоритетной группой, так как уровень их

образования и общей культуры, состояние здоровья материализуются в здоровье нации, в качестве жизни населения.

Однако, распространенность в России психических расстройств у детей и подростков по данным статистики существенно выше, чем цифры, полученные соответствующими методами, где-либо в мире: при использовании сопоставимых методов и диагностических критериев – примерно в 2 раза выше, чем в европейских странах. По данным психиатрического оценивания 15,3% российских детей и подростков имели отклонения, соответствующие диагнозу психического расстройства, поведенческие расстройства были выявлены у 8,6 % детей, гиперкинетические расстройства – у 1,3% детей [4].

Перечисляя факторы, приводящие к нарушениям психологического благополучия детей, многие авторы однозначно указывают на трансформации, произошедшие в последнее десятилетие в современной детской субкультуре. Это, прежде всего, факторы дисбаланса социально-экономической ситуации в семье (изменения в социальном статусе, благосостоянии), негативного влияния возрастающих и неконтролируемых информационных потоков, экспансия современных СМИ, рекламирующих геймер- и видеопродукцию для детей. Сюда же следует отнести повышенный уровень ожиданий родителей, педагогов по отношению к детям, интенсификация дошкольного образования, разбалансированный режим труда и отдыха ребенка, посещающего образовательные и развивающие курсы, и как следствие, психоэмоциональные перегрузки. В результате мы наблюдаем ребёнка с внешними признаками взрослости (интеллектуализм, излишний рационализм) при внутренней социальной незрелости и инфантилизме [2].

Также, наблюдается очевидный распад многих социокультурных механизмов, задававших специфику детства: многопоколенная и многодетная семья, детский фольклор, разновозрастное сообщество ребят во дворе дома. Современные дети мало общаются со сверстниками, не имеют ни места, ни времени для активных игр. Естественные механизмы трансляции игры стали нарушаться, взрослые перестали брать на себя функцию приобщения к игре. Этому барьеру также способствует тот факт, что в старшем дошкольном возрасте игры дошкольника начинают строиться преимущественно на материале современной детской культуры, которая незнакома их родителям.

У современного поколения детей изменились внешние формы активности, заметно потускнела сюжетно-ролевая игра. Тот уровень игры, который полвека назад считался возрастной нормой для старших дошкольников, в настоящее время является исключением. Как отмечает Е.О. Смирнова во многом, предметная и пространственная среда ДОО не способствует, а часто препятствует созданию игрового пространства. В детских группах в стационарных игровых уголках располагают

реалистические игрушки с фиксированным и стереотипным способом действия (пластмассовые овощи и фрукты, посуда, инструменты и пр.). Дети быстро теряют к таким игрушкам интерес, поскольку их набор остается неизменным в течение ряда месяцев. Автор также указывает, что в режиме дня современных дошкольных образовательных организаций на свободную игру фактически не остается времени. Игра все чаще рассматривается взрослыми как развлечение, как бесполезный досуг, которому противопоставлены целенаправленное обучение и овладение полезными навыками (приобретение навыков счета, письма, чтения) [5, с. 52].

Среди прочих особенностей современного детства, Е.Е. Клопотова выделяет чрезмерную структурированность детской жизни, перенасыщенность детской субкультуры содержанием, которое взрослые создают для детей и которая лишает их возможности для проявления инициативности и самостоятельности. Родителя определяя содержание свободной деятельности детей, далеко не всегда соотносят его возрастным потребностям, что не влияет положительно на развитие детей [4, с. 90].

В среде современных дошкольников почти не представлен такой компонент детской субкультуры, как детский фольклор. В.В. Абраменкова еще в начале столетия указывала, что дети не знают и не умеют пользоваться мирилками, дразнилками, страшилками, а они, как раз и составляют то содержание детского фольклора, которое передается из поколения в поколение и обеспечивает некоторую стабильность в овладении правилами регуляции поведения и эмоциональных переживаний [1].

Характерным явлением современности стала маркетизация детства, где игрушка из средства игры превратилась в товар, в некое «имущество» ребенка, которое не становится побудителем их игровой активности [5, с. 52]. Во многих вариантах современная игрушка – уже не предмет игры, а лишь объект наблюдения за ее технической оснащённостью.

Доказано, что психологическое благополучие ребенка непосредственно связано с влиянием ближайшего окружения и образом жизни семьи. Центральное место в системе нарушений психологического здоровья у детей занимают ситуации дисфункциональных состояний детско-взрослой общности: скудность и/или извращенность базальных условий жизни и духовно-нравственных её оснований, недостаточность и/или неадекватность социокультурных условий развития, размытость и/или приземленность мировоззренческих установок ближайшего окружения ребенка [6, с. 99].

Современный дошкольник демонстративен, истеричен, не способен к самоорганизации, у него слабо развитая мотивационно-волевая сфера, зачастую проявляя неосознанность себя и своего поведения. Подобная ситуация создаёт серьёзные вызовы для детских психологов. Для сохранения и укрепления психологического здоровья детей важно не

только ограничить негативное влияние дисгармонических факторов современной детской субкультуры, но и обеспечить активное участие и взаимодействие в этом процессе всех лиц, сопровождающих благополучное развитие ребенка: психолога, педагогов ДОО и родителей.

Список литературы

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та; Воронеж: Изд-во Модэк, 2000. – 416 с.
2. Боголюбов Л. В. Психологическое здоровье современного ребёнка в детском саду // Вопросы дошкольной педагогики. – 2017. – №1. – С. 16-19.
4. Клопотова Е.Е. Изучение субкультуры современных дошкольников // Дошкольное воспитание. – 2017. – №1. – С. 87-91.
5. Смирнова Е.О. Игра в современном дошкольном образовании // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2014 (14). – № 1.
6. Шувалов А. В. Психологическое здоровье человека // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Е Психология. – 2009. – Вып. 4 (15). – С. 87–101.

УДК 159.942

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ДОНБАССКОГО СИНДРОМА»

Шульга В.В., канд. психол. наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
shulga55@rambler.ru

История человечества изобилует войнами и военными конфликтами, но, только начиная с 20 века, мировое сообщество начало систематически на научной основе анализировать последствия военных действий. В ходе многочисленных исследований, помимо экономических, политических, социальных, выявили гораздо более масштабные последствия войн, влияющие на психофизическое здоровье военнослужащих, на их психологическую уравновешенность, мировоззрение. Эту тематику начали интенсивно разрабатывать после вьетнамской и афганской войн, появилось понятие афганского и вьетнамского синдромов, как проявлений посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) [1].

В настоящее время «послевоенный синдром» (или «синдром войны») в научной и популярной литературе имеет различные названия - вьетнамский, иракский, афганский, чеченский или любой другой - в зависимости от страны и военной кампании. Какое бы название не присваивали подобным синдромам, они имеют единую основу – это тяжёлое психическое состояние, которое возникает в результате

воздействия психотравмирующих ситуаций, среди которых по степени воздействия выделяют: участие в военных действиях, физическая травма, угроза смерти. Послевоенный синдром проявляется в расстройстве психики человека и характеризуется острыми приступами глубокой депрессии, неконтролируемыми всплесками негативных эмоций, что представляет серьезную опасность для самого человека и его окружения.

Согласно мировой статистике, каждый пятый участник боевых действий, при отсутствии физических повреждений, страдает нервно-психическими расстройствами, а среди раненых – каждый третий. Это официальная статистика, она отражает вершину айсберга – огромного массива различных психосоматических нарушений, которые остаются у человека после экстремальных воздействий. Некоторые последствия проявляются через месяцы после возвращения к обычной жизни [1].

Американские психологи утверждают, что у людей с синдромом войны в пять раз выше вероятность остаться безработными, чем у обычных граждан. Разводы были у 70 % из них, проблемы с детьми – у 35 %, вели себя враждебно 40 %, половина попала в тюрьму. Треть всех заключенных в американских тюрьмах прошли Вьетнам. И это притом, что в США существует множество социальных программ, которые помогали ветеранам военных действий избавиться от «комплекса Рембо», алкогольной зависимости и прочих последствий ПТСР.

Последствия военных действий на Донбассе нашли свое отражение в появлении «донбасского синдрома» (далее ДС), который имеет свою специфику. Проявления подобного синдрома среди населения и непосредственных участников военных действий на Донбассе тотально, он формируется на фоне кардинальных социальных, политических, экономических изменений, которые более всего вызывает аналогии с событиями в Югославии. ДС – трагедия в жизни всех возрастных и демографических групп ДНР, его симптомы распространяются на все социальные слои, а дальнейшая неопределенность с Донбассом лишь усиливает проблемы. Анализ ответов на опросник «Донбасский синдром», проведенный сотрудниками Донецкого медуниверситета, показывает, что большую часть респондентов беспокоит сложившаяся ситуация, они испытывают финансовые затруднения; лишены оптимизма и оценивают происходящее как «все плохо» [2]. Отметим особенности ДС, проявляющиеся во всех сферах социума, в общественных и межличностных отношениях групп и индивидов.

1. ДС выступает проблемой общенационального масштаба, ему подвержены участники вооруженного конфликта по обе стороны разграничения, о чем свидетельствуют публикации, в том числе, украинских врачей, психиатров и социологов, которые констатируют рост суицидов и преступлений среди военных, вернувшихся из зоны АТО.

2. В основе вооруженного противостояния лежит идеологический конфликт одного этноса, который базируется на различиях в ценностях

локальных субэтнотосов: ориентация на европейские ценности и ценности «русского мира». Мы видим трудный процесс рождения нации, которая ищет свою национальную идентичность и строит государственность.

Тернистый путь поиска идентичности происходит на фоне военных действий с людскими потерями и личными трагедиями, он осложняется еще и тем, что территориальный раздел не является гарантией раздела идеологического. На территории ДНР живут люди, которые разделяют идеологию официального Киева, в тоже время на территории Украины проживают граждане, которые являются патриотами Донбасса, и во многом симпатизируют его жителям.

3. Война на Донбассе лишена элементов партизанской войны, как это имело место во Вьетнаме, Афганистане, Чечне. Линия противостояния четко обозначена, граница очерчена, блок-посты поставлены, зачатки территориального и государственного разделения сформированы.

4. Гражданская война в Донбассе как социальная реальность создает новый конгломерат отношений, позволяет делить людей на «наших» и «не наших». Идеологический раскол прошел среди близких людей, друзей и родственников. При этом, с обеих сторон всплеск патриотических чувств, которые рано или поздно отойдут на второй план, и останутся трагические факты: десятки тысяч погибших и раненых, Это рождает непреодолимый эмоциональный барьер на индивидуальном и государственном уровнях.

5. Возникновение ДС сопровождается увеличением доли бессознательного в массовом сознании. Коллективное бессознательное, в частности, проявляется в том, что украинское общество не стремится вернуть обратно Донецкую и Луганскую области, оно не чувствует их своими, и, сознательно или бессознательно, отторгает их. На данный момент население ДНР и ЛНР маргинализировано, жители республик не принадлежат ни российскому, ни украинскому обществу, что порождает массу проблем, присущих маргинальным личностям. Переплетение идеологических позиций, их размытость и взаимопроникновение лишь усиливает маргинализацию населения и затрудняет построение собственной государственности. Нужно отметить еще одну особенность, которая требует отдельного анализа и исследования. Население по обе стороны линии разграничения находится под латентным воздействием «стокгольмского синдрома», когда героизирует своих защитников и разделяет их идеологические установки.

6. Межконфессиональный конфликт на уровне патриархатов провоцируется искусственно, что для верующих людей вносит свой вклад в ДС и способствует его усилению.

7. К порожденным ДС угрозам следует отнести существенное перераспределение социальных ролей и статусности профессий. Большая часть трудоспособного населения Республики поставлена перед необходимостью менять сформированные стереотипы социально-

экономического поведения, уровень привычного качества жизни. За годы войны в процессе формирования боеспособной армии возросло число военных, большая часть которых ранее принадлежала к гражданскому населению. При этом, значимость шахтеров, как реальной экономической и политической силы, снизилась. Испытывают трудности с социальной интеграцией представители «белых воротничков», чье материальное и социальное положение тесно коррелирует с общей неблагоприятной экономической ситуацией в стране, поскольку их услуги и потенциал наиболее востребованы в развивающейся экономике.

8. И последнее, что хотелось бы отметить, но не последнее, что характеризует специфику ДС, – это целый комплекс эмоциональных зависимостей всех сторон военного конфликта в Донбассе друг от друга. Зависимости проявляются и в «образе врага», и в монополии на контрабанду, и в заинтересованности в продолжении войны.

Список литературы

1. Алехин А.Н., Вертящих Н.Н. Социально-стрессовые расстройства трудоспособного населения. (Клинико-психологическое исследование). [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. N 3. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 15.09.19).
2. Игнатенко Г.А.; Налётова О.С.; Титиевский С.В.. Депрессия и жизненное истощение у больных гипертонической болезнью, проживающих на территории Донбасса, как следствие «донбасского синдрома». Университетская клиника, [S.l.], n. 2(27), p. 5-11, июнь 2018. – ISSN 1819-0464. – Доступно на: <http://journal.dnmu.ru/index.php/UC/article/view/149>. (дата обращения: 09.09.19)

УДК 159.923

СИНХРОНИЯ В АСПЕКТЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

Яновская Л.В., канд. психол. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Введение. В исследовании жизненного пути личности одним из наиболее важных параметров является время. Жизненный путь как движение разворачивается и во времени, и в пространстве.

Жизненное пространство можно определить как систему отношений личности (к людям, к объектам внешнего мира, к деятельности и к себе), как взаимодействие с социальными объектами, как систему мотивов (жизненное пространство в теории поля К.Левина), как независимые от субъекта обстоятельства, и т.д.

В.Э.Чудновский сопоставляет понятия «жизненный путь» и «жизненное пространство», считая, что жизненное пространство является

взаимосвязью субъекта и самой жизни, системой, в основе которой находится смысловое поле личности[4]. В целом, мы наблюдаем, что в контексте исследований жизненного пути определение жизненного пространства производно от показателя времени жизни. Время также рассматривается как четвертое измерение пространства, через которое осуществляется само изменение этого пространства.

Основная часть. Большинство исследований жизненного пути личности в качестве основного показателя используют время. Ш. Бюлер признана одной из первых, кто исследовал жизненный путь личности. Она рассматривала «событие» как единицу жизненного пути и сопоставляла три линии, три параметра: объективные события жизни, творческие достижения (продуктивность), состояния внутреннего мира - типичные для определенного возраста переживания. Однако в результатах ее исследований внешние события с внутренними не совпадали; а тем самым субъективное и объективное времена оказались не соотнесенными.

Время принято определять как циклическое (повторяемое) и линейное (однонаправленное, неповторяемое, имеющее завершенность). Физиологические ритмы и регуляция движения и деятельности – это циклическое время, тогда как отражение человеком физического времени и организация времени жизни – линейное время.

Природное время в большей степени характеризуется циклическостью (день-ночь, времена года), общественно-культурное время – линейностью (рождение – расцвет – регресс – смерть). Циклическое время энергетически более ресурсно – это «вечное возвращение», обновление, это то, что не подвластно разрушению, будущее в нем является одновременно прошлым. Линейное время – время человека, сознательной деятельности. Человеческая речь является наиболее отчетливым проявлением и осуществлением линейного времени. Линейное время – это сознательная произвольная деятельность человека. Но то, что лежит за ее пределами – вечность, – это циклическое время. Яркий мифический образ Кроноса, пожирающего своих детей, отражает конфликт вечного и временного.

В ранних культурах время определялось двумя аспектами – то, что уже существует, и то, что еще не воплотилось. В древнем Китае, например, разделяется «раннебесный порядок вещей», – существующий до проявления, до рождения, и «позднебесный» – существующий после рождения.

Циклическое время в жизненном пути человека, это не только то, что предшествует рождению и возвращается после смерти, но и то, что составляет его образ жизни, его жизненный комфорт и осмысленность, - субъективное личностное пространство. Развитие сознания, и вместе с ним усложнение произвольной деятельности неизбежно влекут за собой изменения в этом пространстве. Объективным является не только сама

произвольная активность личности, но и условия ее осуществления – события внешнего мира как социального, так и природного. Личность как субъект осуществляет жизненный путь меж двух миров: внутреннего и внешнего, одновременно соединяя в своих деяниях линейное и циклическое время. Так, Дж.Бирнбалл исследуя эти взаимосвязи, под линейным временем понимает повседневное время, представляющееся линией, протянутой в будущее и служащей мерой социального изменения. Циклическое время – это возвращение в прошлое, сохраняющее социальную непрерывность[3].

Соединение линейного и циклического времени представляет собой спиральную форму – этот образ подчеркивает постоянный переход на новые уровни организации, Осуществление произвольной активности (в линейной перспективе времени) – достижение целей, освоение новых видов деятельности, развитие способностей приводит к изменению уклада жизни, жизненного пространства (циклическое время).

Однако в движении жизненного осуществления личности происходят по разным причинам остановки и паузы. Личность начинает испытывать дефицит произвольной активности, – нет новых целей, нет воодушевления, нет ощущения жизни, каждый день становится похож на другой в череде серых будней. Внешний мир становится чужим, свой переживается как закрытый. Возникает проблема утраты диалога с внешним миром. Рациональный поиск способов изменить эту ситуацию не приводит к удовлетворяющим результатам. Надежда на изменение (произ)вольно или не(произ)вольно переходит к бессознательному пласту психики.

К.Г. Юнг первым описал явление синхронии. Синхронию можно определить как «случайное» появление двух событий, не связанных причинно-следственными отношениями, но имеющих общее основание в смысловом пространстве. Юнг приходит к выводу о наличии в жизненном пространстве самосуществующих объективных смыслов, которые не являются продуктом психики, но присутствуют одновременно как внутри психики, так и во внешнем мире.

В контексте линейного и циклического времени – совпадение представляет собой связь внутреннего циклического и внешнего циклического времен.

Случайные «неслучайности» не просто восстанавливают диалог личности и внешнего мира, но помогают найти смысловые опоры во внутреннем пространстве.

Юнг установил, что часто его пациентам снились символические образы, которые затем странным образом совпадали с внешними событиями. Если рассматривать внешние события так, как если бы они были символами, то их смысл будет совпадать с событиями из снов. Кажется, что это чаще происходит тогда, когда какой-либо архетип

активизируется в бессознательном наблюдаемого, создавая состояние высокого эмоционального напряжения. В такие моменты душа и материя, кажется, более не представляют собой отдельные данности, но организуются в идентичную, осмысленную, символическую ситуацию. Это выглядит в такие моменты так, как если бы физический и психический миры были бы двумя гранями одной и той же реальности. Такую цельную реальность Юнг назвал *unus mundus* – единый мир [1, с. 36].

Осуществление жизненного пути – время жизни в жизненном пространстве – как нечто единое представляет собой «хронотоп». Раскрывая это понятие, В.П. Зинченко пишет: «Вне смыслового измерения хронотоп в принципе невозможен. Если, согласно М.М.Бахтину, время – это четвертая координата континуума бытия – сознания, то смысл – пятая (или первая), не по хронологии, разумеется, а по значимости» [2, с. 42].

Подводя итог, отметим, жизненный путь человека, измеряемый временем и пространством, может быть интегрирован и осмыслен только при условии наличия синхронистичных событий, - именно они позволяют соединить различные аспекты жизни.

Список литературы

1. Болен Жан Шинода. «Психология и Дао». – М., 2001. – 112 с.
2. Зинченко В.П. Человек в пространстве времен // Развитие личности. – № 3. – 2002. – С. 23-50
3. Современные социологические теории социального времени. – Научно-аналитический обзор – ИНИОН РАН, Москва, 1992. – 96 с.
4. Чудновский В.Э. Жизненное пространство личности. Смысл жизни и судьба Вилена Эммануиловича Чудновского. Коллективная монография/ Ред. Н.Л. Карпова, Т.А. Попова, Г.А. Вайзер. – М.: ПИ РАО, 2017. – С. 32-45.

УДК 159.97

ГРУППОВЫЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КАК ФАКТОР КОГНИТИВНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Яновский М.И., канд. психол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
m.i.yanovsky@mail.ru

Государственный переворот, произошедший в 2014 г., привел к серьезным деформациям сознания граждан Украины. Опыт общения указывает на потерю значительной их частью способности к отражению объективной реальности, различные признаки «невменяемости». Очевидно, это невозможно без участия определенных психологических механизмов. Рассмотрим один из таких возможных.

Субъекты государственного переворота выбрали в качестве рычага социального управления и консолидации людей идеологию донцовского нацизма и элементы национализма, т.е. группового сплочения на определенной мифологической (псевдомифологической) основе. При этом сплочение достигается не только декларированием определенных ценностей, но и намеренно или ненамеренно создаваемым блокированием доступа людей к реальности. Две эти функции вместе – сплочение сообщества и отрыв его от реальности – мы можем идентифицировать как признак реализации так называемых групповых защитных механизмов. Концепт «групповые защитные механизмы» был предложен российским психологом В.А. Штроо [1].

Понятие «защитные механизмы» изначально возникло для анализа личности, для объяснения того, как сохраняется целостность и стабильность при деструктивных внутренних или внешних факторах. Однако социальная группа во многом аналогична личности: она так же является субъектом, так же обладает аналогом личностной Я-концепции – групповым «Мы-образом», и так же стремится к сохранению своей целостности и стабильности. Поэтому свои формы защитных механизмов могут быть и у группы. Действительно, помимо организационных действий, поддерживающих целостность группы, могут быть разные формы когнитивно-аффективного переструктурирования ситуаций, не затрагивающего объективных характеристик ситуаций. Такое переструктурирование производит трансформации в перцептивной и смысловой сфере членов группы, и продуцирует специфические «фантомы» группового сознания, которые поддерживают позитивное состояние группы, но не адекватны объективной ситуации функционирования группы [там же]. Это и есть групповые защитные механизмы.

По В.А. Штроо причинами формирования групповых защитных механизмов являются страх, противоречия группы с реальностью и/или внутригрупповые противоречия. Штроо обобщил существующие в литературе описания групповых защитных механизмов и свел их в перечень из 10 их разновидностей. Анализ показывает, что практически все они свойственны современному украинскому общественному сознанию, «подогретому» внедряемыми нацистскими ценностями. Далее приводим такие сопоставления.

Групповые табу (запрет на обсуждение или действия, представляющие опасность для целостности группы): в украинском обществе табуированы множество тем: гражданский характер войны Киева с Донбассом (а не война с Россией); действия ВСУ по обстрелам гражданского населения Донбасса; преступления бандеровцев во время Отечественной войны; роль новой власти в появлении «небесной сотни»; рост доходов олигархов после «майдана» и т.д.

Группомыслие (стремление к единомыслию становится важнее реалистической оценки ситуаций). При группомыслии у группы появляются иллюзии собственного совершенства и неуязвимости, усиливаются требования лояльности от членов группы, возникает самоцензура, самозванные «хранители устоев», происходит стереотипизация соперника как врага [там же]. То же и в современном украинском обществе: всем навязывается одинаковые трактовки истории Украины, современных событий, усиливается самоцензура на всех уровнях, появляются многочисленные «хранители устоев» (т. наз. «Институт памяти», Фарион и т.д.).

Групповые ритуалы: ритуальное поклонение «небесной сотне», ритуальные факельные шествия, ритуальное скакание на месте с патриотическими возгласами, приветствия типа «Слава Украине, героям слава», ритуальная нецензурная брань в адрес руководства России и т.д.

Ингрупповой фаворитизм (межгрупповое сравнение в пользу своей группы): «украинский народ более культурный, чем соседние восточные народы, в частности, русские»; «Украина – прародина лучших достижений человечества» и т.д.

Самоизоляция: запрет на российское ТВ и радио; блокировка доступа к различным сайтам в интернете; ограничение транспортного сообщения с Россией и Донбассом.

Групповой миф (искаженные представления о себе и роли своей группы с целью обеспечения эмоционального комфорта): замещение истории Украины совокупностью мифов о ее древности, о роли в развитии человечества. Исследователи отмечают, что обычно групповые мифы формируются на почве какого-то неразрешенного кризиса, чего-то травмирующего. На этом месте «"водружается" некоторый фантом, призванный благоприятным образом заменить отсутствующее» [там же, с. 7]. Например, в семье о папе, попавшем в тюрьму, создается миф, что он разведчик на задании. Исходя из этого, понятной становится причина создания, например, такого «экстремального» мифа, как выкапывание Черного моря древними украинцами. Причина – в травмирующей общественное сознание неопределенности исторических прав Украины на Причерноморье.

Стереотип «аутгруппы» (правила восприятия чужих): стереотип «вековечного» врага украинцев – «москалей», которые оцениваются как склонные к рабству (но, одновременно, к порабощению других), некультурные и агрессивные.

Фиксация внутригрупповой статусной иерархии: существуют касты «неприкасаемых» – богатые люди, патриоты-русофобы, ветераны войны с Донбассом, гости с «цивилизованных» (западных) стран.

Формализация внутригрупповых коммуникаций: жесткая языковая политика; навязывание украинского языка как единственного средства коммуникации.

Экстернальная атрибуция неудач групповой деятельности: во всех неудачах виновато Российское государство, его руководство и национальные черты русского народа.

Система таких групповых защит создает когнитивные деформации и, в целом, своего рода когнитивный «колпак» над украинским социумом, делает его сплоченным и довольным собой, но невосприимчивым к реальности – ни к фактам, ни к причинно-следственным связям. Остается отметить, что это напоминает глобальный эксперимент над целым народом, с неизвестным результатом.

Список литературы

1. Штроо В.А. Исследование групповых защитных механизмов // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 5-15.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

<i>Александровская В.Н.</i> Идеальный образ государства как культурно-историческое образование	5
<i>Андреева Т.А.</i> Специфика вербальных коммуникаций в полиэтническом регионе	8
<i>Бартагариева И. И.</i> Правовая рациональность: типы и атрибуты	11
<i>Белицкий А.А.</i> Понятие «мистицизм» в трактовке представителей религиозных конфессий	14
<i>Белюрко Н.М.</i> Значение трактовки «индивидуальность» в полиэтническом Донбассе ...	17
<i>Бойчук С.С.</i> Духовные упражнения «заботы о себе» в антропологическом проекте обретения человеческой сущности	19
<i>Быданов В.Е.</i> Проблемы национально-культурной идентичности и базовых национальных ценностей в динамике глобализации	22
<i>Волошин В.В.</i> Редукция инструментализма в современном образовании	26
<i>Гершунин С.А. Алов А.А.</i> Революция в физике начала XX века: проблема перехода от нормальной науки к экстраординарной	29
<i>Глебов Е.В.</i> К вопросу о праве женщин на самоопределение	32
<i>Глушко Е.С.</i> Онтология – событийное представление в сознании общества	34
<i>Гришанова Е.В.</i> Философское осмысление феномена комического в профессиональной деятельности педагога	37
<i>Даниленко Г.Э.</i> Онтологические характеристики исторического процесса: субстанция, субстрат, субъект истории	40
<i>Даренская В.Н.</i> Атеизм как мировоззренческий феномен	43
<i>Даренский В.Ю.</i> Культурно-философские измерения медицины	46
<i>Емельянова Н.Н.</i> Эпоха, схваченная мыслью	49
<i>Жданова И.В.</i> Строение религиозного акта и историко-культурная обусловленность: И.А. Ильин об «объективности» в религиозных спорах	52
<i>Казакова О.Н.</i> Методология исследования знаково-символической реальности....	55
<i>Камарали А.В.</i> Культурно-цивилизационное измерение современного мира	57
<i>Клименко А.Б.</i> Труд, как основа идентичности Донбасса	59
<i>Комисова Е. И.</i> Философия современного кинематографа (на примере религиозного триллера Д.Аронофски «Мама!»)	61
<i>Коновалов А.Г.</i> Н. Бердяев «Взгляд сквозь время»	64
<i>Копилян В.А., Копилян Т.В.</i> Русское доборотворение как философское осмысление социальной реальности	66
<i>Крапивин А.В.</i> К вопросу о некоторых социально-гуманитарных аспектах полиэтнического Донбасса	68
<i>Кузнецова Т.М.</i> Феномен российской интеллигенции	70
<i>Лобовикова Е.А.</i> Рекламное мифотворчество как способ конструирования современной культуры	73
<i>Македон Е.А., Петрова Е.И.</i> Социально-философский анализ дефиниции «этнос»	77

<i>Матвиенко Е.А.</i> Генезис идеи о человеческом достоинстве в политико-правовых учениях	79
<i>Миргородский А. А.</i> Философско-правовые идеи Павла Ивановича Новгородцева	81
<i>Мирный А.А.</i> Постановка темы виртуальной и дигитальной сущность сознания	82
<i>Михайлов А.Е., Михайлова М.В.</i> Правда как основание законодательства в философии права К.А. Неволлина	85
<i>Науменко О.А.</i> Некоторые философские аспекты правовых, религиозных и нравственных идей в учении зороастризма	88
<i>Некрасов С.Н.</i> Новое столкновение цивилизаций: место, роль России и новые государства	91
<i>Павловская О.А.</i> Феномен гражданского общества в условиях социальной транзитивности	94
<i>Патерыкина В.В.</i> Кафкианский топос соотношения власти и человека	97
<i>Пашкова Н.В., Кузмина Е.Ф.</i> Форма мысли и мысль о форме: проблема дефиниции философии и философа	100
<i>Половинкина И.С.</i> Виртуальная реальность и массовое сознание	103
<i>Помников О.И.</i> Проблемы современной практической философии и новая актуальность аристотелевских идей	105
<i>Прокопенко Д.С., Шелюто В.М.</i> Роль архаичного мифа в постмодерне	108
<i>Рубцова И.Н., Емельянова Н.Н.</i> Цивилизации XXI века: кризис идентичности и политического диалога	109
<i>Савицкий В.Ю.</i> Конституирование социальной реальности в русской религиозной философии	112
<i>Северилова П.В.</i> К истории происхождения концепта «грех» в русской культуре	115
<i>Серостанова О.Б.</i> Культурно-символический обмен в информационном обществе ...	118
<i>Соегов Мурадгелди.</i> Абу Наср аль-Фараби был уроженцем какого Фараба: Сырдарьинского или Амударьинского (к 1150-летию со дня рождения великого ученого)	121
<i>Стрельникова Н.И.</i> Проект возрождения русской культуры И.А. Ильина	125
<i>Сухоруких А.В.</i> Образование новой социокультурной стратегии	128
<i>Тимощук А.С.</i> Программа ответственной философии В.А. Кутырёва	131
<i>Тюгашев Е.А.</i> Важнейшие проблемы социально-философских исследований	134
<i>Целик Т. В.</i> Типология русской философии как цивилизационная дихотомия	137
<i>Шатохина Н.П.</i> Страх смерти как «стимулятор» творческой свободы	140
<i>Щербинин А.А.</i> Феномен справедливости в древнегреческой философии	142

Философия на линии фронта

<i>Альмухаметов Р.Ш.</i> Агрессия, насилие, социальная деструкция: междисциплинарное факторное поле	145
<i>Андриенко Е.В.</i> Российское телевидение в контексте информационной войны на Ближнем Востоке	148
<i>Артюхов М.Н.</i> Взгляд на военные действия в Донбассе через произведение А. Солженицына «архипелаг ГУЛАГ»	150
<i>Гайкин В.А.</i> Какой будет третья мировая война и будет ли?	153

<i>Горбань И.И.</i> Донбасс. «Я к войне привыкать не хочу ...»	156
<i>Григорьев И.В., Лищенко И.Ю.</i> Воинская этика А.А. Керсновского	160
<i>Даренский В.Ю.</i> Исторические аспекты теории современной войны Е.Э. Мессенера	162
<i>Иванченко Я.А., Коробов-Латынцев А.Ю.</i> О философии войны в Японии	165
<i>Карпиленя Н.В.</i> Современный философско-геополитический анализ кантовского проекта «к вечному миру»: В проекции Донбасса	168
<i>Коновалов А.Г., Коновалова И.В.</i> Война в неполитическом измерении	171
<i>Коробов-Латынцев А.Ю., Ионов Б.В.</i> «Побеждать уже побежденного»: к вопросу о возникновении информационной войны	175
<i>Кузина Е. А.</i> Взятые меч мечом погибнут	177
<i>Лукин В.Н., Мусиенко Т.В.</i> К вопросу о возможностях экономического сотрудничества как альтернативы милитаризации арктического геополитического региона	180
<i>Ляхов А.В.</i> Священник Павел Флоренский о войне	183
<i>Мальцев К.Г., Ломако Л.Л.</i> Антитеррористическая война: к конструированию понятия	186
<i>Муза Д.Е.</i> Федоровский проект супраморализма и его философские и цивилизационные контрагенты	188
<i>Николаев Н.Ю.</i> «Винный подвиг» или «духовное возрождение»: проблема войны в публицистике И. А. Ильина 1914-1915 гг.	191
<i>Олендарь Н.Е.</i> Библиотека vs. Война. Взгляд на противостояние в свете федоровских идей	194
<i>Прохоров М.Ф.</i> Проблема войны в сознании советских людей в годы нэп (по материалам западного Подмосковья)	196
<i>Ревяков И.С.</i> Н. Бердяев и М. Хайдеггер как традиционалисты: линии пересечения	199
<i>Роцин М.Ю.</i> Альбер Камю о «коричневой чуме»	202
<i>Савицкий В.Ю.</i> Философемы в горниле поэтики: Александр Градский	204
<i>Севостьянов Д.А.</i> Аксиология войны	207
<i>Трухан А.В.</i> Возвращение России в мировую историю: русское идеократическое сознание на пути к универсальному идеалу общественного устройства	210
<i>Чаганова Д.Н.</i> Как возможен справедливый захват земли: концепция общего пространства и философия войны Франсиско де Витории	212
<i>Шульгин В.Н.</i> Насущность русской мысли (на примере Калининграда)	215

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Алова М.Д.</i> Особенности развития учебной мотивации у детей с задержкой психического развития	219
<i>Ангелина Э.А.</i> Место политической картины мира в процессе социализации личности	222
<i>Андреева И. А.</i> Общая характеристика жизненных ориентиров современных старшеклассников	224
<i>Андрюченко Е.В.</i> Трактат личности в буддизме нагарджуны	228

<i>Андрюшкова Н.П.</i> Символические проявления бессознательного	229
<i>Анохина А.С., Богуш О.Д.</i> Влияние зрительной патологии на развитие внимания в дошкольном возрасте	231
<i>Барышева Е.В.</i> Социально-психологические особенности общения молодежи в интернете	234
<i>Барьяхтар О.Ф.</i> Трудная жизненная ситуация: время перемен	237
<i>Безродный В.И.</i> К проблеме измерения уровня психологической готовности к безопасному поведению	240
<i>Бессарабов О.В.</i> Внедрение экспериментальной модели обучения в условиях реализации инновационного проекта «школа как мир»	242
<i>Борисов С.Г.</i> Особенности профессионального самоопределения в подростковом возрасте	245
<i>Вильдгрубе С.А.</i> Самоотношение личности при птср у пострадавших от термических и комбинированных техногенных поражений	248
<i>Вилюжанина Т.А.</i> Босоножество как форма социального эпатажа	251
<i>Голышева Н.В.</i> Сострадание как высшее нравственное чувство и психологическая категория в трудах отечественных психологов	254
<i>Гордеева А.В., Анисимова И.А.</i> Этнические стереотипы и этническая идентичность студенческой молодежи Донбасса	256
<i>Есипова Д.В., Кацера А.А.</i> К вопросу о возможностях развития мыслительных операций у младших школьников с задержкой психического развития	259
<i>Ещенко К.А., Конышева М.Г.</i> Проблемы взаимоотношений личного состава военных училищ в условиях адаптационного периода	262
<i>Иванова Е.М., Устинова Н.В.</i> Личностные особенности и мотивация участников экстремальных видов спорта (на примере мотокросса)	265
<i>Ильина Т.Б.</i> Психологические особенности жизненных отношений военнослужащих	268
<i>Калинина С.Б.</i> Доминирующие ценности как фактор интеграции разных поколений российских военнослужащих	271
<i>Картузова Н.А.</i> К проблеме определения психологических основ функционирования жизнестойкости личности	274
<i>Кацера А.А.</i> Я-концепция лиц с ограниченными возможностями здоровья в период студенчества: актуальность и перспективы исследования	277
<i>Киселева А.В.</i> Городское экологическое образование как новый подход к организации образовательного процесса	280
<i>Киселёва И.В., Ищук В.С.</i> Стилиевые особенности индивидуальности сотрудников органов внутренних дел донецкой народной республики	283
<i>Киселева Д.Е., Кацера А.А.</i> Психологическая готовность к самостоятельной жизни старшеклассников с нарушением слуха	286
<i>Кононенко И.А., Rogozina М.Ю.</i> Факторы стабильности семейной системы в трудной жизненной ситуации	289
<i>Король Н.В.</i> Изучение взаимосвязи временной перспективы личности студентов и толерантности к неопределенности	292
<i>Мазина Н.Е.</i> «Донбасский синдром» как проявление социально-стрессовых расстройств	295

<i>Максименко Е.Г.</i> К вопросу о современном психологическом образовании	298
<i>Марусенко Е.А., Ковалева А.В.</i> Психологическое сопровождение социокультурного развития студентов психологических специальностей	301
<i>Вилюжанина Т.А., Мирза М.Н.</i> Защитные механизмы старшеклассников в условиях военных действий	303
<i>Мороз Т.С., Кучина Т.И.</i> Гендерные различия личностных ресурсов, способствующие совладанию с критическими ситуациями	306
<i>Набатова С.В., Устинова Н.В.</i> Картина мира: анализ подходов и концепций в отечественной и зарубежной психологии	309
<i>Некрасова И.Н.</i> Синергетическая перспектива модернизации современного социально-психологического исследования	312
<i>Оплетина Ю.В., Лучшева Л.М.</i> Взаимосвязь акцентуаций характера подростков со взаимоотношениями в группе сверстников	315
<i>Пазухина С.В., Брежковская К.Ю.</i> Психолого-педагогическая поддержка как условие успешной реабилитации подростков с девиантным поведением в современном культурно-историческом контексте	317
<i>Пигуз В.Н., Ивашко К.С., Изосимова С.А.</i> Компьютерное безмедикаментозное психофизиологическое диагностирование и его роль в современной системе обучения	320
<i>Покотилов Е.Г., Rogozina М.Ю.</i> Одиночество и защитные механизмы творческой личности	323
<i>Пряжников Н.С.</i> Статусы идентичности друзей-психологов в формальном и неформальном общении в контексте общей деградации системы образования и науки	326
<i>Ревуцкая И.В.</i> Факторы, обуславливающие проявления негативных психических состояний у дошкольников	329
<i>Руденко С.В.</i> К вопросу о психологии детского чтения	332
<i>Рядинская Е.Н., Бондарь Л.С., Богрова К.Б., Мощенская А.М.</i> Некоторые системные аспекты педагогического творчества преподавания психологии.....	335
<i>Светличная Н.В., Rogozina М.Ю.</i> Нервно-психическая устойчивость как фактор адаптации военнослужащих к военно-профессиональной деятельности	338
<i>Сизова В.С., Захарова И.В.</i> Ситуация успеха ребенка и приёмы её создания	341
<i>Ситнова И.В., Панина Е.А.</i> Тренинг противостояния групповому давлению в группе курсантов военных училищ	344
<i>Склярченко О.Н.</i> Особенности жизненного мира личности, длительно проживающей в экстремальной социогенной ситуации	348
<i>Соловей В.Д., Лучшева Л.М.</i> Взаимосвязь стратегий выхода из конфликтных ситуаций с акцентуациями характера в пубертатном возрасте	351
<i>Ставропольский Ю.В.</i> Охрана психического здоровья детей в современном Вьетнаме	354
<i>Тимошко Г.В., Тимошко А.А.</i> Психология слухов в работе куратора академической группы	357
<i>Устинов Д.В.</i> Психолого-инструментальная нечеткая иерархическая модель индекса потенциальной криминогенности в подростковой среде	360
<i>Устинова Н.В.</i> Нечеткая иерархическая модель идентификации степени выраженности интуитивного компонента когнитивного стиля	363

<i>Фархутдинова Ю.Н.</i> Проблема развивающего обучения в системе образования ...	366
<i>Филатова Д.С.</i> Ресурсные функции эмоции страха для человека	369
<i>Чеботарева А.И.</i> Визуальная психодиагностика в профессиональной деятельности офицера	371
<i>Черкевич Е.А.</i> Взаимосвязь удовлетворенности жизнью и рефлексивности личности в раннем юношеском возрасте	374
<i>Чикова И.В.</i> К проблеме асоциальности детей и подростков	377
<i>Чуканов Е.В.</i> Особенности монетарных установок молодежи	379
<i>Шайкина Е.А.</i> Некоторые рекомендации по изменению мнения людей при работе с массовым сознанием	382
<i>Шелиспанская Э.В.</i> Трансформация современной детской субкультуры как фактор нарушений психологического благополучия детей	384
<i>Шульга В.В.</i> Социально-психологические аспекты “Донбасского синдрома”	387
<i>Яновская Л.В.</i> Синхрония в аспекте жизненного пути личности	390
<i>Яновский М.И.</i> Групповые защитные механизмы как фактор когнитивных деформаций украинского общественного сознания	393

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2019:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
IV Международной научной конференции
31 октября 2019 г.,
г. Донецк

ТОМ 5
Философские и психологические науки

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Ответственный за выпуск проф. *Т.А. Андреева*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>Н.И. Сухоруких, О.В. Старычева</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР
e-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 16.10.2019 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 23,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 19окт124/7.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.